

Президентская программа Рухнаме



КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТУРКМЕНИСТАНА

(глубинные истоки и современные перспективы)

Президентская программа Рухнаме

Посвящается 9-ой годовщине Независимого Туркменистана

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТУРКМЕНИСТАНА

(глубинные истоки и современные перспективы)

Материалы к международной научной конференции



ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ

Ашгабат — Санкт-Петербург
2000 г.

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ТУРКМЕНИСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПРИ КАБИНЕТЕ МИНИСТРОВ ТУРКМЕНИСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Печатается на основании Постановления Президента Туркменистана № 4638 от 16 апреля 2000 г. О проведении международной конференции «Культурное наследие Туркменистана: глубинные истоки и современные перспективы».

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ
по подготовке и проведению международной конференции
«Культурное наследие Туркменистана:
глубинные истоки и современные перспективы».
10—13 октября 2000 г.

Сапармурат ТУРКМЕНБАШИ (председатель);
В. М. Массон (зам. председателя);
Б. О. Шихмурадов (зам. председателя);
О. Айдогдыев;
М. Айдогдыев;
М. Б. Оразов.

Главный редактор — *В. М. Массон*.

© Организационный комитет, 2000
© Европейский Дом, 2000

ISBN 5-8015-0083-9

“Ruhnama” — Prezident maksatnamasy

Garasşyz Türkmenistanyň 9 ýyllygyna bagşlanýar

TÜRKMENISTANYŇ MEDENI MIRASY

(gadymy çeşmeler we häzirki zamanyň mümkinçilikleri)

Halkara ylmy konferensiýasyna niýetlenen maglumatlar



EVROPEYSKIY DOM

Aşgabat — Sankt-Peterburg

2000 ý.

TÜRKMENÝSTANYŇ DAŞARY ÝŞLER MÝNÝSTRLÝGÝ
TÜRKMENÝSTANYŇ MÝNÝSTRLER KABINETINIŇ TARYH ÝNSTÝTUTY
RUSSÝIANYŇ YLYMLAR AKADEMÝIASYNYŇ
MADDY MEDENÝIETÝŇ TARYHY ÝNSTÝTUTY

Türkmenistanyň Prezidentiniň 2000-nji ýylyň 16-nji aprelinde çykaran № 4638 «Türkmenistanyň medeni mirasy we häzirk zamanyň mümkinçilikleri» atly halkara konferensiasyny geçirmek baradaky karary esasynda neşir edilýär.

«Türkmenistanyň medeni mirasy:
gadymy çeşmeler we häzirk zamanyň mümkinçilikleri»
atly Halkara konferensiasyny taýýarlamak we geçirmek baradaky
GURAMAÇYLYK KOMÝTETÝ
2000-nji ýylyň 10—13-nji oktyabry

Saparmyrat TÜRKMENBAŞY (başlyk);
W. M. Masson (başlygyň orunbasary);
B. O. Şyhmyradow (başlygyň orunbasary);
O. Aýdogdyýew;
M. Aýdogdyýew.
M. B. Orazow.

Baş redaktor — *W. M. Masson*.

© Guramaçylyk komýtetý, 2000
© Evropeyskiy Dom, 2000

ISBN 5-8015-0083-9

The Rukhname Presidential Program

Dedicated to the 9th Anniversary of Independent Turkmenistan

TURKMENISTAN CULTURAL HERITAGE

(the remote sources and modern perspectives)

Materials for the international scientific conference



EVROPEYSKIY DOM

Ashgabat — St.-Petersburg

2000

MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS OF TURKMENISTAN
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF CABINET OF TURKMENISTAN
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Published according to the Decree of the President of Turkmenistan
No. 4638, April 16, 2000, On Conducting the International Conference
«Turkmenistan Cultural Heritage: remote sources and modern perspectives».

ORGANISATIONAL COMMITTEE
for the preparation and conduction of the International Conference
«Turkmenistan Cultural Heritage: remote sources and modern perspectives».
10—13 October, 2000.

Saparmurat TURKMENBASHI (the chairman);
V. M. Masson (vice-chairman);
B. O. Shikmuradov (vice-chairman);
O. Aydogdyev;
M. Aydogdyev;
M. B. Orazov.

Editor-in-chief — *V. M. Masson*.

© Organisational committee, 2000
© Evropeyskiy Dom, 2000

ISBN 5-8015-0083-9

«Рухнаме не собрание золотых грёз, не волшебная сказка. Это книга, прославляющая труд, чистоту помыслов, любовь к родине во всей её исторической протяженности. ... Туркменистан сегодня не может жить в отрыве от государств, не может жить только своими обычаями и традициями. Мы обязательно должны стать частью мирового сообщества. А раз так, то обязаны принять общие правила. Но принять, привязав их к нашим национальным корням и только на этой основе всё строить».

С. А. Ниязов

Разработка одиннадцатилетней программы экономического развития создаёт надёжный фундамент для дальнейшего благоденствия и процветания народов Туркменистана. Это развитие должно быть разнообразным и всесторонним. Поэтому была предложена программа Рухнаме, своеобразный культурно-нравственный кодекс нации как комплексный план содействия развитию культуры, образования и науки. Рухнаме призвана развивать культуру и образованность народа Туркменистана, содействовать созданию новых культурных ценностей. Это, наряду с успехами в сфере экономики, должно обеспечить сбалансированное развитие страны. При этом очень важно глубоко осмыслить прошлое туркменского народа, показать как формировался туркменский народный характер, сохранялись и развивались местные традиции и обычаи. Весьма важно для дальнейшего развития культуры Туркменистана соединение национальных традиций и достижений мировой цивилизации.

Особенно важна массовая народная культура, которая является важнейшей составной частью культурного наследия. Она живуча как и сами народы и её не в силах были полностью прервать ни опустошительные завоевания, ни политические перемены.

Туркменистан принадлежит к числу стран, чьё культурное наследие насчитывает не одно тысячелетие. Первые земледельцы и скотоводы и первые глинобитные дома, составляющие основу народной архитектуры, появились здесь восемь тысяч лет назад. Как известно, история развивается неравномерно, в ней бывают периоды замедления и упадка. Культурное наследие Туркменистана насчитывает несколько таких пластов, из которых весьма важен парфянский пласт, а затем, безусловно, культурное наследие эпохи Сельджукидов. Несмотря на все невзгоды и перепады, традиции народа сохраняли своё значение, хотя несколько менялись и сформировались новые культурные и поведенческие особенности.

Надеемся на успешную работу конференции, которая поможет всем народам достойно развивать свои национальные традиции в XXI веке.

ОРГКОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

«Rukhname is not a collection of golden dreams, not a fairy tale. It is a book glorifying labour, the purity of thoughts and love for Motherland throughout its whole historical length. ...Turkmenistan now cannot live in isolation from other states, cannot live only by its own customs and traditions. We must necessarily become a part of the world community. Hence we should accept the common rules, but accept them in binding with our national roots and only on this basis should we build everything».

S. A. NIYAZOV

The elaboration of the eleven-year program of economic development creates a solid foundation for the farther well being and prosperity of the peoples of Turkmenistan. This development shall be diverse and universal. Thus «Rùh-nameh» program was introduced as an original cultural and moral code of the nation, as a comprehensive plan to promote the development of culture, education and science. The purpose of «Rùh-nameh» is to develop culture and education of the people of Turkmenistan, encourage the creation of new cultural values. All this, along with the economic achievements shall provide a balanced development of the country. Along with that, it's very important to have an inner understanding of Turkmen past, to show how Turkmen national character was formed, how local traditions and customs were preserved and developed. It's very important for the further development of Turkmenistan to combine national traditions and to attain the world's civilization.

The mass culture of a nation, which is one of the main elements of a cultural heritage — is of a major importance. It's as tough as the nations themselves and no devastating conquests or political alterations have been ever able to totally exterminate it.

Turkmenistan stands among the countries with an ancient cultural heritage. First farmers and cattle-breeders, as well as the first constructions made of sun-dried bricks, which instituted the basis of the national architecture emerged here 8 thousand years ago. As it is well known the history develops irregularly, and there are the periods of deceleration and decline. The cultural heritage of Turkmenistan encounters several such layers, among which the Parthian and Seljuk periods are probably the most important. Regardless of all changes and hardship the traditions of the nation have preserved their significance, although there were changes and new cultural layers and behavioral paradigms were formed.

We look forward to the successful work of the conference, which will help all nations to develop their national traditions with dignity.

ORGANIZATIONAL COMMITTEE

I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

В. М. МАССОН (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТУРКМЕНИСТАНА В ИСТОРИИ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Подобно некоторым другим странам Туркменистан был одним из центров, где происходили процессы, имевшие эталонное значение для всей истории мировой культуры. Особенно ярко это видно на примере богатого и разнообразного культурного наследия страны. Широкое понятие «культурное наследие» включает в себя и материальную культуру, и явления интеллектуального блока и традиционной личностной психологии как составной части народного менталитета. Значение блока культурного наследия для изучения истории народов исключительно велико. Распространённая идентификация этногенеза и глоттогенеза является явной методологической недоработкой. Для полного и всестороннего рассмотрения вопросов истории народа необходимо использовать целый ряд информационных блоков, в первую очередь, культурогенеза, а также данные антропологии. Как известно, для исторического процесса характерна не однолинейность, а сложный, внутренне противоречивый путь развития с периодами замедления, деструкции и даже деградации. Перепады в ритмах культурогенеза вызываются целым рядом причин, в том числе, социальными процессами и политической или прямо военно-политической ситуацией. Именно стабильность и преемственность культурного наследия обеспечивает устойчивость в таких экстремальных ситуациях. Это особенно ярко проявляется в материальной культуре. Преемственность и традиционализм представляют собой базисные генетические факторы оседлых оазисов и городского образа жизни. Подавить эти факторы не удалось даже целенаправленному прессингу военной машины монгольского завоевания.

Этот материальный традиционализм проявляется и в обществах, основанных на степном образе жизни и номадизме, связанном с определённым набором артефактов, известных по материалам археологии. Материальная преемственность через устойчивый набор артефактов, привязанных к степному образу жизни и номадизму, проявляется в зоне евразийских степей в течении всех лингвистических перемен, из которых наиболее значительным было распространение языков тюркской лингвистической группы.

Важным моментом прогрессивного развития является творческое взаимодействие культур и цивилизаций. Зоны естественной или искусственной изоляции, которая может быть и политической, не ведут к творческому обогащению, могут способствовать отставанию от процессов мировой культуры.

В Туркменистане могут быть прослежены несколько пластов культурного наследия, разделяемых в условиях ритмов культурогенеза периодами перепадов и замедленного развития.

Первый такой пласт относится ко времени развития раннеземледельческих обществ и первых цивилизаций древневосточного типа. Туркменистан входил в число центров, где рано проявились кардинальные перемены в истории и культуре, связанные с переходом к земледелию и скотоводству. Джейтунская неолитическая культура VI тыс. до н. э. входила в блок ближневосточных культур этого типа и положила в Туркменистане начало уверенной эволюции раннеземледельческих обществ, развивающихся по тому же типу, что и месопотамские общества. Это развитие завершилось в бронзовом веке формированием раннегородской цивилизации Алтын-Депе.

В эту эпоху сформировался целый ряд явлений, сохранивший из многие столетия значение как важнейший компонент культурного наследия Туркменистана. Такова, прежде всего, глинобитная архитектура как оптимальная форма строительной адапта-

ции в условиях жаркого аридного климата. Коллективность земледельческих общин, основой экономики которых был общий труд, вели к формированию таких особенностей менталитета как атмосфера доброжелательного соседства. В интеллектуальной сфере, наряду с общим развитием взаимодополняющих друг друга идеологической и художественной деятельностью, формируются тенденции мифологического и эпического наследия, в частности, особая роль древнего тотема горного козла — тау-теке, образ священного быка, образ трёхглавого дракона-аждархо. Будучи важным центром культурного развития в системе центральноазиатского и средневосточного регионов, общество древнего Туркменистана в полной мере реализует функцию взаимодействия культур и цивилизаций, на селективной основе использует общемировые культурные эталоны, выработанные цивилизацией Месопотамии. Система орнаментации позднеэнеолитической керамики и трёхцветная гамма (красный, чёрный, кремевый) показывает, что она заимствована от двусторонних узоров, вырабатываемых в ткачестве. И гамма, и орнаментация могли служить прообразом позднейшего коврового искусства. В пору позднего энеолита Туркменистан стал центром расселения раннеземледельческих общин с культурой типа Геоксюр-Кара-Депе на территорию верхнего Зеравшана (Саразм), восточного Ирана (Шахри-Сохте). Культурные связи могут быть прослежены вплоть до северо-западного Индостана. Эти индийские связи получили устойчивое развитие в пору существования цивилизации Хараппы. Традиции цивилизации Алтын-Депе проявились при формировании во II тыс. до н. э. новых очагов цивилизации в Маргиане и Бактрии. Это свидетельствует о значительном потенциале пассионарности древних туркменистанских центров, стимулировавших развитие культуры в соседних областях. Завершается эта эпоха бесспорным перепадом в культурном развитии, ярким проявлением ритмического характера процессов культурогенеза.

Второй важнейший пласт культурного наследия Туркменистана связан с парфянской эпохой. Начав свой путь как одно из небольших государств древней политической системы, Парфия постепенно превратилась в одну из четырёх великих держав древнего мира. Свою историческую миссию Парфия выполнила, остановив на месопотамских рубежах в тяжёлом противоборстве агрессию римских лидеров, мечтавших, повторяя подвиги Александра Македонского, достичь Бактрии и Индии. В плане культурогенеза важнейшей особенностью парфянской эпохи для её основных земель стало органическое соединение культурных традиций оседлой цивилизации и форм, сложившихся в условиях степного образа жизни, привнесённого в процессе продвижения значительных масс населения, выходцы из которых, к тому же, заняли положение политического лидерства. Этот процесс начался ещё во II тыс. до н. э., когда продвинувшиеся на юг племена степной бронзы инкорпорировались в состав населения местных городов, оказав заметное влияние по крайней мере на культово-идеологическую практику.

В сфере материальной культуры парфянское наследие проявилось в различных сферах. Таковы некоторые детали архитектурного декора в виде капителей ионического облика, представленных в народной архитектуре горных районов Туркменистана или декоративные зубцы во внутреннем убранстве строений, в частности, тяжёлых очагов-каминов. Парфянские ковры, о которых упоминают письменные источники, скорее всего, также соединили традиции ткацкого ремесла оседлых оазисов и изделий из шерсти, типичных для степного образа жизни. Как известно, именно в среде кочевников был выведена порода стройного быстроаллюрного коня, к числу которых принадлежали и знаменитые парфянские кони. Эти традиции скакового коневодства также бесспорны. С ними связаны и особые формы менталитета, когда вооружённый всадник степей является личностью, ориентированной в значительной мере на индивидуальные формы поведения, будь то культовая практика или подчёркнутая независимость. Истоки этих форм менталитета были впоследствии закреплены неоднократными включениями в состав оседлого населения представителей степного культурного наследия, будь то тюрки ранне-средневековой эпохи или сельджуки более позднего времени. Политическим успехам

Парфии безусловно способствовала импульсивная пассионарность парфян. На западе отряды парфянских всадников проникали в Сирию и Малую Азию. На востоке, в пределах северо-западного Индостана представители парфянской элиты создали независимое государство, так и именуемое современными историками индо-парфянским. Важным вкладом Парфии в мировую историю было утверждение традиции использования организованной кавалерии в военном деле. Тяжеловооружённые всадники, свойственные обществам степных номадов, после выхода Парфии на арену мировой истории, стали неотъемлемой частью военного искусства.

Вместе с тем, нельзя сказать, что парфянская эпоха оставила надёжные традиции в политической сфере. Значительное влияние племенной аристократии, неотработанность вопросов престолонаследия, свойственная кочевым империям и традиционно проявившаяся в парфянском государстве, ослабляли стремления к централизации и, в конечном итоге, способствовали крушению Парфии как мировой державы.

Третий пласт культурного наследия явственно связан с сельджукской эпохой. Продвинувшиеся на юг первые кочевые группировки туркмен-огузов, возглавленные военно-кочевой знатью, не только установили свою власть над Хорасаном, но распространили гегемонию на весь Ближний Восток до Малой Азии включительно. Новое политическое объединение в пору своего расцвета в XI — первой половине XII века недаром получило у историков наименование государства Великих Сельджуков. В материальной культуре для Туркменистана это был период расцвета городского образа жизни восточного мусульманского средневековья. Культурное наследие этой эпохи не является чем-то выкапываемым археологами из-под оплывших руин, а монументальной реальностью сохранившихся до наших дней памятников сельджукской архитектуры хорасанской школы. Они составляют неотъемлемую часть культуры современного Туркменистана. Особого внимания заслуживает подъём интеллектуальной сферы науки и литературы в основных городских центрах, особенно бывшими резиденциями правящих султанов. Это было результатом целевого меценатства, прямой поддержки учёных и деятелей культуры политическим руководством. Напористая пассионарность туркмен, возглавленных Сельджуками, как и в парфянские времена, способствовала распространению власти нового государства на обширных пространствах от Малой Азии до границ Индостана. Вместе с тем, как и в Парфии здесь не сложилось государство строгой централизации. Самолюбие членов правящей династии, не сдерживаемое чётким законодательством по вопросам престолонаследия, вело к распаду на мелкие независимые политические владения. В конце эпохи, действительно представлявшей собой пик урбанизированных начал, в культуре наступает резкий перепад, созданный погромами монгольского завоевания.

Особого внимания и обстоятельного целевого изучения заслуживает период позднего средневековья, особенно, XVII—XVIII века. В политической ситуации прослеживается тенденция к превращению Туркменистана в буферную зону военно-политических противоборств, чему способствовало и отсутствие в среде многоплеменного населения единого политического начала. Это отрицательно сказывалось на культуре во всех её проявлениях. Именно в этот период пришёл в окончательное запустение древний Мерв. Вместе с тем, нельзя не видеть и определённое сохранение традиций городской жизни и присущих ей культурных комплексов, хотя и не достигающих качественных высот сельджукской эпохи. Производилось изучение позднетуркменских центров городского облика в Анау и на городище Пештак у Каахка. Недаром как региональный центр Мерв сменяет вновь формирующиеся Мары. Формируется туркменская интеллектуальная среда, ярким проявлением чего стал феномен Магтымгулы. Всё это лишний раз свидетельствует о стойкости культурных традиций: они сохраняют тенденцию к преемственности культурного наследия как единого массива. Его составляющие пласты являются надёжной основой дальнейшего развития в условиях новых политических реалий, направляемых Президентом Туркменистана С. А. Ниязовым на прямую поддержку науки и культуры.

V. M. MASSON (ST.-PETERSBURG)

THE CULTURAL INHERITANCE OF TURKMENISTAN IN THE HISTORY OF THE WORLD CIVILISATION

Like some other countries, Turkmenistan was one of the centres where the processes which serve as a standard for the history of the world culture took place. The rich and varied cultural inheritance of the country is the most vivid manifestation of this. It is of an extremely high importance for the history of peoples. It is possible to trace several layers of the cultural inheritance in Turkmenistan. The first one is related to the period of the early agricultural societies and civilisations of the ancient eastern type (6th — 2nd mil. BC). Turkmenistan belonged to the number of centres where the cardinal cultural transformations connected with the adoption of agriculture and cattle-breeding were manifested early. The development of the local early agricultural societies resulted in the formation of an urban civilisation which was included into the system of the ancient eastern ecumene. The most important component of the cultural inheritance of this period is the mud-brick architecture as the optimal form of building adaptation in a hot arid climate.

The second important layer of the cultural inheritance of Turkmenistan is connected with the Parthian epoch. The major feature of the cultural genesis during that period was a synthesis of traditions of the settled and steppe-dwelling life modes. The forms retaining their significance till now, e. g. carpet-making, breeding of swift-pace horses and the mentality of an individualised person, have developed. The passionary vein of the energetic steppe-dwellers promoted the military and political gains throughout an area from the eastern Mediterranean as far as the western Hindustan where an independent state called «Indo-Parthian» by modern historians was formed. Turkmenistan composed a part of the original nucleus of a small Parthian state which later became one of the four great empires of the ancient world.

The third layer of the cultural inheritance is undoubtedly connected with the Seljuk period. The synthesis of the settled and nomadic traditions was continuing and being fixed through linguistic changes. The energetic passion of Turkmen tribes, like in the Parthian times, embraced the territory from Asia Minor as far as borders of Hindustan. The formation of the Great Seljuks' empire became the political peak. As concerns the cultural genesis it was a period of flourishing of the urban mode of life both in the material and intellectual spheres promoted by the patronage of Seljukian sultans. Monumental architectural sites of the Seljukian period are a component of the modern Turkmenian culture. Certain stagnation and decline in the late medieval period have not resulted in the complete extinction of the ancient cultural traditions. The late Turkmenian urban centres — Anau and Peshtak near Kaakhka — are evidence of this. The development of the Turkmenian intellectual media continued and Magtymguly became a vivid phenomenon of it.

С. Н. ИКОННИКОВА (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ОСНОВА ИНТЕГРАЦИИ НАРОДОВ

Пространство является жизненной и социокультурной сферой общества, «вместилищем» и внутренним объёмом культурных процессов, необходимой формой человеческого Бытия. Оно включает ареалы распространения самобытных и уникальных культур народов мира, сохраняющих неповторимый узор традиций и контактов, общих и особенных свойств человеческой культуры, исторического прошлого и современности.

Культура всегда существует как «дробное множество», объединённое в целостную систему, где все регионы взаимно дополняют друг друга, создавая силу энерге-

тического притяжения. Культурное пространство может способствовать интеграции, объединению и сплочению народов. Эта функция имеет позитивную направленность, ибо усиливает духовные возможности человека. Образ культурного пространства воплощён в «Мировом Древе жизни», имеющем глубокие корни, общий ствол и разветвлённую крону.

Инфраструктура культурного пространства многомерна и разнообразна. Она включает ареалы распространения национально-этнических языков общения, традиционные формы бытового и хозяйственного уклада, распорядок повседневной жизни, приёмы воспитания детей и взаимоотношения между поколениями, ритуалы и обычаи, народную кулинарию и праздники. В нём сохраняют свою привлекательность архитектурные ансамбли городов и сельских поселений, региональные центры профессионального и прикладного искусства, религиозные храмы и обряды, природные заповедники и исторические культурные ландшафты, места памятных событий.

Знаменитые университетские комплексы, уникальные коллекции в музеях, спорт и искусство, наука и религия усиливают притягательность культур, вызывают движение путешествующих паломников, стремящихся понять мир иной культуры. Культурное пространство — это «Дом», жизненная среда повседневного обитания людей. В нём они живут, общаются между собой, учат детей и работают, посещают храмы, отдыхают и развлекаются. Оно выполняет сакральную функцию объединения и родственной близости, в нём ищут защиту от невзгод, сочувствие и поддержку. Люди любят «Дом» прочный и безопасный, надёжный и открытый, добрый и тёплый, красивый и интересный. Атмосфера доброжелательности — особенно важная черта культурного пространства как «семейного гнезда», «малой родины», спасительного «ковчега». Эти образы закрепились в архетипах культуры. Духовная оторванности от «Дома», утрата духовной связи и близости, запущенность и равнодушие к месту обитания порождают чувство бездомности, бесприютности, душевного опрошения.

Культурное пространство это — национальное достояние, оно поддерживает чувство гордости и идентичности в самосознании народа. Оно способно преодолевать политические кордоны и запреты, экономические трудности общения. Разрозненный мир обретает единство в культуре. Оно стимулирует контакты и духовные связи, подерживая интерес друг к другу, стремление к взаимному пониманию.

Однако было бы неверным представлять, что культурное пространство нейтрально по отношению к политике. Прагматизм и утилитаризм, материализм, пренебрежение историческим прошлым, распространение массовой культуры и духовного примитивизма нанесли большой ущерб культурному пространству России. Знаменитый философ и художник Н. К. Рерих, автор Пакта защиты культурных ценностей, предупреждал об опасности «тихих погромов», которые уничтожают культурное наследие, унифицируя пространство. Разрушение городских и сельских храмов, осквернение исторических памятников, засорение национального языка, беспорядочность застройки и захлапленность территорий, загубленные водоёмы и мертвые ландшафты, безжалостное уничтожение старинных жилых кварталов, пренебрежение к национальным истокам и традициям — всё это печальные результаты не только варварства, но и попустительства политики. Потребуется немало сил и времени для того, чтобы изменить отношение к среде обитания.

В некоторых странах существует опасность изоляционизма, установить «железный занавес», сократить культурные контакты, возвести крепостные стены, чтобы сохранить автономное существование. В основе такой политической ориентации заложен архетип «чужого как врага», общение с которым неизбежно приведёт к деформации самобытной культуры. Подобных экспериментов в культурной политике было немало. Но все они кончались печально, ибо неизбежно вызывали отставание от процессов в мировой культуре, усиливали провинциализм, создавали комплекс неполноценности или чрезмерной самоуверенности.

Культура лишалась источников динамического развития, уменьшались силы энергетического притяжения между регионами, делая их обособленными и замкнутыми. Эта «рассеивающая» функция культуры значительно ослабляет и тормозит возможности интеграции народов, их стремление к взаимопониманию и согласию. Изоляционизм так же опасен, как и унификация, стирающая своеобразие культур. Искусственное разъединение сужает сферу культурного пространства, нанося ущерб духовной жизни народов и поколений.

Культурные контакты — живой и естественный диалог культур, который происходит повседневно, в будни и в праздники, ибо его основой является интерес к культуре разных народов, стремление к пониманию друг друга, обогащение культурными ценностями. Но ситуация диалога не всегда складывается стихийно. Она требует особого внимания и поддержки, объяснения различий и преодоления высокомерного возвышения одних культур и пренебрежения к другим. Разделение в культурном пространстве на «своих и чужих» вызывает взаимную неприязнь, склоки, ссоры и создаёт ситуацию конфликта, который увеличиваясь может стать «горючим материалом», провоцируя социальную и психологическую агрессию. Поэтому столь велико значение культурной политики просвещения и сотрудничества между народами.

Культурное пространство отличается лишь относительной стабильностью. Под влиянием «волн» культурных контактов и других динамических процессов, оно меняет свои очертания, расширяется или сужается, насыщается новыми ценностями и культурными символами, освобождается от старого, отжившего свой исторический срок и в то же время реанимирует, реставрирует, возрождает старину, органично включая её в современность.

Культурное пространство пульсирует, «дышит» как живой организм, обладая аурой магнетического притяжения для всех живущих поколений. Именно этим объясняется паломничество к мировым культурным центрам древних цивилизаций, желание насладиться живой красотой памятников культуры. Культурное пространство обладает «пористой» структурой, благодаря которой реликтовые пласты способны подняться по внутренним «лифтам» в современность и включиться в культурный процесс. Пути их движения и подъёма из глубин древности трудно предсказуемы и часто не поддаются рациональному объяснению. Это подтверждает мысль английского антрополога Э. Тайлора о том, что прошлое в культуре никогда не становится «слишком старым». Оно вызывает интерес современников, расширяет диапазон культурных ценностей.

Культурное пространство имеет не только внешние контуры, но расположено внутри духовного мира личности. Этот пласт особенно важен, ибо определяет мотивацию человека в мире культурных ценностей: любовь или безразличие, желание «обустроить» жизнь, внести свой вклад в культуру или с агрессивной злобой разрушать то, что создано трудом и волей поколений. Человек всегда находится в центре культурного пространства и от его усилий зависит состояние культуры как национального достояния.

Культурные контакты влекут за собой целый комплекс перемен в сознании и поведении человека, изменяя образ жизни и ментальность, создавая новые черты в его духовном облике.

S. N. KONNIKOVA (ST.-PETERSBURG)

CULTURAL SPACE AS THE BASIS OF INTEGRATION OF PEOPLES

Space is a living and socio-cultural sphere of a society, the «receptacle» and the inner volume of cultural processes, an indispensable form of the human Existence. It includes areas of the dissemination of distinctive and unique cultures of peoples of the world which retain a specific pattern of traditions and mutual contacts, of the common and peculiar features of the human culture, of the historical past and present.

Culture has always existed as a «subdivided aggregate» united into an integral system in which different regions mutually supplemented each other creating a force of energetic attraction.

Cultural space may contribute to the integration, unification and rallying of peoples. Such a function is positive because it enhances the spiritual abilities of man. The image of cultural space is personified in the «World Tree of Life» which possesses deep roots, a common trunk and a ramified crown.

В. И. Кузицин (Москва)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНЕГО МИРА И СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

1. Современная цивилизация не стоит на пустом месте. Она вырастает из предшествующего развития, будь это отдельная нация или человечество как сложная совокупность наций и народов. Исторический опыт показывает, что нет бесплодных народов. Каждый народ вносит свой больший или меньший вклад в сокровищницу мировой культуры, участвует в создании основ современной цивилизации как целого.

Для формирования основ современной цивилизации огромное значение приобрел тот комплекс открытий, институтов, учреждений, идей и культурных достижений, которые оставили нашим современникам народы Древнего Востока и античного Средиземноморья. Можно наметить несколько магистральных направлений в развитии мировой цивилизации, в которых фиксировались достижения древних народов в областях экономической жизни, социальных взаимоотношениях, политических институтах, культурной и религиозной сферах.

2. В области экономической жизни в рамках античной древности были заложены в странах Древнего Востока основы ирригационного доходного земледелия, производственно освоены основные продовольственные культуры, правила культурного скотоводства, целого ряда уникальных ремесленных производств, например, шёлка, хлопковых и льняных тканей, широкомасштабной караванной торговли, как например, Великий шёлковый путь. В странах античного Средиземноморья греки и римляне создали высокодоходное земледелие с элементами товарного хозяйства, предпринимательское ремесленное производство в городах вплоть до мануфактурного разделения труда, освоили особый тип товарно-денежного обращения. Многие основы ирригационного земледелия и караванной торговли на Востоке, элементы товарно-предпринимательской экономики в античном Средиземноморье стали составной частью современной экономической жизни.

3. В области социальных взаимоотношений древневосточное и античное общество подают нашей современности ценный исторический опыт регулирования возникающих социальных конфликтов разного уровня: глубинных конфликтов между классами богатых и бедных, противоречий между земельной знатью и предпринимательскими слоями, между жречеством и светской аристократией. Великим достижением античности стало оформление элементов такой развитой социально-политической структуры как гражданское общество, т. е. общество, состоящее из граждан (а не подданных), наделённых неотъемлемыми правами человека и гражданина, выведенными из поля чиновничьего произвола и защищённых законом. Многие элементы античного гражданского общества воспроизведены в расширенном виде в современном гражданском обществе наиболее развитых стран нашего времени.

4. В области политических отношений и институтов восточная и греко-римская древность оставила нашей современности обширное наследие. Сочинения Конфуция, «Архашастра» Каутилы, «Наставление везиру» египтянина Рехмира вполне могут быть важными пособиями для современных политологов. Величайшим достижением политической мысли и государственной практики древности стала разработка и реали-

зации в античных исторических условиях республиканской формы государственного устройства и его высшей формы — демократии. Древние греки ввели в жизнь само понятие демократии как власти народа, дали ей глубокую теоретическую разработку (в трудах Фукидида, но особенно Аристотеля). В трудах античных мыслителей Платона, Аристотеля, Полибия, Цицерона было разработано теоретическое понятие гражданина, как носителя неотъемлемых прав, закреплённых законом, а римское право дало детальную разработку прав гражданина как юридической категории. Именно полноправный гражданин (а не бесправный подданный), по их мнению, является самой надёжной опорой республики и демократии. К глубоким идеям и государственным институтам демократии европейские народы вернулись лишь в слабой мере в XIX веке, в полной мере — только в эпоху нашей современности.

5. Особенно выдающийся вклад внесли древние народы в культурное развитие человечества. В странах Древнего Востока были разработаны все виды письменности, включая алфавитную, затем усовершенствованную греками и римлянами. Гениальные «Эпос о Гильгамеше», «Рассказ Синухета», Ветхий Завет Библии, Священная книга иранцев «Авеста», грандиозные эпические поэмы древних индийцев «Махабхарата» и «Рамаяна», потрясающие воображение египетские пирамиды, вавилонские зиккураты, урартские скальные крепости, грандиозные дворцы ассирийских царей, сложные философские системы древних индийцев, конфуцианство и даосизм прочно вошли в ткань культуры современных восточных народов и в сокровищницу мировой цивилизации. А замечательная античная культура, по общему признанию и специалистов, да и всех культурных людей, стала подлинной основой современной европейской культуры. Карта современного звездного неба носит греческие и латинские названия. Почти вся медицинская и международная юридическая терминология носит латинские названия, современная формальная логика — это логика Аристотеля. Ученики современных средних школ учат геометрию по Эвклиду, законы Архимеда и теорему Пифагора. Выпускники медицинских вузов всего мира дают клятву Гиппократу. Каждые четыре года весь современный мир следит за Олимпийскими играми, которые официально считаются как бы продолженными и восстановленными древними Олимпийскими играми. Современный мир унаследовал замечательный греческий театр, а современные режиссеры ставят пьесы древних авторов Эсхила, Софокла, Эврипида, Аристофана.

О. АЙДОГДЫЕВ (АШГАБАТ)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ПРАКТИКА КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ

Современный мир характеризуется всеобщим стремлением к сохранению и познанию культурных и духовных основ общества, а также воссозданию на их основе новой парадигмы культуры. Культура и духовные факторы становятся важнейшим критерием развития и социального прогресса современного общества.

Усиление подобных тенденций в нынешнюю — постиндустриальную эпоху отнюдь не случайность. Оно продиктовано закономерностью развития самой цивилизации. Жизнь показала, что несмотря на невиданные достижения современного человечества в рукотворных областях человеческой деятельности — в экономике, научно-техническом прогрессе, промышленной инфраструктуре, информационной технологии и т. д. — современное общество не избавилось от многих социальных пороков, которые порою приобретают глобальные масштабы. В этой ситуации возникает необходимость создания всяческих условий для полноценного возрождения национальной культуры, традиционных этических норм, которые являются испытанными средствами гармонизации межличностных отношений и достижения стабильности в общественной жизни.

Высокоцитимый Президент независимого и нейтрального Туркменистана Сапармурат Туркменбаши с первого дня своей государственной и политической деятельности поставил политику духовного возрождения народов Туркменистана на уровне первоочередных задач общественного строительства. Эта политика имеет свои глубокие научно-теоретические предпосылки и основывается, как он говорил, — на великом историческом наследии туркменского народа, его культуре и обычаях, миротворении и укладе жизни.

Теория цивилизации полностью основывается на положении о том, что главным оценочным критерием общества является культурное наследие и духовные факторы. Именно по содержанию и богатству этих ценностей должно идентифицироваться современное общество.

Главным достоинством любого общества являются его культурно-этические составляющие. В этом отношении те периоды прошлого туркменского народа, когда отсутствовали государственные образования, зато имелись эффективные народно-социальные институты, обеспечивавшие гармонию духовной жизни и устойчивых норм этических взаимоотношений на уровне общественных законов, являются периодами вполне цивилизованного существования. Главным критерием здесь выступает личная свобода граждан, обеспечивавшая реализацию творческого потенциала личности. Социальная жизнь туркмен способствовала созданию собственного стиля во всём: в культуре, искусстве, в хозяйственной и бытовой жизни. Тому свидетельства — уникальные достижения туркменского народа в коневодстве, ковроткачестве, музыкальном искусстве, в поэтическом и народном творчестве и многом другом.

Для стабилизации социальной жизни современного общества большое значение имеют этические нормы, которые у туркмен создавались веками и обуславливались не только условиями, но и законами социальной жизни людей. Туркменское классическое творчество (дестаны, поэзия, эпосы, народные сказания и т. д.) полностью пронизаны мыслью о том, что главное для человека — честь и достоинство, что он должен действовать в рамках общепризнанных норм и правил. Для туркмена немаловажное значение имеет внешнее отражение его поступков. В нём позитивный индивидуализм, столь ценный демократическим рационализмом, успешно сочетался с прагматическим коллективизмом, являющимся гарантом социальной стабильности и гармонизации межличностных отношений. «Наша история показала, — подчёркивает Сапармурат Туркменбаши, — что туркменам изначально свойственны демократические характеристики. Наше общество формировалось под влиянием традиции уважения к личности, к таким вечным ценностям, как честь, достоинство, любовь к родной земле, почтение к памяти предков, открытость, добрососедство». Именно эти качества, по мнению социологов, являются основными компонентами социально прогрессирующего общества.

Всё это позволяет молодому независимому государству построить общество нового типа без копирования чьей-то модели, а исходя из векового опыта национального менталитета и традиций туркменского народа. Этот принцип сегодня заложен и в основу культурного строительства Туркменистана.

За годы независимости в сфере культуры и искусства проделаны значительные преобразования в плане устранения административных ограничений и создания условий для максимального проявления творческих способностей народных талантов, достижения разнообразия форм и содержания культурного творчества. В рамках программы «10 лет стабильности и благополучия», принятой в Туркменистане в 1992 году в качестве обеспечения безболезненного перехода социально-экономического развития от административно-плановых форм к рыночным и демократическим механизмам, культура была взята под опеку государства. Иными словами она, как наиболее уязвимая часть человеческой деятельности, не была брошена на произвол судьбы в процессе проведения рыночных реформ. Одновременно проводя работу по освобождению культуры и искусства от структурных «перегрузок», государство продолжало

финансировать их через местные органы власти, которые самостоятельно определяли свою политику в плане адресного финансирования культурной деятельности и оказания ей материальной и иной поддержки. Государство при этом оставило за собой функции осуществления общенациональной политики в области культуры и искусства и определения приоритетных направлений их развития.

Приоритетным направлением политики государства является реализация программы духовного возрождения туркменского народа. Здесь Президент Туркменистана Сапармурат Туркменбаши исходит из положения о том, что и экономика, и политика в современном государстве выступают как средства построения социально-прогрессирующего общества, в котором духовное должно получить своё естественное воплощение в жизнь.

Для достижения этой цели Сапармурат Туркменбаши выдвигает духовную программу, воплощённую в великой книге «Рухнаме». Здесь должно найти отражение всё истинно ценное, что достигнуто за многие столетия туркменским народом в плане духовно-нравственного обогащения. В последние годы лидер туркменской нации, методично разъясняя суть, основные мотивы, цели и задачи создания Рухнаме, фактически положил начало духовного прогресса, который в новом столетии, по мнению учёных, должен доминировать в мировом процессе развития над техническим прогрессом. Если ранее технический прогресс рассматривался как основа социального прогресса, то теперь он уступает место духовному, так как без него современные глобальные проблемы решаться не могут.

Важным условием развития культуры и искусства в Туркменистане является проведение Президентом Сапармуратом Туркменбаши политики социально-ориентированной рыночной экономики, которая способствует стабильному развитию экономики, увеличению валового национального продукта на душу населения, что стимулирует «производство» культуры и её «потребление» путём выделения всё больших средств на культурные развлечения и на приобретение «предметов» культуры. Государство, отказавшись от тотального управления процессом культурного строительства в пользу политики стимулирования «культурного спроса» и «предложения культуры», выступило в роли спонсора и помощника субъектов, осуществляющих функционирование культурных процессов.

Финансирование культуры в Туркменистане не ограничивается только бюджетными ассигнованиями, доля которых в объёме капитальных вложений за годы независимости значительно увеличилась. Но оно осуществляется и путём такого совершенно уникального метода как предоставление Президентом Туркменистана грантов непосредственно представителям культуры и искусства. Так, только за последние два года значительное количество исполнителей концертных и фольклорных программ, авторы произведений народного творчества, литературы, композиторы, а также наиболее отличившиеся учреждения культуры и искусства получили финансовую поддержку в общей сумме, эквивалентной двум миллионам долларов США. Такой благородный жест со стороны Президента способствует максимальному использованию творческого потенциала деятелей культуры и искусства, стимулирует создание высокохудожественных произведений.

В годы независимости произошёл огромный скачок в создании материально-технической базы культуры и искусства. По инициативе и при непосредственной поддержке Президента Туркменистана построены десятки зданий, оснащённые самой современной техникой. Среди них — Национальный институт рукописей, Национальный музей Туркменистана, Центральный стадион массовых и спортивных игр на 32 тыс. мест, гигантский дворец «Рухьет» на 3 тыс. зрительских мест, амфитеатр.

Туркменистан — страна древней культуры, о чём свидетельствуют многочисленные памятники архитектуры, культуры и искусства. Ведётся планомерная работа по их сохранению и восстановлению.

O. AYDOGDYEV (ASHGABAT)

CULTURAL HERITAGE AND PRACTICE OF CULTURAL BUILDING IN MODERN TURKMENISTAN

Cultural heritage and spiritual factors are the main estimate criterion of society. In the period of statehood absence the such criterion for the Turkmen was the personal freedom, which guaranteed the realization of the individual creative potentiality. The ethical norms worked up during many centuries, today allow to the young state to build a new society without anyone's models copying.

The prior tendency of the state politics is realization of the programme for spiritual revival of the Turkmen people («Rûh-nameh»). The important condition of culture and art development is the carrying out of the politics of social-orientated market-economy. The culture financing in Turkmenistan is limited not only to the budget appreciations, but also is realized by means of the personal grants giving directly to the cultural figures (artists, scientists and others).

During independence period the logistical base of culture and art was very extended and now the government of Turkmenistan realizes the planned work for conservation and restoration of architectural, cultural and art monuments.

М. АЙДОГДЫЕВ (АШГАБАТ)

ТУРКМЕНИСТАН И ТУРКМЭНЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ — РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ МНОГОВЕКОВОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

1. Обретение нашей страной независимости открыло широкие возможности для подлинно научного изучения истории Туркменистана. Огромное значение для развития исторической науки в нашей стране имеет принятое в марте 1993 г. постановление Президента Туркменистана «О создании правительственной комиссии по изучению и объективному освещению истории туркменского народа». Возглавил комиссию Президент Туркменистана С. А. Ниязов. Это показывает, что решение данной задачи было отнесено к числу важнейших проблем общегосударственного значения. Характеризуя функции и роль этой комиссии, глава государства заявил, что ей «предстоит подробно изучить и решить спорные вопросы нашей истории, она раскроет искажённую политикой правду». Создан Институт истории при Кабинете Министров Туркменистана, коллектив которого напряженно трудится над созданием многотомной истории Туркменистана.

2. История Туркменистана берет начало с древнейших времен. Территория Туркменистана является одним из первых очагов человеческой цивилизации. В VI тысячелетии до нашей эры в подгорной полосе Копетдага складывается древнейшая джейтунская оседло-земледельческая культура. К бронзовому веку в Южном Туркменистане относится формирование цивилизации Алтын-Депе.

В 1999 г. памятники Древнего Мерва были включены в «Список мирового наследия» ЮНЕСКО. Мы вправе гордиться тем, что Древний Мера был крупным научным, культурным центром на Востоке, где учились и творили корифеи науки, литературы. Всё это позволяет утверждать, что Туркменистан следует отнести к важнейшим центрам культурно-экономической жизни на Востоке.

3. Туркменский народ имеет все основания гордиться своей славной историей. Научкой показано, что туркмены, их предки испокон веков жили на территории современного Туркменистана. Как показали изыскания, туркмены относятся к европеоидным народам, к антропологическому типу долихоцефалов. Родоначальником турк-

мен древние повествования (дестаны) считают легендарного Огуз-хана. Почитаем в народе и мудрец Горкут-ата.

4. История туркменского народа уникальна тем, что туркмены и их предки создали крупные государства не только на своей исконной земле на территории нынешнего Туркменистана, но и ряд больших и малых государств на Ближнем и Среднем Востоке. Многие государства возглавляли туркменские династии. Это связано, в частности, с несколькими потоками массовых миграций туркмен в другие обширные регионы.

На территории Туркменистана сформировался ряд древних государств. На обширном пространстве распространялись владения Парфянской, Сельджукской и Османской империй. Важную роль в истории сыграли газневидское туркменское государство, государства Гарагоюнлы и Акгоюнлы. На Индостанском полуострове туркменами было создано Бенгальское государство, в Делийском султанате правили туркменские династии Кутбшахов, Халаджей, Туглаков. В становлении государства Великих Моголов видную роль сыграли Байрам Хан Туркмен и его сын Абдурахим. В Иране правили туркменские по происхождению династии Сефевидов, Афшаров и Каджаров.

5. Следует подчеркнуть, что везде, где туркмены возглавляли империи, большие и малые государства, они стремились играть роль честных, справедливых, мудрых, отважных правителей. Они поддерживали науку, культуру, с уважением относились к местным обычаям, религиозным верованиям. Вместе с тем, Сельджукская и Османская державы способствовали распространению и укреплению ислама на Востоке. Был внесён достойный вклад в развитие цивилизации в различных регионах Востока. Происходил процесс взаимообогащения культурного наследия огузо-туркменских племен и культур народов других стран, включённых в новые политические образования.

6. В настоящее время туркмены компактно проживают в таких странах как Ирак, Сирия, Турция, Иран, Афганистан, Пакистан, страны Центральной Азии, входящие в СНГ, Россия (Ставрополье, Астраханская область), Китай. Отдельные представители туркменского народа являются гражданами различных государств европейского и американского континентов. В годы советской власти туркмены мира были лишены постоянных контактов с исторической родиной.

7. Положение коренным образом изменилось в 1991 г., когда руководителем Туркменистана С. А. Ниязовым был предпринят смелый и решительный шаг с целью объединения и сотрудничества всех туркмен земного шара, сохранения национальных традиций и возрождения самобытной культуры. 18 мая 1991 г. по инициативе С. А. Ниязова была созвана 1 конференция туркмен мира. Она приняла решение о создании Гуманитарной ассоциации туркмен мира (ГАТМ). Инициатор создания этой гуманной организации С. А. Ниязов единогласно был избран её Президентом. Важной задачей ГАТМ является глубокое научное изучение истории, современной жизни и культурного наследия туркмен мира. С этой целью в 1994 г. постановлением С. А. Ниязова был создан при Президенте Туркменистана Научно-исследовательский институт по изучению туркмен мира. Были организованы экспедиции в разные страны, в ходе которых собрано немало материалов по истории, культурному наследию зарубежных туркмен, проводились международные научные конференции. Гуманитарная ассоциация вносит свой вклад во всемерное укрепление всесторонних и тесных связей граждан Туркменистана со своими соплеменниками, проживающими за рубежом, не вмешиваясь, естественно, во внутренние дела других стран. Гуманитарная ассоциация ведёт пропаганду за рубежом исторических достижений независимого Туркменистана, мудрой и дальновидной политики лидера нации Сапармурата Туркменбаши.

II. Пути культурных традиций и пласты культурного наследия

К. К. КУРБАНСАХАТОВ (АШГАБАТ)

РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ ЭПОХА ТУРКМЕНИСТАНА — ИСХОДНЫЙ ПЛАСТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

1. Открытие и изучение раннеземледельческой эпохи, как исходного пласта древних цивилизаций на Древнем Востоке в целом и в Туркменистане в частности, было одним из крупных открытий археологии второй половины XX столетия. Новые исследования выявили эпоху сложения и расцвета древнейших земледельческих культур Центральной Азии VII—VI тыс. до н. э. Сменяющие друг друга археологические комплексы показывают реальную картину культурного и технологического прогресса раннеземледельческих обществ.

2. Процесс перехода от присваивающих форм хозяйствования к производящим привёл общество к абсолютно новому образу жизни. Некоторые авторы это событие даже приравнивают к революции в плане произошедших перемен. В результате перехода к экономике нового типа произошло формирование нового образа жизни, который по археологическим материалам чётко фиксируется по двум особенностям: во-первых, стабильное получение продуктов питания путём собственного производства, и, во-вторых, переход к прочному, оседлому образу жизни.

3. Неолитическое общество с производящим хозяйством ярко демонстрирует в Туркменистане джейтунская культура VI тыс. до н. э. В раннеземледельческой джейтунской культуре с переходом к производящей форме хозяйства и прочной оседлости появляется ряд принципиальных инноваций: новые типы орудий труда, связанные с появлением земледелия; отгонное скотоводство и дальнейшее развитие придомного, domestikация новых видов животных; появляется новая, плоскодонная керамическая посуда усложнённой технологии и орнаментацией в виде росписей, а также — зооморфная и антропоморфная пластика. К числу крупных достижений эпохи относится строительное дело, заложившее начало архитектуры. Возможность получения гарантированного достатка продуктов питания, относительная незанятость в зимнее время года от сельскохозяйственных работ дали возможность развивать интеллектуальные стороны жизни. Находки игральные фишки, изготовленных из камня или глины, свидетельствуют об интеллектуальном досуге. Керамическая посуда с мотивами росписи, безусловно, имеющими определённую смысловую нагрузку, зооморфные и антропоморфные статуэтки, специальные культовые здания-святые места — всё это свидетельствует о далеко зашедших эстетических и, самое главное, духовных воззрениях людей эпохи неолита.

4. Факты, полученные при археологических раскопках раннеземледельческих поселений джейтунской культуры, указывают на наличие, в первую очередь, прочной экономической базы общества. Надёжный базис позволял создавать художественные и культурные ценности. Эта интеллектуальная база данных, полученная на заре раннеземледельческого общества, явилась тем самым фундаментом, на который опиралось дальнейшее развитие на пути к первым цивилизациям.

5. Дальнейшее поступательное прогрессивное развитие общества наблюдается в следующую эпоху энеолита. По сравнению с предыдущим периодом основные изменения проявляются в следующих отраслях хозяйственной и культурной деятельности: с появлением металла и за счёт увеличения количества металлических изделий отмечается сокращение числа кремнёвых орудий труда; в керамическом производстве происходит дальнейший прогресс; в домостроении появляется прямоугольный кирпич, услож-

няются и разнообразятся строения; разнообразятся и усложняются домашние промыслы; развивается процесс межплеменного обмена; увеличивается количество терракотовой пластики и вырабатывается определённый статуарный тип и т. п.

6. В период раннего энеолита (комплекс Анау 1А) культурный прогресс наблюдается в целом ряде новшеств, ранее не наблюдавшихся, что было частично связано с инфильтрацией племенных групп из соседних областей. На следующем этапе развития раннеземледельческой анауской культуры (комплекс Анау 1Б-Намазга I) в некоторых категориях артефактов проявляются связи с инновациями периода Анау 1А, хотя чаще основные характеристики уходят своими корнями в исходный пласт неолитической джейтунской культуры.

7. Глубокое осмысление и накопление положительных знаний, которое сопровождало размеренному продвижению и развитию общества в VI—V тыс. до н. э., постепенно, в течение нескольких тысячелетий подвело раннеземледельческие общины к уровню первых цивилизаций.

8. В IV тыс. до н. э. завершается формирование крупных центров, занимающих площадь до 15 га, таких как Геоксюр, Кара-Депе, Алтын-Депе и Илгынлы-Депе, состоящих из многокомнатных домов, в которых обитали большесемейные общины. Появляются обводные стены и достаточно богатая группа захоронений. Терракотовые статуэтки мужчин в шлемах, возможно, олицетворяли военных предводителей. Таким образом общество позднего энеолита Туркменистана находилось на пороге кардинальных изменений, свершившихся в III тыс. до н. э. с возникновением раннегородских центров Алтын-Депе и Намазга-Депе, представлявших собой цивилизации древневосточного типа.

F. T. HIEBERT (USA)

100 YEARS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH AT ANAU DEPE, TURKMENISTAN

The scientific study of ancient world civilizations was greatly advanced nearly 100 years ago by the pioneering research of Professor Raphael Pumpelly in his excavations at the site of Anau, some 15 km east of Ashkhabad. Pumpelly was an American researcher who received one of the first research grants from the newly founded Carnegie foundation of Washington DC, and he choose to work in Turkmenistan, where General Komoroff had previously discovered an agricultural settlement of great antiquity.

Pumpelly's expedition of 1903 and 1904 to Anau was very scientifically advanced for the time, and included botanists, zoologists, geologists, architects and archaeologists. Based upon the analysis of artifacts, seeds and bones from the excavations, the Pumpelly expedition proposed that Anau provided evidence of early domestication and the growth of a unique civilization in Central Asia. The research techniques employed were so revolutionary that many Soviet and Western researchers did not believe the results. However, recent archaeological research at Anau and the Central Kopet Dag region have shown that the early research was correct in establishing Central Asia as the location of one of the most important ancient civilizations in Eurasia.

Archaeological and botanical research at Anau depe shows that while the first farmers of the Djeitun culture (6000 BC) grew barley and emmer wheat, the first bread wheat (white wheat) (*Triticum vulgare*) can be attributed to the Anau 1a culture — the earliest occupational level at Anau. Recent excavations at the oldest part of Anau (Anau north) revealed a vibrant farming society having cultural and commercial interactions with farming communities throughout the greater Near East and South Asia.

Excavations of the Bronze Age reveal that Anau was an important center of Central Asian civilization with similar complex architecture, crafts and arts to that found at the

Bronze Age sites of Altyn depe and Namazga depe. Massive architecture, objects with writing symbols on them and objects of administration and ritual found recently at the south mound at Anau confirm that Pumpelly was correct in defining an «Anau civilization».

Our studies of the Anau region clearly indicate that Central Asian society and civilization flourished. The settlement at Anau north began during the Chalcolithic Anau; spread to the Bronze and Iron age settlement at Anau south, and spread to the classical and medieval settlement at west mound or «gorodishche», where the remains of an important 15th c. mosque are still visible.

Anau is important as one of the great archaeological sites of Turkmenistan and should be preserved as a monument to the ancient culture of the region. The site equally has worldwide importance as one of the most famous sites of archaeological research. 2004 will be the 100th anniversary of scientific research at Anau and we are planning a jubilee for this anniversary.

Ф. ХИБЕРТ (США)

СТО ЛЕТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИЗЫСКАНИЯМ НА ПОСЕЛЕНИИ АНАУ В ТУРКМЕНИСТАНЕ

100 лет назад научное изучение древних мировых цивилизаций весьма продвинулось благодаря передовым исследованиям профессора Рафаэля Пампелли на поселении Анау, расположенном в 15 км к востоку от Ашхабада. Пампелли был американским исследователем, который получил один из первых научных грантов от недавно основанного тогда фонда Карнеги в Вашингтоне, и он выбрал для работы Туркменистан, где генерал Комаров ранее открыл поселение древних земледельцев.

Экспедиция Пампелли 1903—1904 гг. для своего времени была весьма хорошо и комплексно организованной и включала ботаников, зоологов, геологов, архитекторов и археологов. Эта экспедиция была первой в истории археологии, предпринятой с целью исследования древнего поселения на столь высоком научном уровне. Эти исследования были настолько революционны, что многие советские и западные учёные в своё время не в полной мере оценили полученные результаты. Тем не менее, более поздние археологические исследования на Анау и в регионе Центрального Копетдага показали, что в процессе ранних исследований Средняя Азия была совершенно правильно определена как очаг одной из самых важных цивилизаций в Евразии.

Археологические и ботанические исследования на Анау-Депе показывают, что земледельцы джейтунской культуры (6000 лет до н. э.) выращивали ячмень и пшеницу двузернянку, а первый пшеничный хлеб, изготовленный из белой пшеницы (*Triticum vulgare*), можно отнести к культуре Анау 1А — самому раннему слою обживания Анау. Недавние раскопки на Северном холме Анау — древнейшей части поселения — показали, что древнее население интенсивно занималось сельским хозяйством, имея культурные и торговые связи с сельскохозяйственными общинами Ближнего Востока и Южной Азии.

Раскопки слоёв эпохи бронзы обнаружили, что поселение Анау было важным центром среднеазиатской цивилизации с архитектурными комплексами, ремеслом, искусством, сходными с обнаруженными на поселениях эпохи бронзы Алтын-Депе и Намазга-Депе. Массивная архитектура, предметы с символами письменности, ритуальные и престижные предметы, связанные с властью, недавно найденные на Южном холме Анау подтверждают, что Пампелли был прав в определении «цивилизации Анау».

Наше изучение региона Анау ясно указывает на то, что среднеазиатское общество и цивилизация процветали. Обживание поселения на Северном холме Анау началось в энеолитическую эпоху, продолжилось в эпоху бронзы и раннего железа на Южном холме Анау, а позднее — в классический период и в средневековье, переместилось на Западный холм или городище, где всё ещё видны остатки крупной мечети XV века.

Анау является важным как одно из значительных поселений Туркменистана, которое следует сохранить в качестве памятника древней культуры региона. Поселение объективно имеет мировое значение как одно из самых знаменитых археологически исследованных поселений. В 2004 г. наступит столетняя годовщина с начала научных исследований на Анау и мы планируем отметить этот юбилей.

О. А. Лоллекова (АШГАБАТ)

РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДСТВ В РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Важнейшим этапом в истории человечества, в значительной мере определившим его дальнейшее развитие, является переход от присваивающего хозяйства к производящему. После перехода общества к земледельческо-скотоводческой экономике, возросшие потребности, повышение уровня благосостояния стимулировали развитие сферы производства, не связанной непосредственно с получением и обработкой продуктов питания.

Для развития общества необходимы орудия труда и средства для жизни, одежда, различные предметы потребления. Производство — понятие, характеризующее процесс активного преобразования людьми природы с целью создания необходимых материальных благ для существования. В отличие от животных, удовлетворяющих свои потребности с помощью того, что дано природой, человек производит всё, что необходимо ему для жизни — пищу, одежду, жилище и т. д. Производство — важное условие для человеческой жизни, оно — основа всей человеческой истории. Характерным является то, что именно в системе и в связи с производством предметов потребления в наибольшей степени ощущается прогресс техники. Именно с развитием земледелия и скотоводства происходил довольно интенсивный процесс освоения новых видов работ в сфере как средств производства, так и предметов потребления. Формировались новые виды специальных производственных деятельностей — обработка шкур, изготовление керамики, ткачество. Освоение новых видов специальной деятельности по изготовлению изделий для удовлетворения возникающих потребностей порождало новые потребности, которые росли и усложнялись. Определённый уровень специализации конкретных производств обеспечил объективные возможности выделения различных работ в домашнее производство.

Самыми ранними производствами являются домашние производства джейтунских племён. Наиболее важными домашними производствами носителей джейтунской культуры являются производство кремнёвых орудий, обработка шкур и кож, керамическое производство, изготовление украшений, строительство глинобитных домов. Такие промыслы как изготовление кремнёвых орудий труда, украшений из камня и кости, обработка кожи и дерева, являются архаичными, но в них появляются прогрессивные элементы. С развитием джейтунской культуры уменьшается количество геометрических микролитов и скребков на лопатках животных, появляются новые виды орудий труда (станковые свёрла, боковые скребки). Джейтунцы уже владели такими совершенными орудиями как двуручные струги, состоящими из нескольких пластин, укрепленных в середине паза деревянной или костяной рукояти. Важное значение в экономике джейтунских племён играли обработка дерева и кости. Изготавливали деревянные и костяные оправы для жатвенных ножей, скребковые орудия, струги, палки-копалки; с этими видами производств связаны скобели, долотовидные орудия, резчики-скобели, пилки, тёсла. Особое место занимало производство украшений — бус и различных подвесок. Разнообразен набор орудий, связанных с этим промыслом: пилки, свёрла для обработки камня и раковин. О существовании ткачества свидетельствуют керамические дисковидные пряслица с отверстием в центре, выточенные из камня и фрагментов керамики. Вместе с тем, появляются новые виды домашних производств — гончарство и строительное де-

ло, связанное с возведением глинобитных однокомнатных домов. Однако и гончарство, и строительное дело джейтунцев во многом ещё архаичны. Посуда джейтунцев вылеплена ленточным способом, грубая, толстостенная, с довольно примитивной росписью (скобчатая, струйчатая, горизонтально-полосчатая орнаментация). Указывая на архаичность джейтунской керамики, В. М. Массон предполагает рассредоточенный характер её производства. Рассредоточенность и эпизодичность являются характерными признаками домашних ремёсел обитателей джейтунской культуры.

Орудия труда раннего этапа анауской культуры продолжают традиции джейтунской культуры. Большое применение в экономике находят изделия из кости: шилья, развёртки, изготовленные из трубчатых костей животных, шпатели для керамики, лощила для обработки кожи, которые в более позднее время, наряду с металлическими орудиями, полностью вытесняют каменные. Каменная индустрия раннего энеолита испытывает качественно новый подъём в своём развитии. Расширяется ассортимент сырья, совершенствуется техника расщепления камня, разнообразится обработка. В составе орудий по-прежнему самой представительной группой являются вкладыши жатвенных ножей, типичными орудиями являются также свёрла, скребки, скобели, строгальные ножи, долота, пилки, вкладыши мясных ножей. Много орудий имеют полифункциональное назначение. Впервые в энеолитическую эпоху появляются каменные мотыги. Широкое распространение получают глиняные конусовидные пряслица для прядения. В энеолите намечается дальнейший прогресс керамического производства: разнообразятся формы и мотивы росписи, появляются неорганические отощители, совершенствуется формовка и обжиг. Появляется большое количество тонкостенной керамики, изготовленной на высоком техническом уровне. Таким образом, в истории развития производства переход от присваивающего хозяйства к производящим формам оказал большое влияние на производство предметов потребления. Техника и технология производств свидетельствуют о заметных прогрессивных изменениях, происходивших в обществе раннеземледельческих племён поры неолита и энеолита Южного Туркменистана.

И. С. МАСИМОВ (АШГАБАТ)

ИСТОКИ ДРЕВНЕМУРГАБСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Богатый археологический материал, полученный в результате изучения памятников древней Маргианы, свидетельствует, что в эпоху бронзы здесь существовала высоко развитая цивилизация древневосточного типа. Истоки этой цивилизации имеют местную южнотуркменистанскую основу, хотя памятников, предшествующих культуре бронзового века, к сожалению, не много. В низовьях древнемургабской дельты известна стоянка IV тыс. до н. э. у колодца Сахат-Эсир, открытая в своё время А. А. Марушенко, посещавшего её не раз, в том числе, с автором этих строк в 1974 г. На месте котловины выдувания собрано несколько десятков фрагментов керамики и более полутораста кремнёвых находок. Их сравнительный анализ демонстрирует определённую близость материалам Лавляканских стоянок в Кызылкумах. Особенно это касается сырья для каменных орудий — прозрачного халцедона и кварцита, точно таких же, как на Лавлякане. Обитатели стоянки — охотники, собиратели и, вероятно, рыболовы. Своё жилище они организовали недалеко от древнего русла Мургаба, в период увлажнения климата, на что указывает находка здесь пресноводного моллюска.

На формирование основ древнемургабской цивилизации в эпоху энеолита указывают материалы этого времени из такыра Келлели, расположенного примерно на одной широте к востоку от стоянки Сахат-Эсир. Раннеземледельческие племена из Геоксюрского оазиса, в поисках новых земель, впервые оказываются здесь во второй половине или на рубеже IV—III тыс. до н. э. Сохранились лишь фрагменты керамики с росписью, медная булава с навершием конической формы и головка терракотовой статуэтки с ха-

рачным выделенным затылком и с неглубоко вдавленными глазницами миндалевидной формы. Среди более десятка изделий из кремня имеются вкладыши от серпов, свёрла и др. Несколько фрагментов расписной посуды энеолита и ранней бронзы, не связанных с каким-либо слоем, встречены при раскопках памятников эпохи бронзы.

Любопытную информацию дают нам геоморфологи, работавшие в низовьях реки в 60-е годы. Так, данные некоторых шурфов, заложенных ими в районе Тахирбая, показали наличие агроирригационных слоёв на глубине 4.5—6 м, при том, что кроющий слой является здесь основанием для памятников позднебронзового века. Следовательно, при вероятном обнаружении в будущем памятников энеолитического времени, погребённых на такой глубине, район такыра Келлели с находками отмеченных выше материалов окажется лишь северной периферией бывшего оазиса энеолитического времени.

Установлено расселение раннеземледельческих общин Южного Туркменистана, в частности, из Геоксюрского оазиса, в южном и северо-восточном направлениях. Так, открыто поселение Саразм к востоку от Самарканда. Наличие в керамических комплексах энеолитического периода Саразма материалов геоксюрского типа и керамики, характерной для культуры Мундигака, Кветты и Систана свидетельствуют о сложном процессе культурных взаимодействий.

Яркое развитие древней культуры в Маргиане, протекавшее в два этапа, отмечено для эпохи бронзы. Первый связан с функционированием Келлелинского оазиса и относится к концу III — началу II тыс. до н. э. Некоторые из памятников обладали функциональной специализацией. Так, поселение Келлели 3 представляло собой крупную прямоугольную крепость. По внешнему фасу шли обводные стены с внутренними коридорами. Крепость снаружи фланкирована 24 прямоугольными башнями, по 6 с каждой стороны. Жилищно-хозяйственные строения внутри крепости сосредоточены вдоль обводных стен, центр не имел застройки. Аналогичную планировку имел жилой дом в центре Келлели 4. Есть поселения, содержащие убогую архитектуру с паховыми стенами (Келлели 6).

Вместе с тем, планировка Келлели 3 и 4 (к ним можно присоединить Келлели 1) демонстрирует идентичность приемов и методов строительства, чёткую ориентацию строений по сторонам света. Это свидетельствует о наличии заранее заготовленных планов и чертежей. Несомненно то, что был сделан достаточно прогрессивный шаг вперед — сформировался новый строительный канон, получивший в последующем широкое распространение.

Второй этап в культуре древней Маргианы приходится на конец первой половины и середину II тыс. до н. э. В это время осваивается вся территория Маргианы, а такое поселение как Гонур-Депе становится столицей всех древнемаргианских оазисов. Строятся монументальные здания, усложняется мировоззрение жителей региона, достигает высокого уровня развития целый ряд отраслей ремесленного производства, в том числе, металлургия и камнерезное искусство. В архитектурном наследии изменения незначительны. Продолжает использоваться тот же строительный канон, который возник на келлелинском этапе. Яркое подтверждение тому — планировка так называемого «кремля», раскопанного в центре Гонур-Депе, который имеет поразительное сходство с крепостью Келлели 3. Есть и другие факты прямой преемственности обоих комплексов.

Богатый фактический материал, полученный за последние годы, лишний раз показал доминанту местных южнотуркменистанских истоков. Об этом факте обстоятельно говорилось ещё после работ В. М. Массона в начале 50-х годов. Уже тогда было показано, что основателями немногочисленных памятников конца бронзового века явились племена, осевшие здесь после кризиса цивилизации Алтына — Намазга. Сейчас ясно, что начало освоения дельты произошло даже раньше — или в начале бронзового века, или, по крайней мере, в период Намазга V, в конце III — начале II тыс. до н. э.

**ТУРАНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ БАКТРИИ
И МАРГИАНЫ ВО II ТЫС. ДО Н. Э.**

1. Бактрия-Маргиана или туранская цивилизация стояла в одном ряду с такими знаменитыми центрами древневосточных цивилизаций как Шумер, Вавилон, Египет, Хараппа и др. Однако информация о древнейших Бактрии и Маргиане весьма ограничена. Названия этих стран встречаются в «Авесте», ахеменидских надписях, имеется информация греческих источников. Порой трудно отделить исторические события от мифов и легенд.

2. Длительное время начало урбанизационного процесса, становление городской цивилизации на территории Средней Азии относилось учёными к эпохе античности. К сожалению, не принимались во внимание даже крупнейшие археологические памятники раннего железного века с явными атрибутами городской культуры такие как Елкен-Депе II (Северная Парфия), Мадау, Изаткули (Дахистан), Яз-Депе I (Маргиана), Кызыл-Тепе (Северная Бактрия), Еркурган (Согд), Дальверзин (Фергана) и др. Эти памятники имели значительные размеры, фортификацию, монументальную архитектуру, цитадели, ничем не уступая в этом смысле более поздним городским образованиям и являлись, таким образом, подлинными городами. Долгое время в науке полностью исключалась возможность появления раннегородской культуры в эпоху бронзы, хотя в это время уже были известны гигантские по размерам памятники типа Намазга-Депе, Алтын-Депе, Улуг-Депе, Гонур I, Тоголок I, Джаркутан и др.

3. Длительные археологические исследования на Алтын-Депе, Гонур I, Дашлы 3 и в Джаркутане позволили вплотную подойти к проблеме сложения раннегородской культуры в этом регионе. Появилась возможность рассмотрения конкретных археологических комплексов на широком фоне исследований памятников эпохи бронзы Средней Азии предшествующих лет. В настоящее время выявлено более 200 таких памятников в 27 оазисах юга Средней Азии.

4. В эпоху бронзы (конец III—II тыс. до н. э.) на юге Средней Азии и сопредельных территориях, в традиционных земледельческих районах формируются автономные ирригационные земледельческие оазисы. На базе мощной земледельческой экономики в каждом таком оазисе появляются раннегородские центры. К их числу можно отнести следующие памятники: Алтын-Депе, Намазга-Депе, Улуг-Депе, Гонур I, Тоголок I, Джаркутан, Дашлы 3, Мундигака, Шахри Сохта, Яхья-Тепе, Ярым-Тепе, Тюренг-Тепе и др. (Массон 1967; 1981; Сарияниди 1977; 1990; Аскарлов 1977; Ширинов 1989; Casal 1961; Lamberg-Karlovsky & Tosi 1973; Schmidt 1937).

5. Древняя цивилизация Средней Азии сформировалась на рубеже III—II тыс. до н. э. и в это же время зародились ранние города (Массон 1989). Ярким примером раннегородской культуры является Джаркутан — памятник второй половины II тыс. до н. э. Он занимает территорию более 100 га с чётко выделенными градообразующими комплексами: цитадель, дворец, храм, крепостная стена, жилые кварталы, ремесленный массив, некрополь и др.

6. Таким образом, Джаркутан состоит из агломераций отдельных архитектурно-строительных комплексов, включающих в себя как монументальные, так и рядовые строения, ремесленные кварталы, некрополь и т. д. Историческая топография города имеет усложнённый характер, резко отличающийся от малых памятников изучаемой эпохи. Однако, топография ранних городов — Джаркутана, Намазга-Депе, Улуг-Депе, Гонур I, Мундигака, Ярым-Тепе, Шахри Сохте имела друг с другом много общего. Все они двухчастны, состоят из «цитадели» и городища. Общегородская крепостная стена у всех отсутствует. Несколько отличается от наших памятников историческая топография Суз и Мохенджо-Даро, характеризующихся чёткостью планировок улиц, кварталов, плотностью застройки. Хотя и они также являются двухчастными.

7. Совокупность всех приведённых фактов позволяет заключить, что Джаркутан во второй половине II тыс. до н. э. являлся ранним городским центром, а его социальная структура была раннеклассовой.

Процесс сложения раннегородских центров был характерным для всего юга Средней Азии и сопредельных территорий, к таковым относятся Джаркутан (Северная Бактрия), Дашлы 3 (Южная Бактрия), Гонур I, Тоголок I (Маргиана), Алтын-Депе, Намазга-Депе, Улуг-Депе (Северная Парфия), Мундигак, Шахри Сохта (Систан), Тюренг-Тепе, Гиссар, Ярым-Тепе (Хорасан), Годин-Тепе, Шахдад (Западный Иран) и т. д. Намного раньше сложилась городская культура в Эламе — Сузы, Чога-Миш, Чандувек и др. и в Индии — Мохенджо-Даро, Хараппа, Калибанган, Лотхал, Котали и др. Городская планировочная структура Суз, Мохенджо-Даро, Хараппы была на более высоком уровне, чем среднеазиатских городов.

Эпоха поздней бронзы и раннего железа является переломным моментом в истории народов Средней Азии. Она характеризуется интенсивным распадом традиционного строя, зарождением ранних городов, становлением классовых отношений и государственности. Они тесно взаимосвязаны между собой, составляют диалектическое единство прогрессирующего развития древнего общества, народностей эпохи поздней бронзы и раннего железа Средней Азии.

R. AHMAD (PAKISTAN)

TURKMENISTAN — A CRADLE OF CIVILIZATION AND CULTURAL LEGACY IN CENTRAL ASIA

Amongst the five Central Asian States (Kazakhstan, Kirghistan, Tajikistan, Uzbekistan and Turkmenistan), the Republic of Turkmenistan is one of the first countries to declare independence on 27 October 1991 under the inspiring leadership of its President Saparmurat Turkmenbashi. It is under his guidance that the state is flourishing as a modern democratic state with its professed aim to revive its traditions, civilization and historical culture. It is a state with about 5 million population and an area of 488100 km. In the east the Republic is connected with Uzbekistan and Caspian Sea, in the north west — with the Russian Federation, to the north — Kazakhstan, to the south — Iran and Afghanistan. The country is rich in its natural resources especially minerals, petroleum and natural gas.

With his degree in power engineering president Saparmurat is a man of ideas who is determined to revive old historic importance of the Turkmen people. It is provided in the Constitution of the country that rights and liberty of the individuals, irrespective of their caste, creed, religion, shall be protected and a healthy relationship between the individual and the state shall be promoted. President's motto is «Ten years of hard work to (achieve) 10 years of prosperity» has been adopted as the motto of progress. The state is thus open to economic, political and social development in the light of modern realities of life.

Turkmenistan is the inheritor of the old Turkmenistan Empire of the middle ages when it comprised of the whole of Central Asian from what is now Turkey to the borders of modern China. Qutaiba bin Muslim, the Arab general, conquered Khurasan and most of the areas of Central Asia in 705 AD during the reign of the Umayyad Caliph Walid bin Abdul Malik. Qutaiba governed Central Asia up to 715 AD, and established Arab Islamic supremacy in the whole of Central Asia. While the Arabs dominated top positions, second tier of authority was in the hands of Iranian Amirs. It was in the third quarter of 9th century that the power passed from the hands of Arab Conquerors to those of Iranian Amirs. Turkish slaves were recruited as bodyguard first by Caliph al-Mutasim (833—842 AD), son of Haroon al-Rashid by a Turkish slave. Thus gradually the Turks gained control in the Abbassid court. It was for the first time that Amir Sabuktigin laid foundations of the Ghaznavid Empire, as first Turkish state comprising territories of Afghanistan, Pakistan parts and of Central Asia. Afterwards the period of

Amir Taimur is very important from the civilizational view point. Thus during the Islamic period Arab, Iranian, Turkish cultural traditions were promoted and a great intellectual advancement took place. In all this Turkmenian thinkers participated. Their contribution would be discussed and evaluated in this paper.

The country is full of historical and cultural sites belonging to the ancient and medieval times like those of Merv. The arts and crafts of the Turkmen are to be specially looked into which is especially of the Turkmen in the region. It is under the guidance of the Turkmenistan president that presently the Turkmen conservators are engaged in preserving such great architectural movements as Abul Faziya Mausoleum in Serahs Talhatan-baba Mosque in Yolotar etrap, Dahestan's minarets, Alamberdar Mausoleum in Atamurat palaces, castles, fortress in the Merv oasis. The Merv valayat is taking special initiatives in this connection to be discussed in detail in this paper.

It was because of this importance of the country that General Pervez Musharraf, Chief Executive of Pakistan visited Turkmenistan on 15–16 May 2000 and concluded a number of agreements in the field of communication, commerce and trade. Thus Pakistan and Turkmenistan have entered into a new phase of economic and diplomatic cooperation.

At the international level Turkmenistan has signified its special importance by declaring itself a Neutral country. Thus after Austria and Switzerland, Turkmenistan is the third country in the world which by UN General Assembly Resolution passed on 12 December 1995 has been recognized as a country of permanent neutrality. To commemorate this declaration an Arch of Neutrality was built in Ashgabat, capital of Turkmenistan in 1998 by the government. This is a good beginning of the country's progress in the world which is divided in various ideological camps. By declaring itself neutral the country has got rid of any specific camp and become open to human progress and economic development.

M. EILAND III (USA)

MATERIAL CULTURE AND ORGANIZATION OF NOMADS: PAST AND PRESENT

The country of Turkmenistan offers ample evidence from both ancient and modern periods for nomadic material culture. The Parthians (150 BC — 250 AD) were primarily based in this country for the beginning of their reign, and then rapidly expanded into other regions, with time often adapting to local forms. As a result, it is difficult to define what is meant by «Parthian art» as there are so many regional styles. Nowhere is this more evident than in pottery from this period, which is so regionally distinctive as to suggest that conceptions of «cultural diffusion» on any significant scale did not occur. Documents from a western perspective — the Greeks and Romans — make it clear that the Parthians did control vast tracts of land, and numerous coins distributed across modern day Iran and Iraq support this evidence.

What questions can be addressed from the perspective of the Partian «heartland»: Turkmenistan? Because a nomadic lifestyle, if largely replaced today, is in recent memory, there is ample evidence for the ways in which the Parthians must have lived. It is clear that, while Parthians did control towns and cities, their power lay in cavalry, which, like many other nomadic peoples since (such as Mongols) is primarily a rural and not urban phenomenon. At the same time, ethnographic studies among modern nomads make it clear that there are two factors that drive people to adopt a sedentary lifestyle. At one end of the spectrum are the luxuries offered by cities. While a nomad ruler (or their progeny) may remain «in a saddle» during campaigns, it is likely that they would have overseers taking care of their flocks and lands. On the other extreme, the very poorest herders, with few animals, would be prone to settle because of the threat (or fact) of bad years. While there is relative freedom associated with herding, a bad year can leave one destitute. A poor farmer, in contrast, may be able to borrow money on the value of his property.

With this information in mind one may begin to approach the question of «Parthian art» with a slightly new perspective. Cities and towns were probably for either the wealthy few or the poor, while the majority of the «Parthian» population may have been rural. Like the modern Turkmen today, there may be little focus upon such things as ceramic production, and certainly little architecture and sculpture. «Nomad» material culture is focused upon easy to transport and non-breakable items of wood, metal, and fabric. Instead of land, wealth is largely measured on the hoof, and items such as jewelry or woven luxury goods would be a major repository. It is then no surprise that Parthian bronzes and jewelry may reflect «nomadic taste,» while sculpture and architecture may reflect foreign norms.

М. Айланд III (США)

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ КОЧЕВНИКОВ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Земля Туркменистана представляет многочисленные данные о предметах материальной культуры кочевников как древнего, так и современного периода. Именно эта территория была начальной базовой точкой правления парфян (150 до н. э. — 250 н. э.), быстро распространившихся позднее в другие регионы. Зачастую освоение парфянами новых земель происходило с постепенной адаптацией парфянской цивилизации к особенностям местных культур и в результате трудно определить, что, собственно, входит в понятие «парфянское искусство», поскольку данный термин обозначает множество региональных стилей.

Наиболее ярко это положение проявляется в керамике этого периода: последняя имеет столь выраженные региональные отличия, что можно выдвинуть концепцию об отсутствии «культурной диффузии» сколько-нибудь значительного масштаба. При этом документы западного происхождения — греческие и римские — дают ясное представление о том, что парфяне контролировали обширные пространства земли, а многочисленные монеты, пересекавшие границы современного Ирана и Ирака, подтверждают это свидетельство.

Какие вопросы происхождения и развития парфянского искусства могут быть прояснены при обращении к сердцу Парфии: Туркменистану? Поскольку кочевой образ жизни, даже при условии его изменения в наши дни, ещё жив в памяти многих людей, существует живое яркое свидетельство о том образе жизни, которому должны были следовать и парфяне. Совершенно ясно, что, хотя парфяне контролировали большие города и более мелкие поселения, их сила заключалась в кавалерии, которая, по аналогии со многими другими кочевыми народами (например, монголами), является феноменом культуры степи, а не города.

Одновременно, этнографические исследования среди современных кочевников показывают, что существуют два фактора, заставляющие людей принимать оседлый образ жизни. На одном конце спектра находятся предметы роскоши, которые предлагает город. Поскольку правитель кочевников (или его потомки) должны были оставаться «в седле» во время военных кампаний, вероятно, что они должны были иметь надзирателей, заботившихся об их стадах и землях. С другой стороны, беднейшие пастухи, владеющие незначительным числом скота, вынуждены были склоняться к оседанию из-за угрозы (или факта) неблагоприятных для скота лет. Поскольку скотоводство ставит хозяйство в достаточно жёсткие рамки, плохой год может оставить пастуха без средств существования, в отличие от фермера, который может получить ссуду под залог своей собственности.

С учётом этой информации можно ставить вопрос о «парфянском искусстве» под несколько нетрадиционным углом. Вполне вероятно, что как крупные, так и мелкие города были населены либо очень богатыми, либо очень бедными людьми, в то время как

большая часть «парфянского» населения проживала в сельской местности. Подобно современным туркменам, они могли уделять очень мало внимания таким вещам как керамическое производство и, несомненно, архитектура и скульптура. Материальная культура кочевников «предпочитает» легкие в перевозке, долговечные предметы, сделанные из дерева, металла и текстиля. Достаток часто измерялся не землей, а скотом и основными «сокровищами» были ювелирные изделия и ковры. Не удивительно при этом, что парфянские бронзы и ювелирные украшения являются отражением «вкуса кочевников», в то время как скульптура и архитектура — чужеродных художественных норм.

В. П. НИКОНОВ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

КОЧЕВНИЧЕСКИЙ ПЛАСТ В КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ ПАРФЯНСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Если охарактеризовать культуру Парфянского государства в целом, то следует отметить, что она формировалась на основе разных компонентов — во-первых, иранского в его оседлом и кочевническом вариантах, и, во-вторых, греческого и семитского, что соответствовало двум основным этно-историко-культурным ареалам, которые составляли территорию Аршакидской державы и культурное развитие которых шло преимущественно параллельно, хотя и не без взаимовлияний, — Ирану вместе с юго-западной частью Средней Азии, с одной стороны, и Месопотамии, с другой. С сожалением приходится констатировать, что в современных исследованиях, как правило, мало внимания уделяется роли собственно кочевнического пласта в истории и культуре Парфии. Более того, некоторые учёные (например, М. Бойс) вообще отвергают саму вероятность сколько-нибудь серьёзного воздействия пришедших из степей апарнов-дахов, которые и создали царство Аршакидов, на процессы формирования парфянской государственности и культуры. Однако такой нигилизм не позволяет дать удовлетворительное объяснение самому феномену Парфянского государства, поскольку остается непонятным, каким же образом небольшое царство, появившееся на территории таких, далеко не самых передовых в культурном и социально-политическом отношениях, областей северо-восточной окраины иранского мира, как Парфия и Гиркания, смогло за исторически очень короткий срок — всего 100 лет — превратиться в одну из могущественных держав древнего мира. В то же время как письменные, так и археологические источники, дают возможность утверждать, что именно кочевническое происхождение создателей империи Аршакидов лежало в основе всех её особенностей и достижений.

В первую очередь это относится к сфере военного дела. Кочевники-апарны, придя в Иран, самым радикальным образом изменили, в соответствии со стандартами, выработанными на их степной родине, вооружение, структуру армии и военной организации, стратегию и тактические приёмы использования войск, включая методы психологического воздействия на противника. В результате парфянская армия представляла собой очень мобильную и маневренную силу, состоящую из конных отрядов двух видов — основной массы легковооружённых лучников и сравнительного небольшого контингента закованных в доспехи пикейщиков-катафрактов. Оба эти рода войск, действуя в сражении только в строго скоординированном взаимодействии, обеспечивали парфянам победы в боях с хорошо организованной тяжёлой пехотой эллинистических государств и Рима (самый яркий пример — битва при Каррах в 53 г. до н. э.). Без этого военного превосходства, естественно, было бы немислимо само установление политического контроля над теми многочисленными странами и землями, которые были включены в состав империи Аршакидов.

Самым тесным образом с военным делом была связана и социальная структура, которая имела место, по крайней мере, в коренных, восточных областях Парфянского государства и совпадавшая по сути с военной организацией общества. Специальные ис-

следования (Г. А. Кошеленко) показывают, что она была детерминирована самим фактором кочевнического завоевания и отражала ту систему общественной иерархии апарнов, которая сложилась ещё до их прихода в Парфию. Специфическими чертами этой социальной организации были: 1) традиционная власть знатных кланов, в первую очередь, Аршакидов, над соплеменниками; 2) двойственное положение нижнего, наиболее многочисленного слоя пришельцев, состоявшего из представителей рядовых родов — основного ресурса для комплектования армии, — по отношению к знати дахского происхождения (состояние сильной зависимости от неё), с одной стороны, и к покорённому автохтонному населению (привилегированный статус в сравнении с ним), с другой.

Достаточно весомым был вклад кочевников в бытовую и художественную культуру Парфянской державы. С ними туда пришла новая мода на мужской костюм (кафтан с передним сплошным разрезом, просторные штаны-шаровары) и причёску. Именно в прокламативном искусстве Аршакидов появляется тема конного поединка облачённых в латы витязей (катафрактов), показанного в самый кульминационный момент — когда победоносный герой повергает своего противника наземь (на скальные рельефы в Бисутуне и Танг-и Сарвак); впоследствии этот сюжет становится одной из любимых тем в официальном искусстве первых Сасанидов (на скальные рельефы в окрестностях Персеполя). Недавно открытые на Мангышлаке и Устюрте (в юго-западной части Казахстана), т. е. в местах коренного обитания дахских племён, культовые комплексы античного времени типа Байте явили интереснейшие образцы монументальной скульптуры кочевников дахо-массагетского круга, которые изображают стоящих в полный рост мужских воинов, показанных в полном соответствии с принципами знаменитой парфянской «фронтальности». В качестве близкой аналогии этим памятникам (с точки зрения как общности иконографических признаков, так и присутствующих реалий одежды и вооружения) может быть приведена хорошо известная статуя парфянского правителя из Шами. Естественно, возникает вопрос: а не была ли «фронтальность» парфянского искусства инспирирована, в том числе, и безымянными ваятелями из Арало-Каспийского региона?

Восприняв язык оседлого населения, т. е. парфянский, апарны, тем не менее, добавили некоторое количество своей родной лексики в его словарный запас. Внесли кочевники свою лепту и в формирование древнеиранского национального эпоса, нашедшего своё гениальное отражение в «Шахнаме» Фирдоуси: в частности, одна из его центральных тем — сага о великом герое Рустаме — сложилась под воздействием эпических преданий, родившихся в среде ираноязычных племён среднеазиатских степей. Добавим, что из скифо-сакской генеалогической легенды в политическую идеологию Аршакидов проникла идея богоданности их власти, запечатлённая на реверсе парфянских монет в виде символической передачи правителю (обожествлённому родоначальнику династии Аршаку I) лука как символа царского достоинства (Д. С. Раевский).

Повлияли кочевники и на музыкальную культуру Парфии, принеся туда со своей родины такой специфический ударный инструмент, как литавры, в которые они столь впечатляюще били во время воинских баталий и праздничных торжеств.

Само собой разумеется, что пришедшие в Иран апарны, эти природные кочевники-воины, волею судьбы вознесённые к вершинам политической власти над огромными регионами, должны были в значительной мере трансформировать свой быт, менталитет и идеологические представления, чтобы не только создать своё государство, но удержаться у власти в течение длительного времени (около 500 лет!). Придя в Парфию, они уничтожили там политическое господство греков, но одновременно должны были сохранить и использовать то из наследия эллинистической культуры, что соответствовало их собственным нуждам и интересам. С другой стороны, пришельцам было необходимо искать общий язык с коренным населением захваченных территорий, чтобы в ходе реализации своей обширной программы завоеваний иметь в его лице достаточно лояльную социальную опору. Таким образом, они должны были обеспечить в своей внутренней, внешней и культурной политике разумный баланс учёта интересов всех групп населения

созданного ими государственного образования. Можно утверждать, что эта задача оказалась им по плечу, в результате чего Парфянское царство встало в ряд «мировых держав» поздней античности, наряду с Римской и Кушанской империями и ханьским Китаем.

В то же самое время создатели державы Аршакидов и их потомки не могли позволить себе полностью раствориться в местной этнической среде, поскольку только при этом условии они продолжали играть роль политической элиты и главной военной силы общества, что единственно гарантировало им сохранение привилегированного положения в системе социально-экономических отношений. Помочь им в этом могла не только память об их происхождении, но и — в значительной степени — генетическая верность древним, отеческим традициям, прежде всего, в области культуры. При этом очень важно иметь в виду, что связи между парфянским Ираном и миром кочевников носили постоянный характер и никогда не прерывались, включая контакты на самом высоком уровне. Так, около 230 г. до н. э. Аршак I после неудачного начала войны против селевкидского царя Селевка II Каллиника бежал к кочевникам-апасиакам, после чего те, очевидно, помогли ему изгнать врага. Другой парфянский царь, Артабан II (11/12 — около 38 г. н. э.) вообще вырос среди дахов. Известно также, что Синатрук перед тем как около 77 г. до н. э. стать царём Парфии, провёл очень длительное время в качестве заложника у племени сакараваков, которые и возвели его затем на трон Аршакидов. Интересно отметить, что на монетах Синатрука и его сына Фраата III оба правителя показаны в головных уборах, украшенных вдоль гребня рядом оленей и по бокам бычьим рогом: дело в том, что эти животные играли весьма значительную роль в культовой идеологии ираноязычных кочевников, и заимствование Синатруком и Фраатом указанных изображений в качестве царской символики явилось несомненным результатом их пребывания среди кочевников, а сам выпуск таких монет мог быть обусловлен их желанием подчеркнуть своё особое расположение к сакаравакам, на чью военную силу они оба опирались. В этой связи заслуживает внимания находка в Квадратном доме («Сокровищнице») Старой Нисы бронзового зеркала, на оборотной стороне которого вырезано рельефное изображение протомы оленя: не исключено, что оно оказалось там при посредстве кочевых союзников Синатрука и его сына, или же (что, впрочем, кажется менее вероятным) является продуктом местного производства времени их правления. Кстати, из того же Квадратного дома происходит ещё один яркий образец искусства скифо-сакского круга — серебряный с позолотой топорик-клевец. Этот предмет, явно имевший парадно-ритуальное назначение, безусловно восходит к боевым прототипам, которые получили распространение в среде кочевого воинства Средней Азии, откуда он, скорее всего, и попал в Старую Нису в качестве трофея или дара.

Непосредственные контакты парфян с кочевниками нашли своё отражение и в неоднократных упоминаниях письменных источников о том, что в междоусобных войнах между представителями династии Аршакидов видную роль играли кочевнические (дахские, скифские и сакские) контингенты. Не должен вызывать сомнения тот факт, что воины со степной периферии были одним из основных источников пополнения парфянской армии при проведении кампаний против внешних врагов.

V. P. NIKONOROV (ST.-PETERSBURG)

A NOMADIC LAYER IN THE CULTURAL HERITAGE OF THE PARTHIAN REALM

As well known, the Parthian empire of the Arsacids was established by the Aparni-Dahae, a Central Asian steppe people. Nevertheless, modern studies pay, as a rule, little attention to the role of properly nomadic elements in the history and culture of Parthia. And what is more, some of scholars (for instance, M. Boyce) reject the probability itself of any serious influence at all of the Aparni upon processes of the forming of Parthian statehood and culture.

However, the testimonies, both of literary and archaeological natures, which are at our disposal, allow to maintain that it is the nomadic origin of the founders of the Arsacid empire that underlay in the basis of all of its peculiarities and achievements.

First of all, this is observed in the sphere of warfare. The nomadic Dahae, having come to south-western Central Asia and Iran, radically changed there such basic components of art of war as weaponry, the structures of army and military organization, as well as strategy and tactics. As a result, the Parthian army represented a very mobile and manoeuvre force consisting of mounted troops of two kinds: the bulk of light horse-archers and a comparatively small contingent of armoured lancers-cataphracts. Both these kinds acted on battle-fields only in strict co-ordination which enabled the Parthians to gain victories over the well-organized heavy infantry forces of the Hellenistic kingdoms and Rome.

Closely connected with warfare was the social structure that took place at least in eastern, native, lands of the Parthian realm and coincided, in fact, with the military organization of the society. Special studies (G. A. Koshelenko) demonstrate that it was determined by the factor itself of a nomadic conquest, and it reflected the system of a social hierarchy of the Aparni-Dahae which had taken shape in their steppe homeland. The most specific features of this social organization were: 1) traditional power of the noble clans, in the first place of the Arsacid one, over their tribesmen; 2) dual position of the lower, most numerous, stratum of the newcomers, which comprised members of the ordinary kins — the main resources to recruit the army — with respect to the nobles of Daha birth (a strong dependence on them), on the one hand, and with respect to the subject autochthons (a privileged status in comparison with them), on the other hand.

Sufficiently ponderable was a contribution of the nomads into everyday and artistic culture of the Parthian empire. They brought with them a new-fashion man's costume (the caftan with a front continuous slit and the wide trousers-sharovary) and haircut as well. It is in the proclamation art of the Arsacids that the theme of an equestrian single-combat between two armoured knights had appeared, which was then adopted by the Sasanians. The cult complexes of the second half of the 1st millennium BC, which have been recently discovered at Mangy-shlak and Ustyurt (in mod. south-western Kazakhstan), i. e. in an area of the former habitation of the Dahae, such as Baite contained interesting specimens of monumental sculpture of the nomads belonging to Daha-Massagetan tribal groups. These are full-length portraits of male warriors shown in full accordance with the famous Parthian «frontality». Worthy of note is the fact that their close parallel in both the iconographic marks and realities of dress and armament is the noted statue of a Parthian prince from Shami: was thus the Parthian «frontality» inspired by anonymous sculptors from the Aralo-Caspian area?

Having adopted the language of the autochthonal population, i. e. what is known now as Parthian, the Aparni added to it, nevertheless, some amount of their own vocabulary. The nomads also contributed into the forming of ancient Iranian national epic, which found its great reflection in the «Shahnameh» by Firdousi: in particular, one of its central themes — the Rustam saga — was born in the midst of Iranian-speaking tribes of the Central Asian steppes. Besides, it is from the Scytho-Saca genealogical legend that an idea of power given by God penetrated into the political ideology of the Arsacids, and it may be seen on the reverse of Parthian coins in the form of the symbolical transmission of a bow to a ruler — the idolized first Parthian king, Arsaces I (D. S. Raevsky).

It goes without saying that the Aparni-Dahae after their advent to Iran had to transform to a certain degree their everyday life, mentality and ideology in order not only to create their state but also to hold out power for a very long period (almost 500 years!). They stood in need of securing in their internal, external and cultural politics a reasonable balance of due regard for interests of all the groups of the population of their vast empire. And it may be maintained that this problem was successfully solved by the nomadic-origin authorities, and in consequence of that Parthia proved to be one of the four «world powers» of Late Antiquity, together with Rome, the Kushan and Chinese Han empires.

At the same time, the Arsacids never broke off with the nomadic world of Central Asia. In particular, warriors from the steppe periphery were one of the main sources of manpower for troops of the Parthian kings to conduct intestine and external wars.

M. J. OLBRYCHT (POLAND)

**POLICY AND ROYAL PROPAGANDA IN PARTHIA:
HELLENISTIC CONCEPTS VERSUS NOMADIC
AND IRANIAN TRADITION UNDER THE ARSACIDS**

Introduction

The present article, while focusing on the period of the elder Arsacids (ca. 250 BC — AD 11/12), attempts to reconstruct some aspects of Parthian royal ideology. It is concerned with the attitude of the Parthian Arsacids towards the Greeks and Macedonians as well as to certain Hellenistic traditions. The study also demonstrates some concepts of Arsacid policy and ideology rooted in nomadic (Central Asian) as well as Iranian traditions, the latter going back to the culture of pre-Hellenistic Parthyaia and of the Achaemenid empire. These topics may be investigated from different angles, but one of the aims of this study is an attempt to give an interpretative framework to the famous finds from Old Nisa/Bagir in Turkmenistan. Objects and monuments from this site, especially those connected with the Hellenistic tradition, are believed to document the dominating tastes of the Arsacids and of the Parthian elite (Invernizzi 1998). Yet, the whole problem seems to be much more complicated.

The Age of Hellenism in Eastern and Central Asia: Alexander through the Seleucids

After the conquests of Alexander the Great, the Greeks and Macedonians came into constant and close contact with the peoples of the Near East and Central Asia. In this epoch, which is termed Hellenistic, the Greeks and Macedonians brought with themselves a mighty wave of Hellenisation, Greek culture expanded in the Near and Middle East up to the areas of what today is Turkmenistan, Uzbekistan and Tadjikistan. The main heirs of Alexander in Asia became the Seleucids (for details, see: Sherwin-White, Kuhrt 1993; Wolski 1999). In the Seleucid epoch, a Graeco-Macedonian ruling class installed itself in the new cities, occupying the position of authority in the court, the army and the bureaucracy. The mainstay of the Seleucid kingdom formed king, his «friends» and the army. Natives had little access to high status.

About the middle of the 3rd century BC, the north-eastern satrapies of the Seleucid empire, Bactria with the adjacent areas including Sogdiana, and Parthyaia with Hyrcania, gained independence from the Seleucids. In the area of Parthyaia and Hyrcania a new kingdom emerged whose founder was a certain Arsaces, a ruler from the steppes of Central Asia. The Arsacid state came into existence in the sphere of interaction between the sedentary world of Parthyaia and Hyrcania (what today is Turkmenistan and northeastern Iran) and the northern steppe expanses of Central Asia, and very quickly managed to achieve the status of a world power. For this reason it is desirable to gain a better understanding of the importance of the Central Asian (nomadic), Iranian and Hellenistic components in the emerging and further history of Parthia. These questions are still being discussed and are explained in different ways by different scholars (Koshelenko 1971; Wolski 1983; Wiesehöfer 1996; Olbrycht 1997; 1998: 51 ff.)

Under Seleucid rule, southern areas of Western Turkestan (especially Bactria, parts of Sogdiana) and Iran (including Margiana and Media) experienced a great urban growth. The cities were instruments of colonization and served as military as well as economic centres. To the east of the Euphrates, Media became the main centre of Hellenism for Western Iran as was Bactria for Central Asia and Eastern Iran. That's why the Media — Bactria route was of crucial significance for the Seleucids. The area of Parthyaia, Areia and Margiana — being the main line connecting Media and Mesopotamia with Bactria — acquired an exceptional importance as a key to control the Seleucid northeastern satrapies in that region, some Hellenistic

colonies were founded (cf. Koshelenko 1979). Pliny (6.113) knows the city of Alexandropolis in Nisaca, a region in Parthyaia, which is otherwise unattested. It is believed that this city may be identified with Parthaunisa or Nisaia, mentioned by Isidore of Charax (Mans. 12) Alexandropolis or Parthaunisa is usually located at the site of New Nisa (Koshelenko 1979: 129). The failure of New Nisa to yield Hellenistic remains leaves room for doubt about the identification of the site. However, we should await new archaeological excavations at this site. There are also doubts about the identification of Old Nisa/Bagir with Parthaunisa (cf. Pilipko 1989; Olbrycht 1998: 74). Within the boundaries of Parthyaia the capital city of Hecatompylus was situated, refounded by the Seleucids. Strategically important were Hellenistic colonies in the adjacent areas, including Alexandria/Antiocheia in Margiana and Alexandria in Areia (Herat). Attributable to the early Seleucid period on the basis of literary tradition are some minor colonies in Parthyaia and Areia such as Soteira, Kalliope, Charis and Achaia (App. Syr. 57/298).

The development of the Arsacid Kingdom: main periods of Parthian history

A particular problem in Arsacid history is its chronology. For any study of the ideology and culture under the Arsacids it is exceedingly important to treat these subjects in connection with the main development phases of the Arsacid kingdom. Tentatively, the epoch of the elder Arsacids can be divided into three periods:

Period I. This period embraces the time span from about 250 to 170 BC. The state of the Arsacids was firmly established and the Arsacid kings managed to consolidate their position against Seleucid attempts to regain the Parthian territories.

Period II. The second period is to be dated from about 170 up to 87 BC. Under Mithradates I (ca. 170—138 BC), Parthia became the most significant state power in Mesopotamia, Iran and Western Turkestan. Mithradates II (124/3—88/87 BC) fought successfully the nomadic tribes from Inner Asia and renewed Parthian power in Central Asia and the Near East.

Period III. This period covers the years from 87 BC to AD 11/12. After the death of Mithradates, several little known kings ruled in Parthia. It was Sinatruces (ca. 78/78—70/69 BC) who established a new branch of the Arsacids, which ended with Vonones I (till AD 11/12).

The Arsacids versus the Greeks and Macedonians — political and ideological aspects

Many of the Arsacids used the title *philhellen* but its real significance in a Parthian context remains disputable (Wolski 1983; Bernard 1985, Wiesehöfer 1996; Olbrycht 1997). It seems that this epithet cannot always be treated as a proof of real political proclamations. Moreover, in the attitude of the Arsacids to the Graeco-Macedonian culture and the population of Graeco-Macedonian origin we should distinguish between some important aspects. A first aspect are the political relations between the Arsacids and the Graeco-Macedonian population in Parthia. In their political propaganda, the Arsacids sometimes targeted on the Hellenes to gain their support. A second aspect is the Arsacid approach to the Seleucid structures and achievements in economy and administration. A third aspect are the approaches of the Arsacid kings to the Greek traditions in culture, art and religion. On the whole, these three main aspects should be treated separately. Thus, for example, the cultural «philhellenism» of the Arsacid kings was not always connected with a political support for the Greeks. It is discernible in the case of Orodes, who was well acquainted with the Greek language and literature (Plut. Crass. 33), but had no hesitation in devastating the main Greek city in Parthia, Seleucia on the Tigris. On the other hand, of course, there were no clear-cut limitations between these three main different aspects, and they often affected each other. Furthermore, it is important to investigate the attitudes of the Arsacids to the Hellenism in a diachronic perspective; an attempt at such a periodisation is presented above.

Under the Arsacids, the old Graeco-Macedonian elite was eliminated from the state structure. At the same time, Greeks and Macedonians made an important part of the population in the Arsacid empire, especially in Mesopotamia and Media; but also in Hyrcania, Parthyaia and Margiana. So, it seems very probable that the city of Sirynx in Hyrcania was strengthened by Greek engineers in Parthian service (Olbrycht 1992—3: 132). Its Greek inhabitants were,

however, put to death by the Parthians just before the city was taken by assault during the war of Antiochus III against the Arsacid state (209 BC). The Graeco-Macedonian population played an important part in the last offensive wars of the Seleucids against Parthia. An example of the Parthian pragmatic approach to politics towards the Greeks and Macedonians is the war between Antiochus VII and Phraates II (130—129 BC). The Greek cities in Parthia, being burdened by the garrisons and offensive behaviour of the Seleucid soldiers, revolted and allied themselves with the Arsacid king (Iust. 38.10.8). This example clearly shows that not always the Greeks of Media and Mesopotamia sided with the Seleucids.

The title *philhellen* appeared on Arsacid coins at the end of phase II, under Mithradates I (140/139 and 139/138 BC). This propaganda measurement was introduced in connection with the conquest of Babylonia and the Parthian victory over the attacking Demetrius II. The epithet *philhellen*, not attested under Phraates II (ca. 138—128 BC), reappeared only on few coin issues minted in Margiana and Media under Artabanos I and Mithradates II. The Arsacids intended in that case to gain support of the Greeks from Media and from Antiocheia in Margiana during Parthian campaigns against the nomad invasions and the following offensive operations in Central Asia and Iran. In western Parthia, the epithet *philhellen* was introduced only at the very end of Mithradates II's reign (Sellwood's type 32). These issues were connected with Parthian activities towards the Hellenic population of Mesopotamia and the Seleucids in Syria. In phase III, legends on Parthian coins stabilised and continually contained the title *philhellen*. The most probable explanation of this fact is the pressure of the Roman empire; the Arsacids tried to persuade the Greeks to give no support to the Parthians' enemies in the west.

After the Arsacids had subjugated many areas inhabited by Greeks and Macedonians, they had to face a number of problems relating to the economic systems and state structures as well in the seized Seleucid territories. Due to that the Arsacids had to adopt some forms of the Seleucid state organisation. First of all, they adopted the Seleucid model of coinage system though with some modifications. This resulted from the market needs for continuity in economy and commerce. The legends on Arsacid coins in phases I—III were written — with few exceptions — in Greek, and contain Greek titles. The Arsacids adopted the Seleucid era and some elements of the Seleucid administration (including the posts of strategoi and epistatai). Under the Arsacids, a Greek city, polis, was formally to some extent autonomous (e. g. Susa, cf. Huyse 1996: 70). In fact, however, it was often fully controlled by the royal officials.

Greek culture and religious beliefs were, especially in some periods, much appreciated by parts of the Parthian aristocracy and by some Arsacid kings. A dedication from Delos testifies to close contacts of Mithradates II with one of the most important Greek religious centres (SEG 36, 741; Huyse 1996: 68). At the Parthian site of Old Nisa/Bagir we can observe the dominant position of Hellenistic artistic forms in phase II—III. However, a number of finds from Old Nisa cannot be interpreted simply as examples of an art which existed at the court of the Arsacid kings. Some of them are to be treated as imports or spoils (cf. Bernard 1985: 89—91), others were executed not for the kings but for representatives of the Greek population in Parthia (as the clay helmeted head from the Square Hall Building, discovered by V. N. Pilipko). Only few objects can be with certainty assigned to the Arsacid elite and dynasty.

Some aspects of Arsacid ideology — concluding remarks

The principal influence on the social structure of the Arsacid heartlands as well as of the Arsacid Parthian state as a whole was exerted by the nomadic legacy of the Apami. This inheritance is discernible in the social structure of Parthia, the military organization of society and in Parthian military practices. But the Arsacids had to modify and enlarge their ideology going far beyond the nomadic traditions. They showed the ability to adopt promptly and efficiently many achievements of sedentary cultures. Thus, the establishment of the Arsacid coinage, that was in denominations Hellenistic, took place — already under Arsaces I, the first issues demonstrate in script and iconography certain features which go back to Achaemenid and nomadic traditions (Olbrycht 1998: 66 ff). Early Arsacid coins show on the reverse a ruler in a special dress of steppe origin containing trousers and a caftan; he also wears a sleeved coat

stung over the shoulders resembling the *kandys*, a coat worn by the Medes, Persians and Parthians in Achaemenid times. The ruler holds a bow, an insignium known in the nomadic world in the investiture scenes. The obverse types show a portrait of the ruler with *kyrbasta*, a head-gear attested for the elite of the Achaemenid empire. The legends are written in Greek and in Aramaic, the titles are borrowed from the Hellenistic and Achaemenid repertoire (*autokrator* and *karny*) thus linking Seleucid and Achaemenid traditions.

The political attitude of the Arsacids towards the Greeks and Macedonians demonstrates their propaganda on coins. It is evident, that the epithet *philhellen* resulted from pragmatic goals of the Arsacids. Such a policy was carried out by Mithradates I. According to Diodorus (33.18), «Arsaces» (i. e. Mithradates I), by «pursuing a set policy of elemency and humanity, won an automatic stream of advantages and further enlarged his kingdom». Having made himself master over many peoples, moreover, «he did not cultivate luxury or arrogance, the usual accompaniments of power». Generosity counted for a lot in the Hellenistic world, a display of magnanimity showed wealth and control of huge resources.

The real character of the relations between the Arsacids and the Greeks shows the establishment of a royal Parthian residence at Ctesiphon. In phase in, during the 1st century BC, the Arsacids transformed the «large village Ctesiphon» into their royal winter residence. In connection with that, they intended to come to terms with the Greek inhabitants of Seleucia on the Tigris «in order that the Seleuceians might not be oppressed by having the Scythian folk or soldiery quartered amongst them» (Strab. 16.1.16/C 743). Thus, this statement shows the Arsacid insistence on old habits connected with their nomadic ethos as Ctesiphon was provided «with the arts that are pleasing to the Parthians», at the same time, the Arsacids demonstrated their pragmatic political «philhellenism» towards the inhabitants of Seleucia.

М. Б. ДУРДЫЕВ (АШГАБАТ)

О КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ ПАРФЯНСКОЙ ЭПОХИ

(алтарь-очаг «пухор» с поселения Старый Мурче)

Культ огня — один из древнейших пластов духовной культуры Востока. В Туркменистане и сопредельных областях он возникает, по крайней мере, в неолите и раннем энеолите. В контексте развития культа огня формируется и культ домашнего очага, который в Туркменистане видится как асинхронный, проходя через все эпохи и сохраняя своё значение до настоящих дней.

Среди многообразия явлений материальной и духовной культуры выделяются знаковые, имеющие определённую семиотическую природу, в которых как бы закодирована этноспецифика. К числу таковых относится алтарь-очаг «пухор» с поселения Старый Мурче в предгорьях Центрального Копетдага.

Он относится к типу пристенных очагов каминного типа с прямым дымоходом в стене. Это достаточно монументальная конструкция высотой 1.6 м и шириной 1.4 м, выступающая от плоскости стены на 13 см, основная часть которой располагается в толще стены большой мощности (до 1.5 м), сложенной из сырцового кирпича.

Выступающая часть представляет собой почти квадратное сооружение со сторонами 1.2 x 1.2 м, перекрытое каминной полкой длиной 1.4 м и толщиной 10 см. На ней располагается ступенчатая пирамидка высотой 0.5 м со стреловидной нишкой — «чираг-хана» («ниша для лампы»). Топочная камера имеет план сводчатого полукруга, создавая впечатление половинки хлебной печи-тамдыра. Это впечатление усиливается тем, что в основании полукружие выступает от стены на 0.5 м, образуя тем самым полный круг. Внешнее полукружие образует бортик высотой 6 см и шириной 12 см. Близкая к этой конструкция пристенных очагов известна с энеолитического времени. На поселении Кара-Депе в Южном Туркменистане очаг представлен, по вы-

ражению его исследователей, «в виде верхней части кухонного котла в полу» (Энеолит СССР: 39), т. е. в виде как раз тамдыра.

Форма и конструктивные особенности алтаря-очага «пухор» близки к атешданам античной и средневековых эпох. Ближайшей аналогией ему может служить алтарь, фрагменты которого были обнаружены при закладке археологического шурфа у фундаментов расположенного рядом мавзолея Зенги-баба (Гара-баб) — покровителя крупного рогатого скота туркменской мифологии. В шурфе обнаружены жжённые кирпичи парфянского стандарта, из которых, видимо, был сложен пьедестал алтаря, типично парфянские метопы, вскрыта часть вымостки из парфянского кирпича, покрытая толстым слоем промасленной белой золы.

Подобная же конструкция алтаря огня представлена на фризе ритона № 8 из сокровищницы-реликвариума Старой Нисы, на других ритонах. Изображения алтарей на ритонах сопоставимы с алтарём, обнаруженным в парфянском погребении в Шами в Западном Иране (Stein 1940: pl. XXVIII), а также с изображениями атешдамов на монетах поздней античности и раннего средневековья (Göbl 1968: Taf. I—XIV).

Особый интерес представляет ступенчатая пирамидка с «чираг-ханой» «пухора» Старого Мурче. Его форма идентична ступенчатым мерлонам Старой Нисы, других памятников парфянской эпохи, необоснованно определяемым как «крепостные зубцы» или же «зубчатые парапеты».

Представляется, что форма ступенчатой пирамидки имеет сакральное значение и восходит к солярному символу в форме многоступенчатого креста на энеолитической керамике «коврового стиля» Южного Туркменистана. Ступенчатые пирамидки образуют в сасанидской иконографии корону Митры, поверх которой покоится солнечный диск (Stein 1940: 75—74, tabl. XIV). Форму ступенчатых пирамидок имеют и средневековые каменные надгробия туркменских некрополей, причём на их ступенях располагаются светильники, боковые и верхние плоскости нередко имеют рельефные изображения стрел. Наконец, в орнаментике туркменских ковровых изделий и вышивок фигуры многоступенчатого креста, полукреста, четверти креста являются ведущими. В орнаментике старинных туркменских кошм нами встречены стилизованные изображения «пухора» и ступенчатых пирамидок «чираг-ханы».

Сакральная семантика, видимо, заключена в термине «пухор», которым обозначают исключительно алтари-очаги, он не применяется для обозначения обычных отопительных и кухонных очагов. Он происходит от древнеиранских форм «пу» и «хор» («хоршед»), имеющих значение соответственно — «сын», «уста» и «солнце». «Пухор», таким образом, переводится как «сын солнца», «уста солнца». Небезынтересно в связи с этим произвести сопоставление с древнеиндийским Агни — охранителем домашнего очага, к которому в ведийских текстах применяется определение «он — уста богов». Соблазнительным представляется и сопоставление с шумерским обозначением семейной общины «пухурту» и с хеттским именем солнечного божества «Пуххор», оговорившись, что этот вопрос требует специальной проработки. Причём в туркменском языке «пухор» обозначает только семейный алтарь-очаг, храмы и алтари жертвенного огня обозначаются термином «атешкеде».

Остаётся добавить, что ещё относительно недавно алтари-очаги «пухор» были широко представлены в жилой архитектуре, однако в настоящее время алтарь-очаг с поселения Старый Мурче является единственным в Туркменистане. Учитывая его уникальность и исключительную историко-культурную ценность, силами археолого-этнографической экспедиции Туркменского государственного университета им. Махтумкули, руководимой автором, жилое строение с «пухором» на поселении Старый Мурче реставрированы.

ОГУЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ГУЗЫ ПРИАРАЛЬЯ

(центральноазиатский компонент в этногенезе туркменского народа)

В сочинениях мусульманских авторов X—XI вв., прежде всего у Ибн ал-Факиха и Гардизи, сохранились глухие отзвуки событий, приведших к образованию огузской конфедерации племён в Приаралье. Тогда уже известия об этих событиях, относимые к давним временам, обрели форму генеалогических легенд, в которых возвышение приаральской династии огузских ябгу связывалось с успешной для них борьбой за обладание «дождевым камнем», ставшим у огузов символом сакральной верховной власти. Борьба велась между владыками токуз-гузов (так мусульманские авторы называли центральноазиатских уйгуров вместе с подвластными им племенами токуз-огузов), карлуков и приаральских гузов. В записи Ибн ал-Факиха рассказ ведётся со слов гузского царевича Балкика. Согласно его повествованию, дед Балкика, который добыл «дождевой камень», поссорился со своим отцом, тогдашним царём огузов, отделился от него и откочевал с частью народа. В позднейших версиях генеалогических легенд деяния деда Балкика приписываются эпонимическому герою Огуз-хану. Место событий, связанных с образованием державы Огуз-хана, переносится в западную часть Семиречья и на Сырдарью.

Последнее обстоятельство послужило основанием для предположения, что коренными землями огузов, откуда началась их экспансия в Приаралье, было Семиречье, в частности Прииссыккулье. Однако, ни один аутентичный источник, относящийся ко времени предполагаемой экспансии, т. е. к VIII—IX вв., не упоминает огузов (гузов) среди многочисленных тюркских племён Семиречья. Между тем, сам перечень племенных групп, соперничающих из-за «дождевого камня», — уйгуры, карлуки и гузы — позволяет обоснованно предположить, что место и время их соперничества связаны с периодом и обстоятельствами становления Уйгурского каганата в Монголии (745—840 гг.).

После краха Второго Тюркского каганата (744 г.) и недолгого преобладания басмылов, каганская власть перешла к уйгурской династии Яглакаров. Своих прежних союзников карлуков уйгуры вытеснили в Семиречье, где ослабевшие тюркешские ханы с трудом удерживали контроль лишь вокруг нескольких столичных центров. Почти немедленно после ухода карлуков (747 г.) против победивших уйгуров и их ханской династии началось мощное восстание восьми других племён, входивших, помимо уйгуров, в племенной союз токуз-огузов. Первый этап внутренней войны в Уйгурском каганате длился до 750 г. Огузов поддержали токуз-татары. Вождь восставших «восьми огузов» (*секиз огуз* Селенгинской надписи), Тай Бильге тутук претендовал на каганский престол, но пал в борьбе с уйгурским Элетмиш Бильге-каганом. Восстание утихло с тем, чтобы возобновиться в 752—753 гг., когда вождя нового мятежа, Абуз-ябгу, погубила враждебность карлуков. Наконец, в 757—759 гг. восстание вспыхнуло вновь. На этот раз к огузам, кроме токуз-татар, присоединился «трёх знаменный народ тюрков», т. е. покоренные уйгурами племена Второго Тюркского каганата. Но три года войны и на этот раз кончились неудачей огузов.

После краха последней надежды сохранить независимость, значительная часть огузских, тюркских и татарских племён была принуждена покинуть свои коренные земли в Монголии. Тогда как татары передвинулись в верховья Иртыша, где сыграли важную роль в формировании племенного союза кимаков и кипчаков, огузы и тюрки, не будучи в силах преодолеть противодействие карлуков, укрепившихся в Семиречье и на Алтае, овладели регионом Приаралья и Нижней Сырдарьей, а также, в течение более столетия, соперничали с карлуками за район Фараба (Отрарский оазис) и Западного Семиречья. Ещё в 812 г., судя по сообщению ат-Табари, этот район контролировали карлуки. К 70—80-м гг. VIII в. Ибн ал-Асир относит первое появление гузов (огузов) на границах Мавераннахра.

Прямым свидетельством генетических связей токуз-огузов Монголии, гузов Приаралья и современных туркмен является упоминание в одной из открытых мною рунических надписей (терхинский памятник) мятежного племени игде (игдыров), которое «разделилось» в середине VIII в. Ушедшие на запад игдеры зафиксированы Махмудом Кашгарским (XI в.) в списке огузских (сельджукских) племён; позднее игдеры составили часть туркменского племени чоудор.

Последним указанием на двусоставный характер конфедерации приаральских кочевников, появившихся в XI в. в Восточной Европе, стали упоминания их в русских летописях под именем тюрков (тюрков), а в византийских хрониках — под именем узов (огузов). Так, на далеком от Приаралья западе нашло неожиданное подтверждение центральноазиатское прошлое создателей государств огузских ябгу и сельджукских султанов — огузов и орхонских тюрков.

S. G. KLJASHTORNIJ (ST.-PETERSBURG)

THE OGUZS OF CENTRAL ASIA AND THE GUZS OF ARAL REGION

Some traces of the origin of the Oguz tribal confederation in the Aral region can be found in the historical works of the Islamic writers of the 10th and 11th centuries. Those of Ibn al-Fakih and Gardizi should be distinguished. The authors present the facts in the shape of genealogical legends which connected both the victory of the Oguz-Yabgu dynasty in the Aral region and their successful struggle for the «Rain Stone» — a sacred Oguzian symbol of supreme power.

Three rulers, those of the Tokuz-Guz (the Islamic writers used this term to define the Uighurs of the Central Asia as well as their subordinate subjects — the tribes of the Tokuz-Oguz), the Karluks, and the Guzs of the Aral region had been struggled for a long time. According to the words of Balkik (a son of a Guzian ruler) transmitted by Ibn al-Fakih, it was Balkik's grandfather who managed to get the «Rain Stone». Afterwards he broke his relations with his father, the ruler of the Oguzs, taking away a part of Oguz people.

Later versions of the genealogical legends ascribed the deeds of Balkik's grandfather to the eponym hero Oguz Han, removing the place of the origin of Oguz Ban's state to the western part of Djetisu as well as to Sir-Darya basin.

The latter was the reason for some scholars to suppose that the native territory of the Oguzs could be the region of Djetisu, especially the lands adjacent to the Lake Issikkul where they began their expansion from. However none of the original sources dating back to the period into consideration, that is the 8th — 9th centuries, mentioned the Oguz (Guz) among the numerous Turkic tribes inhabited Djetisu. In my opinion, the very list of the tribes fighting for the «Rain Stone» makes it possible to associate their struggle with the historical circumstances under which the formation of the Uighur Kaganate in Mongolia (745—840) took place.

After the collapse of the Second Turkic Kaganate followed by the short-lived supremacy of the Basmils the power of Kagan was taken by the Uighur Dynasty of the Yaglakar. They pushed their former allies, the Karluks, into the region of Djetisu where only few towns were still under the control of the Turgesh khans.

Hardly had the Karluks gone (747) the Uighur dynasty faced the revolt of eight other tribes belonging to the tribes belonging to the Tokuz-Oguz confederation. The first stage of the revolt ended in 750 with the defeat of Tay with the defeat of Tay Bilgetutuk, the ruler of Sekiz Oguz (according to the Selenga inscription), who was supported by the Tokuz Tatars. Tay Bilgetutuk claimed for the throne of Kagan but was killed fighting with the forces of Eletmish Bilge Xagan of the Uighurs. The new uprising took place in 752—753. However, the head of the rebels Aoaz Yabgu failed due to the hostile attitude of the Karluks. During the third stage of the internal struggle (757—759) the Oguzs had managed to get also the

so-called «Three Banner Turkic people» (i. e. the Second Turkic Kaganate's tribes subjugated by the Uighurs) as their allies but they were routed again.

Afterwards a considerable part of Oguzian, Turkic and Tatar tribes had to leave their native lands in Mongolia. The Tatars left for the Upper Irtysh where they were to make an important contribution to the origin of the Kimak-Kipchak confederation. The Oguzs and the Turks fighting with the Karluks of Djetisu and Altay established themselves in the lands adjacent to the Aral Sea as well as to the Lower Sir-Darya. They had been struggling with the Karluks for possession of Farab (Otrar oasis) and western Djetisu for a hundred years. According to al-Tabari, the Karluks had kept this region under their control until 812 at least. According to Ibn al-Asir, for the first time the Guzs (Oguzs) appeared on the borders of Maverannahr in the '70s — '80s of the 8th century.

One of the Runic inscription discovered by myself (the Terhin inscription mentions a rebellious tribe called Igder (Igdir) which «was divided» in the middle of the 8th century. In my opinion, this is a direct evidence in favour of the existence of kindred relations between the Tokuz Oguzs of Mongolia, The Guzs of the Aral region, and modern Turkmen. Mahmud Xashgari (the 11th century) mentions among the other Oguz (Seldjuk) tribes the Igders which left for the western direction. Later the Igders was a part of the Turkmen tribe of Tchavdar.

In the old Russian chronicles, the nomads coming into Eastern Europe were known as the Turks. At the same time, the Byzantine writers called them Uzs (Oguzs). This fact confirms a two-part structure of the confederation of the Aral nomads and reflects the Central Asian part of both the founders of the Ogue-Yabgu state and those of the Great Seldjuk Sultanate, i. e. the Oguzs and the Orkhon Turks.

G. HERRMANN (GREAT BRITAIN)

THE INTERNATIONAL MERV PROJECT: A TURKMEN-BRITISH ARCHAEOLOGICAL COLLABORATION 1992— 2000

As you all know, Merv is one of the largest archaeological sites in Central Asia. It is also one at which generations of scholars have been at work, from Academician Zhukovsky in the 19th century to the detachments of Professor M. E. Masson, the founder of the YU-TAKE, and his successors. It was therefore an ambitious project for a foreigner to undertake. However, our Turkmen-British archaeological collaboration, the International Merv Project, began work at the historic urban centre of the Merv Oasis in 1992 and is currently engaged in its ninth season. We are exceptionally fortunate in being able to unite the skills and knowledge of our Turkmen and Russian colleagues with current western technology; it has been a process which we hope has been of benefit to all. It is this academic partnership that is at the centre of what we hope we have achieved.

I should like to start with the reasons why we chose to work at Merv. One was the opportunity to work as an international team in an area of major significance because of Merv's location as a «gateway» to Central Asia: control of Merv is an indicator of the relative power of states to east and west. Equally decisive in our choice was Merv's unusual pattern of urban development with a series of city-sites developing on adjacent virgin sites. Furthermore, these sites have been protected from recent development in the «Archaeological Park Ancient Merv» by the Turkmen authorities. These extensive remains offered therefore a unique opportunity to record the varying plans of the cities, while from an archaeological point of view a number of periods can be examined near surface.

During the nine seasons of our work at Merv we have undertaken a range of surveys and excavations. We began with a cartographic programme to record the cities and the locations of the standing buildings in their environs. The ongoing revolution in satellite imagery, survey technology and portable computing power in recent years is making it possible to create a digital map base for the cities, onto which all our work can be plotted.

We have undertaken a series of surveys and selective excavations, to try to understand the history of the cities. These have in the main been focused on the ancient city, Gyaur Kala and its citadel Erk Kala. Excavations in Gyaur Kala have revealed a street of housing dating to the 4th to 5th centuries, while part of a house of the 6th — 7th centuries has been excavated in Erk Kala. These excavations, undertaken slowly and with considerable care, have enabled us to draw up a clear development in the complex problem of middle and late Sasanian ceramics, as well as providing much new information on the famous Margiana figurines.

For the first time in an ancient and medieval site in Central Asia we have been undertaking environmental recovery, that is collecting the surviving seed and bone material from the excavations, which provides fascinating information about the economy and the diet of the citizens of Merv. In more concrete terms it tells us, for instance, that cotton was already being grown in the oasis in the 4th century, and this in turn indicates that a sophisticated irrigation programme was in place.

Two of our specialists surveyed the surface of Gyaur Kala to determine the prosperity of different periods in the city. Among their finds were some unusual crucibles of a very high-fired clay. Excavations revealed a workshop of the 9th — 10th centuries with a series of specialist furnaces, in which a high-technology steel was being worked. These were the first such furnaces to be discovered, and they prove that Merv was in the forefront of technology of the time. Ongoing analytical work is adding to the story, year by year.

Our Turkmen colleagues kept telling us that there was considerable evidence for Mongol occupation at Merv — contrary to contemporary written records. We decided to extend our excavations into the citadel of the medieval city, Sultan Kala, to see whether we could confirm this exciting idea. Work in a small palace there does indeed seem to be suggesting that there was a period of significant Mongol occupation there: we have found evidence of rebuilding and fine, dark blue, glazed bowls, together with celadon from China. Planning the surviving remains of the citadel is revealing much of the occupation pattern of this unique and significant part of Sanjar's city.

Because of the layout of the cities, Merv offers exceptional opportunities for long-term comparative studies. One of the more exciting areas is the study of the fortifications. Cleaning up an old cut through the walls in Gyaur Kala has revealed the first Hellenistic fortifications, followed by four periods of major rebuilds during the Parthian and Sasanian periods. This alone offers nearly a millennium of military history, but the remarkable walls of Sultan Kala carry the story forward. Merv appears not to have been walled in the Abbasid period — perhaps why we suddenly find massive fortified kalas like the Greater Kyz Kala — but then had two fine periods of fortifications, an early hollow phase followed by a strongly fortified solid phase. And after that, there are the walls of Timurid Abdullah Khan Kala to complete an amazing story of military fortifications. These arguably survive at Merv in a better state and covering a longer period of time than mudbrick fortifications anywhere else in the world.

Finally, to the standing buildings themselves. These, nowadays, are threatened by the very success of modern irrigation and agriculture, for the water table is near surface and there are many salts in the ground, damaging the bricks. Many walls are heavily undercut from centuries of exposure, and are liable to collapse. While it was beyond the resources of our expedition to undertake a programme of conservation — although we hope that one will be initiated in the near future — we decided on a programme of «rescue recording» of the major standing buildings not just in the vicinity of the cities but throughout the oasis. Together, a small Turkmen-British team of scholars and architects planned the buildings, compared current plans with earlier ones, collected archive photographs and took new ones. The first of our publications of the truly remarkable mudbrick buildings, including kalas, kepter khanas, palaces, pavilions and icehouses, appeared in 1999: two more volumes on the mausolea, including one dedicated to the Mausoleum of Sanjar himself, will appear in the next

years. Even these preliminary studies are revealing important new material affecting the history of architecture, such as the introduction of the transverse vault.

Дж. ХЕРРМАНН (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕРВСКИЙ ПРОЕКТ:
ТУРКМЕНО-БРИТАНСКОЕ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В 1992—2000 ГГ.**

Известно, что Мерв является одним из самых больших среднеазиатских городищ, который исследовало несколько поколений учёных, начиная с В. А. Жуковского в XIX веке и позднее отрядами ЮТАКЭ, организованной М. Е. Массоном. Международный Мервский проект начал изучение Мервского оазиса в 1992 г. с целью объединения профессионализма и знаний наших туркменских и русских коллег с достижениями современной западной технологии, чтобы извлечь пользу в процессе исследований на основе данного академического партнерства, которого мы достигли.

Выбор Мерва в качестве объекта изучения международной экспедицией обусловлен рядом причин. Одной из них является то, что Мерв был «воротами» в Среднюю Азию и контроль над ним — показатель могущества государств, располагавшихся к западу и востоку. Другой причиной было то, что Мерв — необычный образец городского развития, представленный серией смежных, последовательных городищ. Более того, эти городища находятся под охраной туркменских властей, учредивших археологический заповедник «Древний Мерв». Следовательно, мы имеем уникальную возможность исследовать различающиеся планы городов и, в то же время, с археологической точки зрения ряд хронологических периодов по остаткам, находящимся близко к дневной поверхности.

Серия разведок и раскопок была предпринята в течение 9 сезонов, в числе которых картографическая программа описания городищ и расположенных близ них архитектурных памятников. Революция в области космических снимков и компьютерных технологий предоставила возможность сделать карту, основанную на цифровой технологии, на которую нанесены результаты всех работ. С целью получения данных по истории древних городов были предприняты раскопки на городище Гяур Кала и его цитадели Эрк Кала. На Гяур Кале были открыты остатки окружённого улицей домовладения IV—V вв. н. э., а на Эрк Кале часть дома VI—VII вв. н. э., что позволило обрисовать сложный комплекс проблем средне- и позднеасанидской керамики, а также добавило много новой информации о знаменитых маргианских терракотах.

Впервые для древних и средневековых городищ Средней Азии получены данные по окружающей среде, основанные на изучении костей и семян, собранных в процессе промывания и просеивания культурного слоя, которые характеризуют некоторые черты экономики и обеспечения пищей горожан Мерва. Например, можно утверждать, что хлопок выращивался в оазисе уже в IV в. н. э., что предполагает наличие сложной программы ирригации.

При изучении поверхности городища Гяур Кала были найдены тигли. Раскопки на этом участке обнаружили мастерскую IX—X вв. с остатками специальных печей, в которых производилась высококачественная сталь. Такие печи открыты впервые и они показывают, что в Мерве применялась передовая технология того времени.

Наши туркменские коллеги рассказали нам, что, в противовес сообщениям письменных источников, имеются свидетельства обживания Мерва при монголах. С целью подтверждения этого предположения были предприняты раскопки небольшого здания дворцового характера в цитадели Султан Калы, где были обнаружены явные свидетельства значительного периода обживания при монголах, в том числе, перестройка здания, изящные тёмносиние гладкие чаши, найденные вместе с фарфором из Китая.

Вследствие компоновки городов Мерв представляет исключительные возможности для долговременных сравнительных исследований. Одной из наиболее впечатляющих возможностей является изучение оборонительных сооружений. Раскопки на месте старого разреза стен Гяур Калы открыли первые эллинистические оборонительные сооружения, за которыми следовали 4 периода крупных перестроек парфянского и сасанидского времени. Это, само по себе, представляет данные для почти тысячелетия развития фортификации, однако замечательные стены Султан Калы продолжают историю развития далее. Мерв, по-видимому, не был окружён стеной в аббасидский период и, вероятно, поэтому неожиданно появляются массивные, укрепленные усадьбы наподобие Большой Кыз Калы, но затем в Мерве наблюдаются два чётких периода оборонительных сооружений.

Первый, подразделяющийся на 2 фазы — сначала полых и, позднее, сплошных стен, представлен на Султан Кале. Второй, завершающий эту удивительную историю фортификации, — на Абдулла Хан Кале тимуридского времени. Эти свидетельства сохранились в Мерве в лучшем состоянии и на протяжении более долгого времени, чем оборонительные сооружения из сырцового кирпича где-либо ещё в мире.

Архитектурные памятники в настоящее время находятся под угрозой, вследствие высокого уровня грунтовых вод и солей в почве, разрушающих сырцовые кирпичи. Многие стены, на протяжении веков находившиеся под воздействием дождя, готовы упасть. Несмотря на то, что программа реставрации памятников не могла быть предпринята нашей экспедицией, хотя, как мы надеемся, это будет реализовано в будущем, было решено осуществить программу «регистрации состояния» большинства архитектурных памятников не только в окрестностях городищ, но и во всём оазисе. Небольшая группа туркменских и британских учёных и архитекторов осуществила съёмку планов памятников, сравнила современные планы с более ранними, собрала архивные фотографии и сделала новые.

Первая из наших публикаций действительно замечательных сырцовых памятников, включающих укрепленные усадьбы, каптарханы, дворцы, павильоны и лёдники, вышла из печати в 1999 г. Ещё два тома по мавзолеям, один из которых будет посвящён мавзолею султана Санджара, появятся в ближайшие годы. Эти предварительные исследования обнаруживают новый важный материал, затрагивающий такой момент в истории архитектуры, как появление поперечного свода.

В. А. ЗАВЬЯЛОВ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГЯУР КАЛЫ (по результатам работ международного Мервского проекта IMP)

Фортификационные сооружения на протяжении долгого времени оставались и до сих пор остаются в центре внимания исследователей, что ярко представлено результатами археологических работ в разных регионах Средней Азии: Бактрии, Маргиане, Согдиане и Хорезме. В 1997 г. международный Мервский проект продолжил изучение оборонительных сооружений в юго-западном углу городища Гяур Кала, начатое ещё в 1957 г. ЮТАКЭ. Эта новая ступень исследований уже внесла существенные коррективы в результаты предшествующих работ, касающиеся, прежде всего, целого ряда весьма примечательных конструктивных элементов на данном участке фортификации древнего города. Кроме того, в процессе работ были получены новые данные для относительной датировки и периодизации строительства и ремонтов оборонительных сооружений, проводившихся в древности. Совокупность этих данных, в сочетании с известными к настоящему времени свидетельствами письменных источников, прямо или косвенно касающихся Мерва, позволяет конкретизировать некоторые общие и особенные черты развития фортификации в среднеазиатском регионе.

Первая стена. Практически все исследователи связывают строительство первых оборонительных сооружений, окружающих ныне городище Гяур Кала, с тем промежутком селевкидского периода между 293—261 гг. до н. э., когда Антиох I Селтер становится сначала сорегентом по управлению восточными провинциями, а затем, после 281 г., и единоличным правителем всей селевкидской империи, причём большинство учёных предпочитают относить начало строительства к начальным этапам созидательной деятельности Антиоха. Даже при отсутствии конкретных сведений письменных источников о темпах и сроках возведения первой оборонительной стены ясно, что она была построена в данном, не более чем 30-летнем промежутке времени.

В процессе осуществления разреза оборонительных сооружений на этом участке городища сотрудниками ЮТАКЭ в конце 50-х годов была совершенно правильно идентифицирована слегка наклонная сверху наружная грань первой стены, однако приблизительно намеченная внутренняя ее грань, как выяснилось, имеет совершенно другие очертания, обусловленные конструктивными особенностями стены. Выяснилось, что верхняя часть селевкидской стены сохранилась полностью и представляет собой зубчатый парапет, позади которого находится дорожка для стрелков. Парапет толщиной не более 0.5 м возведен из квадратного сырцового кирпича на высоту человека среднего роста. Верх, наружная и внутренняя поверхности парапета были тщательно оштукатурены саманной штукатуркой в несколько приёмов. Внутренняя грань парапета в пределах раскопанного участка для прочности была укреплена двумя полукруглыми контрфорсами, напоминающими полуколонны, также оштукатуренными. Несколько слоёв этой штукатурки плавно с выкружкой переходили на поверхность пола дорожки для стрелков, оштукатуренной по всей своей поверхности. Пол дорожки для стрелков лежал на кладке из сырцовых кирпичей толщиной около 0.5 м, положенной поверх арочного свода, который должен был опираться на 2 стены, идущие перпендикулярно к наружному фасу. Северо-восточная из этих 2-х стенок попала в пределы раскопа и, видимо, толщина её, как и парапета не превышает толщины кирпича. На полу ниши между двумя стенами был найден запас боеприпасов, состоявший из круглых ядер диаметром 10—12 см и пирамидообразных тетрагидр. Все они были изготовлены из обожжённой глины. Позади ниши также, как и позади парапета верхнего яруса, находилась дорожка для обороняющихся, ограниченная со стороны города невысокой около 0.6 м стенкой, толщиной в один кирпич. Пол ниши, дорожки и внутренняя грань барьерной стенки со стороны города были тщательно оштукатурены. На этом уровне исследования первой стены в сезоне 1999 г. были завершены.

Следовательно, можно утверждать, что верхний ярус обороны селевкидской стены представлял собой зубчатый парапет с дорожкой позади него, предназначенной для обороняющихся и городской стражи. С большой степенью вероятности можно также предполагать, что нижерасположенный второй ярус обороны состоял из перекрытых арочными сводами ниш, образующих ряд вдоль внутреннего фаса стены. Видимо, одной из функций ниш было хранение боеприпасов. Не исключено, что в арочных нишах будут найдены и бойницы. Расположение второго яруса обороны в средней части высоты стены не оставляет места для сомнений в том, что третий, нижний ярус обороны будет обнаружен в процессе исследований 2000 г. Более того, отсутствие каких-либо деревянных конструкций для поддержки перекрытия между верхним и средним этажами обороны и использование вместо них арочных сводов предполагает применение арочных сводов также и для поддержки перекрытия между средним и нижним этажами. Вполне вероятно, что ко времени сооружения селевкидской стены относится и высокая протейхизма, остатки которой были обнаружены в конце полевого сезона 1999 г. Принадлежность протейхизмы к системе обороны первой стены требует дополнительных исследований, т. к. она располагается также и перед второй стеной. Следует отметить, что выявленные конструктивные особенности первой сте-

ны Гяур Калы находят совершенно определённые параллели в эллинистических оборонительных сооружениях Малой Азии, построенных из камня. Это касается, прежде всего, трёхэтажных оборонительных стен с использованием арок, зафиксированных в оборонительных сооружениях Перге и Сиде. Данный факт свидетельствует о том, что строительство велось опытными военными инженерами, знакомыми с канонами строительства оборонительных сооружений того времени.

Вторая стена. Время её возведения остается проблематичным, вследствие отсутствия конкретных свидетельств письменных источников. Археологические данные базируются на редких находках фрагментов керамики, датированной III—II вв. до н. э., в растворе между кирпичами кладки стены, а также на стратиграфических наблюдениях, однозначно свидетельствующих, что вторая стена вплотную пристроена к наружному фасаду первой и что к ней, в свою очередь, пристроена третья стена, строительство которой может быть связано с приходом парфян. Общий историко-политический контекст указывает скорее на последнюю треть греко-бактрийского периода, учитывая, что Маргиана до парфянского завоевания входила в состав греко-бактрийского царства.

При строительстве второй стены кирпичом были заложены обе дорожки, ниши второго яруса обороны и верх селевкидской стены, благодаря чему она и сохранилась на всю высоту. Вторая стена, по-видимому, была одноэтажной и монолитной. Её толщину составляли теперь две стены, а сохранившаяся её высота на 1.5 м превышает высоту первой стены. Самый верх её, возможно, был сnivelирован в процессе возведения третьей стены и вторично использовался в качестве дорожки, о чём свидетельствуют многочисленные промазки штукатурки, лежащие на её вершине. Наружная оштукатуренная грань второй стены возведена с наклоном кверху.

Третья стена пристраивается непосредственно к наружной грани второй, ещё более увеличивая толщину оборонительных сооружений. Конструктивно она существенно отличается от второй стены, поскольку внутри неё фиксируются, как минимум, 2 яруса обороны, представленные двумя внутренними галереями с бойницами. Бойницы нижней галереи — прямоугольные 80 x 40 см и, видимо, были сооружены вперемежку с ложными бойницами, одна из которых, идентичная обнаруженной в Старой Нисе, располагалась близ полукруглого углового бастиона. Вполне возможно, что верх стены был снабжён зубчатым парапетом, не сохранившимся в результате дальнейших перестроек. Дополнительную линию обороны образует протейхизма, возведённая на расстоянии 2.2 м от наружной грани стены на высокой платформе. Эта вторая протейхизма сначала идёт вдоль стены, а затем поворачивает и огибаёт мощный угловой полукруглый бастион, располагающийся в юго-западном углу Гяур Калы. Протейхизма снабжена бойницами и проходом для вылазок наружу, находившемся у её изгиба. Платформа, в настоящее время открытая на высоту около 2.5 м, имеет сложную конфигурацию с уступами и постепенно повышается по направлению к стене и угловому бастиону. При этом первая — эллинистическая протейхизма была вмонтирована в тело платформы, будучи заложённой изнутри и снаружи.

На втором этапе третья стена подверглась кардинальной перестройке, в процессе которой была срезана вторая протейхизма почти до нижнего уровня её бойниц, однако нижняя часть протейхизмы была оставлена и включена в тело новой платформы. Эта возведённая поверх старой новая платформа и сооружённая на ней берма заблокировали нижнюю внутреннюю галерею, включая прямоугольные и ложную бойницы. Причём, и галерея, и бойницы закладываются кирпичом. Видимо, на этом же этапе осуществляется и ремонт верхней внутренней галереи, которая теперь становится нижней. Более того, внутри неё закладываются бойницы и ниши для стрелков, проход вдоль галереи значительно сужается и, видимо, основной его функцией становится обеспечение доступа внутрь углового бастиона. Впоследствии и верхняя галерея полностью забутовывается культурным слоем.

**THE MEDIEVAL FORTIFICATIONS OF SULTAN KALA:
A UNIQUE CULTURAL HERITAGE OF TURKMENISTAN**

The Merv Oasis, situated in the south-east of Turkmenistan, has always been a major centre of Khurasan since the second millennium BC. Its main settlement, the ancient Merv, is a series of separate walled cities (fig. 1). The earliest city, Erk Kala, was probably built in the Achaemenian period. During the Seleucid period Erk Kala became the citadel of Gyaur Kala, the city founded by Antiochus I (281—261 BC). Gyaur Kala was occupied until its abandonment in the eleventh century AD but in the Early Islamic period (8th century) occupation has already started to move west, outside the city. This became the medieval city of Sultan Kala. The high-point of Sultan Kala development took place under the Seljuks when Sultan Sanj'ar (1118—1157) made it his capital. During the Ilkhanid period, in the thirteenth-fourteenth centuries, urban settlement slowly moved south. This process culminated with the creation of the city of Abdullah Khan Kala in the fifteenth century which later became the modern town of Bairam Ali.

The medieval city Sultan Kala is unique because it does not show the usual problems linked to the study of mudbrick military architecture in Iran and Central Asia:
— the medieval urban cities are very often destroyed by the quick extension of the modern settlement (Nishapur and Rey for instance in Iran);
— the few preserved cities are usually built on top of each other. The stratigraphy of this type of site is extremely complex and gives incomplete information about its military architecture because the walls are regularly scraped to build new defences (Samarkand or Bukhara for instance in Uzbekistan).

Sultan Kala is also unique because of the size and the state of preservation of its military architecture. The town has 14 km of fortifications and more than 400 towers. Its defensive system is entirely preserved with wallwalk, crenellation system and decoration (the average height of the standing walls is 5 m). Even the military architecture built with stones rarely gives that amount of information for one single period.

The quality of Sultan Kala stratigraphy and the excellent state of preservation of its walls led the International Merv Project to launch in 1996 a programme for the study of the fortifications. It succeeded to some pioneering researches made by Prof. Khodjaniazov and A. Annaev in the 1990's in some sections of the walls including two very large excavations at Firuz Gate and Kushmeikhan Gate.

The 1996 and 1997 seasons of the IMP were concerned with the survey of the standing walls. Since 1998, sections are opened in the different sectors of the fortifications. The results obtained helped to reshape the survey data and enable us to present a preliminary synthesis on the medieval fortifications of Sultan Kala. After a general view of the circuit of walls and their state of preservation, the chronological evolution of the defences revealed by the sections is presented. Then, the different elements of these fortifications are studied in detail for each period.

Main features of the city walls and its state of preservation

Sultan Kala is approximately square in plan (2 km by 1.8 km) with a citadel, known as Shahriar Ark, in its north-east corner and isolated from it by a wall of its own (fig. 2). Shahriar Ark is roughly rectangular in shape, occupying about 4.5 ha on the 400 ha of the principal town and protrude a little bit from it. The city is supplemented by two additional walled suburbs to the north and south, covering 120 ha and 110 ha respectively.

The fortifications were surrounded by a moat, an essential element for the defence of the city because the flat landscape does not provide natural obstacles. On the east side of Sultan Kala, the Razik canal — built to supply water to Gyaur Kala — was used as a ditch. For the other sides, the moat had to be excavated. The moat was 15—25 m wide and up to 4 m deep. It was probably kept dry to save water and avoid the undermining of the base of the

walls, its filling occurring only if the city was under attack. The Majan canal, which ran inside Sultan Kala and the Razik canal — on its eastern side — could have been used to supply the moat. The city's walls have an estimated total of 244 towers of which 189 survived. Over a circumference of about 8 km, the towers were built every 25—30 m apart, along the east and west walls, every 15—25 m apart, along the north and south walls. The walls of the citadel were defended with towers spaced 20—30 m apart. Out of an estimated 80 original towers, 72 are still standing. These estimations include the big salient towers present on each corner of the city and citadel. Two independent bastions completed the urban defences.

Access to the city was through four gates, positioned roughly in the middle of each side. The eastern one, called Shahristan gate, gave access to Gyaur Kala. The three others linked the city to medieval roads. The Kushmeikhan gate to the north led to the Amu Darya and the Khorezm region, the Firuz gate to the west led to the cities of Sarakhs and Abiverd, the Alamdar gate to the south led to Herat. A gate in the middle of the citadel south wall was the only access from the town.

The state of preservation of the walls is excellent for a fortification built principally of pakhsa (pisé) and mud-brick but variations can be noticed from one wall to another. The average visible height of the standing walls varies from 2m to 5 m and is the direct result of their exposure to erosion caused by the prevailing north wind and the rain. The northern and southern walls have lengthy collapsed sections because they face the wind. The east and west walls are built in the same alignment as the prevailing wind; only their salient elements — the towers — suffer from erosion. It explains why, for instance, the northern and southern walls of the citadel are the most damaged. By opposition, its eastern and western walls are particularly well preserved, with arrow-slits remaining visible along certain sections.

Evolution of the military architecture of the site. We can distinguish clearly two successive periods in the history of the walls of Sultan Kala: During the first one, hollow fortifications are in use: the curtains have gallery and the towers inner chamber. The defence involves the inside of the wall and the upper platform. During the second one, full fortification was in force: curtains and towers are solid without corridor or chamber. Only the upper platform is used for the defence.

Hollow period

Evidence for the primary hollow fortification can be found throughout the circuit of walls Sultan Kala with similar features and dimensions observed.

The walls were erected on a clay platform measuring 12—17.5 m in width and 1—3 m in height. They were 8—9 m high, built with a slight batter in order to spread the weight of the fortification. The base of the inner and outer faces were made of pakhsa blocks separated by two or three rows of mudbricks or fired bricks. In between, the central core of the wall was also made of pakhsa blocks and its top was used as a floor for the gallery or the tower chamber. Abreast the corridor, mudbricks and few fired bricks were used. Both types were square and their size varied from 21 to 24 cm per side and 6—7 cm thick.

The corridor situated 5.5—6 m above the platform, was 1.6—1.7 m high, 0.7—0.8 m wide and with an outer face 0.7—0.9 m thick. It was roofed with an arched vault made of five-six rectangular mudbricks which supported the pise layer of the wallwalk. The outer face of the corridor was pierced by arrow-slits used by bowmen and slits for ventilation and light of the gallery. This corridor was the first level of a two-level defence wall, the second one being the wallwalk.

The wallwalk with its battlements subsists in some sections of the circuit walls. The reason for this is that they were simply encased within the later wall of the solid period. Examples can be found on Curtain C75 (south city wall). Curtain C10 (north city wall) and also Tower T74 (south city wall). The battlements were pierced by regular double superposed arrow-slits situated between pillars. The lower one allowed to shoot at the base of the curtains and towers, the upper one allowed to shoot in front of them. The battlements had a decoration based on geometric patterns on their outer face.

Towers were built on similar architectural principles. They were mostly horseshoe-shaped with inner chamber pierced by three or five arrow-slits. Towers with three arrow-slits were designed for just one bowman. They had an average diameter of 2—3 m and they extended 2.5 m from the wall. Their outer wall was approximately 0.6—0.8 m wide and their inner chamber 0.8—0.95 m. Towers with five arrow-slits (two on each side, one in front) were larger and designed for more than one bowman. They had an average diameter of 3—4 m and they protruded 4—5 m from the wall. Their outer wall was approximately 0.6—0.95 m wide and their inner chamber 2.5 m. Corner towers were more powerful, built on a three-quarter round plan. They were about 10—12 m wide, extending some 8.5—11.6 m from the wall. The collapsed north-east corner tower of the citadel revealed an inner chamber 6.5 m wide with walls 1.25 m thick, and probably pierced by arrow-slits.

Powerful towers were also used for the gates as shown by their excavations. Excavation at Firuz gate, the west city gate, revealed the presence of a protruding semi-circular tower, or gatehouse, with a diameter of 28 m and an extension of 23 m from the wall. A straight corridor in the center of the tower provided access to the city itself. Only the east part of Kushmeikhan gate, the north city gate, has been excavated. This has disclosed a semi-circular tower, standing 5 m high, 8 m wide and extending 4 m from the wall. This tower was hollow and connected to a gallery on the east side. The two others city gates and the citadel's gate are unfortunately very poorly preserved owing to the bulldozing and brick-robbing. The same robbing probably occurred to the bridges which must have existed to cross the moat in front of the gates. Nothing of them survived apart at Firuz gate where the fired bricks base of its bridge was found during the excavation.

Soldiers could circulate along the wall inside the city on a platform abutting the curtains. This inner platform was built above the ground level and paved with bricks. From it, soldiers could ascend by staircase to the gallery or exit onto the outer platform and the moat through posterns. The gallery gave direct access to the tower chambers where, in the larger ones, staircases led to the wallwalk.

The study of the circulation illustrates the nature of the primary hollow fortification: a single line of curtain with a two-level defence involving the inside of the wall and the wallwalk. No major refurbishment using hollow military architecture took place in Sultan Kala although many minor repairs occurred. Instead, a radical change happened: the primary hollow fortification was replaced by solid fortification all along the circuit walls, inaugurating a new period in the history of city's defences. The excavation conducted in 1999 on the north wall of the citadel (MSK 7) suggests that an attack of Sultan Kala had triggered the move to solid fortifications.

Solid period

The solid period can be described as a gradual strengthening of the fortifications using exclusively solid walls. Unlike the hollow wall, the solid wall was directly exposed to erosion, hence the less detailed information given by the survey and the excavations.

The first phase of the strengthening was the deliberate infilling of the only line of defence existing, is the hollow wall, to provide a solid wall. Corridors, inner chambers and arrow-slits were filled with mudbricks, fired bricks, pakhsa, ash and rubble. In some cases, the wall was repaired and partially rebuilt as a solid wall.

Subsequently, sections of the first wall that were too heavily-destroyed were replaced by a new solid wall, and a solid wall was built against the sections relatively intact. This solid additional wall was built against the outer face of the curtains and the towers. Its thickness averaged 2—2.6 m for the curtains and 1.2—1.5 m for the towers. A new wallwalk was built at the top of the massive wall created with probably new battlements (unfortunately no longer surviving as the solid part wall is reduced today to a mere 1.5—2 m high). Nevertheless, we can assume that the walls were particularly high and large during this period, with a base 4.5—5 m wide. In a later phase, a second line of defence was created by the extension of the outer platform and the building of a *fausse braie*. This evolution from a hollow to a solid wall re-

quired a complete rethinking of the access and circulation of soldiers. The new system is well preserved in the citadel along the north wall. The inner platform of the hollow period was still in use. From it, soldiers could ascend by the staircase to the wallwalk or go exit onto the braie. New staircases giving access to the wallwalk were rebuilt within the gallery of the previous period. The posterns were undoubtedly multiplied to give a quicker access to the braie. The fausse braie was also pierced from place to place by posterns which gave access to the ditch (Curtain 29, north city wall).

Apart from being infilled and doubled, excavations of Firuz Gate and Kushmeikhan Gate showed that these gates were also refurbished. The straight entrance of Firuz Gate was replaced by a bent-axis corridor with two right-angles. It was designed to break the impetus of an attack as potential assailants were obliged to stop or slacken twice to turn, hence were rendered more vulnerable to the city's defenders. The width of the gate was also reduced to limit the movement of the enemy inside the corridor. A tower and others structures not identified were built in front of Kushmeikhan Gate. In advance of them a semi-circular ditch was dug which seemed to have been connected to the moat. This might be interpreted as a barbican.

Sultan Kala was also strengthened by the construction of the suburbs fortifications. They can be interpreted as an incomplete third line of defence which only protected the north and south city walls. Suburbs walls were solid, about 3 m thick, and exclusively built with pakhsa blocks. They were defended with towers spaced 25—30 m apart and protected by a dry ditch.

In a final phase, the staircases and posterns of the wall were blocked. It was probably accompanied by the systematic destruction of wallwalk and battlements of the wall. It was probably a successful attempt to dismantle the fortifications which were not used any more.

Dating

The dating of the different phases of construction of Sultan Kala's fortifications is still at a preliminary stage. The few coins found during the excavation of C20 are residual pre-islamic issues thus, for the moment, we can only rely on the ceramic material. Comparison with previous studies at Merv (Lunina 1962; 1974) and Samarkand (Shishkina 1979) suggests a eleventh-twelfth centuries date for the hollow wall and a 12th — 13th date for the solid wall and fausse braie.

Conclusion

Much have been accomplished in four years at Merv. Survey and excavations had revealed how rich and unique are the fortifications of Sultan Kala which can now be used as a reference for the study of military architecture of others sites in Turkmenistan, Iran and Central Asia. The planned study of the military architecture of Abdullah Khan Kala by the I.M.P. should provide the same kind of rewarding results in the future.

П. БРЮН (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ СУЛТАН КАЛЫ: УНИКАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТУРКМЕНИСТАНА

Мервский оазис, расположенный на юго-востоке Туркменистана был крупным центром Хорасана со второго тысячелетия до н. э. Его главное поселение, древний Мерв представляет собой серию отдельных окружённых стенами городищ. Самое раннее городище Эрк Кала, вероятно, было построено в ахеменидский период. В течение селевкидского периода Эрк Кала становится цитаделью Гяур Калы — городища, основанного Антиохом I (281—261 до н. э.). Гяур Кала была обжита до XI века, но уже в раннеисламский период началось обживание территории к западу от городища. Эта территория становится средневековой Султан Калой, расцвет которой приходится на сельджукский период, когда султан Санджар (1118—1157) учреждает здесь столицу. В те-

чение ильханидского периода в XIII—XIV вв. городское поселение медленно движется к югу, достигая кульминации в XV в. созданием городища Абдулла Хан Кала, которое позднее становится современным городом Байрам Али.

Султан Кала уникальна вследствие своих размеров и сохранности оборонительных сооружений, протянувшихся на 14 км и имеющих более 400 башен. Оборонительная система с дорожкой для обороняющихся, множеством амбразур и элементов украшений сохранилась почти полностью (в среднем высота стен достигает 5 м). Даже фортификационные сооружения, возведённые из камня, редко дают такое количество информации для одного периода существования.

Султан Кала, приблизительно квадратная в плане (2 x 1.8 км), имеет цитадель в северо-восточном углу, известную под названием Шахриар Арк и отделённую от города своей собственной стеной. Форма цитадели приближается к квадрату, занимая площадь 4.5 га из 400 га всей городской площади. На севере и юге к городу примыкают два окружённых стенами пригорода площадью 120 га и 110 га соответственно. Оборонительные сооружения были окружены рвом шириной 15—25 м и глубиной до 4 метров, видимо, заполнявшимся водой только в случае нападения. Для заполнения его водой могли использоваться каналы Маджан и Разик. Городские стены имели 244 башни, 189 из которых сохранились. На окружности около 8 км башни были построены через 25—30 м по восточной и западной стенам и через 15—25 м по северной и южной стенам. Стены цитадели были защищены башнями, размещавшимися через 20—30 м. Из 80 первоначальных башен сохранилось 72. В эти подсчёты входят большие башни, представленные на каждом углу города и цитадели. Два независимых бастиона завершают городскую оборону. Доступ в город осуществлялся через четверо ворот, помещавшихся приблизительно в центре каждой из сторон.

В истории стен Султан Калы ясно различаются два последовательных периода. На протяжении периода полых стен куртины имели галерею, а башни — помещения. Оборона осуществлялась изнутри стен и с верхней платформы. Стены в этот период были воздвигнуты на глиняной платформе шириной 12—17.5 м и высотой 1—3 м. Их высота достигала 8—9 м. Внутрстенный коридор высотой 1.6—1.7 м и шириной 0.7—0.8 м располагался на 5.5—6 м выше платформы. На его сводчатом потолке, построенном из квадратного сырцового кирпича, лежал слой пахсы, на котором находилась дорожка для стрелков. Наружная стена коридора имела бойницы для лучников, а также световые и вентиляционные окна. Располагавшийся наверху стены зубчатый парапет имел два ряда бойниц, нижний из которых давал возможность для обстрела оснований куртин и башен, а верхний — пространства перед ними. Башни, в большинстве случаев подковообразной формы, имели 3 или 5 бойниц. Башни с тремя бойницами предназначались для одного стрелка, а с пятью — для большего их количества. Угловые башни были более мощными. Мощными башнями были также укреплены ворота. Солдаты могли перемещаться вдоль стен внутри города по платформе, примыкавшей к куртинам, откуда по лестницам они могли попасть в галерею или через внутренние проходы выйти на платформу перед стеной и ко рву. Галерея давала прямой доступ во внутрибашенные помещения, а в больших башнях лестницы вели к верхней дорожке для стрелков.

На протяжении периода сплошных стен куртины и башни были без коридоров и помещений и только верхняя платформа использовалась для обороны. На первом этапе укрепления обороны коридоры, внутрибашенные помещения и бойницы были забутованы сырцовыми и обожжёнными кирпичами, пахсой, золой и мусором. Некоторые участки стены были отремонтированы, другие построены заново как сплошные. На новых участках толщина куртин достигала в среднем 2—2.6 м, а башен — 1.2—1.5 м. Наверху стены была сооружена дорожка для стрелков и, видимо, новый зубчатый парапет. На более позднем этапе сооружается вторая линия обороны, когда наружная платформа была расширена и построен бруствер. Эволюция от полой к сплошной стене требовала пересмотра возможностей перемещения защитников, которые посредством лестниц и

внутренних проходов могли бы подниматься на стрелковую дорожку и выходить к брустверу. Для этой цели внутри старой галереи были сооружены новые лестницы, а количество внутренних проходов, обеспечивавших доступ к брустверу, было увеличено. Бруствер в некоторых местах также имел проходы, чтобы обеспечить доступ ко рву. Пригороды с севера и юга Султан Калы были также укреплены оборонительными сооружениями, которые можно интерпретировать как незавершённую третью линию обороны. Эти сплошные стены шириной около 3 м были построены исключительно из пахсовых блоков, защищены башнями, располагавшимися через 25—30 м, и сухим рвом.

Датировка различных фаз строительства оборонительных сооружений Султан Калы всё ещё в стадии проработки. Несколько монет, найденных при раскопках куртины 20, являются переотложенными доисламскими. В настоящий момент можно опираться на керамический материал. Сравнение с предшествующими исследованиями в Мерве (Лунина 1962; 1974) и Самарканде (Шишкина 1979) предполагает XI—XII вв. для периода полых стен и XII—XIII вв. для периода сплошных стен с бруствером.

А. О. БЕРДЫЕВ (АШГАБАТ)

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЭПОХИ ТУРКМЕНИСТАНА

1. В настоящее время, когда Туркменистан приобрел независимость, наблюдается резкое возрастание интереса к своему историческому прошлому, к памятникам культуры, искусства и литературы. На современном этапе восстановления самостоятельности государства настала необходимость пересмотреть прошлое туркменского народа, восстановить его подлинную историю, что стало возможным, благодаря большому вниманию лидера нации — Великого Сапармурата Туркменбаши к вопросам истории и культуры туркменского народа. Здесь уместно привести слова Президента Туркменистана С. А. Ниязова, сказанные на одном из его выступлений: «За прошедший период Туркменистан не смог должным образом оценить свои исторические ценности, проявить необходимое внимание к памятникам своей древней культуры, а теперь, когда республика обретает настоящую государственность и включается в мировой исторический и культурный процесс, мы рассматриваем эту проблему, как одну из наиболее важных». В связи с этим, в настоящее время изучение культурного наследия позднесредневекового периода, эпохи, когда формировалась современная структура расселения туркменских племён, происходила трансформация и синтез культурного наследия как составного компонента культурной системы туркменского народа, имеет особую актуальность и ценность.

2. Материальная культура Южного Туркменистана позднесредневекового периода (XVI—XVIII вв.) до недавнего времени находилась в стадии малой изученности. При богатом и разнообразном освещении в средневековых письменных источниках вопросов политической и социальной истории, очень скудны сведения о материальной культуре рассматриваемого периода. В работах конца XIX — начала XX в. русских и европейских путешественников, военнослужащих и исследователей также упоминаются отдельные памятники поры позднего средневековья. Однако, ими изучались археологические и архитектурные памятники как бы попутно, и лишь в общих чертах затрагивались вопросы материальной культуры. В определённой мере они были учтены при более систематических исследованиях изучаемых памятников в 30-е и 60-е годы XX века. Примером таких работ могут служить исследования Хаверанской экспедиции 1928 г. под руководством А. А. Семенова, проводившего археологические работы в Какинском этрапе и XIII отряда ЮТАКЭ под общим руководством М. Е. Массона, проводившего археолого-архитектурные исследования на позднесредневековых памятниках Южного Туркменистана. Поиски были сконцентрированы главным образом на изучении

жилой архитектуры, а также типов и структуры поселений туркменских племён XVIII—XIX вв., в то время как быт и культура туркменского народа XVI—XVII вв. по существу остались без внимания археологов.

В связи с этим, до сих пор учёным-историкам, при написании обобщающих трудов по истории и культуре туркменского народа, в соответствующем разделе приходится пользоваться ограниченными материалами 60-х годов, написанных исключительно на основе визуального изучения памятников. Что же касается более ранних этапов изучаемого периода (XVI—XVII вв.), то здесь вообще отсутствуют исследования, отражающие хотя бы отдельные аспекты материальной культуры.

3. Учитывая всё это, нами в 90-е годы XX в., в течение нескольких лет, под научным руководством В. М. Массона, проведено комплексное изучение позднесредневековых памятников Туркменистана. Выявлено и нанесено на карту значительное количество ранее неизвестных в науке поселений, разработана их типологическая классификация. Если до последних лет в научной литературе во всех исследованиях фигурировало всего несколько крупных городов, таких как Дурун, Ниса, Анау, Пештаг и Мерв, то, после первых наших разведок, их число увеличилось до двух десятков. Впервые введено в научный оборот большое количество археологического материала, полученного нами в период полевых раскопок; выявлены комплексы керамики, выделена типология нумизматического материала и т. д.

Параллельно с этими исследованиями проводилось сплошное историко-археологическое и архитектурное изучение (фиксация, локализация, описание) памятников общественного и культового назначения. Выявлены десятки ранее неизвестных в науке мавзолеев, мечетей и медресе, относящихся к XVI—XIX вв., которые позволяют получить важные сведения о материальной и духовной культуре туркменского народа.

В проведённом нами исследовании можно отметить два важных направления. Во-первых, на основе сплошного учёта памятников составлена карта позднесредневековых поселений, воссоздающая реальную среду для реконструкции системы расселения, как основы для последующих социологических реконструкций. Во-вторых, детальный анализ объектов материальной культуры, позволил дать реконструкцию процессов культурогенеза, когда творчески соединялись высокие традиции поры развитого средневековья и инновации, связанные с эпохальными и этническими изменениями.

4. В результате полученных материалов обращают на себя внимание две главные особенности. **Первая** — это несомненные черты определённого регресса и стагнации, проявляющейся во всех основных сферах культурной жизни. Многие древние городские центры претерпевают постоянный спад, городская культура несёт черты огрубления. Правда, это касается черт материальной культуры, тогда как художественное творчество туркменских племён, расселившихся по обширным территориям, обнаруживает все признаки разнообразия и богатства. Отвечавшие запросам национального вкуса ковры и оригинальные ювелирные изделия оставались на уровне высоких художественных достижений.

Вторая важная особенность, — это сохранение старых традиций, несмотря на определённую смену населения, принесшего новые приёмы хозяйственности и менталитета. Уже в работах ЮТАКЭ 60-х годов было отмечено, что примитивное представление о туркменах, сменявших оседлую культуру на кочевой образ жизни, было по меньшей мере неточным. Традиции оседлой культуры продолжались во многих областях. **Самим** туркменским племенам было свойственно сочетание скотоводческого и земледельческого хозяйства в рамках комплексной экономики. Тесная связь с оседло-земледельческими традициями видна уже на примере системы расселения и типов поселений, отражённых в выделенной нами типологии памятников.

Сохранение традиций оседлой культуры, в том числе, с эталонами урбанизированного комплекса, было характерной чертой культурогенеза позднесредневековой эпохи. Преemptственность отмечена и в том, что ряд городских центров сохраняется на

прежних местах, хотя сам облик их и меняется в сторону определённой аграризации, как это видно на примере Анау и Нисы. Мерв и Абиверд-Пештаг — наглядные образцы коноинитета урбанистических традиций. Они имели все основные элементы городского благоустройства: рынки, бани, водопровод, систему канализационных устройств.

Сохранение денежного обращения, включая местный городской чекан, также указывает на преемственность в сфере товарно-денежных отношений. Традиционные элементы культурогенеза могут быть также прослежены на примере строительного дела и керамического производства.

Таким образом, основные черты культурогенетических процессов позднесредневекового Туркменистана отражают характерные особенности исторического процесса непростой политической ситуации, более детальное изучение которого является актуальным вопросом исторической науки сегодняшнего дня и требованием времени.

M. SARAY (TURKEY)

WHAT MAKES A TURKMEN TO BE A TURKMEN?

Turkmen customs do. Customs and traditions became philosophy of life, i.e. philosophy of existence of all the Turkish peoples. One of the Turkish peoples known as Oguzes were Turkmens, who never separated traditions from their everyday life and continued to regard them as an integral part of their existence. What are the principles of the customs? The custom consists of three main principles-justice, equality, kindness and benevolence. The Turkmen people never forget those principles. All generations of the Turkmen people knew those principles very well, never forgot them and passed them from generation to generation.

Taking into consideration the principles of observing customs, it resembles the main unwritten law of the English, Magna Carta. The Turkmen customs, based on justice, equality and benevolence and unwritten law of the English, Magna Carta, gave democratic models of existence for both Turkmen and English peoples. In spite of that the English were under the power of royal ruling, they were one of the first nations, who inculcated the democracy in their life under the influence of the law, Magna Carta. Among the Turkish and other nations Turkmens are the nations who accepted that democratic way of life. Indeed, the travelers coming to Turkmenistan from foreign countries pointed out that the Turkmen people lived enjoying equal rights, and those principles of existence were peculiar to the society with republican statehood.

In the Turkmen states, the Seljuk and Ottoman empires, based on such wonderful characteristics as justice, equality, benevolence and representatives of other nations also lived happily in neighborhood with the Turkmens and enjoyed their hospitality. All the local and foreign sources of that time informed about that truth.

Democratic conditions, stipulated by the Turkmen customs, gave the opportunity to conduct the Turkmen Majlis, i. e. Maslahat (council) in an organized manner. The Turkmens elected their representatives from each village, tribes and sent them to Majlis, i. e. (council). All problems of the Turkmen people were discussed publicly during the Maslahat sittings.

Turkmen Maslahat worked out legal principles capable of solving social and economic problems of the people. According to those principles the Turkmen people had special rules concerning with family and financial problems and corresponding qazi solved those problems. Besides, law organizations, qazikhanas, were established for solution of problems touching upon the people's life.

In the history of the Turkmen people, there were always principles leaning on the above mentioned Turkmen customs and those principles were considered to be a bright path of the Turkmen people and measure of life. Thus, the Turkmen custom, based on democracy, benevolence and love, kept peace and unity of the Turkmen nation and created the optimum conditions for relations with other ones.

In this thesis we told in brief on the principles of Turkmen customs, which formed Turkmen as Turkmen. We also inform that in the very near future we will write a special monograph and give it to highly — esteemed Saparmurat Turkmenbashi.

М. САРАЙ (ТУРЦИЯ)

ТРАДИЦИИ И ОБЫЧАИ В ЖИЗНИ (Что делает туркмена туркменом?)

Туркмена туркменом делают туркменские обычаи. Традиции и обычаи основаны на жизненной философии. Никогда не отделявшие традиции от своей повседневной жизни и продолжавшие относиться к ним как к неотъемлемой части своего бытия, туркмены были одним из тюркских народов, которые узнавались как огузы. Какие есть принципы у обычаев? Обычаи состоят из трёх основных принципов: справедливость, равенство, доброта и доброжелательность. Туркменский народ никогда не забывал об этих принципах. Все поколения туркменского народа хорошо знали эти принципы, никогда не забывали о них передавали из поколения в поколение.

Если рассмотреть принципы соблюдения традиций, то они похожи на неписанный основной закон англичан — «Великую Хартию вольностей». Туркменские обычаи, основанные на равенстве, справедливости и доброжелательности, как и неписанный закон англичан — «Великая Хартия вольностей», дали образцы демократии туркменскому и английскому народу. Несмотря на то, что англичане были под властью Королевского правления, они были нацией, которая под влиянием «Великой Хартии вольностей» одной из первых внедрила демократию в свою жизнь. Среди тюркских и других народов туркмены — это народ принявший этот демократический уклад жизни. Путешественники, приезжающие в Туркменистан из зарубежных стран, отмечают, что туркменский народ живет в равноправии и что такие принципы существования присущи обществу с республиканским строем.

В туркменских государствах, в Сельджукской и Османской империях, такие прекрасные качества как справедливость, равенство и доброжелательность стремились положить в основу существования. Представители других наций и народов также чувствовали себя счастливо, живя в добрососедстве с туркменами и пользуясь их гостеприимством. Об этом сообщали все местные и зарубежные источники того времени.

Демократические условия, вытекающие из туркменских обычаев, дали возможность организованно проводить туркменский Меджлис, т. е. Маслахат (совет). Туркмены выбирали из своих сёл, племён представителей и отправляли их на Маслахат, т. е. совет. Все проблемы туркменского народа открыто и беспрепятственно обсуждались на заседании Маслахата. Туркменский Маслахат разработал правовые принципы, способные решать социально-экономические проблемы народа. В соответствии с этими принципами у туркменского народа были особые правила решения семейных и финансовых проблем и соответствующие кази решали эти проблемы. Кроме того, по всем вопросам, касающимся жизни народа, были созданы правовые организации — казыхана.

В истории туркменского народа всегда были принципы, опирающиеся на вышеупомянутые туркменские обычаи, и эти принципы считались светлой дорогой, мерилем жизни туркменского народа. Таким образом, туркменский обычай, состоявший из демократии, доброжелательности и любви, сохранял мир и сплочённость туркменского народа и создал оптимальные условия для поддержания отношений с другими народами.

В этом докладе мы вкратце рассказали о принципах туркменских обычаев, сформировавших туркменский народ. Также мы сообщаем о том, что в скором времени напишем об этом специальную монографию и подарим её уважаемому Президенту Сапармурату Туркменбаши.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА ТУРКМЕНСКОГО НАРОДА

1. Проблема национального менталитета стала актуальным предметом научных исследований только в последнее время. Этим объясняется и отсутствие пока достаточно чёткого определения самого понятия «национальный менталитет». В более строгом смысле «национальный менталитет» представляет собой единый для членов данной национальной общности своеобразный психологический тезаурус, позволяющий единообразно воспринимать окружающую реальность, оценивать её и действовать в ней в соответствии с определёнными устоявшимися в общности нормами и образами поведения, адекватно воспринимая и понимая при этом друг друга. Менталитет как определённая направленность сознания, самосознания и деятельности отражает социально-психологическое состояние этноса, которое складывается в результате исторически длительного и достаточно устойчивого воздействия естественно-географических, этнических и культурных условий проживания субъекта менталитета и проявляется в различных видах деятельности. Эта проблема интересна и актуальна применительно к Туркменистану в том плане, что здесь, впервые среди стран СНГ, по личной инициативе лидера нации — первого Президента Туркменистана Сапармурата Туркменбаши, выдвинута идея разработки программы духовного возрождения нации — «Рухнаме», документа, который должен стать своеобразным духовным кодексом туркменского общества, вступившего в «Золотой век» своего развития. В виду того, что речь идёт о духовном возрождении нации, без обращения к такому важному духовному феномену как национальный менталитет, воплощение программы духовного возрождения нации в жизнь практически невыполнимо.

2. При попытке описания менталитета любой этнической общности необходимо, на наш взгляд, принять во внимание следующие факторы: регион (ландшафт) исторического происхождения и обитания этноса, климат, доминирующая религия, соседствующие и контактирующие с ним этносы, основные занятия, государственное устройство и степень развитости государственных институтов. Касательно туркменского народа можно утверждать, что туркмены — это, прежде всего, народ восточный. И поэтому характерные для менталитета восточных народов черты в большинстве своем присущи и туркменам. В частности, можно отметить, что туркмены в общении с окружающими более альтруистичны (ориентированы на коллективизм, группизм и коммунизм), в быту предпочитают сверхпотреблению умеренный достаток, личностные отношения ставят выше вещественных, отличаются веротерпимостью и сравнительно большей толерантностью к неверующим, осторожно следуют испытанным методам, ориентированы на осторожное обращение с природой. Туркмены, как и многие другие восточные народы, несколько консервативны, свято верят в силу традиций и пытаются многих из них придерживаться. Поэтому для менталитета туркмен характерны черты традиционных обществ. Например, т. н. «закон подражания» (Г. Тард) чётко обнаруживает себя в повседневной жизни современных туркмен. Н. Бердяев, рассуждая о «пейзаже русской души», отмечал, что русская душа напоминает пейзаж той земли, на которой она формировалась: та же необъятность, отсутствие каких-либо пределов, устремленность в бесконечное (Бердяев 1990: 9). То же самое можно сказать и о туркменах. Широкая пустыня — Каракумы, как основное место обитания и формирования туркмен оказали своё воздействие на туркменский менталитет. Широта души, простота и открытость туркмен — прямое следствие их жизни в необъятной пустыне.

3. Статус нации как субъекта истории предполагает выделение тех движущих сил, которые непосредственно (изнутри) определяют исторические действия наций как субъектов. Одной из таких сил, на наш взгляд, и является национальный менталитет, ко-

торый как интегративный (духовно-эмоциональный и интеллектуальный) концентрат «духа народа», как наиболее подвижный компонент этого «духа», актуализирует — в определённом историческом пространстве и времени — историческую память нации и ценности национальной культуры. Изучение национального менталитета позволяет проводить аналогии и сравнения одних народов с другими не в плане предпочтения одного другому, а в плане уточнения уникальности и неповторимости каждого народа. Для духовного обновления и успешного реформирования туркменского общества нужна сегодня такая консолидирующая и мобилизующая идеология, которая была бы ориентирована именно на народ с его проблемами, с конкретными его заботами, с учётом его национального самосознания и особенностями психологии, менталитета. Именно такой идеологией должна стать, на наш взгляд, «Рухнаме» Сапармурата Туркменбаши.

Я. ОРАЗКЛЫЧЕВ (АШГАБАТ)

НЕЗАВИСИМЫЙ ТУРКМЕНИСТАН И ВОЗРОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

1. 27 октября 1991 г. произошло важное событие в истории туркменского народа. Было провозглашено независимое демократическое государство — Туркменистан. Уже в первые годы независимости его признало абсолютное большинство стран мира. Туркменистан стал членом ООН, других международных организаций. А в декабре 1995 г. Туркменистан, первым в Азии, приобрел статус постоянно нейтрального государства. В стране осуществлена программа «10 лет стабильности» и дан старт Программе социально-экономических преобразований на завершающий этап переходного периода. Существенно переустроена политическая система. Коренные изменения происходят в области экономики. Создается современная инфраструктура. Преобразуется социальная сфера.

2. Одним из важнейших направлений деятельности молодого демократического государства является возрождение национальных традиций туркменского народа. Известно, что наши предки даже в тяжёлых условиях многовековой раздробленности и независимости сумели сохранить свой язык, религию, достоинство. Однако в этой области были и огромные потери. Выступая на заседании Халк Маслахаты 14 декабря 1992 г., на котором было объявлено о предстоящем создании Движения национального возрождения, Президент Туркменистана С. А. Ниязов так охарактеризовал положение в данной области: «До сих пор наши дети не знали народных обычаев, истории, литературы и туркменской культуры. В вопросах культуры мы так ослепли, что стали пренебрежительно относиться к своей национальной одежде, обычаю, религии и языку. Постепенно всё это создало угрозу исчезновения нас с мировой арены, как нации. Эта опасность висела постоянно над нами, как дамоклов меч».

3. Следует отметить, что возрождение национальных традиций в Туркменистане началось ещё до обретения им государственной независимости. В августе 1989 г. бюро ЦК КПТ отменило своё прежнее постановление (принятое в 1951 г.) об эпосе «Горкут Ата». После длительного «ареста» эпос нашёл своих читателей. Были отменены запреты на проведение национальных праздников «Гурбан байрам», «Новруз байрам», на некоторые обычаи и традиции (садака, суннет), паломничество по святым местам, на строительство новых мечетей, бахши разрешено петь песни, не искажая слова, носящие религиозный характер. В 1990 г. был принят закон «О языке», согласно которому туркменский язык получил статус государственного языка. 12 января 1991 г. в Туркменистане впервые был отмечен «День памяти». Осуществлённые мероприятия, в частности, проведение «Дня памяти» на государственном уровне означали, что отношение к традициям народа, его истории, духовному наследию изменилось коренным образом.

4. Государственная независимость, движение национального возрождения придали мощный импульс процессу восстановления самобытной и богатой культуры туркменского народа, имеющей тысячелетнюю историю. В Туркменистане была принята и осуществляется новая образовательная политика. Создан новый письменный алфавит, идёт широкомасштабная работа по переходу на латинскую графику. С 1993 г. работает государственная комиссия по изучению и правдивому освещению истории, под руководством которой готовится многотомная история Туркменистана с древнейших времён и до наших дней. Создан Национальный музей истории и этнографии, преобразованный затем в Национальный музей Туркменистана. С 1994 г. работает Национальное управление по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры, т. к. в стране насчитывалось свыше 1500 таких памятников, абсолютное большинство которых находилось в запущенном состоянии. Была восстановлена Геок-Тепинская крепость. Все те, которые погибли там, защищая Родину, честь туркменского народа, объявлены Героями Отечественной войны. Создана пятитомная «Книга Памяти», где даны конкретные сведения о туркменистанцах, погибших на фронтах Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Указом Президента Туркменистана все они объявлены национальными Героями Туркменистана (май 2000 г.).

Восстановление исторической памяти, добрых традиций туркменского народа дополнялось и обобщалось введением ряда новых памятных дат и национальных праздников. По душе народу пришлись решения Президента Туркменистана Сапармурата Туркменбаши о проведении в стране, наряду с Днём памяти (12 января), «Новруз байрамы» (21 марта), «Гурбан байрамы» (ежегодно три дня), «Ораза байрамы» и таких праздников и дат, как День независимости (27—28 октября), День Государственного флага (19 февраля), День постоянного нейтралитета (12 декабря), День возрождения и единства и поэзии Махтумкули (18 мая), День Победы (9 мая), День скорби (8 мая), а также праздников в честь доброй традиции — добрососедства, знаменитых бахши и великих национальных символов — ковра и скакуна. Становится доброй традицией организация по линии государства паломничества к Каабе, к могиле пророка Мухаммеда (Саудовская Аравия), к могилам великого Махтумкули и его отца Довлетмаммеда Азади (Иран), Ашик Айдын пир, Бабагаммар и других высокопочитаемых народом личностей, проведение народных собраний — маслахатов, совещаний старейшин, фестивалей народно-прикладного искусства. Оживляются различные народные промыслы. Растёт новое поколение ювелиров, мастеров кузнечных, плотничьих дел, ковровщиц, вышивальщиц, мастеров по изготовлению музыкальных инструментов и т. д.

5. Независимый и нейтральный Туркменистан приступил к осуществлению задач решающего этапа переходного периода. Отличительная черта данного этапа — резкое усиление внимания к вопросам духовной культуры народа. Появление «Рухнаме» Сапармурата Туркменбаши — тому свидетельство. «Рухнаме» — это уникальное явление в духовно-культурной жизни страны. Ей суждено стать кодексом морали для нынешних и грядущих поколений народа.

Б. ЭЛЬБАУМ (АШГАБАТ)

КУЛЬТУРА УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ В НЕЗАВИСИМОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ: ПРИМЕНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОПЫТА ПРЕДКОВ

С обретением Туркменистаном независимости перед молодой суверенной страной встали сложнейшие задачи государственного строительства, коренного переустройства политической системы, совершенствования управления делами общества на новой демократической основе. Для туркменской модели преобразований при решении этих задач характерно органичное сочетание двух моментов — мирового опы-

та демократических государств и особенностей национальной психологии, традиционного уклада жизни, менталитета народа.

Национальные традиции, опыт предков в полной мере нашли своё воплощение уже в практике формирования высшего представительного органа народовластия в соответствии с Конституцией независимого Туркменистана. С давних времён для решения вопросов, затрагивающих интересы всего народа, туркмены собирались на общий Маслахат или Генгеш. На нём вырабатывались коллективные, судьбоносные решения. Именно древняя традиция туркменской народной демократии получила развитие в современных условиях. Высшим представительным органом народовластия является Халк Маслахаты (Народный Совет) Туркменистана. В его состав входят Президент, депутаты Меджлиса-парламента, избираемые народом его представители (халк векиллери) по одному от каждого этрапа (района), а также представители исполнительной власти — члены Кабинета Министров, главы администрации велятов, городов, этрапов, мэры муниципальных Советов, руководители судебных органов.

Подобного органа, наделённого широкими полномочиями, не знает мировая практика. И это не случайно — ведь его истоки в образе жизни туркменских племён в далёком прошлом. О том, насколько древней является эта традиция, свидетельствует следующий факт. В XI веке, в ранний период развития государства Сельджуков определённую роль играла форма народных собраний — Генгешей, которая уже тогда была традиционной. По мнению историков, в ходе образования Сельджукской империи Генгешей стали созываться редко, в повседневной жизни всё более реальное значение приобретал совет знати (Агаджанов 1991: 102).

Видное место в функционировании системы туркменской демократии занимают Яшулулар маслахаты (Советы старейшин). «При решении тех или иных государственных вопросов, — заявил Президент Туркменистана, — мы обязательно советуемся со старейшинами Туркменистана. Традиция почитания старших, обращение к ним за советом существуют у туркменского народа с древних времён, когда судьба страны во многом решалась аксакалами. Этот совет мы подняли до уровня государственного. Ежегодно в одном из велятов вместе с руководством собираются старейшины Туркменистана. Точно также на государственном уровне проводится и всенародный Совет. Государственные вопросы решаются совместно со старейшинами, советуемся мы и с народом. Всё это возникло не сегодня, за этим кроется многовековой опыт туркменского народа. Это самая настоящая народная демократия. Наш народ, став независимым, пожелал возродить путь отцов».

Халк Маслахаты, ежегодно проводимые Советы старейшин прочно вошли в жизнь страны, стали неотъемлемой частью государственного устройства, политической системы независимого Туркменистана. Но, по мере углубления процесса демократизации, повышается культура управления государством и в этом деле также широко применяется опыт предков.

Широкий резонанс в стране и всемерное одобрение международной общественности встретило решение совместного заседания в декабре 1999 г. IX Государственного Совета старейшин, Халк Маслахаты и Общенационального движения «Галкыныш» об отмене смертной казни. Эта гуманная акция полностью отвечает извечным представлениям туркмен о том, что никто не вправе отнимать у человека жизнь, дарованную ему Всевышним. На том же заседании зашла речь о Ночи всемогущества — «Гадыр гиджеси», которая наступает на 27 день месяца Рамазан. В торжественную эту ночь люди строят добрые планы, мечтают о хорошем. Отталкиваясь от этой древней традиции, было принято решение ежегодно в Ночь всемогущества — «Гадыр гиджеси» объявлять амнистию и помилование.

Всем хорошо известны традиции гостеприимства у туркменского народа. Гость в доме у туркмена считался и считается уважаемым, почитаемым и неприкосновенным. Точно так же делом чести издавна считалось сохранение неприкосновенности домаш-

него очага. Туркмены любят свои семьи, почитают семейный очаг. Традиции дома для них святы. Поэтому у туркмен обыск в доме всегда считался большим позором. В русле этих традиций находится новая инициатива Президента Туркменистана, который на состоявшемся 18 апреля 2000 г. расширенном заседании Кабинета Министров распорядился разработать нормативные акты, запрещающие проведение обысков в домах и квартирах граждан. Вскоре соответствующие документы были подготовлены и приняты.

В духе традиционного глубокого уважения к памяти погибших Президент Туркменистана подписал 4 мая 2000 г. Указ, которым провозглашается 8 мая каждого года Днём поминовения Национальных Героев Туркменистана, павших в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. 9 мая каждого года провозглашено Национальным праздником туркменского народа — Днём Победы.

Таким образом, практика государственного строительства в суверенном Туркменистане показывает, что национальные традиции, ценный опыт предков помогают повышать культуру управления в стране.

Ё. А. КЕПБАНОВ (АШГАБАТ)

КОНЦЕПЦИЯ САПАРМУРАТА ТУРКМЕНБАШИ О ПОСТОЯННОМ НЕЙТРАЛИТЕТЕ

1. В этом году народ Туркменистана во главе с его признанным лидером Сапармуратом Туркменбаши будет праздновать пятую годовщину со дня обретения Туркменистаном статуса постоянного нейтралитета. Специальная резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1995 г. «Постоянный нейтралитет Туркменистана», принятая при единогласной поддержке со стороны всех 185 членов Сообщества наций, явилась признанием миролюбивого внешнеполитического курса Туркменистана, его конструктивной роли в международных делах.

Решение высшего международного форума, каковым является ООН, стало возможным благодаря проводимой Президентом Туркменистана Сапармуратом Туркменбаши взвешенной и мудрой внутренней и внешней политике, его огромному личному авторитету в международных кругах. Именно первому Президенту Туркменистана по праву принадлежит инициатива по утверждению за Туркменистаном статуса постоянного нейтралитета. Впервые провозгласив позитивный нейтралитет в качестве основы внешней политики, Президент Туркменистана последовательно шаг за шагом шел к достижению поставленной цели. За сравнительно короткий исторический период Сапармуратом Туркменбаши была проделана колоссальная работа для обеспечения международной поддержки нейтралитета: проведены многочисленные переговоры, встречи, консультации на высшем и других уровнях, под его непосредственным руководством выработаны, а затем приняты нормативные и концептуальные документы о нейтралитете.

2. Сегодня, по истечении пяти лет можно с уверенностью сказать, что идея, а затем выбор, сделанный Президентом Туркменистана в начальный период независимого развития, явился весьма своевременным и правильным, а модель внешнеполитического развития Туркменистана — наиболее оптимальной и отвечающей долгосрочным национальным интересам страны.

За истекший период Туркменистан конкретными делами и инициативами доказал свою приверженность к взятым обязательствам и раскрыл миру огромный потенциал позитивного нейтралитета. Важно подчеркнуть, что основные характеристики туркменского нейтралитета с точки зрения его содержания выдержали испытание временем. Вот почему постоянный нейтралитет Туркменистана сегодня всё более отчетливо осознаётся мировым сообществом как фактор геополитического равновесия в регионе, безопасности и стабильности.

3. Главными побудительными мотивами возникновения идеи, а затем избрания Туркменистаном политики постоянного нейтралитета явилось обеспечение безопасного и стабильного развития как основы независимости Туркменистана. Если говорить точнее, то в основе выбора Туркменистаном политики постоянного, позитивного нейтралитета лежат, прежде всего, глубокие исторические, экономические и геополитические причины, реалии современных региональных и глобальных процессов.

Для Туркменистана с его пятимиллионным населением и в то же время значительной территорией, огромным природным потенциалом, естественными оказались факторы экономического характера: имея колоссальные запасы углеводородного сырья, Туркменистан мог привлечь к себе не только здоровый интерес и благожелательное участие со стороны крупных держав, зачастую конкурирующих между собой за влияние в регионе, мировых финансовых центров, транснациональных корпораций. Не менее важное значение имело и геополитическое положение страны, её расположение на одном из важных мировых перекрестков, — в регионе, где вопросы безопасности и стабильности в целом пока, к сожалению, остаются предметом устремлений, а не реальности.

Одним из важных факторов обоснования идеи нейтралитета являлась историческая специфика, менталитет туркменского народа, который всегда отличался своим миролюбием и добрососедством.

Таким образом и исторически, и экономически, и территориально мы оказались в ситуации, когда Туркменистан, после распада Союза объективно ставший и транзитной страной, и центром притяжения торгово-экономических интересов, не мог не избрать себе в качестве ориентиров на своём пути интеграции в мировое сообщество принципы «открытых дверей» и «постоянного нейтралитета».

4. После обретения Туркменистаном статуса постоянного нейтралитета этот международный институт получил качественно новое содержание и развитие. Туркменская модель нейтралитета коренным образом меняет существовавшие до сих пор представления об этом институте. Об этом свидетельствуют не только форма документа, на основе которого принят статус Туркменистана, но и его содержательные характеристики: добровольность выбора, всеобщее признание со стороны практически всех стран мирового сообщества и позитивный характер (конструктивность). Последнее означает активную позицию государства в вопросах поддержания мира и стабильности, развития отношений дружбы и сотрудничества между странами, исповедующими разные политические, идеологические, экономические концепции. «Это не застывшее состояние, не попытка изолироваться, это цель и средство вхождения путём согласия и партнерства в мировое сообщество» (Интервью Президента Туркменистана С. А. Ниязова // Независимая газета. 1997. 19 февраля).

5. Институт нейтралитета получил своё дальнейшее развитие в многочисленных трудах Президента Туркменистана Сапармурата Туркменбаши, где изложены основополагающие аспекты, особенности туркменского нейтралитета, его нацеленности на обеспечение стабильности как внутри страны, так и вовне, готовности иметь равные и ровные отношения со всеми странами мирового сообщества, способствовать миротворческим процессам, конструктивному диалогу во имя мира и согласия.

Что касается законодательства, то и здесь наработана и принята солидная нормативно-правовая база, не имеющая аналогов в мире. Нейтралитет Туркменистана в этих документах находит своё проявление в военно-политическом, экономическом и гуманитарном измерениях.

В заключение важно отметить, что сегодня, говоря о туркменской модели нейтралитета, можно с уверенностью констатировать, что она вышла далеко за рамки одной страны, стала существенным фактором обеспечения региональной стабильности и направлена на создание условий для мирного диалога и сотрудничества государств.

Y. A. КЕРБАНОВ (ASHGABAT)

SAPARMURAT TURKMENBASHI'S CONCEPT OF PERMANENT NEUTRALITY

This year Turkmenistan celebrates the 5th anniversary of recognition by the UN of its permanent neutrality status. On 12 December 1995 a special resolution called «Permanent neutrality of Turkmenistan» was adopted by the United Nations General Assembly. Unanimously supported by all then 185 members of the UN, it became the recognition of peaceful foreign policy of Turkmenistan, of its constructive role in the international community.

This decision of such high level international forum as the United Nations General Assembly was a result of far-sighted and wise internal and foreign policy pursued by the President of Turkmenistan Saparmurat Turkmenbashi.

After five years it became clear that the idea and choice made by the President of Turkmenistan at the initial stage of independent development was opportune and right.

The status of permanent neutrality of Turkmenistan has the historical, economic and geopolitical factors for its adoption, and it is based on the realities of modern regional and global processes.

Turkmenistan's permanent neutral status gave a new qualitative meaning and development to this international institute. Turkmen model of neutrality radically changes existing up to now ideas about this institute. Its main distinctions are voluntary choice and positive character (constructiveness). The second one means state's active position in the peace and stability issues. This status of Turkmenistan has its own legal basis like nowhere else.

Further development of the institute of neutrality is given in many works of the President of Turkmenistan Saparmurat Turkmenbashi, where he stated the major aspects, peculiarities and aims of turkmen neutrality such as provision of stability in the country as well as outside, readiness to pursue equal and peaceful relations with ad the members of the world community, promotion of peacemaking processes and constructive dialogue for mutual understanding.

Б. С. АТАЕВ (АШГАБАТ)

ТУРКМЕНСКИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ В ПОСТСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ: ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИИ ИСТОРИИ

Богатейший исторический опыт и культурные традиции туркменского народа — народа, по праву являющегося посредником и хранителем культурных ценностей древних цивилизаций, существовавших на этой земле, находит своё отражение и во внешнеполитической деятельности молодого туркменского государства.

С первых дней обретения своей независимости Туркменистан по инициативе Президента Сапармурата Туркменбаши стал проводить в своей внешней политике курс позитивного нейтралитета и открытых дверей. Философская основа нейтралитета Туркменистана коренным образом отличается от имевших место исторических прецедентов.

Для того, чтобы понять истоки и жизненные корни туркменского нейтралитета, следует обратиться к истории Туркменистана и туркменского народа. На протяжении многих веков Туркменистан являлся перекрестком дорог с Востока на Запад и с Юга на Север, играл важную роль на Великом шёлковом пути, который почти полтора тысячелетия был путем мира и диалога культур разных народов, в которых заключалась двигательная сила культурного прогресса, отметившего все этапы развития цивилизации древнего Туркменистана.

Сегодняшние геополитические реалии, создавшиеся после распада СССР, предоставляют уникальную возможность воссоздания древнего пути, восстановления ес-

тественного тяготения к друг другу сопредельных государств, на протяжении десятилетий разделённых искусственным идеологическим барьером.

Например, создание Организации Экономического Сотрудничества (ЭКО) играет важную роль в решении не только общих для региона экономических проблем, но и в культурном сближении народов стран, входящих в ЭКО.

Возвращаясь снова к теме туркменского нейтралитета следует отметить, что этот внешнеполитический курс Туркменистана отвечает сегодня не только его собственным интересам, но в неменьшей степени и интересам его соседей, ибо открывает широкие перспективы для развития в регионе взаимовыгодного сотрудничества, для стабилизации обстановки, создания климата взаимоуважения и доверия. Понятие «Постоянный позитивный нейтралитет» подразумевает, что позиция Туркменистана на международной арене носит активный, а не созерцательный характер.

Сказанное можно проиллюстрировать конкретными примерами, в частности, можно отметить, что уже в течение первого года с момента обретения нейтрального статуса его столица Ашхабад утвердилась в роли города мира. Миротворческие усилия и нейтралитет Туркменистана признаны на уровне Организации Объединённых Наций как фактор стабильности в регионе и ценный вклад в миротворческие усилия международного сообщества. Подтверждением этому стали проведённые под эгидой ООН в г. Ашхабаде межтаджикские переговоры. В Ашхабаде в марте—апреле 1999 г. прошли два раунда межафганских переговоров, где делегации «талибов» и «северян» впервые сели за стол переговоров, продемонстрировав волю к разумному согласию.

Проведение Туркменистаном нейтрального внешнеэкономического курса основывается на историческом опыте взаимодействия туркменского народа с соседями, на осознании исторической обусловленности своей этнокультурной близости с народами региона — узбеками, турками таджиками, афганцами, казахами, иранцами, азербайджанцами и др.

Богатейшее культурное наследие Туркменистана помогает стране определить политический курс, отражающий интеграцию туркменской самобытности в общемировой процесс. Этот благородной задаче служит политика Сапармурата Туркменбаши, которая, вбирая в себя высочайшие достижения из исторического опыта туркменского народа и туркменской культуры, становится путеводной звездой развития и расцвета Туркменистана в XXI веке.

B. S. ATAYEV (ASHGABAT)

TURKMEN NEUTRALITY DURING THE POST-SOVIET PERIOD: HISTORICAL APPROACH

The most rich experience and cultural traditions of Turkmen people — the people which is rightful represents the medium and the keeper of the values of ancient civilisations which existed on this land is reflected in the foreign policy of young Turkmen state.

From the first days of its independence Turkmenistan on the initiative of its President Saparmurat Turkmenbashi started to conduct the policy of positive neutrality and opened doors. The philosophic background of neutrality of Turkmenistan largely distinguishes from the historical precedents.

To understand the origins and vital roots of Turkmen neutrality one should turn his attention to the history of Turkmenistan and Turkmen people. For many centuries Turkmenistan had been the cross-roads between Orient and Occident, North and South, played an important role on the Great Silk Road, which for one and a half millennium served as a road of peace and dialog between the cultures of different civilisations that generated a driving force of a progress, marked all the stages of ancient Turkmen civilization development.

Current geopolitical reality emerged after the break up of the Soviet Union provide a unique opportunity to reestablish the Great road, to follow the natural gravitation of bordering states, which were separated by an artificial ideological barrier for decades.

Take as an example the creation of ECO — Economic Cooperation Organization that plays an important role not only for resolution of the mutual economic problems, but also in cultural closing of the member-countries of ECO.

Turning back again to Turkmen neutrality we shall underline that this policy fits not only the demands of Turkmenistan itself but the interests of its neighbours as well, because it opens a wide perspective for the development of mutual cooperation, for the stabilization of the situation, creation of the security and confidence climate.

The notion of «permanent positive neutrality» means that the position of Turkmenistan in international relations is active, but not just a meditative.

And we can quote a real examples of that saying that as early as in the first year of its independence Turkmenistan asserted itself to be a city of peace. Peace-building efforts of Turkmenistan have been recognized by the United Nations as a factor of stability in the region and for their valuable input into peace-building measures of international community. The proof of that is the round of inter-Tajik negotiations conducted under the auspices of UNO in Ashgabat. In March-April 1999 two round of inter-Afghan negotiations were conducted in Turkmenistan, where delegation of Taliban movement as well as delegation of Northern Alliance demonstrated their firm will for wise accord.

The conduct by Turkmenistan of the neutral foreign economic course is based on the historical experience of interrelation of Turkmen people with its neighbours, on recognition of the ethno-cultural unity with the nations of the region — Uzbeks, Turks, Tajiks, Afghans, Kazakhs, Iranians, Azerbaijanians, etc.

The richest cultural heritage of Turkmenistan helps the country to determine its policy, reflecting the integration of Turkmen character into the global processes. This noble task is served by the policy of Saparmurat Turkmenbashy, which absorbing the achievement of the historical experience of Turkmen people and Turkmen culture, becomes a guiding star of the development and prosperity of Turkmenistan in the XXI century.

III. КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

И. И. МОВЧАН, Е. В. ЦВЕК (УКРАИНА)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ УКРАИНЫ

Многообразные археологические памятники Украины являются неотъемлемой частью её культурного наследия. С ашельской и мустьерской эпох известны стоянки первобытного человека: Житомирская, Амвросиевская, Королёвская, мустьерский Молодовский комплекс и стоянки Крыма. Поздний палеолит отмечен памятниками в Межиричах, Фастове, Молодове V и др. Здесь открыты жилища с производственными и культовыми участками. Зарождается палеолитическое искусство: стилизованные статуэтки, графика на бивнях мамонта и, конечно, всемирно известный мезинский музыкальный комплекс.

Не менее интересные страницы в древнюю историю Украины вписали неолитические племена культур Криш, буго-днестровской, линейно-ленточной и азово-днепровской. Многочисленные поселения этих культур, индивидуальные и коллективные могильники (Мариупольский, Никольский, Лысогорский и др.) своим инвентарём и обрядом вызывают удивление потомков.

Но наиболее яркие памятники древнейшей истории оставлены племенами энеолитической Кукутено-Трипольской мегаобщины. Её центры с удивительной расписной керамикой на западе и с углублённой орнаментацией на востоке занимают территорию от Прута до Днепра. В период расцвета в восточной части возникает уникальное явление — суперцентры — поселения-гиганты, такие как Весёлый Кут (150 га) с системой улиц, гончарными, косторезными, камнеобрабатывающими мастерскими. Позднее поселения-гиганты достигают 300 и более га (Доброводы, Майданецкое, Тальянки). Они застраиваются двухэтажными зданиями и имеют круговую систему обороны. Мирозрание населения этих центров отражено в поселенческих святилищах, домашних алтарях и атрибутах культа: пластике и керамике со сложным космогоническим орнаментом. Уникален Усатовский погребальный комплекс с культовыми сооружениями, курганами знати и рядовыми могильниками, знаменующий конец древнеземледельческой Кукутено-Трипольской предцивилизации.

В период бронзы на значительной территории лесостепи в лесной зоне Европы складывается общность культур шнуровой керамики или боевых топоров. На территории Украины это среднеднепровская, прикарпатская, городско-здвбичская культуры, Гордеевский могильник и др.

В конце энеолита в степных районах Украины возникают скотоводческие общества, оставившие редкие поселения такие, как Скеля Каменоломня и знаменитое Михайловское поселение с каменными оборонительными укреплениями. Но наиболее интересны погребальные памятники ямной, катакомбной и срубной культур, до сих пор возвышающихся на полях Украины.

Курган — это символическое отражение вселенной с тремя её составными частями: нижний мир — могила — мир умерших; средний — поверхность, на которой сооружён курган — наземный мир живых; верхний — курганная насыпь — небесная сфера.

С курганами связаны и мегалитические сооружения. Погребения нижнемихайловской и кеми-обинской культур, культуры шаровидных амфор осуществлялись в каменных ящиках, иногда украшенных резьбой или росписью. Курганная обрядность вызвала появление монументальной каменной скульптуры.

Погребальный обряд скотоводов отражает идею связи между миром живых и миром мёртвых. Большое значение в этом обряде играл конь, который должен был доставлять погребённого в царство мёртвых. С этой идеей связан и колесный транспорт. Древнейшие находки повозок и колес фиксируются в погребениях ямной культуры. Эта традиция сохраняется и в дальнейшем. Ямная культура трансформируется в катакомбную (XX—XVII вв. до н. э.). Возрастает количество погребений с вещами — символами высокого социального ранга. Некоторые погребения сопровождались примитивной мумификацией и созданием посмертных глиняных масок, что свидетельствует о существовании вождества. Широкое освоение срубным населением открытых степей, существование здесь ритуальных центров (длинные курганы) свидетельствуют, что степь служила не только для выпаса скота, погребений, но и для жизни значительных коллективов. В степных районах располагалась сабатиновская земледельческо-скотоводческая культура, оставившая большое количество поселений с каменными строениями, комплексами для сохранения и сушки зерна, земледельческими культами и орудиями труда.

Своеобразным духовным центром степной полосы была так называемая Каменная могила. Это место с периода палеолита используется для проведения разных обрядов. За много тысячелетий на природных нагромождениях каменных глыб вырезаны изображения животных, людей, различные знаки. Некоторые прокрашены красной краской.

Оставили свой след и воинственные племена киммерийцев. Появление последних обуславливает консолидацию лесостепного населения, что документируется возникновением городищ чернолесской культуры.

С началом эпохи железа в степях Северного Причерноморья на историческую арену выходят скифы. В стремлении противостоять скифам лесостепное население объединяется и возводит огромные городища с валами и глубокими рвами (Матронинское, Трахтемировское, Бельское, Ходосовское). В конце V в. до н. э. в степи возникает Каменское городище.

Скифское общество было сильно стратифицировано. Могилы-курганы скифских правителей и вельмож грандиозны. Огромные сложные погребальные камеры (глубиной до 18 м), перекрывались насыпями высотой более 20 м, обводились рвом и валом. Погребения сопровождались роскошным инвентарем: золотые и серебряные сосуды, расшитая золотыми пластинками одежда, украшения, дорогое оружие, атрибуты социального ранга. Умерших сопровождали погребения жён, слуг и коней. Среди всемирно известных шедевров из скифских курганов — гребень из кургана Солоха, ваза из Чертомлыка, чаша из Гаймановой могилы, пектораль из Толстой могилы, горит из Мелитопольского кургана.

На территории Украины оставила свои памятники и античная эпоха. Это города-полисы Ольвия, Херсонес, Тира и центры Боспорского царства. Античные древности являются всемирным достоянием.

Отдалённость лесостепи от очагов цивилизации, постоянное продвижение кочевых народов с востока степным коридором выступали тормозом развития этого региона. И только со временем это удалось преодолеть славянам.

Появившись на широкой исторической арене в середине I тыс. н. э. славянские племена в большей своей части занимали территорию нынешней Украины. Они представлены материальной культурой таких известных археологических культур как колочинская, пеньковская и пражско-корчакская. На рубеже VII—VIII вв. в результате социально-экономического развития славянского общества на основе упомянутых культур вырастают райковецкая культура на Правобережье, волынцевская и роменская на левом берегу Днепра. В пределах этих культурных ареалов формируются новые племена и племенные союзы, что в своём дальнейшем историческом развитии приводит к созданию Киевской Руси — одного из могущественных государств средневековой Европы.

Древнерусское государство с центром в Киеве открыло новый — феодальный — период в истории народов Восточной Европы. Они минули в своём развитии рабо-

владельческую формацию; на базе разложения первобытнообщинного строя в них формировался феодализм.

Характерной особенностью древнерусского государства были быстрые темпы его социально-экономического развития. За сравнительно короткий исторический период Русь добилась значительных успехов в развитии хозяйства, культуры, городов. Феномен быстрого развития Киевской Руси объясняется не только тесными контактами и влиянием Византии и западноевропейских государств, но, прежде всего, теми глубокими многовековыми традициями, уходящими корнями в славянский быт и культуру.

На Руси созданы многие выдающиеся произведения древнерусской архитектуры, некоторые из них сохранились вплоть до XX в. София Киевская, Михайловский храм Выдубицкого монастыря в Киеве, Спасо-Преображенский собор, храм Бориса и Глеба в Чернигове хотя и дошли до нас в несколько изменённом виде, в основе своей сохранили древнерусский облик.

В Украине накоплен определённый опыт восстановления архитектурных памятников XI—XII вв. В этом плане весьма удачным можно считать восстановление разрушенной в годы Великой Отечественной войны Пятницкой церкви в Чернигове, восстановление Золотых ворот, церкви Пирогощи, Михайловского Златоверхого и Успенского соборов в Киеве. Сейчас идёт подготовка к воссозданию древнейшего каменного храма Киевской Руси — Десятинной церкви. Подобные деяния способствуют не только возрождению национального самосознания народа Украины, но и возрождения культурного наследия в контексте мировой культуры.

Г. ИСМАИЛЗАДЕ (АЗЕРБАЙДЖАН)

РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ ПЛАСТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА

На Кавказе, как и на Ближнем Востоке эпоха раннеземледельческих обществ была важным этапом формирования культурного наследия. В эту пору не только были заложены основы земледельческой экономики, сохраняющие своё значение до наших дней, но и сформировался целый блок сопутствующих культурных явлений — от образа жизни и домостроительства до поведенческих стандартов. Важным центром раннеземледельческих культур Кавказа был Азербайджан.

Археологическими исследованиями 50—70-х годов значительно были расширены представления о культурном наследии Азербайджана эпохи палеометалла. И к настоящему времени в нашем распоряжении имеется богатый археологический материал, позволяющий выявить не только истоки древнего наследия Азербайджана, но и нарисовать картину его последовательного развития. Установлено, что начальную основу культурного наследия Азербайджана составлял пласт раннеземледельческой культуры, восходящей к VI—IV тыс. до н. э. Наличие, развитие и распространение её наглядно прослежено по раскопкам большой серии древнейших земледельческих комплексов в Нахичевани, Мильско-Карабахской степи, на Мугане, в Казах-Акстафинском районе, в приурмийском бассейне Иранского Азербайджана и других местностях. Небольшие поселения этого времени, как правило, имеют оседлый облик со сложившимся земледельческо-скотоводческим хозяйством. Застроены они домами круглой или четырёхугольной формы с использованием глинобита, сырцового кирпича или же камня. Значительная часть каменных и костяных орудий связана с земледельческой деятельностью. Это примитивные мотыги, составные серпы с кремнёвыми и обсидиановыми вкладышами, зернотёрки, тёрочки и пр. Состав возделываемых зерновых растений довольно разнообразен, в их число входят разные виды пшеницы, ячменя и других культур. Металлических (медных) предметов очень мало. Местная лепная посуда имеет архаичную фор-

му. Привозная же посуда, главным образом переднеазиатская, украшена росписью. Из глины выполнены также отдельные антропоморфные и зооморфные фигурки, связанные с духовным миром местных племён. Материализованными атрибутами ранних мировоззрений, скорее всего, были и костяные антропоморфные фигурки из ранних земледельческих поселений. Таким образом, земледельческий пласт древнейшей культуры Азербайджана явился фундаментом для формирования его древнего культурного наследия. Для последующего этапа характерны были кардинальные сдвиги как в экономической, так и социальной структуре.

Земледельческий пласт новой исторической поры, судя по археологическим материалам, представлял собой более устойчивый комплекс хозяйственных и культурных достижений, способствовавших упрочению культурного наследия Азербайджана. На рубеже IV и III тыс. до н. э. территория Азербайджана превращается в один из ведущих очагов огромной так называемой куро-аракской культурной общности с земледельческой экономической линией. Дальнейшее развитие земледельческого и скотоводческого хозяйства, технологические достижения в отдельных ремесленных, в частности, керамическом и металлообрабатывающем производствах, сдвиги в области культурно-экономических связей, расширение этнических контактов, усложнение социальных структур и начало урбанизационных процессов, что выразительно прослежено в археологических материалах, явились культурно-исторической основой для ранних обществ на изучаемой территории. Высокий уровень благосостояния и бурный рост населения, обусловленные дальнейшим развитием и расширением основных форм производящего хозяйства, способствовали также коренным изменениям в культуре, образе жизни и духовной сфере. Тесно застроенные крупные поселения продолжали архитектурные традиции предыдущего времени, но, вместе с тем, имели и новые черты. Мощные оборонительные стены, монументальные общественные постройки, в том числе, культовые здания были нововведением, сопутствующим интенсивному культурному и хозяйственному прогрессу. Можно сделать вывод о том, что каждое из таких поселений на протяжении длительного времени (о чём свидетельствует мощность его культурного слоя) являлось значительным протогородским центром и играло роль центра окружающей сельскохозяйственной территории, а в конечном итоге становилось также средоточием различных специализированных производств, выходящих уже за рамки домашнего и общинного ремесла. Рост и развитие специализированных ремесленных отраслей особенно ярко были проявлены в производстве бронзы и лощёной керамики, характерной для куро-аракской культурной общности. Последняя, украшенная традиционным резным и выпукло-выемчатым орнаментом, выделяется высокими технологическими свойствами. Глиняная лощёная посуда была дополнена своеобразной малой пластикой и специфическими очажными подставками, которые вместе с особой группой декорированной посуды были связаны с культовыми представлениями и в целом богатым духовным миром раннеземледельческих обществ эпохи бронзы на территории Азербайджана.

А. Е. СИМОНЯН (АРМЕНИЯ)

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ АРМЕНИИ
(XI тыс. до Р. Х. — IX в. до Р. Х.)**

1. Первые достоверные источники деятельности Homo Sapiens в Армении по новым данным относятся к эпохе мезолита. Древнейший памятник — стоянка Каркарер, находится в Сисианских горах, на высоте 3000 м над уровнем моря. Стоянка, видимо, была сезонным поселением для разработки обсидиана в летние месяцы. В раскопанных

пяти слоях обнаружены десятки очагов с круговыми каменными оградками и заполненными для раскалывания в огне речными булыжниками величиной с человеческий кулак. В нескольких квадратных метрах раскопа обнаружены сотни орудий: остроконечники, скребки, микропластины с характерной ретушью и другие микролитические орудия, тысячи отщепов и чешуек, свойственных эпохе мезолита. Обнаруженная каменная индустрия в основе типологическо-сравнительного анализа предварительно датируется XI—X тыс. до Р. Х. Эта стоянка относится к кругу древнейших оседлых, хотя и сезонных поселений, в которых ещё не сложился тип постоянных жилищ и монументальных построек.

По соседству с поселением находится «открытый храм», где на вулканических ядрах высечены сотни петроглифов. Древнейшие из них вероятно относятся к эпохе мезолита. К этому периоду относятся также пещерные рисунки Хосровского заповедника, где на естественных плоскостях пещеры коричневыми, красными и чёрными красками нарисованы 164 человеческих фигуры высотой в 4—35 см. Обнажённые человеческие тела имеют подчеркнута удлинённые черепа и лишены половых признаков. Они стройны и широкоплечи с подтянутой талией, с тонкой спиной и акцентированными бедрами. Фигурки прорисованы в архаичном стиле, с сопоставлением «визуального реализма», схематизма и декоративной композиции. Они изображены с левой стороны (в профиль), стоя, во время церемониального марша и наполнены внутренним ритмом. Стилистические особенности дают основание причислить эти рисунки к XII—X тыс. до Р. Х. Другая группа пещерной живописи Армянского нагорья находится в бассейне озера Ван, на высоте 2000—2500 м над уровнем моря, где имеется около 150 изображений, нарисованные красными и коричневыми красками. Наиболее впечатляющими являются изображения богинь, стоящих на спинах животных, сопоставленные с солярными изображениями. Эта традиция изображать божества на спинах символизирующих их животных, спустя несколько тысячелетий канонизировалась в хеттском и урартском искусстве.

2. Древнейшим памятником производящего хозяйства Армении является многослойное поселение Ахтамир, находящееся в 27 км западнее Еревана, на правом берегу реки Касах, которое во II тыс. до Р. Х. превратилось в укрепленный город с цитаделью и было окружено несколькими рядами крепостных стен. Обнаруженные в Ахтамире обломки свыше 350-ти керамических сосудов, предварительно причисленные к эпохе неолита, подверглись петрографическому, бинокулярному и химическому анализам. Результаты анализов показали, что все они являются продуктами очажного обжига, а глиняное тесто обогащено большим количеством органических примесей. Эти, а также типологические анализы свидетельствуют, что данные сосуды являются самими ранними образцами керамического производства Армении и предварительно датируются VIII—VII тыс. до Р. Х.

К неолитическому периоду относятся также Масисский холм с типичными для данной эпохи захоронениями на территории поселения и, вероятно, поселение Арашан на берегу старого русла реки Касах.

3. Эпоха энеолита (VI — первая половина IV тыс. до Р. Х.) Армянского нагорья характеризуется более чем 150 оседлыми поселениями, сконцентрированными в Араратской долине, в междуречье Куры и Аракса, в Милль-Карабахской степи, в бассейне оз. Ван, оз. Урмия, в бассейне р. Арацани и т. п. В эту пору повсеместно появляется сырцовая архитектура с округлыми и прямоугольными в плане жилыми и общественными строениями. Вместе с местной грубой керамикой, традиционно развивающейся с эпохи неолита, появляется также тонкостенная, прекрасно обработанная расписная посуда с явным влиянием хассунской и халафской культур. Расписная посуда этой поры обнаружена в памятниках среднего течения р. Аракс и в Милль-Карабахской степи, откуда вероятно и проникла в Дагестан.

4. Кавказ (как Северо-Восточный, так и Южный), Армянское нагорье, Восточная Анатолия, западные и даже центральные районы Иранского высокогорья, а также Сирия, Палестина и Израиль в эпоху ранней бронзы находились в ареале т. н. куро-аракской или шенгавитской культуры (3500—2400/2300 гг. до Р. Х.), которая в северных

районах Армянского нагорья проявляется с исключительной силой. Новые открытия и комплексный анализ керамики свидетельствуют, что куро-аракская культура в Армении образовалась в результате эволюционного развития местной энеолитической культуры. Согласно археологическим и палеозоологическим данным, основным занятием носителей куро-аракской культуры было мотыжное земледелие и яйлажное скотоводство. В это время сформировалась крупная оросительная система, охватывающая весь южный склон горы Арагац, состоящая из десятка искусственных озёр и оросительных каналов, которые в знойное летнее время обеспечивали водой прилегающие к горе части Араратской долины.

Бронза Армянского нагорья, кроме обеспечения местных потребностей, экспортировалась также в южные регионы Передней Азии и на север, включая районы южнорусской степи. Доминирующим типом памятников ранней бронзы являются поселения в виде искусственных холмов. В эту пору образуются поселения городского типа с монументальной архитектурой (Мохраблур), с развитой сетью улиц и крепостными стенами, выстроенными из сырцового кирпича (Мохраблур) или каменной кладкой (Шенгавит, Тагаворанист, Перси, Дзянберд). Поблизости крупных поселений городского типа, которые занимали территорию от 3—5, а в отдельных случаях — до нескольких десятков гектар, образовались группы маленьких поселений сельского типа. В Араратской долине, которая в то время была очень густо населена, в среднем через каждые 3—5 км располагалось отдельное поселение.

Могильники куро-аракской культуры по количеству и по качеству резко уступают поселениям. Известны как индивидуальные грунтовые захоронения, так и коллективные могилы типа мастабов, предназначенные для захоронения последовательно умерших членов большой патриархальной семьи. В Джозгазском могильнике, который находится на севере Армении, возле с. Беркабер, в 1886—1887 гг. были раскопаны исключительно интересные погребения, которые содержали самую большую антропологическую коллекцию черепов обитателей Армении эпохи ранней бронзы и инвентарь, который даёт возможность проследить чёткую генетическую связь между куро-аракской и беденской культурами.

Куро-аракская культура, которая в этой огромной, разнообразной по своей структуре физико-географической среде существовала более чем тысячу лет, вместе с поразительными свойствами устойчивых типов, проявляющихся на артефактах, обнаруженных в разных памятниках, расположенных друг от друга в нескольких сотнях, а то и тысячах километров, имеет также явные местные характерные черты культуры, которые проявляются во времени и в пространстве. Это даёт основание полагать, что под термином куро-аракская культура мы имеем дело не с конкретной археологической культурой, а со сложной социо-культурной общностью, находящейся на рубеже образования государственной структуры, но так и не сумевшей преодолеть этот рубеж.

5. В начальной стадии эпохи средней бронзы (XXIV/XXIII—XVI вв. до Р. Х.) в Армении прослеживаются резкие социо-культурные изменения, регресс, резкая смена типа хозяйства. Оседлые поселения повсеместно вымирают и вместо них на роль основного типа памятников той поры выдвигается курганное захоронение. Эти перемены были обусловлены с одной стороны, хозяйственным кризисом как результатом многовековой однообразной обработки земли, что приводило к истощению почвы и следовательно к оскудению продуктов питания и служило поводом миграции населения, а с другой стороны — грабительской деятельностью проникших в Армению новых воинствующих этнических групп. В дальнейшем, в результате синтеза местных и пришлых элементов, в Армении в эпоху средней бронзы в форме «блока культур» образовались четыре родственные культуры эпохи средней бронзы: кармирбедская, кармирванкская, севан-узерликская и триалети-ванадзорская, культурное наследие которых носит явные индоевропейские черты. Совместно с чёрнолощенной керамикой широко представлены также образцы превосходной расписной керамики, украшенные геометрическим (изредка зооморфным) орнаментом, нанесённым чёрной, реже красной, коричневой и го-

лубой красками. В эпоху средней бронзы широкое распространение получает возведение у истоках мощных родников, рек и на берегах высокогорных озер громадных каменных изваяний — вишапов, которые олицетворяли мужское начало и плодоносную силу водной стихии. Высеченные из базальта высотой до 6 м и диаметром 1 м, тщательно отработанные образцы этой своеобразной «круглой скульптуры» известны лишь на территории Армянского нагорья. Ранние типы вишапов, которые вероятно были высечены ещё во время производящего хозяйства, представлены в виде громадных рыб. Позднее они приобретают вид стел с плавно расширяющимся верхним концом. На поверхности вишапов находятся рельефные изображения: шкуры жертвенного быка и конечности, водные птицы и т. п., которые изображены и на отдельных экземплярах керамики и тереветики эпохи средней бронзы.

Появляется целый комплекс новых типов профессионального оружия: бронзовые папиры, мечи с рамочной рукоятью, кинжалы разных типов, наконечники копий с втульчатым основанием, секиры, наконечники стрел из обсидиана. Вопреки универсальным категориям оружия эпохи ранней бронзы, которые с одинаковым успехом могли быть использованы и как оружие, и как орудие, оружие эпохи средней бронзы предназначено для решения сугубо военных задач. К этому времени относятся и первые находки корон, выполненных из золота (Лчашен) и изображённых на керамике (Лори берд). Эти артефакты свидетельствуют, что отдельные влиятельные вожди мощных племенных союзов имели безграничную власть и считали себя королями. Отличительной чертой культур эпохи средней бронзы Армении является наличие огромных курганных полей и отсутствие крупных поселений с мощными культурными напластованиями (соотношение численности известных поселений и могильников составляет один к трём).

Сложившаяся в Армении в эпоху средней бронзы социо-политическая ситуация во многом напоминает «скифскую модель» общества, когда воинствующие скотоводческие племена, ведущие подвижный образ жизни, с помощью разведения огромных стад скота (для чего в Армении имелись идеальные условия) и непрерывных военных действий и походов, сконцентрировали в своих руках огромное богатство, что служило основой для возникновения исключительно пышного и пикантного ювелирного искусства «...небывалого до тех пор варварского великолепия» (Б. Б. Пиотровский). О богатстве и мощи «королей», стоящих во главе племенных союзов, свидетельствуют громадные курганные захоронения. Особенно выразительны курганы триалети-ванадзорской культуры, сконцентрированные в древней провинции Гугарк. Своей пышностью и разнообразием погребального инвентаря выделяется Карашамбский курган в средней течи р. Раздан, вблизи от мощной циклопической крепости.

б. В эпоху поздней бронзы и раннего железа (XV—IX вв. до Р. Х.) в Армении формируется единая культура, которая эволюционно развивалась на основе средне-бронзовых традиций, в результате слияния родственных культур эпохи средней бронзы. Однотипность археологических комплексов и погребального обряда прослеживается на всей территории Южного Кавказа. Доминирует чёрная и сероошощёная керамика. Характерными признаками этой поры являются выразительные бронзовые статуэтки героев, разных зверей и птиц, а также украшенные разными сценами бронзовые пояса, которые олицетворяют широкий спектр мифологических и ритуально-магических сцен. Каменная скульптура представлена в своеобразных формах фаллических изваяний, которые имеют высоту 1—4 м и высечены из туфа, реже базальта. Широкое распространение получают также антропоморфные статуи воинов и женщин в натуральную величину. И фаллические изваяния, и статуи были связаны с культом предков и были размещены, как правило, в некрополях. Часто встречающиеся воинские захоронения и археологические комплексы свидетельствуют, что в эту эпоху в Армении уже была оформлена прослойка профессиональных воинов и аристократия, а представители верховной власти в своих руках сконцентрировали и политическую, и жреческую власть.

Почти повсеместно воздвигаются огромные циклопические крепости, которые имели цитадель, развитую сеть улиц, монументальную архитектуру, мощную оборонительную систему и занимали площадь от нескольких десятков до сотен гектар. В Армении известны свыше 500 циклопических крепостей, которые сконцентрированы на склонах горы Арагац и в бассейне озера Севан. Они являлись политическими и стратегическими центрами этнополитических образований той поры.

Поселения типа укрепленных городов со сложной структурой, монументальная архитектура, исключительно богатые захоронения, которые сопровождалась человеческими жертвоприношениями (Верин Навер, Шамирам, Арцах) и имели инвентарь символизирующий верховную светскую и духовную власть (штандарты, посохи, двузубцы и трезубцы, статуэтки орла, жертвоприношение льва и т. п.), свидетельствуют о наличии государственных образований в Армении в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

О. ЛОРДКИПАНИДЗЕ (Грузия)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНЕЙ КОЛХИДЫ

Колхида, которой были посвящены знаменитые древнегреческие сказания о походе аргонавтов за золотым руном, была расположена на территории древней Колхиды. Археологическими исследованиями выявлены выдающиеся памятники древнеколхидской цивилизации:

1. Металлические изделия эпохи поздней бронзы — раннего железа (вторая половина II — первая половина I тысячелетия до нашей эры); бронзовые топоры с гравированными или скульптурными изображениями, антропоморфная и зооморфная пластика.

2. Златокузнечество VI—III вв. до нашей эры: диадемы с изображениями схватки животных, разнообразные серьги и ожерелья с богатой грануляцией.

3. Храмовый город в Вани эллинистической эпохи: храмы, алтари, жертвенники с богатыми приношениями (среди которых выделяются терракотовые и бронзовые фигуры), детали престижной архитектуры, фрагменты больших бронзовых статуй (в том числе, торс юноши — выдающееся творение т. н. классицистического искусства).

М. ДЖАПАРИДЗЕ (Грузия)

О ДРЕВНЕЙШЕМ КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ ГРУЗИИ

Археологические открытия последних лет по-новому осветили вопрос о первичном заселении ископаемым человеком Закавказья. В Южной Грузии на территории средневекового города Дманиси среди многочисленных костей позвоночных и каменных орудий были найдены два черепа и нижняя челюсть первобытного человека. Дманисский человек, видимо является одним из древнейших обитателей Евразии, возраст которого определен примерно 3700000 л. н.

Появившись в столь раннее время первобытные люди в дальнейшем интенсивно осваивают почти весь Южный Кавказ. Памятники раннего палеолита хорошо представлены почти во всех ландшафтно-климатических зонах Грузии. В период позднего палеолита, в связи с ухудшением естественной обстановки, основная часть первобытного населения концентрируется в Западном Закавказье. На заре человеческой истории прослеживаются контакты с Ближним и Средним Востоком.

Более активные связи Закавказья с переднеазиатским миром налаживаются в период становления производящего хозяйства в эпоху неолита. Здесь существовали благоприятные условия для зарождения и развития новых форм экономики. В Запад-

ном Закавказье возникают неолитические поселения, а к концу этой эпохи интенсивно заселяется восточное Закавказье, где процветает т. н. шулавери-шомутепинская раннеземледельческая культура.

К середине IV тыс. до н. э. эту культуру сменяет более развитая т. н. куро-аракская культура, охватывающая тысячелетний период древнейшей истории Закавказья и всего Кавказа. Она в основном продолжает традиции предшествующей культуры, но поднимает её на более высокий уровень. Значительного развития в это время достигает сельское хозяйство, производство, в особенности металлургия и металлообработка, наблюдается общий подъём уровня жизни населения. Прогрессивные сдвиги в экономике повлекли значительное увеличение плотности населения. Интенсивно заселяются как низменные, так и предгорные и горные области Грузии.

Куро-аракская культура охватывала почти весь Кавказ, кроме западной его части. На юге она занимает значительную часть Восточной Анатолии, Северо-Западный Иран, её влияние достигает Восточного Средиземноморья. Племена — носители куро-аракской культуры, в III тыс. до н. э., видимо, сыграли определённую роль в древней истории Передней Азии. Поэтому этническая принадлежность её носителей вызывает особый интерес и в настоящее время существуют различные взгляды на этот вопрос. В период расцвета куро-аракская культура достигает довольно высокого уровня развития и возможно её носители стояли у предгосударственного порога. Тем не менее, также как и в отдельных областях Старого Света, в силу определённых причин не смогли его преодолеть.

К середине III тыс. до н. э. в куро-аракской культурной общности складывается кризисная ситуация, повлекшей за собой её закат. По этому поводу высказываются различные точки зрения. Видимо, одна из причин связана с изменением экологической обстановки. Возможно, определённую роль сыграли появившиеся в это время с севера носители курганной культуры. Коренные изменения затронули почти все сферы жизни общества. Значительно уменьшается плотность населения в низменных областях и более интенсивно заселяются предгорные и горные регионы.

Однако, где, в каких условиях продолжалась жизнь населения, покинувшего старые места жительства, остаётся не вполне ясным. В настоящее время известны, главным образом, погребальные памятники. Существенно меняется погребальный обряд, появляется индивидуальные курганные захоронения. Столь резкие изменения образа жизни, характера культуры, погребального обряда и т. д. вероятно свидетельствуют об определённых этнических сдвигах.

По характеру инвентаря, погребального обряда в раннекурганной культуре выделяются два хронологических этапа. Для раннего марткопского этапа свойственны крупные курганы с просторными могильными ямами или наземными камерами, сооружённые, главным образом, из крупных стволов. Богатый вещественный материал свидетельствует о дальнейшем подъёме ремесленного мастерства. Появляются новые формы металлических оружия, орудий и украшений. Впервые встречаются предметы из драгоценных металлов.

Вторая группа памятников относится к т. н. беденской культуре, охватывающей более широкий ареал Восточной Грузии — Квемо и Шида Картли, Иор-Алазанский бассейн. Определённые новации прослеживаются в погребальном обряде, впервые появляются курганы с четырехколёсными повозками или с погребальными ложами. Значительные изменения наблюдаются в материальной культуре. Высокого мастерства достигает гончарное производство, металлургия и ювелирное ремесло. Впервые появляются предметы из оловянистой бронзы.

В эпоху ранних курганов с большой ясностью вырисовывается процесс социальной дифференциации общества. Общий подъём материальной культуры, определённые сдвиги в общественных отношениях привели в конечном счёте к началу II тыс. до н. э. к расцвету курганной культуры, к становлению т. н. триалетской культу-

ры эпохи средней бронзы, охватывающей всю первую половину II тыс. до н. э. В это время каких-либо существенных изменений в хозяйственной жизни общества, в экономической системе не наблюдается. Не меняется также и погребальный обряд. В больших курганах «цветущей поры» триалетской культуры представлен богатый и разнообразный погребальный инвентарь, свидетельствующий об общем подъёме ремесленного мастерства, металлургии, в особенности, ювелирного дела. Кроме меди и бронзы широко применяются и другие металлы: золото, серебро, сурьма. Дальнейшему росту триалетской культуры способствовали усиление контактов с переднеазиатским миром. Ни одна из культур этого времени Закавказья и Кавказа в целом не достигла уровня развития триалетской культуры. Очевидно носители триалетской культуры вплотную подошли к порогу цивилизации, но не смогли преодолеть этот рубеж. Видимо, в становлении и развитии триалетской культуры решающую роль сыграла элитарная часть общества, которая в конечном счёте не смогла довести до конца процесс разложения первобытно-общинного строя, который в Грузии завершился позднее, к концу первой половины I тыс. до н. э.

Б. А. КАРЫМШАКОВА (КЫРГЫЗСТАН)

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КЫРГЫЗСТАНА И ВОПРОСЫ ЕГО СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Территория Кыргызстана представляет собой как бы музей под открытым небом. Её «экспонатами» являются разнообразные виды памятников истории и культуры — это памятники археологии, памятники истории, памятники градостроительства и архитектуры, памятники искусства и другие. Наибольшую долю среди них составляют археологические памятники. Они разновременны и разнотипны и представлены следующими видами: стоянками каменного века, поселениями, захоронениями, наскальными рисунками эпохи бронзы; курганными могильниками, остатками поселений и наскальными рисунками раннежелезного века; курганами, каменными изваяниями, городищами, ирригационными системами, горнорудными разработками, надписями (древнетюркскими, арабскими, сирийскими и тибетскими), архитектурными сооружениями средневекового периода. Перечисленные и другие виды древностей свидетельствуют о развитии человеческого общества на территории республики на протяжении сотен тысячелетий.

Археологические памятники весьма многочисленны и количество их по предварительным подсчётам составляет свыше десяти тысяч. Многочисленны также иные памятники истории, градостроительства, архитектуры, искусства и т. д.

К сожалению, в последние десятилетия в связи с широко развернувшимися хозяйственными и строительными работами, а это объективный процесс нашей жизни, число памятников значительно сократилось. Вопросам изучения, охраны и реставрации памятников в Кыргызстане придавалось и придаётся важное значение.

Изучение памятников истории и культуры в республике проводится Институтом истории Национальной Академии наук, кафедрами высших учебных заведений, специалистами отраслевых институтов и т. д. Благодаря этим исследованиям удалось собрать огромный материал, который получил отражение в многочисленных публикациях и послужил базой для создания ряда исторических и краеведческих музеев.

Государственная охрана памятников истории и культуры Кыргызстана возложена на Министерство образования, науки и культуры. Его подразделениями — РНМЦ по проблемам культуры и искусства, НИПБ «Кыргызреставрация» и СРПУ «Кыргызреставрация» — выполняется вся многогранная работа в этом направлении. Задачей РНМЦ по проблемам культуры и искусства является выявление, учёт, регист-

рация и составление всей документации на памятники истории и культуры, определение границ охранных зон вокруг памятников, установление охранных досок, знаков и т. д. Одно из главных направлений работы Методического центра — это составление паспортов на памятники всех видов. Ныне составлены паспорта почти на 2 тысячи памятников. Специализированные научно-производственные организации провели реставрационные и ремонтно-консервационные работы на многих памятниках архитектуры и искусства. Исследования, реставрация, консервация памятников истории и культуры послужила основой для организации музеев под открытым небом. В настоящее время созданы и функционируют археолого-архитектурный музей на городище Бурана, Иссык-Кульский государственный историко-культурный музей-заповедник в г. Чолпон-Ата, Кыргызский национальный историко-культурный комплекс «Гумбаз Манаса» вблизи г. Талас, историко-культурный и природный музей-заповедник Сулайман-Тоо, Дирекция по охране и использованию историко-культурного наследия г. Узген и др.

В последние годы изменилось в положительную сторону отношение общества к охране, реставрации и использованию памятников истории и культуры. Это позволяет включить в круг охраны более обширный ряд памятников.

Однако, существует много проблем в методике реставрации и консервации памятников истории и культуры. Недостаточное внимание к сохранению наследия привело к ветшанию ценных в историческом и художественном отношении сооружений, особенно в сельской местности, а также исторической городской среде.

На состоянии охраны, реставрации и использования памятников отрицательно сказываются недостатки финансирования, материально-технического и кадрового обеспечения. Учитывая сложность и особую значимость проблем охраны, реставрации и приспособления памятников для современного использования, прежде всего нужно добиваться того, чтобы строго исполнялся закон об охране памятников.

В настоящий момент принят новый Закон «Об охране и использовании историко-культурного наследия» с учётом рыночных отношений в экономике и жизненных реалий, т. е. чётко определены финансовые механизмы и штрафные санкции. Особенностью нового Закона является то, что он объединяет две области, традиционно считавшиеся автономными — охрану культурного и природного наследия.

К. М. БАЙПАКОВ (КАЗАХСТАН)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ И ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАЗАХСТАНА

Географическое положение Казахстана уникально, он является своеобразным мостом между Азией и Европой. На севере и западе Казахстан граничит с Россией, на юге — со Средней Азией, на востоке — с Китаем. Большую часть Казахстана занимают бескрайние степи и лесостепи, пустыни и полупустыни, ограниченные с юга и востока горными хребтами Тянь-Шаня, Саура и Алтая. На западе они открыты и переходят в Приуральские и Причерноморские степи, тянущиеся до Дуная. На востоке горные перевалы соединяются с монгольскими степями, простирающимися до большой излучины Хуанхе. Всё это и есть Великая Степь.

Главные реки Казахстана — Иртыш, Сырдарья, Или, Чу, Ишим, Урал.

Главная черта климата Казахстана — резкая континентальность и засушливость. Разнообразие природных зон и ландшафтов послужило причиной возникновения различных типов хозяйства населения, начиная с глубокой древности, что во многом определило специфику формировавшихся здесь культур.

Одной из таких важнейших особенностей исторического процесса является тесное взаимодействие земледельцев и кочевников.

Если обратиться к историческим данным и прежде всего к письменным источникам, то можно констатировать, что государственность у казахов сформировалась к 1470 г., когда на территории Казахстана, в его восточных районах — в Семиречье и в долине Сырдарьи — казахские султаны Джанибек и Герей смогли возглавить консолидацию племён, объединившихся под общим именем «Казахи».

В начале XVI в. Казахское ханство укрепилось, расширились его границы. В истории мусульманского мира XVI в. — важная веха, в отличие от более раннего средневекового времени. «В новой истории мусульманства, — писал выдающийся востоковед В. В. Бартольд, — в противоположность очень быстрой смене династий и вообще политической неустойчивости власти, небольшим размерам государств и поэтому отсутствию какого-бы то ни было патриотизма мы теперь встречаем единство государства, которые там образуются. Мы видим мусульманскую державу «Великих моголов» в Индии, затем Турции, Персии». Приблизительно в это же время в Центральной Азии возникли Казахское ханство, Бухарское ханство, Хивинское ханство, Яркендское ханство. На исторической арене громко заявили о себе казахи, узбеки, кыргызы, кара-калпаки. Этноним «казах», давший название государству, тюркское слово. По мнению большинства исследователей это означает «вольный человек». Однако, говоря о казахах и первом государстве казахов — Казахском ханстве, необходимо знать, что происхождение этого народа также как и история его государственности и культуры, восходят ко времени, уходящем в глубь столетий.

Сейчас сложилось мнение о нескольких узловых периодах развития казахской культуры и цивилизации. Эта эпоха камня, палеолита, связанная с антропогенезом; неолитическая революция, связанная со становлением производящих форм экономики; период ранней и поздней бронзы; время раннекочевнических цивилизаций и ранних государств саков, усуней, кангюев, сарматов, хунну (гуннов); эпоха древнетюркских государств, истоки и формирование Казахского ханства и культура казахов эпохи средневековья.

Являясь связующим звеном на пути общения и взаимообогащения культур Востока и Запада, казахская земля хранит тайны многих цивилизаций. На её территории находится большое количество уникальных археологических, исторических, архитектурных памятников, 29 городов и населённых пунктов республики отнесены к категории исторических. Однако выявленные и взятые на учёт памятники — лишь малая толика бесценного народного наследия.

Казахстан — фактически огромный музей под открытым небом. Сейчас на государственном учёте в республике состоит 4970 памятников, в том числе, археологических — 3111. Всего же общее количество памятников — около тридцати тысяч. Наиболее многочисленными памятниками Казахстана, составляющими 85 % всего недвижимого культурного наследия, являются памятники археологии.

К категории археологических памятников относятся древние стоянки и стойбища; поселения и города; могильники и отдельные захоронения; древние рудники и мастерские; наскальные рисунки, каменные изваяния, клады древних вещей. Наиболее ранние памятники археологии относятся к эпохе палеолита и насчитывают 1 млн. лет. Ныне известно свыше 400 неолитических и энеолитических памятников.

Неолитические памятники Казахстана образуют несколько территориальных групп и отражают тесные культурно-хозяйственные связи, существовавшие в пределах мира скотоводов, охотников и рыболовов. Богатство недр Казахстана полиметаллами способствовало созданию здесь одного из первых очагов металлургии и тесно связанной с этим радикальной реформы первобытного комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства, формированию её новой специализированной формы — кочевого скотоводства.

Памятники казахстанской ранней и средней бронзы оставлены носителями андроновской культуры. Андроновские племена возводили погребальные сооружения в

виде либо каменных оград прямоугольной, круглой или овальной конфигурации, либо курганных насыпей.

Именно этой эпохой оставлено наибольшее количество памятников: поселения с остатками жилых и хозяйственных построек, погребальные сооружения, древние рудники, наскальные рисунки и жертвенные места. В одном только Центральном Казахстане, например, открыто около 30 поселений эпохи бронзы и 150 крупных могильников, которые выделяются среди памятников других районов этой же культуры сложностью конструкции, монументальностью, высокой техникой строительства. Самыми выдающимися памятниками из них являются Аксу-Аюлинские, Бугулинские, Атасуские, Дандыбай-бегазинские погребальные комплексы. Такие памятники не редкость и для остальных регионов Казахстана. Среди них отличаются тагискенские мавзолеи, демонстрирующие своеобразную архитектуру и строительную технику древних скотоводов Восточного Приаралья.

Древний человек, став кочевником, не забыл традиций оседлой культуры, а всё более модифицировал их, согласно условиям своего нового образа жизни. Быт и жизнедеятельность степняков требовали большой мобильности, что стимулировало легкость жилищных конструкций, замену керамики посудой из кожи, металла, дерева, преобладание в народных промыслах косторезного, камнерезного дела, выделки кожи, прядения и ткачества. И не трудно заметить, что в то время монументальность, основательность, декоративные изыски, покинув жилища кочевников, переселились в их надгробные сооружения. Ибо последние для них не просто означали дань памяти усопшим, но и демонстрировали силу, мощь и роль его соплеменников в тогдашнем мире, самое главное — кому принадлежит окружающая эти памятники территория.

Внушительными образцами эпохи ранних кочевников являются Бесшатырские курганы саков Семиречья. Обычно в центре подобных могильников величаво возвышается «царский» курган, представляющий собой насыпь диаметром от 50 до 100 м и более, высотой от 8 до 15 м, где захоронен вождь племени или союза племён. Около усыпальниц вождей хоронили представителей племенной знати и сооружали над ними насыпи диаметром 30—45 м, высотой 5—6 м, а возле них хоронили рядовых воинов под курганами меньших размеров. Находки из кургана Иссык явно указывают на то, что в племенных союзах раннего железа личность вождя возводили уже в ранг солнцеподобного божества, стоящего на самом вершине иерархической лестницы.

Погребальный обряд сакских, савроматских, массагетских племён, обитавших в Казахстане в эпоху раннего железа, значительно отличается от обряда своих предшественников.

В сложении кангюйской культуры на Сырдарье приняли участие и оседлые, и кочевые племена. Поэтому бывшая кангюйская территория имеет многочисленные города и поселения, монументальные кирпичные постройки, сложные по архитектуре дворцовые комплексы. Наиболее крупный памятник кангюйцев — это городище Алтын-Асар в низовьях Сырдарьи, занимающее площадь около 16 га, окружённое мощной и высокой глинобитной стеной.

В VI в. на авансцену истории евразийских степей выдвинулись тюрки. В VIII—XI вв. сюда проникают кимаки, кыпчаки, огузы, затем, в XIII в. — монголы.

В VI—XII вв. на местах бывших поселений в долинах Сырдарьи, Таласа, Или и Чу появляются многочисленные города, связанные системой Великого шёлкового пути с Китаем, Ближним и Средним Востоком, Средиземноморьем. Среди них особо выделяются Испиджаб, Отрар, Яссы-Туркестан, Тараз, Кулан, Баласагун. Ценным наследием тюркских государств являются рунические памятники, найденные на валунах, надписи на камнях, на бронзовых зеркалах из Восточного Казахстана, на глиняном пряслице с Талгарского городища.

Шедеврами казахстанской архитектуры исламского периода являются мавзолей Айша-Биби, Бабаджи-Хатун, Карахана в древнем Таразе. Жемчужиной древней

архитектуры Казахстана и всего человечества является мавзолеем Ходжа Ахмеда Ясави в Туркестане, построенный на рубеже XIV—XV вв.

В окрестностях древнего Сыгнака (в Кызылординской области) располагался некрополь степных ханов из рода Шайбана. Среди них особо выделялся мавзолеем Кок-Кесене. Ему близка и архитектура мавзолеем Сырлытам, датируемого также XIV—XV вв. К постройкам этого периода принадлежат и мавзолеи Алаша-хана, Джучи, Болган-ана и др., расположенные в долинах рек Сарысу, Кенгир, Тургай.

Своеобразными заповедниками надгробной архитектуры являются Мангышлак и Устюрт. Десятки мёртвых городов-некрополей содержат в себе летописи политической жизни степи, никогда не прерывавшей контактов между оседлыми и кочевыми народами. Некрополи Кошкар-Ата, Масат-Ата, Караган-аулие, Шакпак-Ата, Камыспай, Бопан-Ата на Мангышлаке, Сисем-Ата, Ушкан-Ата на Устюрте, Абат-Байтак в долине р. Хобда свидетельствуют, как кочевники берегли и совершенствовали традиции зодчества.

В. ДЕРГАЧЕВ (МОЛДОВА)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: РАЗЪЕДИНЯЮЩАЯ РЕТРОСПЕКЦИЯ ИЛИ ИНТЕГРИРУЮЩАЯ ПЕРСПЕКТИВА?

Ещё каких-нибудь 10 лет назад спонтанный распад СССР и возникновение на политической арене целой свиты новых государственных образований, казалось, открывает перед каждым из них возможность доказать себе и всему миру, что оно самостоятельная и неотъемлемая яркая часть культурной, политической и экономической палитры конца II — начала III-го тысячелетия. Но прошли пять, а затем еще пять лет и всеобщий оптимизм сменился глубоким пессимизмом: межэтнические и межнациональные конфликты, конфликты на религиозной почве, разделение на «автохтонцев» и «оккупантов», на своих и не своих. В разных формах, в разных масштабах этими явлениями были охвачены вновь образовавшиеся независимые государства постсоветского пространства. Результат один: военное противостояние, тысячи, сотни тысяч безродных и бездомных, повальная, массовая бедность на грани естественного выживания и полный экономический и общесоциальный упадок. И все это, уже в который раз, продемонстрировало известное правило, что история... так ничему и не учит.

В этом случае простой, рациональной, тысячелетиями проверенной общенациональной, общезнаковой идее прогресса государства был противопоставлен принцип противостояния, разобщения и дезинтеграции всего общества. Проиграла каждая из этнических и социальных групп, под угрозой оказалась и продолжает оставаться политическая и экономическая самостоятельность самих этих государств (пример Молдовы и не только).

Между тем, обратимся к истории. Молдова, как и любое иное вновь образовавшееся государство, занимает определённое, конкретное, географическое положение. В данном случае речь идёт о Днестровско-Прутском междуречье. Вместе с близлежащими сопредельными областями Украины и Румынии (Карпато-Поднестровье) уже в силу своего географического положения эта территория издревле составляла зону контакта между разнокультурными и разноэтническими обществами — с одной стороны, Юго-Восточной, а с другой — Восточной Европы.

Влияния опережающих в своем развитии обществ Анатолии, благоприятная природная и демографическая ситуация ещё в VIII—VII тыс. до н. э. приводят к сложению древнейшего для Европы Балканского центра или очага производящего хозяйства. Уже к концу неолита носители перспективных форм древнего земледелия и животноводства в совокупности с множеством иных, свойственных им культурных инноваций, распространяясь вплоть до Днестра, оказывали благотворные влияния на

общества Юга Восточной Европы. Этот сложный и длительный процесс в свою очередь сопровождается зарождением одной из ярчайших цивилизаций древности — культурной общности Кукутень-Триполье, просуществовавшей на всем протяжении энеолита (V—IV тыс. до н. э.) и распространившейся от Восточных Карпат до Среднего Поднепровья.

Отчасти благодаря влияниям последней, но, главным образом, в силу специфики природных условий к началу энеолита в лесостепных и степных просторах Восточной Европы складывается своеобразный блок культур, развитие которых основывалось на полуподвижном скотоводстве с особым укладом быта, особыми традициями и религиозными воззрениями. Активизация этих степных обществ (Хвалынский-Средний Стог) уже к середине V тыс. до н. э. приводит к их глубокому проникновению в ареалы древнеземледельческих цивилизаций как на восток — в Среднюю Азию до Арала, так и на запад — до Балкан и Среднего Подунавья.

Нет необходимости детально перечислять сменяющуюся на протяжении последующих 5—7 тысячелетий культурно-историческую ситуацию, ибо она хорошо известна преисторикам и историкам раннего и позднего средневековья. Это вереница непрерывных, постепенно обновляющихся, прогрессирующих по форме и содержанию взаимодействий между носителями разноэтничных и разнокультурных традиций, разных религиозных и идеологических представлений. Все эти тысячелетние события в конечном счете и предопределили этническую, национальную, религиозную, языковую и пр. поливалентность культурного наследия каждого из вновь образованных государств постсоветского пространства.

Естественно, что процесс многовекового исторического взаимодействия в разные периоды, на разных конкретных территориях включал в себя и кровопролитные войны, и насильственные переселения, и соподчинение одних этносов и народов другим. Но вместе с тем, и, увы, в значительной степени и благодаря последним, этот процесс включал в себя и интенсивный обмен новыми техническими и духовными или шире — общезначимыми культурными достижениями.

К сожалению, именно первые из обозначенных обстоятельств зачастую дают основания многим из новоявленных интеллектуалов и политиков апеллировать к «историческому» праву, к исторической справедливости (читай — суду). При этом совершенно упускаются из виду два принципиально важных обстоятельства. Во-первых, история — это необратимый процесс. А во-вторых, история носит аккумулятивный характер. И именно поэтому культурное наследие любого гражданского общества — это сумма исторически отселектированных общечеловеческих ценностей. И в эту сокровищницу каждый этнос, каждый народ внес свою лепту или, по крайней мере, свою палитру.

Накопленные исторические знания, думается, предостаточно, чтобы осознать простую истину, что история каждого из современных конкретных этносов, народов или государств неминуемо включает в себя и частицу истории ближнего или более отдаленного сходного образования. И наоборот, история соседнего или порой весьма отдаленного соседа зачастую содержит в себе и частицу истории своего родного этноса или государства. И именно поэтому историческая перспектива, состоятельность любого из возникших новых государственных образований, и в частности, Молдовы и Туркменистана, видятся лишь на базе объединительной общенациональной (читай — единого государственной идеологии), где главным девизом должно быть одно — вместе, вопреки и благодаря полиэтничной, многонациональной или религиозной окраске, ради блага каждого из нас, ради блага наших детей и нашего Государства.

V. DERGAČEV (MOLDOVA)

CULTURAL HERITAGE:

DIVIDING RETROSPECTIVE OR INTEGRATING PERSPECTIVE?

The polyvalent character of the ethnic national, religious and other composition of the population, which character is conditioned by its multi-century history, is the distinguishing feature of the cultural heritage, which newly originated within the post-soviet space.

The events of the first ten-year period in the existence of these states showed that in the majority of them the irrational principle of the division of citizens on the basis of ethnic national religious and language attributes took the upper hand and it resulted in military confrontations, numerous victims, overall economic and social degradation. The very economic and political independence of a number of such states (Moldova is among them) were cast in danger.

Following the universal truth that the history has an irreversible and accumulative character, one should perceive that the historical perspective and the well-being of any of such entities is possible only on the basis of the joint nation-wide civil ideology of the State where the main motto will be the overall unity contrary and owing to ethnic national and cultural differences for the sake of each of us, our children and our state.

K. NURBADOW (AŞGABAT)

DÜNYÄ TÜRKMENLERINIŇ FOLKLOR MIRASY

«Özüniň taryhyny asyrlaryň jümmüşinden alyp gaýdýan türkmen halky ençeme pajygaly wakalary başdan geçirdi. Onuň ykbalynda daşgynlar-da, gaýtgynlar-da bolupdy. Öz döwründe ägirt imperiýalary döreden, dünýä ziwilizaziýasyna saldamly goşant goşan türkmen taryhyň şatysyna-da döz gelmeli boldy, ençeme tozgunçylyklara-da sezewar edildi. Bularyň hemmesi halkyň ykbalynda belli bir derejede yz galdyrdy, türkmeniň dünýäniň dört künjüne ýaýramagyna getirdi» (Saparmyrat Türkmenbaýy. Dünýä türkmenleri. Aşgabat. 1994: 5).

Häzir Türkmenistanyň çäkleriniň daşynda Merkezi Aziýa ýurtlary bolan Täjigistanda, Özbekistanda, Gazagystanda, şeýle hem Hytaýda, Owganystanda, Eýranda, Yrakda, Siriýada, Türkiýede, Russiýanyň Stawropol, Astrahan ölkelerinde we beýleki käbir ýerlerde türkmenleriň millionlarçasý ýaşaýar.

Işde esasan, siriýaly, stawropolly, yrakly, owganystanly, eýranly, täjigistanly türkmenlerden ýazylyp alnan türkmen halk döredijiliginiň nusgalary deňeşdirilýär.

Nakyllardyr atalar sözleriniň türkmenleriň ýaýrawy ýeten ýerlerinde haýsy nusgalarda gabat gelyändigini olardaky umumylyklaryň hem-de aýratynlyklaryň esasan nämelerden ybaratdygy gyzykly derňewiň meselesidir (objektidir). Munuň özi her bir naklyň, atalar sözüniň döreýiş taryhyny kesgitlemäge, şonuň bilen birlikde türkmen halkynyň ruhy akabalarynyň, milli kökleriniň birligini ýüze çykarmaga mümkinçilik berýär.

К. НУРБАДОВ (АШГАБАТ)

ФОЛКЛОРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТУРКМЕН МИРА

«Туркменский народ, история которого опирается корнями в глубь веков, имеет богатый опыт исторического развития. В её судьбе были и приливы, и отливы. Создателю великих империй своего времени, туркменскому народу, внесшему весомый вклад в развитие мировой цивилизации, пришлось испытать множество трудно-

стей и разорений на своем жизненном пути. Все это, вместе взятое, отложило определённый отпечаток на его судьбе и привело к расселению/миграции туркмен по всем четырем частям света» (Сапармурат Туркменбаши. *Dünyä türkmenleri*. Ашгабат. 1994: 5).

В настоящее время миллионы туркмен проживают за пределами Туркменистана: в странах Центральной Азии, Таджикистане, Узбекистане, Казахстане, а также Китае, Афганистане, Иране, Ираке, Сирии, Турции, в Ставропольской, Астраханской и других областях России.

В этой связи целью данной работы является проведение сравнительно-сопоставительного изучения образцов устно-поэтического творчества туркмен Сирии, Ставрополья, Ирака, Афганистана, Ирана и Таджикистана.

Объект работы: выявление в местах расселения туркмен аналогий и местных вариаций народных пословиц и поговорок, а также определение их общности и национально-локальной специфики.

Проведение такого рода интересного и актуального на сегодняшний день научного исследования позволяет установить не только историю возникновения и дальнейшей эволюции отдельных туркменских пословиц и поговорок, но и духовного наследия в целом, а также — генетическую общность его носителей.

K. NURBADOV (ASHGABAT)

THE LITERARY HERITAGE OF TURKMENS OF THE WORLD

As the result of a long historical development and migrations of the Turkmen nation its rich literary and folklore heritage has spread over a large territory of the world. The objective of this article is to reveal the community and national peculiarities of proverbs and saying of Turkmens living now in such countries as Syria, Stavropol region of Russia, Iraq, Afganistan, Iran and Tajikistan.

Ю. Е. БЕРЕЗКИН, В. В. ТЮЛЕНЕВА (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

ПРОШЛОЕ В КОНТЕКСТЕ ФОЛЬКЛОРА:

ЛЕГЕНДЫ О ЗОЛОТЕ ИНКОВ

В наши дни глобальная экономическая интеграция закономерно сопровождается противоположно направленным процессом — попытками сохранения (а нередко и создания или по крайней мере «доставивания») этнической самобытности, поисками «корней». Любое общество является продуктом многовекового смешения самых разных культурных влияний. Соответственно выбор культурных и политических ориентиров нередко эксплицируется через позитивную оценку одних влияний и негативную оценку других. Происходит это как усилиями элит, так и на уровне массового сознания. Считается, что реальная память о прошлом в устной традиции проникает на глубину максимум четырёх-пяти поколений. Более ранняя эпоха целиком мифологизируется. Конкретное содержание такого рода квазиисторических, мифологических представлений бывает самым различным, но на него в любом случае влияют материальные свидетельства прошлого. В зонах древних цивилизаций, где такого рода свидетельства масштабны, зримы и заметны на каждом шагу, культурное наследие древности становится составной частью современной жизни и способно оказывать на неё значимое воздействие.

Красноречивым примером этого служит восприятие культуры инков современными перуанцами, в частности, населением юго-восточных районов горной части страны, где находится Куско — бывшая столица инкской империи, а сейчас крупный экономический, культурный и научный центр. Куско сохранил древнюю планировку, топо-

нимик и архитектурные сооружения различной степени сохранности, инкорпорированные в колониальную и современную городскую застройку. Вне столицы, но в её непосредственной близости инкские памятники концентрируются в так называемой Священной Долине, в среднем течении реки Вильканоты, где находились личные земельные владения членов правящей династии. Венчает цепь этих памятников покинутый город Мачу Пикчу — главная археологическая достопримечательность Перу.

Жителей области Куско, в особенности самого города, отличает специфический менталитет, питаемый и культивируемый интеллектуальной средой столицы. Главный элемент этой идеологии — обострённое внимание к проблемам национальной идентичности и убеждение в непосредственной преемственности современной культуры от доиспанской. Жители Куско, принадлежащие к разным социальным слоям и обладающие различным уровнем образования, практически независимо от реального процента индейской крови, осознают себя скорее прямыми потомками инков, нежели метисами. Выражающая это отношение стандартная формула, которую в равной степени используют индейцы, метисы и креолы, приблизительно такова: «Мы (имеются в виду инки) были процветающей нацией, но пришли европейские варвары и прервали наше естественное развитие, насаждая свою культуру в худших её проявлениях. Поэтому наша страна сейчас в числе отстающих. Если бы не вторжение испанцев, мы были бы сейчас одной из самых передовых стран мира». Эту формулу, в самых крайних её вариантах, можно услышать равно из уст индейца и из уст креола — прямого потомка конкистадоров, прекрасно знающего о своём европейском происхождении.

Референции к инкским временам и к древнему наследию пронизывают повседневную жизнь и воспринимаются как её естественный атрибут. В этот контекст следует поместить и рассказы о сокровищах инков. Тема золота инков в изобилии присутствует как в живом современном фольклоре, так и в колониальных письменных источниках. Здесь её также можно рассматривать в фольклорном ключе, поскольку её лвиную долю представляют не документальные свидетельства хронистов, а истории, записанные с чужих слов, во многих случаях далёкие от реалистических.

В наши дни круг носителей этой фольклорной традиции чрезвычайно широк — от крестьян, мелких торговцев и ремесленников до учителей и экскурсоводов. Бытующие в устной форме рассказы о золоте инков, подвергаются литературной обработке и публикуются, после чего сами служат основой для новых устных версий. Несмотря на подобное осиллирование между фольклором в точном значении термина и литературой, сюжеты рассказов весьма устойчивы. Преобладают истории об отравлении и гибели кладоискателей, вскрывших могилы, о таинственном подземелье или подземном ходе, где скрыты богатства инкского двора и храмов, и о «золоте Атауальпы» (т. е. драгоценностях, собранных приближёнными в качестве выкупа за императора и спрятанных ими после его казни). Сокровища инков остаются недоступными современным людям по причине их алчности, испорченности и ограниченности. Секреты раскроются лишь тогда, когда человечество очистится от скверны и обретёт высшие знания.

Особое место принадлежит рассказам о Пайтити, Затерянном Городе, — последнем прибежище инков. Пайтити обычно представляется как большой город, напоминающий Куско, где золотые статуи инков расставлены непосредственно на улицах. Подступы к городу чрезвычайно опасны в силу естественных условий, а также потому, что его охраняет воинственное индейское племя. Тем не менее изобилуют рассказы о людях, случайно или намеренно попадавших в Пайтити и возвращавшихся живыми, иногда с золотыми предметами в качестве трофеев. Некоторые версии описывают Пайтити как живой город, где до сих пор живут потомки инков. Этот современный вариант сюжета о Пайтити как о последнем убежище инков перекликается с некоторыми версиями сюжета об Эль Дорадо.

В Перу миф о Пайтити выходит далеко за рамки фольклорного сюжета и в последние десятилетия превратился в любопытный социальный феномен. В поисках

Пайтити организуются десятки экспедиций, публикуются книги, ведутся дискуссии. Существует определённый круг людей, вовлечённых в эту деятельность, со своими признанными авторитетами. Библиография о Пайтити насчитывает десятки изданий — отчёты об экспедициях, попытки этноисторических экскурсов. За редким исключением, это любительские сочинения, не имеющие отношения к профессиональной истории или археологии.

Мифологема Затерянного Города и другие упомянутые мотивы не специфичны для Перу, но зафиксированы во многих районах мира. Нечто похожее можно было ещё недавно услышать даже поблизости от Санкт-Петербурга на территориях, до 1940 г. принадлежавших Финляндии. Здесь рассказы о кладах и о людях, оказавшихся в подземелье и умерших вскоре после выхода из него, обычно связаны с финскими оборонительными сооружениями или развалинами хуторов. В европейской и, в частности, циркумбалтийской традиции Погибший, или Затерянный Город («Иерусалим», «Вавилон») нередко символизируется знаком лабиринта (имеется в виду определённая геометрическая фигура; см.: Lunden 1998 // East and West 48, 1—2: 117—134). В древности этот образ, по-видимому, более явно ассоциировался с загробным миром. Именно с подобной символикой могут быть связаны каменные лабиринты на Новой Земле.

Представления об «эпохе творения», мире первопредков, являются, возможно, единственной подлинной универсалией мировой мифологии. Мир первопредков одновременно и предшествует реальному, и лежит вне времени, а поэтому доступен для посвящённых. Он существует в сознании как некая идеальная модель, с которой сопоставляется современность. Для судеб нации не безразлично, какой именно мифологизированный исторический образец приобретёт черты подобной модели. Если в Перу таковой стала империя Инков, то идеализированные и весьма далёкие от реальности описания инкского общества авторами типа Гарсиласо де ла Вега приобретают дополнительный авторитет, определяя этические принципы и идеалы современного общества.

YU. E. BEREZKIN, V. V. T'ULENEVA (ST.-PETERSBURG)

PAST IN CONTEXT OF FOLKLORE: LEGENDS ABOUT THE INCA GOLD

Any society is a product of diverse cultural influences, interacted and mixed during the centuries. The search of the reference points for further development is often manifested through the positive assessment of some influences and negative of the others. In the areas of early civilizations visible relics of former epochs contribute to creation of the mythological image of the past. In the Cuzco area (Peru), folklore stories which describe hidden gold and the mysterious Incaic town of Paititi fed by the widespread practice of the illegal digging for pre-Columbian antiquities produce a characteristic world view shared both by economic and cultural elites and by the common people. Self-identification with the Incas (irrespectively to the person's real language and racial affiliation), negative attitude to the European civilization, and the eschatological expectations of the coming of the more just and moral social order are its peculiar traits.

А. РАХМАНОВ (АШГАБАТ)

О САЛАРАХ КИТАЯ И ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ, ПОСВЯЩЁННОЙ ИХ ИСТОРИИ

1. Салары — одно из национальных меньшинств, проживающих в Китае. Основным районом расселения саларов со времени их переселения в Китай из Средней Азии является Сюньхуа — Саларский автономный уезд (в дальнейшем — Сюньхуа) провинции Цинхай, образованный 1 марта 1954 года с административным центром

Цзишичжэнь. Салары также проживают в посёлках Ганьду Хуалун — Хуэйского автономного уезда (провинция Цинхай), Дахэцзя Цзишишан — Баоань — Дунсян — Саларского автономного уезда (образован 30 сентября 1981 г.), в Линься — Хуэйской, Ганнан — Тибетской автономных префектурах (провинция Ганьсу), в Нинся — Хуэйском автономном районе, уезде Инин — или Казахского автономного округа Синьцзян — Уйгурского автономного района (СУАР) КНР, в Пекине, Синине, Ланьчжоу. По данным китайских источников общая численность саларов в Китае составляет примерно 100 тыс. человек.

2. Согласно китайским источникам туркмены-салары переселились в район Сюньхуа Китая из Туркменистана (по одной версии — из Самарканда) в XIII веке (существуют и другие версии о времени их переселения в Китай). Эти же источники свидетельствуют и о том, что предки саларов ведут своё начало от саларской ветви племени огузов. Язык саларов относится к огузской ветви западногуннского языка тюркской группы алтайской языковой семьи. В жизни саларов большое место занимает ислам и они являются приверженцами его суннитского направления.

3. Созданию предками саларов развитой сельскохозяйственной культуры после их переселения в Китай во многом способствовал богатый сельскохозяйственный опыт в их прародине, т. е. в Южном Туркменистане. Согласно другой китайской исторической летописи именно салары стали первым поколением хлебопашцев на платформе реки Хуанхе. Основным занятием саларов Китая и сегодня является хлебопашество, они выращивают пшеницу, ячмень, кукурузу и др. культуры. Ведущим направлением в животноводстве является тонкорунное овцеводство. Высокого уровня достигла техника садоводства. Благодаря политике реформ и открытости в КНР с конца 70-х годов во всех сферах жизни китайских саларов происходят положительные изменения.

4. Салары имеют богатое художественное наследие. Однако по ряду факторов, в т. ч. из-за отсутствия письменности саларов, многие их художественные ценности исчезли. С образованием в 1949 г. КНР салары получили возможность развивать свою национальную культуру.

5. Для исследования китайских саларов важное значение имеют материалы хроник. Так, источники династии Юань (1271—1368 гг.) включают и «Историю Монголии Досан» (на монгольском и китайском языках), в которой имеются сведения о происхождении предков саларов — салуров. Записи династии Мин (1368—1644 гг.) о саларах в основном содержатся в «Хронике империи Мин». В официальных документах династии Цин (1644—1911 гг.) записи о саларах встречаются ещё чаще. В годы правления цинского императора Цяньлуна Гун Цзинхань составил «Хронику Сюньхуа». В этой хронике, вышедшей 1980 г. в г. Синине в 8 томах, даётся подробное изложение истории саларов со времени династий Юань и Мин, а также в начальный период Цин.

Первые исследования зарубежных путешественников и этнографов по саларам датируются концом XIX века. В 30—40-е годы XX в. в журналах появляются статьи китайских учёных по этой проблематике, в которых устанавливаются также принадлежность саларского языка к группе тюркских языков, наличие саларского письма и саларской культуры. После образования КНР изучение саларов обретает систематический характер. В 1982 г. на китайском языке были изданы первые книги по саларскому языку, истории саларов. Проблема саларов привлекла внимание и русских, японских, румынских, венгерских, туркменских учёных, написавших серию статей, в основном, по саларскому языку.

6. Несмотря на значительные успехи в изучении истории саларов, по мнению ряда китайских учёных, исследования по саларам пока находятся в самом начале пути (см.: журнал «Чжунго салазу». 1994. 1). Если ряд областей всё ещё ждут своего исследования, то другие, например, этногенез саларов, их образование, экономическая жизнь и т. д. требуют проведения более углублённого исследования.

7. Важное значение имеет изучение саларских письменных документов. В 50-е годы XX в. в Сюньхуа исследовательской экспедицией обнаружен трактат на саларском языке «Цзасюе» («Заметки о разном»), написанный арабским алфавитом. Через 10 лет там были найдены и другие аналогичные документы. Эти письменные памятники содержат широкий спектр сведений и они ценны как документальный источник для изучения истории саларов, древнесаларского языка и культуры. Как отмечает китайский учёный Хань Цзянье (салар): «продолжая работу по сбору и проведению в порядок других аналогичных письменных памятников, необходимо как можно скорее организовать силы для изучения этих памятников».

8. Активизации научно-исследовательской работы по всем сторонам жизни саларов призвано содействовать Общество по изучению саларов провинции Цинхай (КНР), учреждённое 10 марта 1993 г. В соответствии с п. 3 ст. 4 своего Устава, Общество также осуществляет культурный обмен с зарубежными научными организациями. Создание Общества способствовало вступлению научных изысканий в новый этап с более чёткой организацией, планированием и комплексным подходом.

9. Содействие написанию подлинной истории туркменского народа путём поиска, сбора находящихся в Китае ценных исторических источников, касающихся прошлого туркменского народа является одним из важных направлений практической дипломатии посольства Туркменистана в КНР. Выявлению новых ценных материалов по этой проблематике способствуют расширяющиеся его деловые контакты с научными учреждениями, библиотеками, отдельными китайскими учёными.

10. Дальнейший поиск и расширенное изучение китайских источников по туркмено-китайским отношениям и истории туркмен Китая, перевод на туркменский язык и издание наиболее ценных из материалов, дальнейшая активизация научного сотрудничества двух стран также в направлении совместного изучения их истории по отдельным периодам — всё это будет содействовать более полному и правдивому написанию истории нашего народа и освещению его достойного вклада в прогресс человечества.

IV. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ, ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Е. И. КЫЧАНОВ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

1. Китайская идеографическая письменность стала входить в употребление уже во II тыс. до н. э. Она прошла путь от пиктограммы к идеограмме прежде всего двух типов: создание новых знаков как новых смысловых комбинаций (категория идеограмм хуй-и) и использования обилия омонимов в китайском языке — создание нового знака, идеограммы из комбинации двух частей и более, одна из которых «указывала» на произношение знака (син-шэн). После объединения Китая под властью династии Цинь (221 г. до н. э.) идеограммы, различавшиеся по написанию в китайских княжествах, были унифицированы.

2. Китайское идеографическое письмо обладало тем свойством, что идеограф, сохраняя своё смысловое назначение, мог читаться (произноситься) по-разному. Письменность объединяла различные диалекты китайского языка («китайские» языки), она сыграла исключительно важную роль в формировании единой китайской культуры.

3. С равным успехом идеограмма могла произноситься (читаться) по-корейски, вьетнамски, японски и т. д. И когда эти соседние с Китаем народы достигли уровня государственности и восприняли буддизм прежде всего из Китая, китайское идеографическое письмо было принято в Корею, Вьетнаме и Японии, хотя обслуживание нужд корейского и японского языков только китайской иероглификой с самого начала было затруднительным. И корейские, и японские филологи изыскивали способы разрешения этих трудностей, что в конечном итоге вызвало к жизни корейскую письменность и японское вспомогательное письмо и в практику вошло комбинированное использование китайской иероглифики и национальных форм письменности. Через идеографическую письменность китайский язык оказал огромное влияние на лексический состав вышеназванных языков.

4. На базе использования китайской идеографической письменности, общности религиозной (буддизм) и государственной идеологии (конфуцианство) в VI в. н. э. и позже создаётся единый мощный регион восточноазиатской цивилизации.

5. На западных и северных границах Китая китайская письменность не утвердилась — в Западном крае (условно, нынешняя провинция Синьцзян) бытовали письменности, происходившие из Индии (санскрит, сакское, хотано-сакское письмо и т. д., тибетская письменность в Тибете). На севере — тюркская руническая письменность и затем уйгурское письмо, восходящее к согдийскому.

6. X—XII вв. ознаменовались появлением ряда новых письменностей. С появлением первого государства монголоязычных народов в X в. — киданьского государства Ляо, появляется киданьское письмо. При значительном влиянии и большом авторитете китайской культуры, киданьские филологи не избежали влияния идеи идеографии. Вместе с тем, киданьские, а позже — тангутские и чжурчжэньские филологи руководствовались стремлением создать письменность, непохожую на китайскую. Кидани и их наследники чжурчжэни создали письменности, в которых идеограммы, внешне отличающиеся от идеограмм письма китайского, дополнялись знаками-слогами, позволявшими учитывать строй родного языка. Тангуты, в языке которых было обилие омонимов, создали своё идеографическое письмо, сущностно отражавшее принципы письма китайского, но внешне на него непохожее. Создание письменностей, «непохожих» на китайские, отражало утверждение «своего пути» развития и

известное сознательное отторжение китайского культурного влияния, вызываемое политическими причинами.

7. Создание единого монгольского государства (1206 г.) сопровождалось принятием монголами для письменной фиксации своего языка уйгурской письменности. В самом конце XVI в. на основе монгольского письма были созданы письмо маньчжурское и письмо ойратское. Обе письменности были связаны с созданием собственных государств маньчжурами (Хоу Цзинь, затем Цин) и ойратами (Джунгарское ханство).

8. Большинство народов юга и юго-запада Китая оставались бесписьменными, лишь проживавшие на территории провинции Сычуань мосо-наси (современные ицзу) имели свою письменность,

9. Таким образом, сфера влияния китайского идеографического письма исторически оказалась ограниченной сферой жёсткого влияния китайской культуры. Индийское по происхождению письмо сохранилось в Тибете. Тюркская руническая письменность не получила дальнейшего развития. Созданное на базе ближневосточных корней уйгурское письмо сохранялось уйгурами и породило три новых письменности — монгольскую, маньчжурскую и ойратскую.

E. I. KYCHANOV (ST.-PETERSBURG)

THE LINGUISTIC INHERITANCE OF EASTERN ASIA

A Chinese kind of writing — ideographs — could be red by a different ways, depending from languages, which a person speak. It was became a base for a borrowing chinese ideographs by japanese, koreans and vietnamese in 6th century. This community of writings together with community of religion (buddum) and state ideology (confucianism) have created a region of union East Asia civilisation.

In 10th — 12th centuries kidan, tangut, zhuzhen attempt to refuse from chinese writing system and have invent their own writing.

Chinese writing have not penetrate in Tibet, Eastern Turkestan and Mongolia. After rise of Mongol Empire western part of modern China — Xinjiam and Gansu, became a islamic region.

И. М. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

ИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Средняя Азия — это родина восточной подгруппы иранских языков, а, может быть, и всей иранской языковой семьи. Нет никаких ясных и бесспорных данных о бытовании каких-либо не-иранских языков на равнинных и горных территориях Средней Азии до I-го тыс. до н. э., когда ираноязычные племена уже населяли весь этот регион. Некоторые учёные предполагают, что среднеазиатский до-иранский языковой субстрат обладал активной типологией (рудиментарно унаследованной некоторыми иранскими языками) и может быть, таким образом, сопоставлен с языками типа бурушаски и гималайскими. Другие предпочитают рассуждать о субстрате дравидийского типа.

В топонимии Средней Азии также нет явных следов не-индоевропейского субстрата. Даже в самых отдалённых горных долинах, например, в Вахане на Западном Памире в непосредственном соседстве с областью распространения языка бурушаски нет практически ни одного названия местности не-иранского происхождения. Напротив, большинство названий с известными иранскими этимологиями были даны ещё в древнеиранскую эпоху.

В ахеменидское время, когда иранцы, по свидетельству античных авторов, были «почти одноязычны», диалектные различия между иранскими языками Средней Азии не засвидетельствованы. Считается, что язык или «языки» Авесты (по крайней мере, её древнейшей части) имеют скорее восточную ориентацию. Отсутствие какой-либо существенной субстратной лексики в Авесте (в отличие от Ригведы) позволяет предполагать о том, что ираноарии продвигались в Средней Азии, так сказать, «по пятам» индоариев.

На западе и к северу иранские языки соседствовали со славянскими и угро-финскими, так что значительное количество иранских заимствований обнаруживается и в восточных славянских (преимущественно в русском), и в угро-финских языках. Большое количество слов иранского происхождения есть, разумеется, и в современных тюркских языках Средней Азии, для которых иранские послужили субстратом: согдийский и хорезмийский для узбекского, киргизского и казахского, парфянский для туркменского и т. д.

Продолжались и непосредственные контакты между восточноиранскими и индоарийскими языками, так что иногда невозможно различить недавние заимствования от более древних. Церебральный ряд согласных в некоторых восточноиранских языках региона сформировался в результате этих контактов.

На рубеже нашей эры на протяжении нескольких столетий на территории Средней Азии засвидетельствованы следующие восточноиранские языки: сакский, хорезмийский, согдийский и бактрийский. Из западноиранских парфянский язык был распространён к юго-востоку от Каспийского моря, а распространение здесь (средне)персидского началось, видимо, также ещё задолго до арабского завоевания.

В последовавшие столетия ираноязычный ареал сокращался в результате очень сложного взаимодействия преимущественно двух генетически различных языковых семей: тюркской и иранской. В целом, тюркские языки вытесняли иранские, а многие обширные территории двуязычны. Двуязычие и многоязычие особенно характерно для тех областей, где сохранились восточноиранские языки (ягнобский, памирские), так как большинство их носителей употребляют также и западноиранский фарси-дари-таджикский.

I. M. STEBLIN-KAMENSKY (ST.-PETERSBURG)

IRANIAN LANGUAGES OF CENTRAL ASIA

Central Asia was the ancient homeland of the Iranians and therefore also of the Iranian languages. There is no clear evidence of the languages spoken on the plains and in the mountains of Central Asia before 1st millennium BC. Eastern Iranian languages were and still are spoken over a wide area, from the Caucasus to Chinese Turkestan. The following Middle Iranian languages were attested from AD the 1st millennium in Central Asia: Scythian and Sarmatian, Sogdian, Bactrian, Chorasmian, Parthian, Bukharan, and perhaps Ferghanian. The modern linguistic map of Central Asia is characterized by a very complex pattern of interaction between two genetic different language groups, Turkic and Iranian. On the whole, Turkic languages have been supplanting Iranian ones, and vast territories have become bilingual.

А. Б. ЭРДЖИЛАСУН (ТУРЦИЯ)

ОГУЗО-ТУРКМЕНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ¹

Огромное пространство на территории нынешнего Туркменистана, Азербайджана, Турции, Балканского полуострова, Восточного Туркестана было населено огузскими племенами. Длительное время проживающие здесь люди были объединены языковой общностью. В настоящее время мы находим письменные памятники

¹ Резюме с турецкого текста.

огузов в различных частях мира. Влияние языка огузов ощущается в языковых системах различных государств, ныне расположенных на этой обширной территории.

Примечательно, что на земле Туркменистана, Азербайджана и Турции после XI века активно распространялась разговорная огузская речь. Что касается письменного языка, то развитие древнетюркского языка мы находим в якутском, чувашском, уйгурском и других тюркских языках.

Любопытно, что как в Малой Азии, так и на территории нынешнего Туркменистана в XIV веке одинаково читались и понимались произведения тюркских авторов.

Начиная с XI века этнический термин «огуз» стал всё больше заменяться словом «туркмен». В XIII—XIV вв. термин «туркмен» прочно вошёл в обиход. В этот период проживающих в Туркестане, Азербайджане и Малой Азии огузов стали называть туркменами. Слово «огуз» в основном осталось в дестанах. Впоследствии, с разрастанием Османской империи понятие «тюрок» стало вытеснять термин «туркмен».

Как свидетельствуют огузские дестаны, в Туркменистане, Азербайджане и Турции длительное время существовали общий язык и культура. Мы прослеживаем это влияние и позже: с XIV по XIX вв. В этой связи мы говорим о языковой общности Турции, Туркменистана, Азербайджана с точки зрения развития языковых форм и языковой культуры. В Турции на сегодняшний день глубоко и серьёзно изучают огузо-туркменскую языковую общность. В университетах нашей страны исследуют историю туркменского языка и литературы и современный туркменский язык. Совместными усилиями с туркменскими специалистами мы и впредь будем изучать наш общий язык и культуры.

А. А. АМБАРЦУМЯН (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ПАРФЯНСКОГО ЗОРОАСТРИЗМА

(по данным некоторых парфянских и пехлевийских источников) *

Проблема определения характера парфянской религии или парфянской разновидности зороастризма давно привлекает внимание многих исследователей. Скучность и крайний недостаток оригинальных, собственно парфянских источников, не позволяли сделать окончательных выводов. По мнению одного из главных исследователей этой проблемы, Дж. М. Унвалы, религия парфян представляет собой весьма упрощённую ослабленную форму зороастризма — «a very relaxed form of Zoroastrianism» (Unvala 1925: 15). Такое заключение отчасти справедливо и не может серьёзно оспариваться. Дж. М. Унвала проанализировал в основном только доступные ему нумизматические данные и также многочисленные сведения античных авторов, но их всё же не достаточно для того, чтобы представить себе картину в целом.

Мы постараемся произвести краткий обзор собственно иранских литературных источников: парфянских документов из Нисы, свидетельств из среднеперсидских зороастрийских сочинений, данных из пехлевийских литературных памятников парфянского происхождения («Драхт и асуриг», «Айадгар и Зареран»).

Парфянские документы из Нисы в значительной степени проливают свет на характер парфянской религии и на список божеств, почитавшихся парфянами. Как справедливо отметил В. А. Лившиц, из около двухсот чисто иранских зороастрийских имён нет ни одного имени, которое не могло бы принадлежать ортодоксальному зороастрийцу (Дьяконов, Лившиц 1960: 23—24).

В парфянских личных именах из архива Старой Нисы присутствуют теофорные компоненты, указывающие на божеств «младоавестийского» пантеона, среди них: Митра (Михр, Михрен, Михрбозан, Михрдат и т. д.), Ормазд (Охрмаздик), Арта

* Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного грантом Российского гуманитарного научного фонда (№ 99-01-00321а).

(авест. Аша) (Артапан, Артаваршт и т. д.), Дэн (авест. Дазна) (Дэнич, Дэнмаздак), Рам (Рам, Раменак, Раманич), Рашн (авест. Рашну) (Рашн, Рашнумихр), Срош (авест. Сроаша) (Срошак, Срошдатак), Тир (авест. Тиштрия) (Тир, Тиридат, Тирмихрак), Варахран (авест. Веретрагна) (Варахрагн и т. д.).

Благодаря именам удаётся реконструировать не только пантеон «младоавестийских» божеств, но и собственно небольшой список зороастрийских амеша-спентов, «бессмертных святых» (архангелов и помощников Ормазда), среди которых: Спандармат (Спента-Армайти), Вохуман (Вохумана), Артавахишт (Артавахишта).

Можно привести несколько примеров имён, которые неоспоримо свидетельствуют о том, что их носители были ортодоксальными зороастрийцами — Дэнмаздак («исповедующий религию Мазды»), Дэнич («приверженец зороастрийской веры»), Ормаздик («тот, кто почитает Ормазда»), Фарнбаг («божество Хварно» — название священного зороастрийского огня, который особенно почитался при Сасанидах).

При обзоре имён из Нисейского архива следует обратить внимание на то обстоятельство, что реконструируется хотя и достаточно полный пантеон почитаемых «младоавестийских» божеств, но и определённым образом ограниченный. Нетрудно заметить, что в именах из Нисейского архива отсутствуют какие бы то ни было намёки на основных божеств кеянидского пантеона (Ардвисура Анахита, Дрваспа и т. д.), как и на «кеянидское хварно». Это, по-видимому, объясняется тем, что в окончательный канон «младоавестийских» яштов вошли две совершенно разные группы яштов. Первая — воспевающая «арийское хварно», условно «северная» и более ранняя группа (Арштат Яшт, Михр Яшт, яшты, посвящённые звёздам и светилам). Вторая — воспевающая «кеянидское хварно», условно «южная» и более поздняя группа яштов (Замйад Яшт, Ардвисур Яшт, Дрвасп Яшт и т. д.). Диалектное и фразеологическое несоответствие этих групп яштов обстоятельно обосновывает Ж. Келленс (Kellens 1978: 261; 1979: 41). Так, в Нисейском архиве много имён с компонентом *арйа-* «арийский» (например, Арийабарзан, Арийахшахрак, Арийамихрак, Арийафрианак) и нет имён, указывающих на нечто кеянидское. Таким образом, можно сделать вывод, что первоначальный парфянский зороастризм продолжал североиранскую религиозную традицию, носителями которой были кочевые предки парфян (возможно не случайно основатель парфянского государства Аршак носил имя, бывшее эпитетом объединителя всех арийских стран Кави Хаосравы: в Авесте он назван словом *арша* «герой; смельчак»). Этими обстоятельствами объясняются многочисленные упоминания о жертвоприношениях коней в Парфии, о поклонении светилам: солнцу и луне и т. д. Приняв зороастризм парфяне сохранили многие свои древние традиции и обычаи. Позднее возможно у них появились и новые культы, например, культ Спентодаты, Нанай и т. д. Эти новые культы уже были связаны с легендарной зороастрийской историей и с династией Кеянидов.

Утверждение канонизированного зороастризма при Аршакидах обычно связывается с деятельностью одного из царей по имени Вологез (Валахш). По зороастрийскому преданию царь Валахш Аршакид произвёл редакцию уцелевших частей Авесты, после того как она пострадала от рук вторгшегося в Иран Александра Македонского (Дэнкард, книга IV. 16, издание П. Б. Санджаны, 1900 г.). Оно содержится в четвертой книге Дэнкарда, составленной, как полагают зороастрийцы, дастурами Аршакидской и Сасанидской эпох. Среднеперсидский текст интересующего нас фрагмента Дэнкарда дошёл до нас в искажённом виде и восстанавливается по-разному, однако, основной его смысл остаётся без изменений. В нашем переводе фрагмент выглядит так (пехлевийский текст и наш собственный перевод по рукописи В, р. 321):

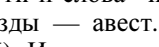
Walaxš o Aškrnṛn Abestrg ud Zand čiyfn ablzagohr andar gmad lstrd hammfṣg-iz o az-iš harw čl az wizand ud ršuftgrroh o Aleksandar ud lwrr (*appar) ud rṣb o hrṣmrygn (hrṣmryiggn) andar ṛrn-šahr pargandagohr abar nibištāg tr čl uzwrn ablsprīšnog pad dastwar mṛnd lstrd andar šahr čiyfn frz mad lstrd nigrh drštan ṣ šahroh o ayrdgrt kardan framyd.

«Баган-ясн» или «Баган»), что должно быть приравнено шестнадцатому наску Двасруд, краткое описание которого сохранилось в восьмой книге Дэнкарда. Затем говорится о нашествии Александра Ромейского, который уничтожил всех магов и жрецов. Некоторые зороастрийцы с детьми бежали в Систан. Наск был у женщин, и был один юноша, который хорошо знал наизусть наск Двасрудж (Двасруд), благодаря чему зороастрийская религия (дэн) вновь вернулась в Систан. Спасение наска Двасруд женщинами и юношей непосредственно связано с его практическим содержанием, основные его разделы содержали житейские и экстремальные рекомендации и положения, знание которых обязательно для зороастрийских женщин и детей. Двасруд содержал непосредственные обращения к женщинам и детям и во многом регламентировал их поведение в разных ситуациях.

Предполагаемые составители этого сочинения, Систанские жрецы IX—XIII веков, очевидно, связывали деятельность Саэны с парфянским периодом истории Ирана. На самом деле жизнедеятельность Саэны может лишь осторожно связываться с ахеменидским или доахеменидским периодом, и может быть локализована в Дрангиане и Арахозии, или, как косвенно указано в Фравардин Яште (§ 126—127), в Апахшире (предположительно область в бассейне реки Хаэтумант).

Имя Сенак (Сеннак), продолжающее традиционное Сэн, встречается у Тацита (Тас. Анн. VI.31—32). Так звали парфянского придворного, прибывшего с посольством в Рим. Оно упоминается также в сирийской надписи из Дура-Европос (сир. snk), датированной первой половиной III века н. э.

На территории Парфии произошли значимые для зороастрийской легендарной истории события. В долине реки Кешефруд, в районе Туса и хребта Гунабад (Фарйомад, Миандашт), разворачивалась одна из религиозных битв царя Виштаспа и хйона Арджаспа (Бундахишн). В этом же районе находился храм-огня Бурзен-Михр, место заточения Спентодаты, здесь были посажены легендарные кипарисы и т. д.

Ещё одним свидетельством распространения зороастрийской религии в Парфии является недавно выявленный персидский топоним в названии деревни Моздуран (Mozdyrgan), находящейся на расстоянии 90—100 км к востоку от Туса и Мешхеда недалеко от границы с Туркменистаном, в этом же месте расположена гора Моздуран (кып-е Mozdyrgan). Немецкий авестолог Хельмут Хумбах склонен возводить название этого топонима к форме *mazdfrgn, которая образована при помощи суффикса -gn и слова *mazdfg, представляющего собой сокращенную форму имени Ахура-Мазды — авест.  (Humbach 1991: 40—41; Hintze 1998: 156). Инверсионная форма Мазда-Ахура наиболее характерна для древнеавестийского диалекта и засвидетельствована в Гатах. Топоним Моздуран представлен в «Географии» Птолемея (150 г.) в названии горного хребта «Гора Масдоран» (греч.

ὄ ὄ , лат. Masdoranus Mons, Ptol. 6,5,1) и в названии обитавшего там масдоранского племени (греч.

, лат. Masdorani, Ptol. 6,17,3). Рассматриваемый топоним этимологизировался раньше от перс. mozdyg «наемник», восходящего к ср.-перс. mizdwar < др.-перс. *miždabara-. В своей аргументации Хельмут Хумбах исходит из того, что форма Masdoran, засвидетельствованная у Птолемея, доказывает, что исходной формой топонима было слово *mazdfrgn. Горный хребет и населенный пункт Моздуран разделяет долину Кешефруд от Туранской равнины. В древние времена на этом месте возможно существовал стратегический форпост иранцев для защиты от набегов кочевников Туранской равнины. Таким же населённым пунктом, по-видимому, являлся расположенный неподалёку топоним Багбагу, этимология которого может быть отнесена к парфянскому *баДбаДгн, в свою очередь восходящему по порядку слов к мидийской фразе *baga bagngm «бог богов» (Humbach 1991: 43—44).

О распространении ортодоксального зороастризма в Парфии свидетельствуют также памятники пехлевийской литературы парфянского происхождения («Айдагар и Зареран» и «Драхт и асуриг»). Они были переведены с парфянского на среднеперсид-

ский язык в сасанидскую эпоху, но содержат парфянские языковые особенности. В поэме-прении «Драхт и асуриг», своеобразном споре между козой и пальмой упоминается много зороастрийских реалий парфянского времени: покорение дэвов во времена Йамы (§ 34), произнесение заклинаний против дэвов (§ 41), принятие веры в создателя, милостивого, лучезарного и могущественного Ормазда (§ 47), принятие «незапятнанной веры маздаяснийской» (ablzag dln o mrgzdsnrgn) (§ 48), исполнение религиозных служб (§ 49), изготовление священного молока для почитания божеств (§ 50), почитание Гошурвана (§ 51), применение хаомы и нэранга (§ 52) и т. д.

На ортодоксальный зороастризм указывает также парфянская героико-эпическая поэма «Айадгар и Зареран», воспевающая трагические и триумфальные события войны принявшего зороастризм царя Виштаспа с язычником и правителем хйонов (хйаона) Арджаспом. Здесь также речь идёт о принятии зороастризма. Зороастрийская религия именуется «верой незапятнанной маздаяснийской» (dln o ablzag o mrgzdsnrgn) (§ 1).

A. AMBARTSUMIAN (ST.-PETERSBURG)

ON THE CHARACTER OF THE PARTHIAN ZOROASTRIANISM

(upon some Parthian and Pahlavi sources)

This paper deals with the problem of determination of the Parthian religion or the Parthian (Arsacid) variety of Zoroastrianism. Observation of this problem is based on some Parthian and Pahlavi sources, such as analysis of the Parthian names from the Old Nisa archives, accounts from the Pahlavi Zoroastrian books, evidences from the Sassanian literary writings of the Parthian origin: «Ayadgar i Zareran» (Memorial of Zarer) and «Drakht i asurig ud buz» (Date-tree and goat). The analysis of the Parthian names from the Old Nisa archives proves that the Parthians worshiped the following Zoroastrian divinities: Mihr (Mithra), Ohrmazd (Ahura-Mazda), Arta (Asha), Den (Daena), Ram (Rama), Rashn (Rashnu), Srosh (Sraosha), Tir (Tishtrya), Varahran (Verethragna). Such reconstruction derives from the most typical names: Mihrdat, Ohrmazdik, Artapan, Denich, Ramenak, Rashn, Sroshdatak, Tiridat, Warahragan, and so on. Some names such as Spandarmat, Wohuman and Artawahisht prove that the Parthians recognized the holy immortal Zoroastrian archangels, the Ameshaspentas Spenta-Armaiti, Vohumana and Artavahishta.

According to the Pahlavi Zoroastrian book Denkard (Denkard IV.16), the revival of the Zoroastrian religious literature (Abastag ud Zand — Avesta and Zand) has begun during the rule of the Parthian Arsacid king Vologezes (Walakhsh i Ashkanan). The Denkard preserved also an account on the Zoroastrian priests of the Seleucid and Arsacid periods: Arezwag, Srudog-spadag, Zrayanh, Spendo-khradwo (Denkard VII.7.5—11). Their original names are also known from the memorial part of the Avestan Fravardin Yasht: Erezva, Sruta-spada, Zrayanha and Spento-khratu (Yasht 13.115). These Zoroastrian priests were encountered in a religious controversy with an apostate and heretic Rashn-resh («someone who harms Rashn, the divinity of justice»).

Middle Persian (Pahlavi) Sassanian writings of the Parthian origin «Ayadgar i Zareran» (Memorial of Zarer) and «Drakht i asurig ud buz» (Date-tree and goat) confirm that an orthodox type of Zoroastrianism might be existing in Parthian times. Thus, «Ayadgar i Zareran» celebrating the tragical and triumphal events of the great war with the Hyon adversary, tells about the adoption of the Zoroastrian faith by the Eranian king Kay-Wishtasp. Zoroastrian faith is called here as «the Mazdayasnian unblemished faith» (den i abezag i mazdesnan). The poem «Drakht i asurig ud buz» mentions many Zoroastrian themes and glorifies the adoption of the faith in creator Ohrmazd. The faith is called here as «unblemished Mazdayasnian faith» (abezag den i mazdesnan).

Nevertheless, the local Zoroastrian faith in the Nisa region of Parthia, as it is shown by the reconstructed divine names, should be characterized as a northern type of Zoroastrianism. Northern Iranian tribes such as Parthians, Dahas and Aparnis, while adopting the faith in Ohrmazd, continued to worship their local divinities in a pagan way. As it seems they glorified predominantly the Aryan Khvarenah (cf. the names from Nisa: Aryabarzan, Aryashahrak, Aryamihrak, Aryafrianak). Conventionally the southern type of Zoroastrianism, with glorification of the Kavian Khvarenah and other local divinities, was spread not in proper Parthia, but in other Iranian provinces (Sakastan).

G. FUSSMAN (FRANCE)

FIRES IN TEMPLES, FIRE-TEMPLES AND ARYAN CULT PRACTICES

Fire-temples as we know them in Sasanian times and from the examination of contemporary Parsi temples in India are for many scholars, at least since the forties, the symbol and exclusive attribute of Zoroastrian religion and preislamic Iran. Many scholars have since tried to demonstrate that early temples found in Iranian-speaking countries were Zoroastrian temples built and organized according to that model, i. e. temples were the purity of the sacred fire was preserved and its ashes carefully kept. Instances of these endeavours could be given for temples built much before the Sasanians, viz. in Achaemenian, Graeco-Bactrian, Parthian and even Kushan times. Most of them failed to get an unanimous approval; many historians of Iranian religions did not agree with their conclusions.

One of the reasons is that, among the historians of Iranian religions, only a few, among them J. Darmesteter and M. Boyce, agree with the claim of 19th c. Parsi priests that they still preserved the pristine purity of Zoroaster's teachings and rituals. Another one is that there are huge disagreements among scholars about Zoroaster's dating and preaching. Some of them even deny he ever existed. A third one is that using undefiled fire for conveying offerings to gods high in the sky is not restricted to Zoroastrianism. Indians and Greeks did the same, and most of the religions which teach that gods inhabit the skies and like human offerings of food and perfumes.

In this paper, a comparison will be made between early Iranian and early Indian rituals of sacrifice to reconstruct early Indo-Iranian religious practices. Mention will be made of the latest interpretations of the Avestan gathas by J. Kellens and the picture of early Iranian religion they evoke. This will be the background for an historical interpretation of the very early fire-temples discovered and excavated in Margiana by Victor Sarianidi and their relation with Aryan or Iranian migrants.

И. В. Пьянков (ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД)

ВЕРОВАНИЯ ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ЗОРОАСТРИЗМ

Какова была религия коренного земледельческого населения Средней Азии — бактрийцев, согдийцев, хорасмиев, ареев, маргианцев и др. — в ахеменидское и эллинистическое время? Отрывочные сведения из источников, восходящих к этому времени, — о характерных погребальных обычаях бактрийцев, о близкородственных браках как норме, бытующей у них же, о популярности культов Митры и Анахиты — всё это как будто недвусмысленно свидетельствует о зороастризме. Действительно, близость с зороастризмом в указанных случаях — бесспорна, и тем не менее вопрос не решается так просто, как кажется на первый взгляд.

Во-первых, зороастризм относится к числу тех религий, которые называют религиями откровения, проповеданными религиями, а пророки — основатели таких религий выступают обычно как основатели той или иной философско-этической доктрины, они не изобретают новых мифологий и пантеонов, не вводят новых способов погребения и новых норм семейной жизни. Всё это в полной мере относится и к Зороастру, основателю зороастризма. Впоследствии учение Зороастра обросло всем тем, без чего религия не может существовать: и мифологией, и нормами, регулирующими социальную жизнь и обряды. И этот процесс хорошо засвидетельствован на материале Авесты.

Но зороастризм возник, как это теперь можно считать установленным, в Средней Азии или, точнее, в древнеземледельческих областях Средней Азии и прилегающих территориях. Следовательно, всё то, что выросло вокруг философско-этического учения Зороастра как основы и составило зороастрийскую религию как таковую, — не что иное, как отражение норм жизни древнеземледельческого населения Средней Азии, в среде которого проповедовал Зороастр. А нормы эти, естественно, формировались задолго до Зороастра и независимо от него. Вот здесь и встаёт вопрос: являются ли те специфические черты в описании бактрийцев и их соседей, которые обычно квалифицируются как зороастрийские, (1) действительно зороастрийскими или (2) свойственными той этнической среде, в которой формировался зороастризм, и, следовательно, являющимися по своей природе дозороастрийскими. Предпочтение этого второго варианта в решении вопроса, по крайней мере в некоторых случаях, кажется вполне возможным. В этой связи отметим, что ещё Г. П. Снесарев на этнографическом материале выявил одно удивительное обстоятельство: в тех случаях, когда этнографический факт из жизни Средней Азии находит параллель в Авесте и вообще в зороастрийской традиции, первый нередко оказывается представленным в более архаичной, так сказать, «первоначальной» форме, чем второй. То же иногда можно отметить и для фактов, засвидетельствованных в письменных и археологических источниках.

Во-вторых, в тех случаях, когда мы признаём те или иные верования или обряды древнеземледельческого населения Средней Азии зороастрийскими, вопрос на этом ещё не будет исчерпан. Что значит «зороастрийский»?

Вообще тот зороастризм, который нам известен, канонизирован в Авесте. А историческим носителем этого зороастризма, как известно, было западноиранское жреческое сословие магов, — согласно давно уже высказанной мною гипотезе, древних выходцев из Средней Азии, из «народа Авесты». Но религия магов уже во времена Ахеменидов обладала некоторыми новыми чертами, не отражёнными в Авесте. Для более позднего времени то же можно сказать о зороастризме магов эпохи Аршакидов и Сасанидов. В это время маги, предки которых некогда вышли из Средней Азии, начинают как бы обратное движение на восток, принося с собой соответствующие своей эпохе варианты канонического зороастризма. Наличие магов в среднеазиатских землях уже в ахеменидское время засвидетельствовано в источниках. То же — и в аршакидское время, а сасанидские маги, как известно, в делах религии вели вообще агрессивную, наступательную политику, распространявшуюся и на Среднюю Азию. Так что многое в среднеазиатских верованиях действительно могло быть привнесено из зороастризма магов. Кроме того, в древнеземледельческих областях Средней Азии существовали и какие-то свои, местные течения зороастризма, независимые от зороастризма магов.

Итак, различные моменты в культуре древнеземледельческого населения Средней Азии, имеющие зороастрийскую окраску, нельзя оценивать однозначно — только как зороастрийские. Они могут быть (1) дозороастрийскими по происхождению, они могут быть обязаны (2) зороастризму магов, причём в различных его вариантах — (а) ахеменидском, (б) аршакидском, (в) сасанидском, наконец, они могут быть обязаны и (3) каким-то нам совершенно неизвестным местным направлениям

зороастризма. При этом могли создаваться различные сложные ситуации; например, то или иное явление, возникшее на местной среднеазиатской почве и затем воспринятое зороастризмом магов, могло вместе с магами вновь возвратиться в Среднюю Азию и здесь встретиться с тем же явлением, но развивавшимся в Средней Азии параллельно и независимо от него. Учёт всего этого позволит, как мне кажется, лучше разобраться в многообразии и сложности параллельных форм в религиозной жизни древней Средней Азии и наметить их генезис в каждом отдельном случае.

I. V. PYANKOV (NOVGOROD THE GREAT)

BELIEVES OF THE ANCIENT AGRICULTURAL POPULATION OF CENTRAL ASIA AND ZOROASTRIANISM

The Religion of the ancient agricultural population of Central Asia has many elements close to Zoroastrianism. But it is not obligatory, that this Religion is the canonical Zoroastrianism. These elements, close to Zoroastrianism, (1) can be pre-Zoroastrian by origin, (2) and can belong to Zoroastrianism of the Magi (a) of Achaemenian, (b) of Arsacian, (c) of Sasanian ages, (3) and at last, can belong to some sort of the local branches of Zoroastrianism.

М. М. КЛЫЧЕВА (МОСКВА)

О ЗОРОАСТРИЙСКИХ КОРНЯХ СИСТЕМЫ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ТУРКМЕНСКОГО НАРОДА

*Блажен, кто не застыл в покое
Познав добро и зло мирское!*

Махтумкули

На пороге новой эпохи прорывов в область моральных ценностей и их переоценки важно обратиться к истории человеческого мировоззрения. Ещё во II-м тысячелетии до н. э. нашими древнейшими предками было предложено глубокое нравственное учение. Именно так датирует большинство учёных время возникновения первой религии пророка — зороастризма, основанной легендарной личностью Заратуштрой. Реформируя старую языческую религию Заратуштра не только провозгласил веру в единого бога, но пересмотрел систему нравственных ценностей своей эпохи. В результате, на той древней стадии развития человеческого мировоззрения, возникло весьма логичное, действенное в практическом смысле этическое учение.

Зороастризм сложно назвать религией в привычном понимании этого слова, несмотря на утверждение единого верховного бога — Ахура-Мазды. Проблема веры сводилась не столько к вере в божеств как таковых, сколько к вере в высшее Добро. Основной акцент переносится в область нравственно-этическую. Допускалась идея об изначальном существовании двух противоположных начал — доброго и злого. В непримиримой борьбе добра и зла бог выступает как главный проповедник и защитник Добра, но не как его воплощение. Вернее было бы даже сказать, что на него возложена роль руководителя и вдохновителя процесса борьбы со Злом. Возвеличивая одного бога среди целой плеяды божеств и сделав его помощником человека и источником харизматической силы для его борьбы со Злом, Заратуштра добился того, что главной фигурой его учения становился сам человек. Герои авестийских гимнов не только боги, но и люди — ремесленник, земледелец, пастух, жрец, воин.

Важной задачей было объяснение роли каждого индивида в мировом процессе и его спасение от отчаяния и безысходности, сложившихся в результате ожесточен-

ной борьбы между оседлым и кочевым укладами жизни. Заслуга Заратуштры в том, что он своевременно оценил роль морали как социального регулятора. Нравственные ценности выводились непосредственно из целесообразного для человека и мироздания в целом. Забота о своём здоровье, труд, охрана природы, забота о животных, решение демографических проблем, благотворительность — вот ценности, которыми руководствовался зороастриец.

Учение Заратуштры выдвигает моральный закон о необходимости всю свою жизнь собирать благие мысли, благие слова и дела. Идеал поведения зороастрийца строится через соблюдение этого закона, Зороастризм учит человека воспитывать себя, оценивать поступки, творить над собой суд, наводить порядок в своём внутреннем мире, стать творцом своей судьбы.

Такое этическое учение оказало своё влияние на последующие культуры. Это относится и к культуре народов Средней Азии, на территории которых рано утвердилось зороастрийское учение.

Туркменский народ вправе гордиться своим культурным наследием памятников народного творчества. Передававшиеся из поколения в поколение сказки и предания, пословицы и поговорки, легенды и дестаны дают яркое представление о быте, обычаях, мироощущении и ценностях древних туркмен. Древнейшие из этих памятников — сказки о людях, животных и фантастических существах. Одним из таких существ является «дэв», несомненно имеющее отношение к злову духу «дэва» из зороастрийской мифологии. Но в туркменских сказках дэвы не только злые, но и добрые. Ещё один образ — злое чудовище «аждарха», прообраз которого представлен в зороастрийской мифологии как «Ажи-Дахака» Основной сюжет туркменских сказок — борьба с источником зла и победа над ним, схожая с зороастрийским идеалом поведения. В сказках возбраняются такие качества как лживость, лень, неверность, жадность и воровство, воспеваются доброты, трудолюбие, справедливость, мужество и верность. Именно нравственные качества и помогают герою одержать победу. Туркменские сказки оптимистичны и справедливы, вселяют веру в возможность исполнения желаний.

Интересно анализировать как строятся взаимоотношения людей и животных в различных памятниках народного творчества. Будь то сказки или легенды, эпосы или дестаны, человек обязательно взаимодействует с животными. Чаще всего это проявляется в оказании помощи друг другу в трудные минуты. Таким образом, присутствует идея гармоничного сосуществования человека с природой. Хотелось бы отметить, что хотя герой надеется только на собственные силы, во многих сказках его верным помощником является конь. Конь как любимое животное туркмен наделен нравственными качествами, присущими человеку. Встречается сюжет о том, что герой сказки — человек был порожден конем. В знаменитом эпосе «Героглы» рассказывается о преданности друг другу человека и коня. В авестийских гимнах Заратуштра часто обращается к Ахура-Мазде с просьбой дать ему быстрых коней. Видимо, роль коня в жизни зороастрийца была также велика. Такое внимание к животным в творчестве народа, видимо, является отголоском древних традиций, связанных с отношением к животным как к тотему.

Современный туркменский бытовой этикет содержит в себе все лучшие традиции, сложившиеся в течение веков. Мораль вплетена в быт туркменского народа. Присутствует идея об исконной благодати человека, ожидание от него только хороших поступков. Этим и объясняется то, что туркмены для обращения к незнакомцу употребляют те же слова, что и к родным. Особое и трепетное отношение туркмен к семье как к святому очагу отражается и на их отношении к социуму. Активное участие в жизни друг друга, порою самовольное вторжение в жизнь другого с целью помочь и посодействовать, не только не возбраняется по эгоистическим соображениям, а наоборот, воспринимается как должное, необходимое. В итоге человек не чувствует себя одиноким. Такая этика спасает общество рыночных отношений от угрозы проблемы отчуждения человека, которой страдает современное западное общество. Доброта

и дружелюбие, миролюбивость и гостеприимство — вот качества, которыми испокон веков славится туркменский народ.

Е. Н. ЕРШОВА (АШГАБАТ)

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ НАРОДАМИ**
(на материале туркменского и русского языков)

Язык — не только средство общения и выражения мысли, но и сокровищница культурного наследия. Многосторонние связи языка и жизни народа в настоящее время стали предметом интегрированных отраслей исследования — социолингвистики, этнолингвистики, психолингвистики, лингвистической антропологии, к которым относится и лингвокультурология.

В системе гуманитарных знаний лингвокультурология — понятие относительно новое. Нередко лингвокультурологию отождествляют с лингвострановедением. Однако в отличие от чисто прикладного характера лингвострановедения как аспекта методики обучения языкам, раскрывающего социокультурный фон функционирования языков в условиях межнациональной коммуникации, лингвокультурология имеет более глубокое содержание. Отражение в языке исторических и этнических реалий, культурных и эстетических ценностей, национальных особенностей и традиций — главная задача культурологии.

Языковой материал является одним из важнейших источников для изучения исторических и культурных связей между народами.

Лингвокультурологический анализ может проводиться на материале не только одного языка, но и нескольких языков. Сопоставительный подход необходим при изучении этнических и языковых контактов, этимологии (происхождения) и истории слов, национально-культурных особенностей речевого общения (например, выражение приветствия, различных пожеланий, употребление различных фразеологизмов и т. д.).

Чрезвычайно ценным объектом лингвокультурологического сопоставительного анализа является материал туркменского языка.

Туркменский язык — государственный язык Туркменистана — относится к юго-западной, огузской группе (подгруппе) тюркских языков. В различных генеалогических схемах их классификации, в том числе и тех, которые основываются на алтайской гипотезе, такое место туркменского языка, одного из древнейших тюркских языков, определяется не только по его ареалу, но и на основе исторического принципа. Являясь непосредственным наследником языка огузов, туркменский язык сохранил в своей структуре такие качества, как первичные долготы фонематического характера в системе вокализма, наличие [y], [ñ] в начале слова, сингармонизм, разветвлённая система наклонений и временных форм глагола и др.

К старейшим тюркским этнонимам относится и сам этнонимический термин «туркмены». Он встречается не только в восточных источниках, но и в древнерусском летописном своде «Повести временных лет» (по Лаврентьевской летописи, 1377 г.). Среди тюркских этнонимов, относящихся к 1096 г. («В лето 6604...»), «торки» (тюрки), «печенеги» (печенеги), «кумане рекше половцы» (кумане или половцы) дважды на первом месте названы «торкмене» (Повесть временных лет: по Лаврентьевской летописи, 1377 г. 1950: 152). Под 6605 г. упоминается также термин «берендичи» (с. 176 и др.).

Но если тюркские этнонимы этого периода стали историзмами или возникло новое обозначение — калька «каракалпаки», («чёрный клобуц», «клобук» — шапка, шлем, ср.: совр. «колпак», а также «монашеский клобук»), то этноним «торкмене»

оказался устойчивым. Этот этноним претерпел лишь незначительные фонетические изменения, образовав и производные слова.

Обращение к лексике письменных источников необходимо для изучения этнических и языковых контактов. Лингвокультуроведческий анализ языкового материала на основе сопоставительного подхода может проводиться в синхроническом, диахроническом и синхронно-диахроническом рассмотрении. При всём своеобразии национальных обрядов у разных народов иногда обнаруживаются и определённые параллели. Так, в туркменском языке существуют словосочетания, связанные со свадебным обрядом — «*guşak çözdümek*» (невесте — развязать кушак жениха), «*ädik çykartmak*» (невесте — снять с жениха сапоги) и др., которые могут быть соотнесены с оборотами русского языка этнолингвистического характера. Так, в «Повести временных лет» под 6488 г. (980 г.) образно говорится об аналогичном свадебном обряде: Рогнеда отказывается выйти замуж за «робичича» Владимира: «не хочу розути робичича...», разумея под этим русский свадебный обряд, частью которого было разувание новобрачной сапога мужа.

Параллели обнаруживаются и в этимологии некоторых слов. Русск. «стол» происходит от глагола «стлати» (ср.: «постель»), что означало первоначально: ткань, которую расстилают для еды, а в дальнейшем — «возвышение, сидение, престол» и т. д.; в первичном значении наблюдается определённая аналогия с туркм. «*saşak*» — ткань, в которую заворачивают хлеб.

Наиболее древние связи между языками рассматриваются в ностратической теории. Вполне возможно выделение первичных архаичных корней в словах **ata** и **отец**, **tärem** и **терем**, **okamak** и **учить (наука)**, **bir** и **первый** (но один), супплетивных формах я — меня... (ср. с *men*) и др.

Однако лингвокультуроведческий анализ направлен не только на поиски сходного, но и специфического, отражающего национальное своеобразие языковых средств.

Основными объектами сопоставительного лингвокультуроведческого анализа являются :

- исторические и этнографические номинации (неэквивалентные обозначения социально-исторических, бытовых и других реалий);
- антропонимический материал (антропонимы, топонимы, этнонимы);
- фразеологический материал — в широком значении (устойчивые сочетания слов, пословицы, поговорки, загадки, зачины и концовки сказок и т. д.);
- коммуникативные поля и средства речевого этикета (формы приветствия/прощания, извинения, согласия/несогласия, поздравления и т. д. в различных речевых ситуациях);
- семантические изменения слов; переносные общеязыковые и окказиональные значения; коннотативное употребление слов как одно из национально-окрашенных художественных средств языка и символ национальных традиций;
- употребление зооморфизмов (ласкательные слова: «*taýam*» — обращение к дочери, «*köşedim*» — обращение к ребенку, букв. мой верблюжонок, «кошечка»; бранная лексика: «*tilki*» — «лиса», «*haýuwan*» — животное, скотина и др.);
- паралингвистические, невербальные средства (жесты, мимика, ритуальные действия, различные знаки и символы). Лингвокультуроведческий анализ художественного текста связан с психологической теорией словесного образа (употребление метафор, сравнений и других изобразительных средств). Например, в стихотворении А. Майкова «Емшан», основанном на летописном предании, память о родной земле воплощается в запахе полыни; это является лейтмотивом стихотворения (др.-русс. «евшанъ» — ср. туркм. «*ýowşan*»).

В современных процессах дифференциации и интеграции научных знаний лингвокультурология становится необходимой составной частью науки будущего — комплексной науки о человеке.

В. А. МЕШКЕРИС (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ В МЕЛКОЙ ПЛАСТИКЕ
И ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ
ДРЕВНЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ**

(середина, вторая половина I тыс. до н. э. — VIII в. н. э.)

1. Одной из насущных задач современной науки о древней художественной культуре Востока является изучение массового ремесленного творчества. Многочисленные археологические находки культовой пластики ныне рассматриваются как неотъемлемая часть духовного и эстетического наследия, без которого невозможно понять природу идеологических систем, монументального искусства и формирования эпохальных стилей. К такому виду художественного ремесла относится мелкая пластика Средней Азии (статуэтки, рельефы, скульптурно оформленные изделия из глины, камня, металла). Комплексный подход (археологический и искусствоведческий) предполагает раскрыть в анализе богатейшего исторического и вместе с тем — художественного источника специфику малой пластики как целостного самобытного явления в искусстве древнего и раннесредневекового Востока.

2. Генетическая природа и семантико-эстетическая сущность исторических стилей ваяния доаравской Средней Азии сфокусированы в самобытных микрообразах (пластических мотивах) каждого региона в хронологической последовательности. Аспект с позиций эстетики позволяет выявить общие закономерности и типологические особенности художественной культуры в динамике поступательного сознания, раскрывающего глубины духовной жизни древнего населения Средней Азии. Философский понятийный аппарат современной теории стиля (Agger 1992; Лосев 1994; Каган 1996) открывает перспективу глубокой оценки с новых позиций искусствоведения механизма образного мировоззрения как уникального явления. Культовая доминанта, основанная на условности, лаконизме типизированных канонических мистико-божественных статуарных эталонов, являющихся иконическими знаками (определение семиотики), равно как и зрелая агглютинация в фантастической анималистике — плод развитой художественной зрелости высокого уровня.

3. Приоритет в развитии образного мышления прослеживается в архаической пластике юга Туркмении, воплотившей процесс формирования древних религий на основе примитивных верований. Перерыв традиций терракотового производства с конца эпохи бронзы до середины I тыс. до н. э. обусловлен рождением новой мировоззренческой системы — авестийской мифологии, образная структура которой создаётся на отрицании древнейших норм протоархаики первобытной эпохи.

4. Отмечается трансформация чужеземных образов в малой пластике середины — второй половины I тыс. до н. э.

а) **Ахеменидские образы.** Хорезм — наиболее ранний центр ваяния, представлял вариант культуры древневосточного типа, влияния которого проникли в этот регион через ахеменидский Иран. Зарождение самобытного хорезмийского стиля усматривается в своеобразных иконографических типах, семантически близких переднеазиатским. Нормы хорезмийского канона (в пропорциях, лапидарности пластического языка). Фантазия художественного воображения в гибридных образах Гопатшаха, драконов, грифонов, связанных с древнейшей иранской мифологией.

Своеобразие хорезмийского варианта древневосточной пластики в разнovidности изделий (статуарные оссуарии, художественная керамика, канонические статуэтки). Бактрия как сатрапия ахеменидской империи была страной официального помпезного стиля. Вотивы из храма Окса (Тахти-Сангин) вместе с комплексом предметов Амударьинского клада представляют типичные ахеменидские образы: царей, жрецов, данников.

Анималистические сюжеты на предметах слоновой кости из Тахти-Сангин — лев, держащий оленя (рельеф акинака), львиная скульптурная протома ритона, фигурная рукоять меча в виде грифона — зооморфные мотивы монументального искусства ваяния Персеполя и Суз. Зооморфизм ахеменидского стиля в ранней коропластике Согда. Ранняя стадия малой пластики Средней Азии как отражение идейного смысла и своеобразной художественной концепции ахеменидского имперского стиля. Общие формообразующие категории канона династийно-иранского искусства — прокламативность, репрезентативность, регламентированность, по-ахеменидски трансформированная «эклетицизм» и пристрастие к стилизованной анималистике.

б) **Эллинистические образы.** Открытие персонажей греческой мифологии в скульптурных изделиях в храме Окса (Тахти-Сангин) — Силена-Марсия, Силена-Ахелея, Гипокампессы, в Дильберджине — Геракла, в Ай-Ханум — Ники, Кибелы — бесспорный факт внедрения античной культуры в массовое искусство древней Средней Азии. Архаическая фаза среднеазиатской пластики — вариант всеобщего явления переднеазиатского эллинизма — однотипные статуарные образы нагих богинь в ахеменидских, селевкидских, ранне-парфянских и кушанских слоях Передней и Средней Азии.

в) **Синкретизм** сакских, античных и бактрийских традиций отражён в ювелирных изделиях Тилля-тепе юечжийской эпохи II в. до н. э.

5. Самобытная образная система в локальных вариантах парфяно-кушанской эпохи (первые века н. э.) — основа формирования региональных стилей.

Утверждение местных принципов «закона фронтальности» в каждой историко-культурной области Средней Азии. Преобладающие мировоззренческие авестийские традиции, вобравшие племенные культы в основу идеологии и формирования канонического искусства и внешние эллинистические и буддийские влияния (региональные различия в степени восприятия воздействия чужеземных культур).

Бактрийско-тохаристанский локальный вариант — очаг индийско-культового синкретизма, проникшего в Среднюю Азию вместе с буддизмом. Статуарные типы иконографии Будды, Бодисатвы и других персонажей буддийского пантеона гандхарского искусства в бактрийской малой пластике, в которой присутствуют также образы джайнистских аскетов, Шивы и Парвати, популярной местной богини, близкой к индийской Харити.

6. Показателен согдийский феномен раннего средневековья (V/VI—VIII вв. н. э.). Главенствующая роль Согда в период кризиса терракотового производства в Средней Азии. Приход на смену иератического согдийского стиля кушанской эпохи средневекового стиля разнообразных направлений и технических приёмов, отражающих новую феодальную идеологию и перемены этнической истории, изменённую образную систему, обогатившуюся идеалами местного эпоса и явлениями реминисценции античных, греко-бактрийских и кушанских традиций. Малая пластика доарабской Средней Азии, отражая эволюцию в идеологии и художественной культуре, представляет ранее неизвестную существенную страницу в древнем искусстве Среднего Востока.

V. A. MESHKERIS (ST.-PETERSBURG)

**ARTISTIC IMAGES IN SMALL PLASTIC AND THE INVESTIGATION
PROBLEMS OF IDEOLOGICAL SYSTEMS OF ANCIENT CENTRAL ASIA**
(second half of the 1st millennium BC — 8 c. AD)

Complex approach archaeological and historical-artistic) of the study rich source as effective realization method of the generalize characteristic of the small plastic as the original phenomenon of historical styles pre-Arabian art of Middle Asia.

The aesthetic position and the present-day theory of style (Agger 1992; Losev 1994; Kagan 1996) allow to discover the common regularity in the evolution of the spiritual life of population in the Ancient Middle Asia.

Ancient sources of the imaginative thinking of photo-historical believes of the primitive epoch in archaic plastic of Southern Turkmenistan. The interval of the tradition (from Bronze Age to 1st millennium BC) and the appearance of the new imaginative system of Avestian mythology.

The transformation of the influence of the foreign cultures. a). The Near Eastern type of the culture in the ancient Khwarezm. The norms of the khwarezmian canon (in iconography proportions, modelling original fact as coexistence of the different sort plastic art (figured ossuaries sculptural decorated ceramics, canonical statuettes). Bactria — achaemenian satrapy as the bulwark of the imperial style — temple and treasure of the Oxus (Takhti-Sangin and the treasure of the Oxus). Sogd — the region in the system of the achaemenian tradition. b). The images of the Greek mythology and the Near-eastern Hellenism. The antique images of the small plastic (Ai-Khanum, Takhti-Sangin). Archaic phase of Near Eastern Hellenism in Middle Asia (traditional images of the female goddesses. c). Syncretism of the Saka, Antique, Bactrian traditions in the jewelers objects from Tillya-tepe.

The original imaginative system of the local variants of Parthian-Kushan epoch. Avestian traditions of Hellenistic and Buddhist influens. The Sogdian phenomenon of Early Middle Age (5/6—8 c. AD). The change of imaginative system reflected the new feudal ideology. The small plastic of pre-Arabian Middle Asia is the earlier unknown page in art of Middle East.

ВЛАДИМИР, АРХИЕПИСКОП АШГАБАТСКИЙ И СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ТУРКМЕНИСТАНА

Методология духовного подхода к анализу истории. Народ как личность. Пагубность исторического беспамьяства и конформизма. Роль внешних влияний и внутреннего многообразия. «Царский путь» или «золотая середина» для достижения «цветущей сложности».

Патриарх Тюрк — родоначальник, туркменского народа. Религиозные предания в свете современной науки. Теория этнического происхождения туркмен: «тюркская» и «персидская» гипотезы. Схема этногенеза народов Центральной Азии.

Свидетельства археологии. Стык парфянской и хорезмийско-гирканской цивилизаций. Древний Хорезм — родина святого Патриарха Иова; корни хорезмийской духовности. Готовность искусства Парфии к восприятию эллинского влияния. Держава Ахеменидов и завоевания Александра Македонского. Напряженность духовного поиска: характеристика языческих культов, Заратуштра и зороастризм.

Проповедь святого апостола Фомы. Империя кушанов. Создание и возвышение Мервской митрополии. Христианство как государственная религия в империи эфталитов.

Гонения на христиан в Персии. Святой мученик Иоанн Мервский. Отпадение Церкви Персии в раскол и несторианство. Экспансия персидских несториан в Центральную Азию: захват Мервской и Самаркандской митрополий, подавление «мельки-тов». Хранение Православия в Хорезме: Хорезмийско-Хвалисское архиепископство.

Характер «дауа» арабских мусульман. Мурджииты. Ханафитский махзаб. Ислам и изобразительное искусство. «Золотой век Ислама»: эпоха Арабских Халифатов. Роль христианской компоненты в мусульманской империи. Заговор хабров в Хорезме; вмешательство арабов. Причины духовного упадка Хорезма. Раскол печенежского народа; гагаузы; русско-печенежская война.

Тюркская государственность. Империя янгикентских джабгу. Туркмены-сельджуки: отток пассионарности.

Геноцид Хорезма и разгром Туркменистана монголами. «Жёлтый крестовый поход» монгольских несториан. Султан Айбек и мамлюкские правители Египта. «Битва за спасение Ислама»: Золотая Орда и Русь в союзе с египетскими мусульманами. Несбывшаяся «империя третьего типа». Восстановление главенства Ислама в ильханстве хулагуидов. Неспособность несториан к смирению, порочные методы несторианского миссионерства; разгром и угасание несторианских общин. Амир Темур: интуитивное применение принципа «цветущей сложности». «Мусульманский Ренессанс», эпохи Темуридов.

«Узбекско»-ордынские династии в Средней Азии. Под чужой властью: разобщённость туркменского народа. Кровавая игра удельных властолюбий и междоусобное братоубийство. Суфизм как духовная реакция на «лежащий во зле мир». Попытки национально-освободительной борьбы туркмен. Сохранение этноса.

Вторжение Российской империи в Туркменистан. «Странная имперская политика» России. Присяга «проявлять справедливость к нуждам мусульман». Восстановление Мургабской плотины и «государево имение» Байрам-Али. Начало мусульманско-православного содружества. Вклад российских учёных в развитие исторической науки. Церковный Закаспий — в составе Грузинского Экзархата. Асхабад — «самый церковный город в Средней Азии». «Русско-восточное» храмовое зодчество. Переподчинение закаспийских приходов Туркестанским архиереям. Архиепископ Димитрий: пик церковного созидания. Подрывная деятельность «либеральной» интеллигенции и политических ссыльных в Туркестане.

Богоборческий большевистский режим. Гонения на Православие и Ислам; укрепление межрелигиозного содружества. «Земля исповедников». Игуменья Лидия (Нагорнова) и монахиня Евгения в Ашхабаде. Сталинская «оттепель» и «хрущёвщина». Стойкость мусульманства в период тотальной атеистической пропаганды. Естественные науки в качестве «отдушины духовного ледника». «Государственники» Средней Азии.

Независимый Туркменистан. Недопущение смуты. Сочетание традиций и прогресса. Заслуги Президента Сапармурата Туркменбаши. Государственная поддержка Ислама и благожелательность в отношении к Православию. Осознание угрозы экстремизма и антимусульманских движений под исламскими лозунгами. Ваххабизм: мусульманская ересь XIX века. Значение туркменского и узбекского «щитов» для стран Содружества. Фундаментален ли «исламский фундаментализм»? Туркменистан как часть «Даруль-Ислам». Предпосылки нового «мусульманского Ренессанса» в Туркменистане. Конкретные пути достижения «цветущей сложности».

Ý. ATAMYRADOW (AŞGABAT)

BISMILLÄHIRRAHMÄNIRRAHİM

Özüniň aslyny päk zähmetden, halallykdan, birek-birege mähribanlykdan alyp gaýdan türkmen halky yslam dininiň dünýä ornaşmazyndan ozal watan söýüjiligi, ynsaplylygy, ynsanperwerligi, umuman milli medeniýeti, ahlaklylygy belent tutup gelen halk. VI—VII asyrlarda Hz. Muhammet Mustafanyň (s.a.w.) dünýä inmegi dünýäniň iň uly ajaýyp wakalarynyň biri bolupdy. Alla tagala tarapyndan hak pygamber bolan Hz. Muhammed (s.a.w.) dünýä medeniýetinde uly öwrülişikler we özgerişlikler bolan yslam dinini ornaşdyrdy. Şol döwürde dünýä medeniýetinde bolup geçen özgerişliklere çuňňur düşünýän türkmen halky yslam dinini meýletinlik bilen kabul edipdi. Ýslam dininiň meýletin kabul edilmegini türkmen halkynyň ynanjynyň, edim-gylymynyň, däp-dessurynyň, milli-medeniýetiniň yslam dininiň kämilleşen kada-kanunlaryna laýyk gelýändigini bilen düşündürmek bolar.

Şondan bäri türkmen halky özünin ýiti düşünjeliligi bilen yslam dinini ylmy taýdan düpli öwrenen, dünýä yslam medeniýetine uly gaşantlar goşan alymlary ýüze çykardy.

Nejmeddin Kubra, Ebu Sahyd Ebul Haýr Mehnewi (Mäne baba), Zamahşary, Ebu Fazl Sarahsy, Bäheweddin Nagyşbendi we beýlekiler yslam dünýäsinde çuňňur yz galdyran dünýä belli alymlar bolypdylar. Olaryň eden işlerini yslam alymlary häzirem ellerinden düşürmän öwrenip ýörler.

XV—XVI asyrlarda orta çykan türkmen alymlary Wepaýynyň, Sopy Allaýaryň din ylmy dowam etdirmekleri, beýik şahsyýetler Döwletmämmet Azadynyň, Magtymgulynyň yslamy garaýyşlary, şeýle hem Ak işanyň (Akmämmet), Molla Töre ahunyň, Çarý ahunyň alyp baran ylmy işleri halkymyzyň ýüreginde yslam nurynyň şöhlelenip durmagyna, bir Allaha, bir pygambere, bir watana gulluk etmelidigini halkyň kalbyna guýýar.

Hakykatdan hem Alla tagala, Watana gulluk edýän her bir watansöýüji, päk ahlakly adamlar öz ata Watanyňyň, ene topragyňyň ykbalyna bipolar garap bilmeýär. Sebäbi olar Alla tagalanyňam, pygamberimiziňem, watanmyzyňam birdigine gowy düşünyärlär. Şonuň üçinem türkmen halky Garrygala söweşinde, Gyzylarbat gyrgynçylygynda, Gökdepe söweşinde we beýleki söweşlerde mertligiň watançylygyň, gahrymançylygyň, edermenligiň beleht nusgalaryny görkezipdi. Gökdepe urşunyň diňe bir ýurt ugrundan alnyp barlan söweş bolman, eýsem şol bir wagtyň özünde din ugrundaky beýik söweşdigini kimler bilmeýär.

Kommunistik partiýanyň dowam edip geçen 70 ýylynyň içinde beýleki dinler bilen bir hatarda biziň yslam dinimizde berk zarba uryldy. Geçen asyryň 30-njy ýyllarynda Türkmenistanda bar bolan metjitleri we medreseleri ýykdylar, ahun-pirleri ýygnap, hiç hili günäsi bolmadyk ýerlerden olara aýyp ýüklediler we halka zýyan ýetirýän adamlar hökmünde beýik şahsyýetlerimizi gözenegiň aňrysna geçirdiler ýa-da sowuk ýurtlara sürgün etdiler. Biziň dini diwanlarymyzy, halkymyzyň ruhy we edebi myrasy bolan dürli-dürli kitaplar otlandy. Munuň özi hemmämiziň bilşimiz ýaly, halkyň ruhy hazynasyny otlanmagydy. Hatda biriniň öýünden arap hatly bir bölek kagyz tapylsa-da şol öýüň eýesine halk duşmany hökmünde jeza berlipdi. Şol döwürlerde diniň galyndysy diýen bahana bilen türkmen halkynyň önden gelýän däp-dessuslarynyň köküne palta urmaga çenli barylyp ýetilipdi.

Kommunistik partiýanyň özi çagşap, SSSR atly gyzyly imperiýa synýança, onuň düzümine girizilen ýurtlar garaşsyzlygyny alýança partiýa öz pälinden gaýytmandy. Alla tagalanyň parzlary bolan namaz okamagy, oraza tutmagy, Mekke-Medinä zyýarata gidip haj borjyny bitirmegi, şeýle hem dünýäden gaýdan bendelere jynaza okamagy gadagan edýärdi. Iki-ýeke adam bolýmaza hiç kim haja gidip bilmezdi. Bagty işläp haja gidenler hem gaýdyp gelenlerinden son özüne bildirilmän telim aýlap yzarlanylardy, göz astyna alynardy. Şol döwürde Alla tagalanyň ryzalygy üçin namaz okaýan, oraza tutýan adamlar öz önündäki parzlary gizlilik bilen ýerine ýetirdiler, ýüregi imanly türkmen halky Alla tagalany bir dem hem unutman, gizlin-de bolsa tagat ybadatlaryny ýerine ýetirip geldiler.

Türkmen halky öz ýurduny jany teni bilen söýýän watançy halkdyr. Ol 1941—1945-nji ýyllaryň Beýik Watançilik urşunda hem tutuş SSSR-i öz Watany hasaplap, deňsiz-taýsyz gahrymançylyk görkezdi. Şonda Türkmenistanyň Gahrymany Atamyrat Aýmanyýaz ogly ýaly türkmeniň söwer ogullarynyň müňlerçesi şehit bolup häzir keseki ýurtlaryň topraklarynda ýatyr. Hut şonuň özü-de kalby imanly türkmeniň neneşi watançy halkdygyny subut edýär.

Türkmen halky mähriben Prezidentimiz halkymyzyň söwer ogly Saparmyrat Türkmenbaşynyň ýolbaşçylygynda ýurt garaşsyzlygyny gazandy. Türkmenistan döwleti öz garaşsyzlygyny alandan soňra aýdyň ýol bilen hemme taraplaýyň ösüşe başlady. Yurdymyzda her bir adamyň islän dinine uýmaga ýa-da uýmazlyga hakynyň bardygy kanun esasynda kepillendirildi. Ynanç-tykat meselesinde hiç kimiň birek-birege zorluk etmäge hukuky ýokdyr.

Ilkinji Prezidentimiz Saparmyrat Türkmenbaşy garaşsyzlygymyzyň ilkinji ýyllarynda Mekke-Medinä gidip haj borjuni berjaý edip gelipdi. Bütün türkmen halky bilen birlikde öz ata-babalaryny ýatlap dogduk mekany Gypjak obasynda sadaka berdi. Bular bolsa Saparmyrat Hajynyň dine bolan ýoly diňe söz bilen açman, eýsem bu ugurda halka görelde bolýandygyny hem görkezdi.

Ýurt Baştutanymyzyň yslam dininiň ösmegine hem uly goşant goşýandygyny ýatlamak gerek. 1990-njy ýylda ýurdymyz boýunça bary-ýogy 4 metjit bar bolsa bu gün

Türkmenistanyň her bir oba we şaherleri azan bilen oýanyp azan bilen ýatýarlar. Magtymguly adyndaky Türkmen Döwlet uniwersitetinde Ylahyýet fakultetiniň azylmagy geljekde biziň Garaşsyz hem Baky Bitarap Türkmenistanymyzdan öňkiler ýaly yslymy öwrenýän alymlaryň ýüze çykjakdygyna ynaydyrýar.

Ýurdumyzda alnyp barylýan Bitaraplyk syýasaty yslymyň esaslarynyň biridir. Munuň özi birek-birege we goňşyçylyga hormatyň asyl nusgasydyr. Prezidentimiz Saparmyrat Türkmenbaý Bitaraplyk syýasatyny alyp barmak bilen halkyň watançylyk duýgysyny ösdürýär, dürli dinlere ynanyan halklaryň özara ýakymly gatnaşykda bolmagyny gazanýar. Yslam dini hem şony öwredýär. Mukaddes kitabyмыз Kurany-Kerimde aýdelyşy ýaly «Musulmanmusulmanyň doganydyr» diýen aýaty Kerime hut şuny aňladýar.

Yslam dini her bir ynsanyň kalbynda Watana bolan söýgini omaşdyrýan we Watana bolan duýgyny güýçlendirýän dindir. Hz. Pýgamberimiz Muhammed (s.a.w.)-miň «Watany söýmek imandandyр» diýen hadysy şerifine esaslanyp halal zähmet çekmek şu günki borjymyzdyр. Bu ugurda Beýik Serdaryмыз Saparmyrat Türkmenbaýynyň alyp barýan işleri tutuş halkymyz üçin görelde alarlykdyр. Mahriban Prezidentimiz «Biz Watanyмызdyň Garaşsyzlygynyň binýadyny halallygyň we dogry sözliligiň üstünde tutdyк» diýip aýdýрды.

Türkmenistanyň Prezidenti Saparmyrat Türkmenbaýynyň Permany bilen 1994-nji ýylyň aprelinde Türkmenistanyň Prezidentiniň ýanyndaky din işler baradaky Geňeş döredildi. Bu dini Geňeşin döredilmegi halk bilen döwletiň arasyndaky gatnaşyklary ýola goýmakda, Türkmenistanyň Müftiligi bilen bilelikde geçirilýän dürli çäreleri geljekde-de yslym dininiň ösmeginiň, halkyň özara mundan beýläkde agzybir bolmagynyň we bir ýolbaşçynyň daşyna berk jebleşip ýurdumyzyň agzybirlik kuwwatunuň, halallygyň, päkizeligiň we Watana wepalylygyň aýdyň subutnamasydyр.

GOÝ DÜNYÄ DURSUN TÜRKMENISTAN DURSUN

Я. АТАМУРАДОВ (АШГАБАТ)

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ТУРКМЕН И ИСЛАМ

Туркменский народ, ещё до распространения ислама отличавшийся трудолюбием, честностью и дружелюбием, проповедовал идеи гуманизма, патриотизма и человеколюбия. В VI—VII вв. с рождением Пророка Мухаммеда и зарождением ислама открывается новая страница в истории народов мира, в том числе и туркменского. Пророк Мухаммед, являющийся истинным посланником Бога на земле распространил религию ислам, внося огромные преобразования в мировую культуру. Туркменский народ понимая, что ислам близок по своей сути духу и национальным интересам туркмен, добровольно принял ислам. С этого времени среди туркменского народа, тщательно изучавшего основы и каноны ислама, стали появляться выдающиеся учёные-теологи, которые внесли огромный вклад в сокровищницу мирового ислама. Золотой строкой в историю мирового ислама внесены имена таких выдающихся туркменских учёных как Неджмеддин Кубра, Абу Сахыд Абул Хайр Мехневи (Мяне Баба), Замахшары, Абул Фазл Серахси, Бахаведдин Никшбенди и др.

Продолжившие их учение, видные туркменские теологи XV—XVI вв. Вепайи и Сопы Аллаяр оказали огромное влияние на духовное развитие классиков туркменской литературы — Довлетмаммеда Азади и Махтумкули, на духовное мировоззрение Ак ишана, Молла Торе ахуна и Чары ахуна, труды которых и по сей день воспитывают у молодого поколения любовь к Родине, уважение и почитание старших. Туркменский народ, воспитанный на традициях и идеях ислама показал примеры мужества и героизма в Каракалинской битве, сражениях при Геок-Депе и Кызыл-Арвате и многих других.

Однако, в период 70-летнего господства советской власти в Туркменистане, вместе с другими религиями подвергся гонениям и ислам: были разрушены мечети и медресе, ахуны и пиры были незаконно обвинены и брошены в тюрьмы, сожжены религи-

озные диваны и другие книги духовного и культурного наследия туркмен. Верующим туркменам запрещалось читать намаз, держать уразу, совершать хадж в Мекку и Медину.

И лишь с обретением Туркменистаном независимости туркменский народ под мудрым руководством Первого Президента Туркменистана Сапармурата Туркменбаши смог заново возродить свои национальные и религиозные традиции, приступить к духовному возрождению в буквальном смысле этого слова. Каждый человек в стране теперь имеет право исповедовать свою религию, отмечать свои праздники и всё это гарантировано ему Конституцией Туркменистана.

Президент Туркменистана Сапармурат Туркменбаши также придаёт большое значение развитию ислама в Туркменистане. Если в 1990 г. в стране насчитывалось всего 4 мечети, то сегодня почти во всех селах и городах народ Туркменистана встаёт и засыпает со звуками азана. Кроме того, в апреле 1994 г. был создан Совет по делам религии при Президенте Туркменистана, основной задачей которого является установление связей народа с государством, дальнейшее развитие ислама, поддержание мира и стабильности в государстве. Всё это является доказательством того, что мусульманская религия играет большую роль в духовном возрождении туркменского народа.

YA. ATAMYRADOW (ASHGABAT)

SPIRITUAL HERITAGE OF TURKMEN AND ISLAM

Turkmen people have always been honest, diligent and friendly and even before the dissemination of Islam they have sermonized the idea of humanism and patriotism. The new era in the history of the human being and also Turkmen people had begun with the birth of the Prophet Mohammed and the rouse of the Islam there. Prophet Mohammed who was the veritable messenger of God on the Earth had made many changes in peoples' minds and world culture. Having understood that Islam is very close to the spiritual and national interest, Turkmen people had freely accepted Islam. The names of the great turkmen theology-scientists are inscripted to the world's history of Islam in gold.

Famous theology-scientists of 15—16th centuries Vepai and Sopy Allayar had great influence on the spiritual development of the authors of the classic literature — Dovletmamed Azadi and Mahtumkuli, and also on the spiritual views of Ak Ishan, Molla Tore akhun and Chary akhun whose works are still of major importance for the education of youth. Educated in the traditions and ideas of Islam Turkmen people had shown the examples of the heroism in the Geok-tepe, Karykala, and Kizyl-Arbat wars.

But in the 70-year soviet period many religions, including Islam, were suppressed. Moreover, religion dignitaries were put in jail, books of turkmen heritage were burnt. People had no opportunity to pray, to keep fast and to make Hadj to Mekka and Medina.

Only after gaining the independence people had the opportunities to revive its national and religious traditions. Now everybody has the right to the freedom of religion and to celebrate their own festivities as guaranteed by the Constitution of Turkmenistan.

The first president of the Turkmenistan Saparmurat Turkmenbashi attaches great importance to the development of Islam in Turkmenistan. In 1990 there were only 4 mosques but now every village of Turkmenistan has got a mosque. Moreover, in 1994 the Council for Religion at the President of Turkmenistan started its work. Its main purpose is to develop the relationship between government and people, to develop of Islam, to keep peace and stability in Turkmenistan. All of this shows that Islam plays its great role in the spiritual revival of Turkmenistan.

**МУСУЛЬМАНСКИЕ НЕКРОПОЛИ ГОРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ:
ВОЗНИКНОВЕНИЕ, ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ**

Исследования автором мемориально-культурных комплексов с некрополями Бухары и Бухарской области показали, что начало их формирования относится, в основном, к IX—X вв. Часто появлению некрополя предшествует устройство мазара — святого места над захоронением религиозного деятеля, исторически известной (Баха ад-Дин, Абу Бакр Сад, Абу Хафс Кабир, Абу Наср ал-Джанди, Ходжа Исмат, Касым Шайх и др.), либо мифической личности (Шабурган-ата, Ходжа Кааба, Аййуб и др.). Установлено, что в первом случае мазары устроены над реальным захоронением; во втором (Чаыма Аййуб) — это «кадамгах» место, где по преданию отдыхал святой, устроенный как обыкновенная могила, а её полость заложена кирпичом.

Унифицирована атрибутика мазаров: священная могила в виде саганы, либо дахмы, около которой установлены туги (знамя, штандарт — средство сообщения духа святого с верхним миром, Аллахом) с наверхиями в виде панджа (раскрытая ладонь). Возле могилы устроены сооружения для возжигания ритуального огня (чираг-хана) в виде миниатюрных сооружений из жжёного кирпича или мрамора. Непременная принадлежность мазаров — колодец, источник, либо небольшое помещение с чашей, наполняемой водой. В одних случаях колодец играет основную роль в ритуале посещения наравне с могилой святого (Чашма Аййуб), в других — подчинённую: находится за пределами мазара, но вода его считается целебной.

Большинство мазаров располагаются в хазира (лишённое перекрытия, ориентированное по странам света здание с поминальной мечетью), а над некоторыми возведены 2-х камерные мавзолеи: первое помещение — зиарат-хана с михрабом, второе — гур-хана с надгробием над захоронением и тугом.

Со временем у мазаров складываются городские (Хазрати Имам, Турки Джанди), родовые (Чор Бакр), ханские (Баха ад-Дин) некрополи. В силу различных причин (место захороненной личности в религиозной иерархии, социальная значимость, политический ранг) некоторые некрополи оформляются монументальными зданиями (мечети, ханака, медресе, минареты и проч.), превращаясь в общемусульманские центры паломничества. Другие, по тем же причинам, не получают достаточного развития, оставаясь скромными кладбищами при небольших мавзолеях и хазира. Данный постулат, установленный ранее по этнографическим материалам (О. А. Сухарева, Г. П. Снесарев), подтвержден археологическими исследованиями автора.

Городские некрополи, расширение которых ограничивалось жилой застройкой, сравнительно небольшие по площади — до 1 гектара, характеризуются высокой плотностью и многоярусностью погребальных сооружений (до 12 ярусов). Загородные — достигают площади 2 и более гектаров, составляя 2—4 яруса захоронений.

Погребальные сооружения представлены тремя основными типами: ящик, сагана и дахма (с мраморными надгробиями в виде вытянутых узких параллелепипедов на плоской кровле); каждый тип включает до 10 вариантов, сменявшихся в процессе тысячелетней эволюции (крайне редко возводились грунтовые могилы и ляхады). Как показали исследования, погребальные сооружения Бухары генетически восходят к доисламским наусам, распространенным на обширной территории Средней Азии с III—II вв. до н. э. (Ай-Ханум, Дальверзин-тепа) до VII—VIII вв. (Пенджикент, Краснореченское городище и др.).

Представленный процесс формирования и эволюции мусульманских некрополей Бухары прослеживается в подобного типа мемориально-культурных комплексах Ташауза (Т. Х. Гелах), Куня Ургенча, Хивы, Самарканда (Н. Б. Немцова, С. П. Поляков, А. И. Черемнык), Ташкента, Туркестана (Е. А. Смагулов) и в других крупных

среднеазиатских городах. Помимо этого наблюдаются аналогии на некрополях Северо-Западной Туркмении (С. П. Поляков) и Западного Казахстана (С. И. Аджигалиев), принадлежавших полукочевому и кочевому населению.

С. Е. АЖИГАЛИ (КАЗАХСТАН)

МЕМОРИАЛЬНО-КУЛЬТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ МАНКЫСТАУ И УСТЮРТА

1. Арало-Каспийский регион (в центре которого располагается мангышлакско-устюртская область) с глубокой древности являлся очагом этно- и культурогенеза многих народов Евразии. Здесь складывались крупнейшие этнополитические, государственные объединения кочевников-скотоводов, сыгравшие выдающуюся историческую роль, — мощнейшая конфедерация «восточноиранских» племён (массагетский Туран), государство огузских ябгу, Ногайская Орда и т. д. Издревле в этом котле или «стране-кратере» (по выражению А. Гумбольдта) «варились» и предки современных тюркских народов, создававших, воспринявших и развивших богатое «наследие Турана».

2. В числе достижений степных культур особое место принадлежит малоизвестному и в то же время масштабному явлению — **феномену архитектуры кочевников**. Явлению, получившему особое распространение в средневековье и новое время у тюркских народов. Многолетние изыскания в Западном Казахстане (1978—1998 гг.) ещё раз доказали широкое развитие народного зодчества и монументального камнерезного искусства у кочевников и полукочевников — прежде всего в мемориально-культурных формах: мечети, мавзолеи, архитектурные ограды, надмогильные стелы, надгробия и т. д. Оценочно в ареале насчитывается не менее 50 тысяч памятников историко-культурного художественного значения.

3. Основная и наиболее репрезентативная масса архитектурных памятников аридно-степной зоны Арало-Каспия сосредоточена в манкыстау-устюртском районе, где в основном представлены камнерезные сооружения. Они сконцентрированы на старинных некрополях, кладбищах, культовых комплексах (корым, бейит, зулие). Количество памятников, создававшихся в течение почти всего II тыс. н. э., очень велико (по крайней мере, думается, никак не меньше, например, числа «стечаков» богомилов в Боснии — 30 тысяч). Памятники Восточного Прикаспия, главным образом, создавались представителями двух родственных тюркских народов: казахов и туркменов и их огузо-кыпчакскими предками.

4. Архитектурный комплекс Мангышлака и Устюрта характеризуется исключительным разнообразием — здесь сосредоточены фактически все четыре формы мемориально-культурных сооружений кочевников и полукочевников Евразии, мусульманизированных тюрков. Типологически памятники распределяются на два основных рода сооружений: культовые общественные (мечети, культовые места) и мемориальные (погребальные, надмогильные). Наиболее специфичными и массовыми являются мемориальные сооружения, которые подразделяются на два больших отдела: монументальные и малые формы памятников.

5. Монументальные формы мемориальных сооружений Арало-Каспия представлены следующими видами (категориями) памятников — купольные мавзолеи («там», «кумбез»), четырёхугольные ограды типа «торткулак», саганатамы (простонар. «керсгетамы»). Памятники очень разнообразны, типологически репрезентативны и весьма показательны в плане изучения генезиса архитектурных форм, их синтеза в региональном среднеазиатско-казахстанском мемориальном зодчестве. Имеются выдающиеся образцы архитектуры: мавзолеи Коккумбет (Кокимбет), Айтмана, Омара и Тура и многие др.

6. Малые традиционные формы мемориальных архитектурных сооружений Арало-Каспия отличаются особой массовостью, исключительным разнообразием, функциональным динамизмом, позволяющим рассматривать их двояко: как самостоятельный архитектурно-художественный вид и как составную часть композитного сооружения. Памятники распределяются на пять основных категорий: стелы (кулпытасы), надгробия, ящики-саркофаги (сандыктасы), ограды простые (типа «корган»), надмогильные насыпи и наброски. В каждой из них выделены разряды (группы) с многочисленными типами, подтипами, вариантами, разновидностями, среди которых множество выдающихся образцов камнерезного искусства.

7. Всесторонний анализ мемориально-культового комплекса Арало-Каспия, как уникального историко-культурного феномена, зародившегося в недрах кочевнического общества, свидетельствует о том, что его формирование связано, прежде всего, со своеобразием этноистории региона, особой ролью мангышлакско-устюртской экокультурной ниши, специфическим значением «массагетского субстрата». Генезис и семантика памятников (наряду с общечеловеческими представлениями о модели мира, посредничестве — сакральном пути и т. п.) отражали конкретные, адекватные кочевническому базису и местным условиям идеи. Наиболее ярко это проявилось в казахском кулпытасе — как коновязном жертвенном столбе.

8. Памятники казахов и туркменів межаралокаспийского района имеют многоплановое конкретно-этнографическое значение. Формы внешней декоративно-информационной их обработки (тексты) имеют первостепенную важность для изучения системы тамг огузо-туркменских и собственно туркменских племён, а также казахов Младшего жуза (которая восстанавливается почти полностью); тюркской арабографичной мемориальной эпиграфики; народных «рисунков» скотоводов; орнаментики и камнерезного искусства в целом.

9. Исследование памятников мемориально-культовой архитектуры Манкыстау и Устюрта имеет комплексное значение для разработки многих историко-культурных проблем. Уникальное камнерезное зодчество и монументальная глиптика межаралокаспийского района (в ареале культур тюрков-кочевников, скотоводов наиболее полно сохранившееся именно здесь) имеет также особую важность в деле духовного возрождения народов региона, в плане использования непреходящих традиций в современной архитектуре, практике возведения мемориальных памятников, в развитии международного туризма и т. д. В связи с этим вопросы дальнейшего исследования, охраны и реставрации экстраординарного архитектурного наследия этих пустынных районов являются актуальными задачами первостепенной значимости.

N. DIYARBEKIRLI (TURKEY)

MEDIAEVAL DEATH RELATED BUILDINGS AND WORKS OF ART OF THE TURKMEN TRIBES

Throughout history the Oguz tribes (Türkmens) have constructed buildings of architectural value relating to death, such as monumental tombs, burial complexes, kümbets and türbes, and carved stone statues of rams and horses.

In this paper I will discuss Turkmen tomb structures of the pre-Seljuk and Seljuk period over the lands from Turkmenistan to Anatolia; and pre-Islamic Oguz ceremonies relating to death, such as mourning customs, burial and yug ceremonies, and their representation in pictorial art in Inner and Central Asia.

V. СВЯЗИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

С. Н. АРТАНОВСКИЙ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

ВОЛНА ЦИВИЛИЗАЦИИ: ОТ МЕТАФОРЫ К НАУЧНОМУ ПОНЯТИЮ

Выражение «волна» применительно к распространению культуры и цивилизации употреблялось уже давно. Но это была поэтическая метафора. Лишь в последнее время наметилась тенденция к переосмыслению этого художественного сравнения в научное понятие. Интересные, но кое в чём спорные идеи на этот счёт высказал В. К. Карнаух (Карнаух В. К. 1998. Волны цивилизации. Учебное пособие. — СПб: Изд. СПбГУ). Моя работа является откликом на его соображения.

Прежде всего, о понятии «цивилизационной волны». Предварительное определение этого понятия — комплекс культурных влияний, других видов взаимодействия народов — завоеваний, колонизации и т. д. Очевидно, что в состав этого комплекса может входить лишь часть перечисленных выше явлений.

Если взглянуть на понятие «цивилизационной волны» с философской точки зрения, то становится ясным, что она вытекает из диалектики прерывистого и непрерывного в развитии как мировом процессе. Развитие прерывисто по своей природе — в частности, общественное развитие. Его непрерывность есть неизменная повторяемость «волн», «квантов» движения. Равномерным развитие в сфере взаимодействия культур может быть либо как временное явление, либо как попытка сознательно управлять культурным обменом и поддерживать его на определённом уровне. «Волны цивилизации» и являются такими «пучками», «квантами» воздействия культуры одного народа на культуру другого. Культурное влияние, направленное из культуры-донора в культуру-восприимчивую, можно представить себе как цепь «цивилизационных волн».

Культурологический подход требует исследования вопроса о соотношении понятия «цивилизационной волны» и «культурных контактов». Первое из этих понятий более широкое, чем последнее. «Цивилизационная волна» включает всю совокупность взаимодействия между народами: культурные сношения, дипломатические связи, нередко даже войны и завоевания. «Цивилизационная волна» есть социокультурный комплекс. Понятие цивилизационной волны позволяет дать всестороннюю картину взаимодействия народов на определённом отрезке времени и пространства.

Эвристическая действенность понятия «цивилизационной волны» заключается в том, что оно позволяет рассмотреть в единстве такие казалось бы взаимоисключающие понятия как война и культура, завоевание и распространение культуры. В истории человечества международные культурные взаимовлияния были, как правило, связаны с войнами и завоеваниями. Конечно, были существенные исключения — например, мирное распространение буддийского комплекса в странах Юго-Восточной Азии.

Но чаще было иначе. Завоевания и колонизация подчас вели к образованию империй, в рамках которых значительно интенсифицировался процесс культурного обмена между различными этносами и нациями. Так было в культурном пространстве эллинизма, образовавшемся в результате завоеваний Александра Македонского. Ещё более прочным и широким был культурный синтез в пределах Римской империи, заложивший фундамент культурной истории народов средневековой и новой Европы. Классическим примером в этом отношении является арабское завоевание, которое не было одномоментным явлением, а растянулось на целый исторический период. Наряду с деструктивными проявлениями оно привело к мощной цивилизационной волне мусульманской цивилизации, которая со временем образовала ряд местных очагов локальных цивилиза-

ций в рамках суперединства. Византийская империя объединила восточные, греко-римские и славянские культурные элементы. Империи всегда означали неравноправие народов и, вместе с тем, взаимное обогащение культур. Империю можно рассматривать как своего рода большую цивилизационную волну, ограниченную в пространстве и во времени: недаром были сказаны крылатые слова: «всякая империя погибнет».

Завоевательные войны часто ведут за собой поток колонистов. Обширная колонизация была свойственна, например, Римской империи. Римские колонии были очагами культуры и романские народы Европы именно им обязаны своим происхождением. Колонизация римлянами территорий нынешней Италии, Испании, Франции не вызвала сильного сопротивления местного населения. Мирной была и русская колонизация финно-угорских земель на заре русской истории.

Слово «колонизация» обычно ассоциируется с «колониализмом» и колониальной эксплуатацией аборигенов. Это имело место — в особенности в заморских владениях западных держав и, в менее жёсткой форме, в некоторых колониальных регионах Российской империи. Но понятие «колонизации» гораздо шире. Например, по приглашению Екатерины II были основаны немецкие колонии во многих районах России, даже в окрестностях Санкт-Петербурга. Но им не предшествовали войны и завоевания. Не было и никакой эксплуатации. Процесс проникновения, скажем, китайцев на российский Дальний Восток, турок в Германию — тоже, на мой взгляд, форма колонизации. Но если колонизация может быть вне связи с войной и захватами, то она всегда несёт с собой проникновение чужого языка, обычаев и других элементов культуры.

Как известно, далеко не все войны были завоевательными. Войны освободительные и оборонительные часто играли роль катализаторов процесса культурного развития и творческого освоения ценностей чужой культуры. Такой войной была, в частности, война с Наполеоном в 1812 и последующих годах. Она дала толчок развитию духовной культуры России и Германии, способствовала интенсификации межевропейских культурных связей. В России произошёл духовный подъём, получивший название «пушкинской поры». Он был связан, с одной стороны с чувством гордости за русское оружие, с другой, ознакомлением русского офицерства с жизнью и культурой Западной Европы. Об Отечественной войне 1812 г., взлёте русского гения в послевоенные годы, декабризме можно говорить как о единой цивилизационной волне.

Несколько иначе обстояло дело в Германии. Там борьба с Наполеоном тоже вызвала подъём национального духа, но он проявился не столько в литературе, сколько в философии. Непосредственным откликом на политические события явились великолепные «Речи к германской нации» Фихте. В целом мы можем, как мне кажется, и здесь говорить о цивилизационной волне.

Наконец, вспомним Великую Отечественную войну XX в. Сразу после неё рухнул большевистский нигилизм в отношении классиков русской науки и литературы, повысилась роль интеллигенции в советском обществе. Несколько позже состоялся исторический XX съезд КПСС, открывший дорогу либерализации советской культуры и росту её международных связей. В 1958 г. был «реабилитирован» Ф. М. Достоевский. Вскоре наступила «оттепель», означавшая признание некоторых общеевропейских духовных ценностей, возможности — хотя и ограниченные — для художественного самовыражения. Затем пошёл поток публикаций, выставок, обсуждений, связанных с постепенным восстановлением русской культурной традиции («Письма из Русского музея» Вл. Солоухина, интерес к иконописи Древней Руси, позже — десяти томник памятников древнерусской литературы под ред. Д. С. Лихачёва и т. д.). На фоне предшествующих тридцати-тридцати пяти лет господства мертвящего «классового подхода» в советской культуре всё это можно рассматривать как цивилизационную волну.

В заключение вернемся к определению понятия цивилизационной волны. В нашем понимании это комплекс культурных явлений, который как относительно единство входит в число закономерностей исторического процесса развития культу-

ры и взаимодействия цивилизаций. В качестве теоретико-методологического антонима ему противопоставит отдельный факт культурного достижения или плодотворного усвоения инокультурных ценностей. Рассмотренное таким образом понятие цивилизационной волны может стать полезным инструментом изучения истории культуры и культурных контактов между народами.

S. N. ARTANOVSKIY (ST.-PETERSBURG)

**WAVE OF CIVILISATION:
FROM A METAPHOR TO A SCIENTIFIC CONCEPT**

Provisionally «civilisation wave» may be defined as a complex of cultural influences and other interactions of peoples — conquest, colonisation, an own cultural development stimulated by other cultures. A uniform development in the sphere of cultural interaction and of a civilisational rise stimulated by the latter occurs but temporarily. In general, the development proceeds in an undulating way and it is the «waves of civilisation» which present the «beams» or «quanta» of the influence of the culture of one people on that of another. Cultural influence may be conceived as a chain of the civilisation waves. Wars — both liberation and defensive ones — often played the catalyst of a cultural process and of creative mastering of values of another culture. We understand a civilisation wave as a complex of cultural phenomena, a regular event of a historical process of the cultural development and interaction of civilisations. As its theoretical and methodological antonym this complex is opposed either to a slow development composed of different cultural achievements or borrowings or, in the extreme case, to a separate fact of a productive progress of another culture or stimulated by the latter.

P. M. МАСОВ (ТАДЖИКИСТАН)

**ТАДЖИКИСТАН И ТУРКМЕНИЯ:
ДРЕВНИЕ КОНТАКТЫ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ**

Как бы не расходились границы современных и древних государств, заглавие моего доклада имеет полное историческое оправдание, хотя бы потому, что написанные за многие годы исторические труды и анализ произошедших в прошлом событий, всегда делались от имени народа, живущего на той или иной территории. И эта территория подразумевалась как ядро формирования и жизни того или иного общества на разных промежутках своей истории. И это понятно, ведь каждый народ хочет иметь свою собственную историю, даже в том случае, если за долгие годы и века менялись не только экономика и территория государства, в котором жили предки данного народа, но и такой решающий компонент этногенеза как язык.

Предки таджиков и туркмен в прошлой своей истории несколько раз входили в одно государственное образование (например, во время ахеменидских и саманидских династий), а в определённые периоды были соседями. Кроме того, были периоды, когда к Бактрии причислялась и Маргиана. В этой ситуации, безусловно, происходили многократные, можно сказать вековые, контакты и взаимопроникновения культурных достижений. Эти контакты не всегда были мирными, но они всегда играли большую роль в формировании культурных ценностей этих народов и следы подобных взаимовлияний прослеживаются вплоть до современности.

Если принять довольно широко распространённую сейчас гипотезу двух миграций в эпоху каменного века Центральной Азии — носителей культуры среднего палео-

лита и мезолита с Ближнего Востока вплоть до Алтая и Монголии, то ещё не установленные трассы такого движения, без всякого сомнения, проходили в пределах Туркмении. А это уже в какой-то степени положило начало связям между нашими странами.

В VI—IV тыс. до н. э. южная часть современной Туркмении, входившая в окраину огромного ближневосточного мира, по своему развитию далеко обогнала общества охотников и собирателей, живших в пустынях и горах Центральной Азии и только нащупывающих новые формы хозяйства. Джейтунский неолит, а затем великолепные цивилизации энеолита и бронзы представляли собой основу колонизаторского движения с запада на восток. Наилучшим примером такой, самой северной из известных сейчас колоний является поселение Саразм (3500—2000 гг. до н. э.), раскопанное таджикскими и французскими археологами недалеко от Пенджикента.

Архитектура, материальная культура, хозяйство, религиозные культы однозначно свидетельствуют о южнотуркменском происхождении культуры Саразма. Исследователи даже указывают конкретный район из которого происходил исход этих пришельцев — Геоксюрский оазис.

Наши историки равным образом занимаются чрезвычайно сложной проблемой — появлением ариев, в одинаковой степени являющихся важным компонентом этногенеза таджикского и туркменского народов. Как известно, сейчас появляется всё больше сторонников помещения прародины центральноазиатских индоевропейцев на Ближний Восток. В этом случае, носители индоиранского этноса и языка могли продвинуться в пределы Южного Узбекистана и Южного Таджикистана вместе с движением племён поздней бронзы во второй половине II тысячелетия до н. э. из Южной Туркмении и Хорасана.

В исторических изысканиях нас, безусловно, связывает и безбрежный авестийский пласт. Известно, что Бактрия и Маргиана входили, согласно первому фаргарду Авесты, «в правоверные» зороастрийские области. Многие исследователи помещают родину Зороастра в Бактрию, а на территории Мервского оазиса найден один из самых ранних зороастрийских храмов. В Авесте, среди первых карашваров, сотворённых Ахурамаздой, названы страна Маргуш, Нусаи (Ниса), Дахи и Бахди — Бактрия, страна «прекрасная с высоко поднятыми знаменами».

И в дальнейшие исторические периоды наши страны находились в соседстве и в определённые промежутки времени в более или менее тесных контактах. Примером этому могут служить вещи из Амударьинского клада, найденного на территории Таджикистана. Как теперь точно установлено, этот знаменитый клад состоит из вещей, извлечённых из боторосов храма Окса (городище Тахтисангин), начало строительства которого соотносится с греко-бактрийским временем, а расцвет — с последней третью I тысячелетия до н. э. Среди вещей клада, ныне хранящегося в Британском музее, и предметов искусства, культа и вооружения, полученных при раскопках храма Окса, немало ахеменидских вещей, происходящих с территории современного Ирана и, возможно, Туркмении. Во всяком случае, смело можно говорить об одном культурном уровне, объединявшем в указанное время три названных выше территории и людей, на них живших. Можно также упомянуть эллинистические традиции в искусстве Нисы и греко-бактрийских памятников — Айханум, Душанбинского городища и Тахтисангина.

Огромное поле деятельности для историков лежит в изучении взаимопроникновения культур огромных империй древнего мира — кушанской и парфянской. Достаточно сказать, что одна из самых главных ветвей Шёлкового пути проходила из Бактр на Мерв и Нису. Большой пласт аналогий имеется и в области социальных структур, экономики, военного дела, искусства и религий этих империй.

В заключение хочу сказать, что в данном докладе я только обозначил главные точки соприкосновения в истории далёких предков наших народов, живущих сейчас на территории Таджикистана и Туркмении. Каждый из этих пунктов достоин пристального изучения, которое ещё предстоит сделать будущим исследователям.

INTERRELATION OF THE CIVILIZATION OF CULTURAL TIES AS A FACTOR OF THE HISTORICAL PROGRESS

Like the other Central Asian republics, Turkmenistan underwent the intrusion and rule of several foreign powers before falling under first Russian and then Soviet control in the modern era. Most notable were the Mongols and the Uzbek khanates, the latter of which dominated the indigenous Oghuz tribes until Russian incursions began in the late 19th century.

Origins and Early History

Sedentary Oghuz tribes from Mongolia moved into present-day Central Asia around the 8th century. Within a few centuries, some of these tribes had become the ethnic basis of the Turkmen population.

The origins of the Turkmen may be traced back to the Oghuz confederation of nomadic pastoral tribes of the early Middle Ages, which lived in present-day Mongolia and around Lake Baikal in present-day southern Siberia. Known as the Nine Oghuz, this confederation was composed of Turkic-speaking peoples who formed the basis of powerful steppe empires in Inner Asia. In the second half of the 8th century, components of the Nine Oghuz migrated through Jungaria into Central Asia, and Arabic sources located them under the term Guzz in the area of the middle and lower Syrdariya in the 8th century. By the 10th century, the Oghuz had expanded west and north of the Aral Sea and into the steppe of present-day Kazakhstan, absorbing not only Iranians but also Turks from the Kipchak and Karluk ethnolinguistic groups. In the 11th century, the renowned Muslim Turk scholar Mahmud al-Kashgari described the language of the Oghuz and Turkmen as distinct from that of other Turks and identified twenty-two Oghuz clans or sub-tribes, some of which appear in later Turkmen genealogies and legends as the core of the early Turkmen.

Oghuz expansion by means of military campaigns went at least as far as the Volga River and Ural Mountains, but the geographic limits of their dominance fluctuated in the steppe areas extending north and west from the Aral Sea. Accounts of Arab geographers and travelers portray the Oghuz ethnic group as lacking centralized authority and being governed by a number of «Kings» and «chieftains». Because of their disparate nature as a polity and the vastness of their domains, Oghuz tribes rarely acted in concert.

Hence, by the late 10th century, the bonds of their confederation began to loosen. At that time, a clan leader named Seljuk founded a dynasty and the empire that bore his name on the basis of those Oghuz elements that had migrated southward into present-day Turkmenistan and Iran. The Seljuk Empire was centered in Persia, from which Oghuz groups spread into Azerbaijan and Anatolia.

The name Turkmen first appears in written sources of the 10th century to distinguish those Oghuz groups who migrated south into the Seljuk domains and accepted Islam from those that had remained in the steppe. Gradually, the term took on the properties of an ethnonym and was used exclusively to designate Muslim Oghuz, especially those who migrated away from the Syrdariya Basin. By the 13th century, the term Turkmen supplanted the designation Oghuz altogether. The origin of the word Turkmen remains unclear. According to popular etymologies as old as the 11th century, the word derives from Turk plus the Iranian element *manand*, and means «resembling a Turk». Modern scholars, on the other hand, have proposed that the element *man*/*men* acts as an intensifier and have translated the word as «pure Turk» or «most Turk-like of the Turk».

The Seljuk Period

In the 11th century, Seljuk domains stretched from the delta of the Amudarya delta into Iran, Iraq, the Caucasus region, Syria and Asia Minor. In 1055 Seljuk forces entered Baghdad, becoming masters of the Islamic heartlands and important patrons of Islamic insti-

tutions. The last powerful Seljuk ruler, Sultan Sanjar (d. 1157), witnessed the fragmentation and destruction of the empire because of attacks by Turkmen and other tribes.

Until these revolts, Turkmen tribesmen were an integral part of the Seljuk military forces. Turkmen migrated with their families and possessions on Seljuk campaigns into Azerbaijan and Anatolia, a process that began the Turkification of these areas. During this time, Turkmen also began to settle the area of present-day Turkmenistan. Prior to the Turkmen habitation, most of the desert had been uninhabited, while the more habitable areas along the Caspian Sea, Kopetdag Mountains, Amudarya, and Murgab River (Murgab Der-yasy) were populated predominantly by Iranian. The city-state of Merv was an especially large sedentary and agricultural area, important as both a regional economic-cultural centre and a transit hub on the famous Silk Road.

The conquest of Central Asia by Islamic Arabs, which was completed in the 8th century AD, brought to the region a new religion and culture that continue to be dominant. The Arabs first invaded Mawerannahr in the middle of the 7th century through sporadic raids during their conquest of Persia. Available sources on the Arab conquest suggest that the Soghdians and other Iranian peoples of Central Asia were unable to defend their land against the Arabs because of internal divisions and the lack of strong indigenous leadership. The Arabs, on the other hand, were led by a brilliant general, Qutaybah ibn Muslim, and they also were highly motivated by the desire to spread their new faith (the official beginning of which was in AD 622). Because of these factors, the population of Mawerannahr was easily conquered. The new religion brought by the Arabs spread gradually in the region. The native cultures, which in some respects already were being displaced by Persian influences before the Arabs arrived, were displaced farther in the ensuing centuries. Nevertheless, the destiny of Central Asia as an Islamic region was firmly established by the Arab victory over the Chinese armies in 750 in a battle at the Talas River. Under Arab rule, Central Asia retained much of its Iranian character, remaining an important centre of culture and trade for centuries after the Arab conquest. However, until the 10th century the language of government, literature, and commerce was Arabic. Mawerannahr continued to be an important political player in regional affairs, as it had been under various Persian dynasties. In fact, the Abbasid Caliphate, which ruled the Arab world for five centuries beginning in 750, was established thanks in great part to assistance from Central Asian supporters in their struggle against the then-ruling Umayyad Caliphate.

During the height of the Abbasid Caliphate in the 8th and the 9th centuries, Central Asia and Mawerannahr experienced a truly golden age. Bukhara became one of the leading centers such as Baghdad, Cairo, and Cordoba. Some of the greatest historians, scientists, and geographers in the history of Islamic culture were natives of the region. As the Abbasid Caliphate began to weaken and local Islamic Iranian states emerged as the rulers of Iran and Central Asia, the Persian language began to regain its preeminent role in the region as the language of literature and government. The rulers of the eastern section of Iran and of Mawerannahr were Persians. Under the Samanids and the Buyids, the rich culture of Mawerannahr continued to flourish.

In the 9th century, the continued influx of nomades from the northern steppes brought a new group of people into Central Asia. These people were the Turks who lived in the great grasslands stretching from Mongolia to the Caspian Sea. Introduced mainly as slave soldiers to the Samanid dynasty, these Turks served in the armies of all the region, including the Abbasid army. In the late 10th century, as the Samanids began to lose control of Mawerannahr and northeastern Iran, some of these soldiers came to positions of power in the government of the region, and eventually they established their own states. With the emergence of a Turkic ruling group in the region, other Turkic tribes began to migrate to Mawarannahr.

The first of the Turkic states in the region was the Ghaznavid Empire, established in the last years of the 10th century. The Ghaznavid state, which ruled lands south of the Amudarya, was able to conquer large areas of Iran, Afghanistan, and northern India during the reign of Sultan Mahmud. The dominance of Ghazna was curtailed, however, when large-scale Turkic migrations brought in two new groups of Turks who undermined the Ghaznavids. In the east,

these Turks were led by the Qarakhanids, who conquered the Samanids. Then the Seljuk family led Turks into the western part of the region, conquering the Ghaznavid territory of Khorazm.

In the late 12th century, a Turkic leader of Khorazm, which is the region south of the Aral Sea, united Khorazm, Mawarannahr, and Iran under his rule. Under the rule of the Khorazm Shah Kutbedin Mohammad and his son, Muhammad II, Mawarannahr continued to be prosperous and rich. However, a new incursion of nomads from the north soon changed this situation. This time the invader was Genghiz Khan with his Mongol armies.

Formation of the Turk nation

During the Mongol conquest of Central Asia in the 13th century, the Turkmen-Oghuz of the steppe were pushed from the Syrdariya farther into the Kara Kuni Desert and along the Caspian Sea. Various components were nominally subject to the Mongol domains in eastern Europe, Central Asia, and Iran. Until the early 16th century, they were concentrated in four main regions: along the southeastern coast of the Caspian Sea, on the Mangyshlak Peninsula (on the northeastern Caspian coast), around the Balkan Mountains, and along the Uzboy River running across north-central Turkmenistan. Many scholars regard the fourteenth through the sixteenth centuries as the period of the reformulation of the Turkmen into the tribal groups that exist today. Beginning in the 16th century and continuing into the 19th century, large tribal conglomerates and individual groups migrated east and southeast.

Historical sources indicate the existence of a large tribal union often referred to as the Salor confederation in the Mangyshlak Peninsula and areas around the Balkan Mountains. The Salor were one of the few original Oghuz tribes to survive to modern times. In the late 17th century, the union dissolved and the three senior tribes moved eastward and later southward. The Yomud split into eastern and western groups, while the Teke moved into the Akhal region along the Kopetdag Mountains and gradually into the Murgab River basin. The Salor tribes migrated into the region near the Amudarya delta in the oasis of Khorazm south of the Aral Sea, the middle course of the Amudarya southeast of the Aral Sea, the Akhal oasis north of present-day Ashgabat and areas along the Kopetdag bordering Iran, and the Murgab River in present-day southeast Turkmenistan. Salor groups also live in Turkey, Afghanistan, Uzbekistan, and China.

Much of what we know about the Turkmen from the 16th to 19th centuries comes from Uzbek and Persian chronicles that record Turkmen raids and involvement in the political affairs of their sedentary neighbours. Beginning in the 16th century, most of the Turkmen tribes were divided among two Uzbek principalities: the Khanate (or amirate) of Khiva (centered along the lower Amudarya in Khorazm) and the Khanate of Bukhoro (Bukhara). Uzbek khans and princes of both Khanates customarily enlisted Turkmen military support in their intra- and inter-khanate struggles and in campaigns against the Persians. Consequently, many Turkmen tribes migrated closer to the urban centers of the Khanates, which came to depend heavily upon the Turkmen for their military forces. The height of Turkmen influence in the affairs of their sedentary neighbours came in the 18th century, when on several occasions (1743, 1767—70), the Yomud invaded and controlled Khorazm. From 1855 to 1867, a series of Yomud rebellions again shook the area. These hostilities and the punitive raids by Uzbek rulers resulted in the wide dispersal of the eastern Yomud group.

A. H. DANI (PAKISTAN)

PAK-TURKMEN CULTURAL RELATION DURING THE BRONZE AGE

Earlier excavators, like Sir John Marshall, traced Bronze Age connection of Mohenjo Daro and Indus Civilization with Mesopotamia and other cultures in Western Asia. Similarly old Turkmenistan connection, as represented at Anau, was linked with Hissar and other sites in northern Iran. In the early stage of study such possible links were the only way

to understand relations with the older civilizations of the ancient world. Later discoveries have added vastly to our knowledge. The antecedents of the Indus Civilization are now well established in Baluchistan, Sind and Punjab. While we talk of the oldest village of Mehrgarh in Sibi district of Baluchistan, we go to the earlier urban settlements at Harappa. And now the excavations in Gomal plain and Bannu have revealed earlier settlements in the Frontier region of Pakistan. These discoveries have direct connection with Mundigak in southern Afghanistan and with Sahr-i Sokhta to the west in Seistan. Such links in the north-west are traceable still to the north and we go beyond the Kopet Dag mountain to its northern slope and land at the Bronze Age sites at Geoksur Tepe, Altyn Tepe and many others where terracotta figurines, terracotta cones, beads and other small finds establish closer contacts between Turkmenistan and Pakistan through western and southern Afghanistan. In fact Turkmenistan found a new route to the sea in this direction and Bronze Age materials from Turkmenistan not only enriched the cultural milieu in Pakistan but found a scope for seaward export via the Arabian Sea. Turkmenistan discovered a new direction for its cultural outflow and Pakistan also found a new market for its industrial goods. Thus during the Bronze Age Turkmenistan made a beginning of close cultural relation between the countries in this region. It is this beginning which is reflected in the early Bronze Age Cultures of Baluchistan.

The discovery of Professor Masson and Sarianidi of a particular type of female figurines in Turkmenistan have been traced in several sites in Baluchistan by late George Dales. There is an evolution in this type of figurines. The earlier ones show inclined legs while the later figurines show horizontal flat legs. They have now been found in excavations at Gumla and at Lewan and prove a connection between this region and Turkmenistan even before the mature phase of Indus Civilization. Similarly terracotta cones have been found in large number and such cones continued in the time of Indus Civilization. On the other hand the other way relation is amply evidenced by the discovery of Indus seals in Turkmenistan. The seals suggest that there must have been more trade between the two regions. Connection has also been traced in some types of heads, bangles and some other finds. In the same way some pottery types have also found parallels in the two regions. Before the time of the Indus Civilization there was hardly any system of writing in either region. It is only later when the Indus region developed extensive trade with Western Asia by Arabian Sea we find writing developing in the Indus Valley. This intensive trade was due to the import of raw materials, including precious stones, from Central Asia.

At this time whether there was any movement of population is not definitely known. But the similarity of material objects, particularly pottery types, place the sites in Turkmenistan earlier than the Indus Civilization. Does it mean that the knowledge of bronze came here from that direction? Probably it is that technology that led to urbanization in Pakistan and thus early urban pattern in Pakistan appears to have been influenced from Turkmenistan. But later developments in the Indus region led to the evolution of literary civilization based on well-planned cities. These developments are not seen in Turkmenistan and that country retained its own cultural pattern during the entire period of Bronze Age.

А. Х. ДАНИ (ПАКИСТАН)

ПАКИСТАНО-ТУРКМЕНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Первые раскопки, произведённые Джоном Маршалом в Мохенджо Даро, показали связи индской цивилизации с Месопотамией и другими культурами Западной Азии. Сходным образом древние связи Туркменистана, представленные раскопками Анау, свидетельствовали о связях с Тепе Гисаром и другими поселениями Ирана. Затем были открыты комплексы, предшествующие Хараппе, в Белуджистане, Синде и Пенджабе.

Открытия в Мундигаке и Систане продемонстрировали северо-западные связи цивилизации древнего Индостана, в частности, наметились связи Пакистана и Туркменистана, шедшие через Афганистан. Это было новое направление культурных связей и новый рынок ремесленной продукции. Особый тип женских статуэток, открытый в Туркменистане профессором Массоном и Сарияниди, находит аналогии в материалах Белуджистана, что было прослежено ещё Г. Дейлсом. Особенно важно открытие в Туркменистане печатей древнеиндского типа. Пока трудно говорить о движении населения, но ряд типов керамики в Туркменистане древнее, чем в Пакистане. Может быть поставлен вопрос, не повлиял ли Туркменистан на возникновение металлургии бронзы в Пакистане, способствуя урбанизации и сложению городского типа расселения. Правда позднее в долине Инда сформировалась письменная цивилизация, а в Туркменистане развитие продолжалось в традиционных рамках бронзового века.

Р. АРАЗОВА (АЗЕРБАЙДЖАН)

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙШИХ РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ АЗЕРБАЙДЖАНА И ТУРКМЕНИСТАНА

Одним из древнейших центров становления и развития оседлоземледельческого хозяйства, наряду с Ближним Востоком и Средней Азией, является кавказский центр и, в частности, Азербайджан. На территории его сложилась одна из первых культурных общностей — шомутепинская, которая принадлежала к той же древней земледельческой системе, что и джейтунская культура на территории Туркменистана. При сопоставлении этих культур можно наметить общие закономерности, характерные для производящей экономики и её ведущих отраслей, на что впервые обратила внимание в своих исследованиях Г. Ф. Коробкова.

В VI тыс. до н. э. благоприятная палеоэкологическая ситуация в Азербайджане и в Средней Азии послужила предпосылкой для возникновения земледелия в обоих центрах на местной основе, о чем свидетельствуют орудия труда и палеоботанические находки. Для обеих культур характерна хорошо развитая пластинчатая техника обработки камня с архаическими традициями предыдущей эпохи. Это подтверждают пластины и отщепы с подтёской концов, многочисленные резцы, острия типа шательперрон, скребки и т. д. Показательно также для этих индустрий вторичное использование старых и изношенных орудий труда и полифункциональные инструменты. Наряду с этим, в древних комплексах ярко прослеживается развитие новых технологических достижений и хозяйственных изменений.

Наличие большого количества вкладышей серпов с интенсивной изношенностью рабочего края в кремнёвой (а в шомутепинской — и в обсидиановой) индустрии — существенный фактор, свидетельствующий о значительной роли земледелия в хозяйстве шомутепинской и джейтунской общин. Однако, в отличие от архаических джейтунских жатвенных ножей, на памятниках шомутепинской культуры господствуют прогрессивные серпы изогнутой формы, что подтверждается не только вкладышами с угловой заполировкой, но и находками самих составных серпов на азербайджанских поселениях. Эти факты свидетельствуют о более высокой ступени развития земледелия на памятниках шомутепинского круга, чем джейтунских. Доказательством этому являются также и другие земледельческие орудия, в частности мотыги, свидетельствующие о широко применяемом мотыжном земледелии на Шомутепе. Джейтунцы при обработке земли использовали палки-копалки, которые сохранились в Туркмении и в более позднюю эпоху.

Возникновение земледелия в сравниваемых регионах происходило исключительно на базе аборигенных растений. На поселениях типа Шомутепе последние представлены богатым ассортиментом зерновых — твердая и мягкая пшеница, тургидум, дикий и культурный ячмень и полба. На туркменских неолитических памятниках были распространены только два вида пшеницы — мягкая и карликовая.

Заметные отличия наблюдаются и в другой отрасли — скотоводстве. В остеологическом материале раннеземледельческих поселений Азербайджана отчётливо обозначаются различные породы домашнего крупного рогатого скота. Джейтунцы же разводили мелкий рогатый скот, лишь позже у них появились крупные животные, и то — в небольшом количестве.

Развитая форма скотоводства на памятниках шомутепинской культуры уже вытесняет охоту, которая здесь играет подсобную роль. В хозяйстве джейтунской культуры, особенно на раннем этапе её, скотоводство делало первые шаги и поэтому охота продолжала функционировать как пережиточная отрасль; но к концу джейтунской культуры скотоводство становится одной из ведущих отраслей производящей экономики. Несмотря на различие в темпах развития этих культур, характерными охотничьими орудиями для них являются праща, а общеизвестные наконечники стрел совершенно отсутствуют в каменных индустриях.

В сравниваемых комплексах, помимо ведущих отраслей производящей экономики, много общего наблюдается и в домашних промыслах: производстве по изготовлению украшений, ткачестве, обработке и выделке кож, обработке дерева и кости. Функциональная классификация показала, что орудия, связанные с деревообработкой и косторезным делом, и на Шомутепе, и на Джейтуне имели высокий удельный вес.

Совпадают и орудия непосредственно занятые в производстве по обработке шкур убитых животных и изготовлению одежды. Среди них обращают на себя внимание боковые скребки и костяные скребки-струги на лопатках, которые отражают новые технические средства и приёмы работы. Однако, на поздних джейтунских и шомутепинских памятниках это производство почти теряет своё первенствующее значение, на что указывает значительное уменьшение количества скребковых орудий.

Таким образом, сопоставление раннеземледельческих комплексов шомутепинской и джейтунской культур позволяет сделать вывод о закономерности прогрессивного развития культурно-хозяйственных комплексов древнего Азербайджана и Туркменистана.

А. ГУБАЕВ, А. БАБАЕВ (АШГАБАТ)

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ТУРКМЕНИСТАНЕ

1. Особенности естественно-географических условий различных регионов ойкумены, т. е. наличие или отсутствие природных запасов кремня для изготовления орудий, материалов для украшений, предметов ритуального назначения и т. д. вызвало необходимость установления взаимных контактов различных групп первобытных людей. Недостающие материалы, необходимые для жизнеобеспечения, первобытные коллективы стремились получить из других регионов. Первой формой получения их извне является захват и грабёж силой. Наряду с ними появляется и мирный способ приобретения, путём простого обмена.

2. Начало обмена ознаменовалось и зарождением дипломатии, так как обмен как форма взаимоотношений первобытных людей сопровождался определёнными условиями. Необходимо было договориться о месте, времени, количестве, ассортименте и эквивалентности предметов для обмена. Немаловажное значение имели и условия транспортировки предметов с переездами по территориям, контролируемых чужими

племенами. Как, кем и в каких условиях осуществляются такие договорённости, конкретно установить трудно. Однако, исследованиями учёных установлено, что курьер, отправленный за необходимым и срочным материалом (например за охрой), мог беспрепятственно проходить через территорию других племён. За нарушение этих условий виновные несли жёстокие наказания.

3. Начало обмена, а следовательно и дипломатию, относят к верхнему палеолиту. В те времена уже была населена первобытными людьми территория Западного Туркменистана. Обмен некоторыми видами сырья и украшениями, безусловно, проходил между отдельными человеческими группами, живущими в соседстве, в Восточном Прикаспии и Прибалханье.

Среди находок на неолитических земледельческих поселениях Южного Туркменистана, датируемых VI тыс. до н. э., имеются раковины из Каспия и даже из далёкой Индии. Привозные изделия часто встречаются и в энеолитических памятниках Южного Туркменистана. В период бронзы создатели первой в Средней Азии городской цивилизации Алтын-Депе имели тесные контакты с цивилизациями Элама, Месопотамии и Индии, в установлении которых, безусловно, имели большое значение старания неутомимых практиков-дипломатов того времени.

Раннежелезный век на территории Туркменистана ознаменовался возникновением новой цивилизации, охватывающей обширные территории в дельте Мургаба. Однако, отсутствие письменных источников не позволяет пока проследить конкретные проявления дипломатических отношений того периода.

4. В VII веке до н. э. образовалось Мидийское царство. Впоследствии в его состав входили и южные и юго-западные регионы Туркменистана. К тому времени относятся известное нам первое письменное сведение о дипломатических отношениях парфян с соседними народами. По данным Ктесия в правление царя Мидии Астиабара парфяне подняли восстание и отделились от Мидии. Они обратились за помощью к царице саков Зарине. После длительных войн был заключён мирный договор с Мидией, по которому парфяне фактически сохранили за собой прежние владения. Таким образом этот договор является первым известным в истории дипломатии Туркменистана международным договором, который датируется концом VII — началом VI в. до н. э.

5. В 40-х годах VI в. до н. э. Парфиена, Маргиана и часть северных регионов Туркменистана вошли в состав ахеменидской империи. В последние годы жизни Кир предпринял поход против массагетов, обитавших в приузбойских регионах Туркменистана. По сведениям Геродота в ходе этих событий сперва Кир, затем царица массагетов Томирис предпринимают ряд дипломатических усилий для достижения своих целей. Только после того как дипломатические ходы закончились безрезультатно происходит известная война, в одном из сражений которой погиб ахеменидский царь Кир. Эти данные Геродота свидетельствуют о том, что в Туркменистане уже в ахеменидское время для выяснения взаимоотношений различных государств и племён, устойчиво использовали дипломатические переговоры. Вероятно, появляются специальные лица, занимавшиеся передачей послания.

6. В парфянское время дипломатия древнего Туркменистана достигает своего высшего этапа. Дипломатические отношения парфян как с восточными: Греко-Бактрия, империя Хан, Кушаны, так и западными: Римская империя, Армения государствами происходят на основе более высоких принципов международных отношений. Эта проблема является предметом специального исследования.

Таким образом, можно заключить, что дипломатия в Туркменистане возникла в глубокой древности и имеет многовековую традицию.

Н. Н. НЕГМАТОВ (ТАДЖИКИСТАН)

БЛАГОТВОРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕИРАНСКО- ТАДЖИКСКОЙ И ОБЩЕТЮРКСКО-ТУРКМЕНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Последнее десятилетие XX века широко открыло научные и морально-этические горизонты исторических и культурологических исследований и обобщений не только социальных, этногенетических, но и культурноцивилизационных проблем развития Центральной Азии в прошлом и настоящем. Итогом занятий автора в этих областях стала книга «Таджикский феномен: история и теория» (Душанбе 1997). Однако у меня накопилось немало материалов по концепции истории и культуры других соседних братских народов и, прежде всего, туркмен.

Одна из этих важнейших проблем: создание концепции цивилизационной истории народов Центральной Азии. По таджикскому народу автор старался создать полноценную концепцию ирано-таджикской цивилизации раннего и начала развитого средневековья. Эти процессы происходили в эпоху от Сасанидов до Саманидов, конкретнее, в V—XI вв. Они охватили всё ядро Центральной Азии и стали фундаментом цивилизационных процессов всего региона в средние века и новое время.

Оно дало потенцию двум великим цивилизационным процессам: во первых, «шести векам славы» (М. Занд) персидско-таджикской поэзии, прозы, науки, искусства, в целом, духовной и материальной культуры, а во-вторых, оно стимулировало и общетюркский культурогенез, возглавленный Махмудом Кашгари и Юсуфом Баласагуни на базе набирающих силу этно-государственных образований карлуков, туркмен-огузов, чигилей, ягма, уйгуров, караханидов, каракитаев, сельджуков и других племён и родов в Семиречье, Мавераннахре и Хорасане. Шло формирование центральноазиатской общетюркской материальной и духовной культуры с восприятием согдийских, сакских, массагетских, и, позже, таджикских духовных ценностей, образа городской и сельской жизни и хозяйства.

Общетюркская генезисная база Центральной Азии стала тем основным фундаментом, на который накладывались миграционные процессы при монголах, Тимуре и Тимуридах, Шейбанидах, Аштарханидах и Даштикипчакских вторжениях.

Эти два культурогенетических процесса (общеирано-таджикский и общетюркский) стали местным исходным фундаментом общецентральноазиатской цивилизации XV в., иначе называемой «Тимуридской». Особо подчеркнём, что решающей была роль центральноазиатской цивилизации XV в. в завершении формирования общетюркского культурогенеза: 1) старотюркской духовной культуры от родоначальников Махмуда Кашгари и Юсуфа Баласагуни через Хафиза, Хорезми, Насири, Турды, Физули до великого Алишера Навои, Захираддина Бабура и Машраба. Иначе, центральноазиатский общетюркский культурогенез и его деятели XI—XV вв. — это вклад и наследие не одного какого-нибудь тюркского народа, а всех современных тюркских народов Центральной Азии.

В недрах этого культурогенеза начинают формироваться туркмено-огузо-сельджукский, тюркско-чагатайско-узбекский, кипчакско-киргизско-казахский и каракалпакский диалекты тюркской языковой группы региона. Усиливается формирование специфических черт культурогенеза теперь уже каждого определённого тюркского народа при значительном участии и восприятии ирано-таджикской духовности, социальных, экономических и урбанистических ценностей. Чтобы убедиться в этом, надо объективно проанализировать всю археологию, антропологию и этнологию территорий расселения каждого из современных народов. Грандиозным совместным литературным богатством иранских и тюркских народов Центральной Азии являются

монументальные эпические сказания — дастаны, множество поэм, сказок, песен, поговорок, поговорок и другие виды устного народного творчества. Эти фольклорные традиции частично восходят к древнейшим героическим, эпическим и мифическим сказаниям согдийцев, саков, хорезмийцев, бактрийцев, парфян, массагетов о борьбе сил Добра и Зла, Света и Тьмы, олицетворённых в конкретных персонажах древней художественной словесности. Эти традиции были тесно взаимосвязаны с древнетюркским эпическим наследием и тематически всё более расширялись, обогащались, приобретая форму поэм и циклов поэм, в творчестве каждого из народов. Здесь вспомним таджикское «Гуругли» и туркменское «Гёроглы» с рядом идентичных элементов. Эпическое творчество туркмен наряду с оригинальными циклами «Гёроглы», «Юсуф и Ахмет», включало народные романы персидско-таджикского и арабского происхождения «Гюль и Бюльбюль», «Гюль и Сенубар», «Шахсенем и Гарып», «Тохир и Зухра», «Сейнел Мелек» (сказки из «Тысячи и одной ночи»). Туркменский мир Центральной Азии создал также свой характерный стиль материальной культуры: художественное ткачество, шитье и вышивание, особенно ковроткачество, ткачество всевозможных предметов хозяйственно-бытовой, жилищно-интерьерной надобности и комплекс одежды. В области материального производства детищем иранских и древнетюркских кочевников-скотоводов стала шеститысячелетняя селекция скота великолепных мировых пород (лошадей, верблюдов, коров, овец, яков, коз и др.). Культурным феноменом общетюркско-туркменского мира является юрта с её интерьером и экстерьером. Эти совместные общеирано-таджикские и общетюркско-туркменские достижения являются их совместным вкладом в центральноазиатскую и мировую цивилизацию.

В заключение необходимо подчеркнуть, что туркменское этнокультурное становление и цивилизация на территории современного расселения имели мощные истоки: великое наследие джейтунской, анауской, намазгатепинской, геоксюрской, маргианской, парфянской, массагетской и других культур. И это особенно роднит современных народов-братьев — таджиков и туркмен. И у меня среди вас есть друзья: Еген (от таджикского «Ягона» — «Единственный»), Нурджан (от таджикского «Нур» — «Луч» и «Чон» — «Душа»). И множество других: исторических и современных соплеменников!

R. L. HANGLOO (INDIA)

INDO-TURKMENISTAN RELATIONS AND THE FORMATION OF CULTURAL HERITAGE OF TURKMENISTAN IN MIDDLE AGES

In Indo-Central Asian relations the Turkomen have played a very important and historical role that constitutes the most significant aspect of cultural heritage of both these countries in Middle Ages.

Although contacts between India and Central Asia go back to antiquity but it was with the onset of 13th century when Delhi Sultanate was established in India that new processes were set in motion to nourish a vibrant relationship between India and Turkmenistan despite the immensity of distances. There is hardly any area of Indian civilization which did not register the Turkoman influence. In establishing the Sultanates of Delhi, Bengal, Kashmir and Deccan the Turkomen played a significant role in politics, administration, military, judiciary, architecture, art forms, literature, poetry and in various other institutions like Sufism. Even though the Turkoman established large Sultanates in various regions but they were deeply rooted in to the Turkmenian culture. They always patronised streams of people from their territory to assist them in maiming their affairs. Be it Turkish-Chahalgam in Delhi, Shahmirs in Kashmir, or the Qutb Shahis in Deccan, their contributions in varied fields is very much living even to this day. Similarly the Great Turkomen Bairam Beg Khan

who laid the foundation of the mightily Mughal Empire in India and the contribution of his son Abdul Rahim Khan-i-Kanan occupies an important place in the cultural heritage of both these countries. Hafiz Shirazi once said, «The black eyed beauties of Kashmir and the Turkoman of Samarkand Sing and dance to the strains of Hafiz Shirazi verse». It bespeaks of the cultural synthesis that took place between the two countries at the popular level as well.

The contacts between Indians and Turkomen in various fields of material culture technology and art and architecture at popular level facilitated by various Sultans and Emperors have also been a source of great historical progress in formation of the cultural heritage of Turkmenistan in medieval times. For example Sultan Mohammad Quli Qutub Shah who was from the Qara Quyunlu tribe of Turkoman founded the City of Hyderabad in Deccan and was also a great poet and the author of rich collection of nearly 50000 couplets comprising ghazals, rwzm, masnavis, qasidas, ruboies and fytas. He is the founder of urdu language in Deccan which he did by blending Persian and Hindi.

There is plentiful of evidence to illustrate various elements which played an important role in formation of cultural heritage of Turkmenistan and its historical progress in Middle ages. All these details are focused very authentically in this paper by the author.

Э. А. МУРАДОВА (АШГАБАТ)

ЮГО-ЗАПАДНАЯ ТУРКМЕНИЯ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА И СИСТЕМА КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Эпоха раннего железа является качественно новой ступенью исторического развития общества. Начало I тыс. до н. э. знаменует новую эпоху — эпоху классобразования и создания рабовладельческого общества. Это время сложения крупных племенных объединений, которое предшествовало становлению могущественной державы Ахеменидов.

В конце II — начале I тыс. до н. э. в юго-западной Туркмении формируется древняя земледельческо-скотоводческая культура (Дахистан). Ареалом культуры архаического Дахистана служат Мешед-Мисрианская и Чатская равнины, запад подгорной полосы Копетдага (Массон В. М.). Определяющие признаки этой культуры — наличие единой территории, ограниченность во времени, заселение этой территории единой этнической общностью, устойчивость культурных комплексов как набора типов артефактов.

Крупные поселения занимают значительную площадь и имеют центральное укрепление, вокруг которого расположены жилые и ремесленные кварталы. Они являются поселениями протогородского типа. Динамика развития и размер поселения Изат-кули, его функциональная характеристика служат основанием для суждения о процессе урбанизации, происходившем в эпоху раннего железа. Изат-кули — центр сельскохозяйственной и скотоводческой округи.

В эпоху раннего железа на юге Туркмении происходят резкие изменения в характере расселения. Это явление отмечается на поселениях архаического Дахистана. В Бенгуванском оазисе наблюдается уменьшение размеров поселений и увеличение их количества, что приводит к рассредоточению населения, то есть к возникновению оазисной системы расселения. Эта система расселения была обусловлена экономическими законами, требующими поиска и освоения новых плодородных земель. Переселения и передвижения племенных групп и объединений сказывались на отношениях, складывавшихся внутри общества. Социально-экономические процессы отражались в структуре общества, где определяющей хозяйственной единицей была семья.

Интенсификация земледелия и скотоводства была обусловлена природно-климатическими условиями этого региона. Характерной особенностью ирригацион-

ного земледелия являются крупные посевные площади с размером полей 8—10 га. Древние орошаемые земли, размещавшиеся только в Бенгуванском оазисе, составляли около 2 тыс. га. Палеоботанические исследования показали, что древние земледельцы выращивали такие важнейшие виды культурных растений, как пленчатый многорядный ячмень, пшеницу. Прогрессивное земледелие было основано на искусственном орошении. Для орошения Чатской и Мисрианской равнин использовались воды Сумбаро-Атрекской системы, поступавшие на эту территорию по каналу. При помощи мощной плотины и специальных водоподъёмных сооружений мог осуществляться забор воды из русел этих рек (Кесь, Костюченко, Лисицына). Не исключена вероятность сбора вод временного стока с Западного Копетдага.

Культура архаического Дахистана отражает сложную картину взаимодействий зон различной культурной направленности, ранее сложившуюся на территории Туркменистана. Как показали раскопки могильника Пархай II около Каракала, уже в пору энеолита юго-западный Туркменистан тяготел к культурному ареалу памятников с серой и чёрной керамикой северо-восточного Ирана. Это направление доминирует и в пору раннежелезного века. Культура архаического Дахистана — локальное проявление культурных общностей, охватывающих в пору раннего железа значительную часть Иранского нагорья.

На востоке, в районе Бахардена-Геоктепе культура архаического Дахистана граничила с иным комплексом типа Яз-Депе I, который широко представлен в Маргиане, Бактрии и, судя по последним исследованиям, оказывал определённое влияние на формирование культуры Согда этого времени. В обоих культурных ареалах — круга Яз-Депе I и серой керамики — шли процессы формирования ранней государственности, но протекали они в разной культурной среде.

Х. ЮСУПОВ (АШГАБАТ)

ДРЕВНИЕ КОЧЕВНИКИ ТУРКМЕНИСТАНА И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С СОСЕДНИМИ НАРОДАМИ И СТРАНАМИ

Территория западного и северо-западного Туркменистана в физико-географическом отношении относится к засушливым районам с незначительным уровнем осадков, слабым поверхностным стоком и разбросанностью выходящих на поверхность подземных источников воды. Почти полное отсутствие в регионе пригодных для возделывания земель с древнейших времён обусловило распространение скотоводства. Этот же фактор ещё ранее вызвал длительное сохранение охоты и собирательства, задерживая переход к производящей экономике. Древние кочевники, которые ещё в эпоху поздней бронзы оставили могильники на Большом Балхане и северо-западном Копетдаге, явились тем субстратом, на котором сложились массагеты и племена, входившие в их конфедерацию. На основании изучения курганных могильников ориентировочно можно наметить переход от погребальных памятников поздней бронзы (северный склон Балхана) к Ялкыму-3 VIII—VI вв. до н. э. (Заузбойское плато), затем к погребениям Джанакского (Красноводское плато) облика — IV—II вв. до н. э. (они известны и на Узбое) и, далее, к склепам развитого монументального типа.

Археологические исследования позволили выявить основные элементы культуры древних скотоводов региона, конкретное влияние палеогеографических условий на их расселение, большое внутреннее родство населения Прикаспия и Устюрта, в отличие от района Присарыкамышя. Выявлен своеобразный вариант культуры на Келькоре (Нижний Узбой); на археологическом материале прослежена определённая локализация массагетов гор, равнин и болот. Изучены характер святилищ огня и культурные связи вплоть до Индии, Месопотамии, Египта и Кавказа.

Характерно своеобразие культуры скотоводов региона, даже при том, что вооружение у них среднеазиатско-сарматского типа, а некоторые украшения — прохоровского облика. Показательны оригинальные конструкции погребальных сооружений и уникальные по архитектурным решениям святилища. Они позволяют выделиться на территории северо-западного Туркменистана особую культуру кочевых скотоводов — узбойскую.

Отдельный вариант культуры скотоводов узбойского круга существовал на Келькоре и Каратенгире (Нижний Узбой). Он отличается «оссуарными» захоронениями в грунтовых ямах с соответствующим погребальным инвентарем.

Узбойская культура существенно отличается от сакской в широком смысле этого понятия конструкцией погребальных сооружений (каменные наземные склепы), обрядом захоронения (труповыставление и затем оссуарный обряд), обликом и типами керамики местного производства и особым типом бронзовых серег. Показательны своеобразные святилища — центры отдельных скотоводческих районов. Примечательно и почти полное отсутствие в погребениях конской упряжи и предметов «звериного стиля», своеобразие набора наконечников стрел и др. Поэтому, видимо, следует отказаться от бытующих в научных кругах понятий сако-массагетская культура и сако-массагетские племена.

Политическая история древних скотоводов в настоящее время может быть намечена лишь в общих чертах. Несмотря на свою громкую победу 530(529) г. до н. э. массагеты, вероятно, признали в той или иной форме приоритет государства Ахеменидов. Об этом свидетельствует присоединение Хорезма к персидской империи. Данное событие невозможно представить без участия ахеменидских войск. Поскольку единственным реальным путём из северо-восточного Ирана в Хорезм служит дорога вдоль Узбоя, то передвижение ахеменидских сил через земли массагетов предполагает, по крайней мере, нейтральное отношение последних. Зависимость от ахеменидского Ирана проявилась и в участии многочисленного массагетского воинского корпуса (жербиков) в армии Даргавауша (Дария).

В пределах одного тысячелетия с V в. до н. э. до IV в. н. э. для обширных пространств северо-западного Туркменистана характерны разные типы скотоводческого хозяйства. В этом убеждают, помимо особенностей природных условий, и археологические данные. Особенности хозяйства региона обусловили достаточно интенсивные хозяйственные и культурные связи с соседними областями — Парфией и Хорезмом.

G. PUSCHIGG (GREAT BRITAIN)

THE CULTURAL LINKS OF SASANIAN MERV IN THE LIGHT OF NEW CERAMIC EVIDENCE

The city site of Merv holds an important position in the study of pottery from the Sasanian period. In the long history of archaeological field work at this site significant contributions were made to the knowledge of the ceramic development in this phase. The present discussion is based on the study of the ceramic material found during the recent excavations of the International Merv Project, which was centred around a new statistical technique of quantitative computer analysis. Using this refined approach new aspects of the Sasanian ceramic sequence could be examined. Two phases are distinguished, a Middle Sasanian phase from the later 4th to the 5th century, and a Late Sasanian phase comprising the 6th and 7th centuries. Each phase is represented by a number of diagnostic forms.

Middle Sasanian pottery generally shows a greater variety in shapes. Although several of the vessels share specific features, the group as a whole appears to be heterogeneous and a number of subdivisions can be made. Most interesting in this respect are patterns of sur-

face treatment and decoration. Two different techniques of surface treatment can be distinguished — burnishing and fluting — usually related to jugs and jars. Both might have been applied simply to refine the surface appearance for aesthetic reasons, but could also have been related to the function of the vessels. Besides the fluting jars show a range of incised and impressed ornamentation around the neck and shoulder. The bowl shapes show distinct patterns of decoration, which appear to have served purely as embellishment. Handled bowls are incised or impressed while the waisted bowls display an ornamental burnished decoration.

A large proportion of the vessel types have close analogies to roughly contemporary material from Northern Bactria, such as the waisted bowls which are effectively identical in shape, diameter and decoration. The handled bowl provides an illustrative example for local particularities, since techniques of decoration vary between both areas. Surprisingly the ornamental use of burnishing was obviously adopted by potters at Merv, whereas the stamped decoration was apparently never accepted. Trefoil-mouthed jugs illustrate a certain amount of flexibility in the correlation between form and surface treatment, with one red burnished example which again has close analogies in Bactria. Most specimens of this shape, however, appear to be of light colour and plain.

The links between Merv and Northern Bactria visible in the ceramic material seem to reflect a legacy of earlier administrative relations between both areas, which were under common rule following the Sasanian conquest of Bactria in the 3rd century and the installation of a Kushano-Sasanian king. One of the coin issues minted at Merv during the reign of Shapur II has been related to this dynasty. This common political and administrative ground in itself might not have been the reason but certainly provided the basis for an intense and fruitful cultural exchange between both territories: it is also documented in the spread of Buddhism from Northern Bactria to Merv, where two sanctuaries were found by YuTAKÉ excavations. In general we may assume that inspirations were reciprocal, innovations soon became subject to adaptation according to demands of the local market.

At this stage of archaeological research it seems impossible to trace exactly the origins of every vessel type and shape. The introduction of a whole range of new shapes and decorative techniques is certainly more than a straight development of earlier ceramic forms, still the mechanisms of change within the ceramic production might be more complex and heterogeneous than first anticipated. Certain parallels are visible between material from Merv and the western part of the empire in Parthian and, possibly, Sasanian times. The immediacy of the supposed contact underlying these parallels, however, is questionable and cannot be established, particularly since the pottery at Merv represents utilitarian plain wares, produced locally.

What seems a unifying feature of the shapes presented here, is that most of them, or at least their structural elements are ultimately derived from Hellenistic pottery shapes (*oinochoe*, *krater*, *amphora*), which continued to be developed through the Parthian or Kushan period. In an indirect way this common retrospective orientation in the ceramic design produces the distinct stylistic expression which characterises the Middle Sasanian pottery from Merv.

Considering the Late Sasanian vessel shapes as a group, a greater homogeneity is immediately noticeable in the material. The fact that different vessel forms, such as bowl, jar and *jug*, are so close in their rim shapes that an unambiguous identification becomes impossible, shows that stylistic uniformity is an evident feature of the later Sasanian period. Most of the shapes appear to be unrelated to the previous phase, representing a completely new fashion concept. A certain link between both groups is present in the double-handled jar, the «Merv vase», which seems to follow the approved scheme of a special function vessel, with restricted variations in design.

The changes in the pottery production visible in the Late Sasanian period may well reflect what has been described as «the development of a Sasanian style» in the literature. Unlike the previous phase, no immediate geographical link can be established for the Late Sasanian phase. Parallels are hardly found for this period and the few analogies cited here

are scattered over a larger territory, though the closest similarities occur with material from Fars. At present it is difficult to assess the significance of the comparisons made and their possible chronological diversities, yet the vague hints we have point to a general orientation of the ceramic production at Merv towards the central provinces of the Sasanian empire, while the links to the eastern neighbour, Northern Bactria, so strongly visible in the Middle Sasanian material, seem completely dissolved.

Many of the Late Sasanian shapes are still recognisable in the Post Sasanian/Early Islamic ceramic material found at Merv. In this respect there is more continuation between the Late Sasanian and Early Islamic period, than there is between the Middle- and Late Sasanian pottery production.

Г. ПУШИГГ (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ САСАНИДСКОГО МЕРВА В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КЕРАМИКИ

Городище Старого Мерва занимает важную позицию в исследовании керамики сасанидского периода. Изучение керамического материала, полученного в результате раскопок Международного Мервского проекта, основано на новом методе статистического количественного компьютерного анализа, использование которого позволило выделить две фазы: среднесасанидскую второй половины IV—V вв. и позднесасанидскую — VI—VII вв. н. э.

Среднесасанидская керамика в целом демонстрирует большую вариабельность форм. Несмотря на то, что некоторые сосуды обладают специфическими признаками, группа неоднородна по составу и может подразделяться на ряд подгрупп. В обработке поверхности выделяются два способа — полировка и рифление, обычно наблюдаемые на кувшинах и банках. Большая часть типов сосудов имеет весьма близкие аналогии в материалах Северной Бактрии. Удивительно, что лощение было воспринято мастерами-керамистами Мерва, тогда как штампованный орнамент никогда не применялся. Связи между Мервом и Северной Бактрией, отчётливо наблюдаемые в керамике, по-видимому, отражают административные взаимоотношения этих территорий, образовавшиеся в результате сасанидского завоевания Бактрии в III в. и возникновения кушано-сасанидского владения. Определённые параллели наблюдаются между материалами Мерва и западной части империи уже в парфянское время и, возможно, продолжают в сасанидское. Унифицированной чертой большинства форм керамики среднесасанидского периода является то, что их структурные элементы происходят от форм эллинистической керамики (ойнохоя, кратер, амфора), продолжавших развиваться в парфянский и кушанский периоды. Стилистически именно это характеризует среднесасанидскую керамику Мерва.

В группе позднесасанидских сосудов заметна большая гомогенность, а стилистическая однородность становится её отличительной чертой, причём большинство форм сосудов не связаны с предшествующей фазой, представляя новую модную концепцию. Связь между обеими группами наблюдается в сосудах типа «Мервской вазы», что, возможно, указывает на их специальную функцию. Изменения в керамике этого времени может отражать тот процесс, который описан в литературе как развитие сасанидского стиля. Наиболее близкие параллели в керамике прослеживаются в материалах из провинции Фарс, хотя в целом прослеживается ориентация керамического производства Мерва на производство центральных провинций Сасанидской империи. Многие позднесасанидские формы всё ещё воспроизводятся в раннеисламский период.

ТУРКМЕНИСТАН СЕЛЬДЖУКСКОЙ ЭПОХИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ

Как письменные источники, так и археологические материалы подтверждают, что в сельджукскую эпоху на территории Туркменистана активно протекали процессы урбанизация. Причины этого роста кроются в интенсивном развитии внутренней и внешней торговли и бурном росте ремёсел, что создавало предпосылки для развития городов и увеличения их населения. На территории Туркменистана проходило несколько караванных дорог международного значения, что способствовало развитию городов как центров ремесла и рыночных отношений.

В Туркменистане сохранились остатки многочисленных развалин караван-сараяв. Изучение этих памятников культуры представляет значительный научный интерес. Наиболее обстоятельно изучены торговые пути из Мерва в Серахс (К. Адыков) и из Мерва в Хорезм и Мавераннахр (академик М. Е. Массон). Торговые дороги способствовали развитию обмена и торговли между городами и деревнями, а также со странами юго-восточной Азии и Ближнего и Среднего Востока. В правление султана Мелик-шаха (1072—1092 гг.) была установлена единая дорожная пошлина. С его временем связано интенсивное строительство придорожных торговых станций, были также приняты меры по сокращению опасности на караванных дорогах. Указом Мелик-шаха 1087 г. были отменены некоторые торговые пошлины с купцов, что имело важное значение для оживления и развития экономических взаимоотношений Передней и Центральной Азии.

В средние века Туркменистан имел экономические и культурные связи не только со странами и государствами Передней Азии, но также и Юго-Восточной Азии. Об этом свидетельствуют археологические материалы. В частности, при раскопках средневекового города Шахр-Ислам в северном Хорасане была обнаружена крупная раковина индийского происхождения. На одном конце её имеется специальное отверстие для подвешивания. По всей вероятности эта раковина служила подвеской магического значения. При раскопках в средневековых городах Мерве, Куния-Ургенче, Дахистане, Шахр-Исламе, Новой Нисе, Сарахсе и других было найдено немало привозных предметов, указывающих на наличие и направление торгово-экономических и культурных связей Туркменистана.

Из найденных китайских вещей следует назвать фарфоровые изделия, предметы из драгоценных камней, в частности, нефритовые подвески.

Было найдено большое число предметов иранского происхождения, например, рейская и кашанская поливная люстровая керамика. В средневековых городах Туркменистана часто обнаруживаются каменные талько-хлоритовые сосуды, по всей вероятности, привезённые из Ирана. Географ X века Ибн Хаукаля писал, что в горах Нукана (в Иране) находятся рудники камня, из которого делают горшки, его вывозят в другие города Хорасана.

Как письменные источники, так и археологические данные свидетельствуют, что средневековое население юго-восточного Прикаспия имело торговые и культурные связи со странами мусульманского мира. Об этом свидетельствуют клад серебряных монет (найденный на городище Ахур), отчеканенных в более чем 44 городах Передней Азии.

В заключение можно отметить, что Туркменистан как в древности, так и в средние века занимал важное место в системе международных экономических, торговых и культурных связей.

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ СРЕДНЕВЕКОВОГО МЕРВА

Будучи одним из крупнейших политических, экономических и культурных центров Востока, Мерв имел тесные торговые связи с сопредельными и отдалёнными странами. Эти связи имели очень глубокие корни. По археологическим данным такие связи прослеживаются примерно с середины II тыс. до н. э. Амулеты, биконические наворачия, бусы с кружковым орнаментом, ритуальные сосуды в виде почек, выточенные из мягкого стеатита, а также вазочки с небольшим резервуаром, изготовленные из прозрачного мраморовидного камня, являются свидетельством таких связей. Подобные изделия были широко распространены на территории Ирана, Афганистана, Месопотамии и ряда других стран.

С начала I тыс. до н. э. торгово-культурные связи Мерва становятся более зримыми. Близость археологических культур Маргианы с синхронными культурами Ирана, Белуджистана, Дахистана, Хорезма, Ферганы, Индии свидетельствует о существовании между этими странами тесных торгово-экономических и культурных связей.

С окончательным сложением Великого шёлкового пути в парфянское время Мерв превращается в один из крупнейших центров международной караванной торговли, соединявшим города Средней Азии с Ираном, Индией, Китаем, другими странами Востока и Запада. В китайской официальной хронике говорится, что из Китая к Западному морю идут три дороги и что средняя дорога проходит через Мерв и доходит до Ирана и Западного моря.

Ко времени вхождения Мерва в состав арабского халифата окончательно сложились маршруты, по которым осуществлялась торговля Мерва; сведения о ней становятся полнее. По данным арабских авторов через Мерв проходили караванные дороги: одна в Шаш и страну тюрок, другая — в Балх и Тохаристан, третья — в Серахс и Нишапур, четвёртая — в Абиверд и Нису, а также — на север через Каракумы с выходом на Амударью в Хорезм. Сложившиеся в раннем средневековье эти маршруты в дальнейшем расширились и совершенствовались. В период высшего расцвета Мерва, в XI—XII вв. в особо труднопроходимых пустынных участках караванных дорог строились или расширялись хорошо оборудованные караван-сарай. Среди них — караван-сарай в Хормузфарре, в Рабате Суран, караван-сарай Акча-кала и Ал-Аскер. Находясь на перекрестке этих дорог мервские купцы принимали активное участие в местной международной торговле.

О предметах Мервского экспорта и импорта свидетельствуют письменные источники и археологические находки.

Из Мерва в разные страны вывозились шёлк-сырец, мягкий хлопок, шёлковые и хлопчатобумажные покрывала, плащи, коровий сыр, кунжутное масло, мёд, сладости, сладкие корни, дыни, хлеб, уш-тургаз, фелятэ, виноградный уксус, абкаме, шёлковые материи «казин» и «мульхам», груши и виноград. Вывозились также некоторые изделия мервских ремесленников. Изящная тонкостенная штампованная посуда мервских гончаров вывозилась далеко за его пределы. Находки её зафиксированы на Нисе, в Старом Термезе и на городище Афрасиаб в Самарканде.

О ввозимых в Мерв товарах свидетельствуют главным образом археологические находки. Это люстровые изделия и изделия из мягкого талькохлорита. Среди мервского импорта большое место занимают украшения, прежде всего, бусы из различных видов драгоценных и полудрагоценных камней: сердолика, бирюзы, горного хрусталя, оникса, граната, агата, лазурита, халцедона, яшмы, изумруда и др.

Торговля в самом городе осуществлялась на базарах и в ремесленных кварталах, где имелись торговые лавки. Базаров в Мерве было много и они хорошо содержались. Были и специализированные базары, в частности, упоминаются базары про-

давцов сахара и пряностей, пшеницы. Центральным местом торговли было перекрытое куполами чорсу, которое находилось в центре города на месте пересечения двух главных улиц, рядом с соборной мечетью, юго-восточнее мавзолея султана Санджара. Для хранения товаров в городе были обширные складские сооружения. Одно из таких сооружений, относящееся к XII в., было раскопано археологами в Северном обводе городища Султан-Кала. Длинная прямоугольная постройка размером 45.5 x 7.5 м с очень толстыми и высокими стенами была рассчитана на долгое хранение одновременно большого количества плодов садово-бахчевых культур.

Т. М. ДОСТИЕВ (АЗЕРБАЙДЖАН)

ПАРАЛЛЕЛИ И ВЗАИМОСВЯЗИ В КУЛЬТУРЕ АЗЕРБАЙДЖАНА И ТУРКМЕНИСТАНА В ЭПОХУ СЕЛЬДЖУКОВ

Многовековые и многогранные культурные связи Азербайджана со Средней Азией, в частности, Туркменистаном известны с древних времен. Эти связи особенно были расширены, упрочены и обогащены в эпоху сельджуков, когда тюрки-огузы объединили восточные мусульманские страны в огромную империю. В этот исторический период огузы сыграли важную роль не только на военно-политической арене, но и в развитии градостроительства, науки, литературы и искусства. Осуществлённые нововведения дали новый импульс прогрессу. Тесные экономические и культурные контакты, этническая и языковая общность, единая вера, аналогичная социо-психологическая среда породили много общего как в материальной, так и в духовной жизни. Достаточно напомнить дестан «Китаби Деде-Коркуд» — совершенный образец отражения тюркских эпических традиций. Эта сокровищница мудрости не только литературный памятник, но и бесценный источник для изучения древней истории наших народов.

Интенсивные взаимосвязи Азербайджана с Туркменистаном особенно хорошо прослеживаются в памятниках материальной культуры эпохи сельджуков. Много общего было в развитии городов. В это время как в Туркменистане, так и в Азербайджане ускоряются темпы урбанизации. Большое сходство проявляется в планировке, фортификации, характере ремесленных кварталов. Очень близки жилища и их архитектурный декор. Аналогичные меры предпринимали для решения городского благоустройства, что отчётливо наблюдается в вымостке улиц и площадей, прокладке водопровода, устройстве санитарно-гигиенических сооружений.

Контакты и взаимовлияние проявляются и в архитектуре, в особенности, в культовых и мемориальных сооружениях. Возникновение и распространение нового типа мечетей, известный под названием «сельджукская мечеть», свидетельствует об установлении нового канона планировки и конструктивного решения культовых зданий. Для сельджукской мечети характерна михрабная часть в виде купольного киоска-максуры.

Башенные мавзолеи, феномен сельджукской архитектуры, распространённые в XI—XII вв. в Хорасане, Азербайджане и Малой Азии, были созданы в результате эволюции надгробных сооружений древних тюрков. Они объединили в себе традиции курганообразных и юртообразных надгробных устройств. Влияние хорасанских строительных традиций отчетливо прослеживаются также в мемориальных сооружениях XI—XII вв., в частности, в мавзолеях Газан-хана вблизи Гебриза, Олджайтухана в Сультание, Тузей-Хатын в Нахичевани. Прототипом для этих мавзолеев были выбраны памятники сельджукской эпохи Хорасана. Параллели и взаимовлияние проявляются и в архитектурном декоре. В XI—XII вв. как в Туркменистане, так и в Азербайджане широко применялись узорчатая кладка и фигурный кирпич, «сельджукский стиль» украшения был ведущим архитектурным декором.

Много общего наблюдается в ремесленном производстве. Большая близость обнаруживается в конструкции гончарных печей и технологии производства керамических изделий, в технике металлообработки и т. д. Тесные контакты и творческие обмены ярко отражены также в изделиях художественного ремесла.

D. KAUSHIK (INDIA)

INDO-TURKMEN RELATIONS: A PERSPECTIVE FOR THE NEW MILLENNIUM

1. Few countries can claim a relationship extending over a period of more than four millennia. The earliest contacts between India and Turkmenistan go back to the time of the Altyn-Depe culture dating from the end of the third and beginning of the second millennium BC. Turkmenistan's location along the southern ancient silk route marked it out as an important entrepot of trade before the advent of the age of great sea voyages.

2. India and Turkmenistan form part of the oldest single geocultural complex which arose out of their millennia-old historico-cultural interaction further consolidated by their inclusion in a single State formation under the Achaemenid, Greek and Kushan empires. This geocultural unity in turn promoted a network of geoeconomic ties leading to formation of common geopolitical perceptions in our times. Herein lies the strengths of their bilateral relationship which derives from their broad cultural unity and age — old economic interaction. This has helped them overcome temporary hurdles created by outside Colonial powers — Tsarist Russia and Imperial Britain.

3. Indo-Turkmen relations acquired a new perspective for their rapid growth after Turkmenistan became independent in December 1991. As the relations during the Soviet period were conducted through Moscow, they were largely formal and confined to the sphere of art and culture. Nevertheless, in comparison with the pro-West neighbouring states, India had an edge in its relations with the Central Asian Republics on account of its friendly relations with the USSR.

4. Relations between India and Turkmenistan in the post-Soviet period are largely conditioned by economic and geopolitical factors. Turkmenistan's policy of positive neutrality is supported by India as it is in conformity with the policy of non-alignment. Similarity in their political approach has given further impetus to their desire for economic cooperation. The vast hydrocarbon resources of Turkmenistan and their growing demand in India have motivated the two countries towards forging a closer relationship.

5. Turkmenistan's central location on the transit routes linking both north-south and east-west has helped Ashgabat in overcoming its landlocked character. Turkmenistan's growing cooperation with Iran and India resulting in opening of the Bandar Abbas railroad overland route has led to the resurrection of the southern ancient Silk route. It has ended the landlocked status of Turkmenistan which has become for all practical purposes an Indian Ocean power enjoying a position far better than Kathmandu which is not directly linked with sea by rail and does not figure in the transit trade between the southern and northern neighbours of Nepal.

6. The multiple options for construction of pipelines going to India overland through Iran, Afghanistan and Pakistan and the extension of the existing gas pipeline to the Iranian port of Neka from where liquefied natural gas will be transported to India by ships, along with the projected construction of a new rail-line from Chaman in Pakistan to Herat in Afghanistan and thence to the Persian Gulf port through the territory of Turkmenistan, and lastly Ashgabat's active involvement in the grandiose plan of north-south transport corridor linking Russia with India — all this has opened up a vast new perspective for development of Indo-Turkmen relations in the new millennium as an integral part of a cooperative regional dynamics which is a high-tech version of the ancient Silk route.

7. The pressure of International community and the growing popular urge for economic development is bound to induce the errant states in the region to take a positive stand by accommodating India's security concerns. After all these states will also benefit by the transit revenues generated by pipelines passing through their territory. Thus one may look with optimism towards an upward swing in the Indo-Turkmen relations in the new millennium when Turkmenistan becomes an important source for meeting the growing energy needs of India and an important component of the north-south transport corridor.

M. HAIDAR (INDIA)

GLIMPSES OF INDO-TURKMENISTAN RELATIONS IN THE PAST AND PROSPECTS FOR FUTURE

In the spectrum of a long history of continuous connection between India and lands beyond Hindukush, the story of Indo-Turkmenistan relations through the ages seems to have escaped the attention of scholars and historians alike, undoubtedly, the material on the subject is not extensive though sufficient information can be gleaned from the sources to fill up the lacunae. The legendary records and Indo-Persian sources affirm this close relationship to an extent that both the Indians and the Turcomans are reported to have originated from one common stock. They are said to be the descendants of prophet Noah. Whereas the eldest of the nine sons of Noah named Ham was supposed to be the ancestor of Indians, Noah's grandson Kamari (the son of Noah's third son Yafis Oghlan Abul Turk) who was called Guz in Vullers and Gozz in Masudi was said to be the ancestor of the Turcomans. There are several names with which Turcomans are mentioned or described in the sources viz Taramkuma, Turkmen, Turkoman etc. The word Turcoman seems to be a diminutive of Turk-Manand (Turk-like). Abul Fazi the deputy of Akbar the Great Moghul says that «The term Turcoman did not exist in old times but when their prosperity came to Persia (Iran) and propagated there, their features came to resemble the Tajiks. But as they were not Tajiks, the latter called them Turcomans i.e. the Turk-like. But some say that the Turcomans are a distinct tribe and not related to the Turks». Elsewhere the Turcomans are said to be an admixture of Turks and Tajiks and not of pure Turkish origin hence the name.

The traces of Indo-Central Asian contacts are not only preserved in the pages of annals of history but they are visible on the face of earth even today. In many big and small towns of India (for example in Delhi, Aligarh) there are majestic gates especially named after the Turcomans i. e. «Turcoman Gate» in northern India. Seemingly, they formed the commercial portal through which the horses and other commodities were brought into India. These were the centres where the Turcomans lived and sold their ethnic rarities. The Turcoman carpets decorated the palaces and houses and the Turcoman jewellery added to the beauty of Indian women. The Turcoman soldiers swelled the ranks of the Mughal army and increased the number of Mughal nobility.

The Indo-Turkmenistan relations were further extended and strengthened by men like Bayram Khan and his son Abdurrahim Khan i Khanan. Like other medieval Central Asians, Bayram was a fine admixture of qualities of head and heart. He was endowed and acquainted with the graceful creative capacity of pen and furious ferocity of sword with equal dexterity. Badauni the chronic and habitually bitter critic of human souls accredited Bayram Khan for being «a poet of no mean pretensions». Bayram Khan's love for India was as deep as his attachment to his motherland. He had played a key role in successfully planning to bridge the gulf not only between India and Central Asia but opened friendly relations with other countries. His court was equally open to men of talents from Central Asia, India, Persia and other places. Many Turcomans were inducted into the Mughal court. A galaxy of worthy people came from Central Asia and served Bayram for quite a long time.

Famous poets like Sahool Bukhari Maalana Mansur and others enjoyed his patronage. Ram Das the lather of famous poet Sur Dad came from Lakhnau and served Bayram Khan at a time when the latter was out of royal favour and in a spate of rebellion. Notwithstanding Bayram's empty treasury a sum of one lakh of Rupees was showered on him.

Due to his Military powers, political sagacity and extraordinary courage, Bayram attracted the attention of Indian magnates like Raja Mitra Sen, Sher Shah and others who offered patronage to Bayram whose love for the Mughals, however, did not allow him to desert his patrons. «The reconquest of India may just be ascribed to Bayram Khan». He proved himself to be «the best of all the leaders — a forefather in the battle» who thereafter won many lofty titles for his selfless service. His wisdom saved the Mughal dynasty from extinction as his timely suggestion to seek help from Shah of Persia and subsequent continuous and dedicated support to Humayun and Akbar assisted tremendously in firmly rooting the Mughal Empire in an alien land. Bayram Khan was a true pantheist. His visit to the places of Hindu pilgrimages and shrines eg. Hardware surprised many of his contemporaries. Apart from having a talented Central Asian wife of Sahma Begum's stature, Bayram had married an Indian lady — the daughter of Jamal Khan, the cousin of Husain Khan of Mewat — an influential zemindar of India. From this Indo-Turkmenistan union was born the world famous scholar and poet Abdurrahim Khan i Khanan, who further strengthened the ties of love between the two countries, well versed in Turkish he translated Babar's autobiography in Persian which facilitated its world wide study and publicity. He was equally proficient in Indian language and wrote excellent quatrains and couplets (duhas) which are widely acknowledge as the pearls of wisdom.

F. TURKMEN (TURKEY)

THE TURKOMAN AND TURKISH VARIATIONS OF THE FOLK STORY

«KEREM AND ASLI» AND THE IDEOLOGICAL SYSTEM REFLECTIONS

The story of Kerem and Asli is a widespread epic about the love story between two young persons who belong to two different societies and religions. In Turkmenistan there are both oral and written variations of this story. Samples of first proses were prepared by the efforts of B. A. Karriev, and later carried out by A. Durdiyeva, H. Korogly and V. Jirmunsky research on these manuscripts. Some of the poems in this epic are traditionally seen in Turkmenistan as «Aydim» and in Anatolia as «Turku». Moreover in Anatolia these poems have gained widespread acceptance as the norms in folk music «Kesik Kerem, Kerem».

In Turkmenistan there are variations of it among the manuscripts (in Bukça=Cönk) and as lithographs (found in 1916 in Tashkent). The oldest manuscript is in the conk dated 1246 and can be found in our personal library. Yet another version of this same manuscript is among the possessions of our personal library. The second manuscript is called «Mecmuatii'l- Letaif, Sandukatu'z- Zaraif», and has rich motifs.

We are already known that the story of «Kerem and Asli» originated among the Turkomans in Iran. The story was loved especially in Iran and later Anatolia, Turkmenistan and in Azerbaijan and caused the emergence of its variations among the Oguz groups and brought out some more new epics as Anatolian folk tales.

For example, a variation called «The Erzincan Vineyards of Kerem» has recently appeared in Anatolia. This shows how much the society has loved and adopted this story. Moreover the existence of the cycles of epic is also acceptable. Kerem's being in love with a girl from a different race and religion and his attitude against the obstacles caused by the girl's family, and although he was coming from an aristocratic family (son of a han), and his being humble and tolerant are particularly important in respect of The Oguz Society's general point of view. Another interesting point is that although it is about a love story, the epic deals also with the divine submission of the soul, which always exists in the essence of

Turkmen philosophy. Besides its popularity in Anatolia and Turkmenistan, we also claim that this philosophy played a very important role in spreading the story among other tribes such as Armenian, Georgian, Caucasian.

Ф. ТУРКМЕН (ТУРЦИЯ)

МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТУРКМЕНСКОГО И АНАТОЛИЙСКОГО ВАРИАНТОВ СКАЗАНИЯ «КЕРЕМ И АСЛИ»

Сказание «Керем и Асли» — очень распространённое сказание о юных влюблённых, принадлежащих двум разным религиям и обществам. В Туркменистане существуют устный и письменный варианты этого сказания. Первое издание было сделано благодаря усилиям Б. А. Каррыева, а позднее были проведены научные исследования А. Дурдыевой, Х. Короглы, В. Жирмунским. Часть стихов дестана всё ещё существуют в Туркменистане как «Айдым», а в Анатолии — как «Турки». Кроме того, в Анатолии распространено и как название народной музыки «Кесик Керем, Керем».

Имеются варианты в письменных сборниках, а также в надписях на камнях (напр. в Ташкенте, 1916 г.). Самый ранний оригинал находится в специальной библиотеке в сборнике 1246 г. Другая рукопись находится в нашей библиотеке. Этот образец носит название «Меджмату'л-Летаиф, Сандукату'з-Зараиф». Этот второй оригинал имеет более разнообразные мотивы.

Как нам известно, «Керем и Асли» возникло среди иранских туркмен. Оно стало любимым произведением народов Ирана, Анатолии, Туркменистана и Азербайджана. Вместе с различными вариантами, имеющимися в огузской группе, оно послужило также основой возникновения ещё некоторых дестанов (народных сказаний в Анатолии).

К примеру в Анатолии появился новый вариант под названием «Эрзинджанские связи Керема». Это показывает, насколько общество полюбило указанную тему. Кроме того, следует отметить начало образования циклов дестана. Интересны те обстоятельства, что, хотя Керем является выходцем из аристократической семьи (сын хана), а также неприязненное отношение родителей девушки к их любви, он влюбился в девушку другой религии и расы. Это показывает дружелюбие огузской общины того времени. Кроме темы любви, другой особенностью дестана является введение понятия туркменского божественного духа. Думается, именно эти особенности произведения сыграли роль в выживании и распространении его как в Анатолии и Туркменистане, так и среди соседних народов Армении, Грузии и на Кавказе.

Д. ЛУМИНИЦА (МОЛДОВА)

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ КАК ФАКТОР СБЛИЖЕНИЯ НАРОДОВ И КУЛЬТУР

На протяжении всего уходящего XX века одной из самых болезненных, острых и загадочных проблем была проблема национальная. Проблема эта, несмотря на то, что часто оказывалась в центре внимания выдающихся умов столетия, так и осталась неразрешенной. Что же такое национальное чувство? Инстинкт рода или причастность к культуре? Агрессивное и враждебное разделение мира на маленькую часть «своих» и большую часть «чужих» или стремление к самоопределению и ясному выражению своей глубины и сути?

Странные, неувидимые, а иногда в грубой лозунговой форме сформулированные, эти проблемы на протяжении века зачастую оказывались источником тяжёлых

конфликтов. Конечно, как во всяком живом историческом явлении, национальные проблемы трудно вычленишь из плотного соединения государственных, политических и экономических интересов. Однако, можно с уверенностью сказать, что национальный компонент, даже если не оказывался главным, был существенной закваской в подавляющем большинстве важнейших событий XX века.

В связи с этим, особый интерес для науки, и не только фольклористики и этнографии, но и для социальной психологии и политологии, вызывают примеры многовекового мирного проживания в европейском государстве иноэтнических анклавных вкраплений; особенно, если этот национальный анклав на протяжении большого временного промежутка сумел сохранить национальную идентичность, да ещё без прямых контактов со своей прародиной. Таких примеров очень мало. И один из самых ярких — липоване.

Русские старообрядцы — молдаване и румыны называют их липованами — пришли на территорию Молдовы и Румынии в начале XVIII века. Причиной послужили церковные распри, начавшиеся в России в середине XVII века с приходом на патриаршую кафедру митрополита новгородского Никона. Никон провёл реформу, целью которой было создание единых правил отправления церковной службы и церковных книг. Не все согласились с новшествами патриарха. Тех, кто восстал, стали жестоко преследовать. Спасаясь от гонений, старообрядцы покинули Родину и разбрелись по всему миру. Часть их пришла на молдавские и румынские земли.

Старообрядцы селились целыми общинами. Им разрешалось иметь свои церкви и отправлять службу согласно своему Уставу. Вдали от Родины русские бережно хранили свой язык и духовную культуру. Сказки, песни, легенды, услышанные ими ещё от дедов и прадедов, представляют огромный культурный и исторический интерес.

Удивительную духовную стойкость липован, их способность выстоять в своей идентификации с восхищением и огромным уважением отмечал в середине XIX века выдающийся русский философ и писатель К. Леонтьев, который с удивлением писал, что в Тульче (Румыния), на земле отошедшей в 1865 г. к Турции, он чувствует себя словно дома, в России. «Я приехал в Тульчу ранней осенью. — вспоминает писатель-дипломат — ... Первое, что я увидел, сойдя с австрийского парохода — пестрые сарафаны дунайских староверок и синие рубашки их отцов, братьев и мужей...». Его поместили в большом двухэтажном доме у самой паровой пристани. Хозяином дома был богатый старовер Филипп Наумов. Обслуживают К. Леонтьева две русские женщины: Аксинья и Акулина. Повязываются эти староверки по-русски, «говорят и держат себя так как говорили бы в Орле или Мещовке». Кормят дипломата ленивыми щами, русскими пирожками, квасом, угощают русской водкой. В двух шагах от консульства звонят колокола деревянной русской староверческой церкви. В открытые окна квартиры доносятся русские песни, «точно такие же горькие и прекрасные, как в Удинове» — родном имени писателя.

Однако, сохраняя свою веру и культуру, русские не существовали и не существуют обособлено от той инонациональной среды, в которой они находятся. Ярким примером взаимодействия фольклорных традиций могут служить материалы устного народного творчества, принадлежащего к молдавскому, русскому и румынскому фольклору, зафиксированному в Молдове и Румынии на протяжении последних трёх столетий.

В фольклористике, как и в других общественных науках, стало общепризнанным положение о том, что любая культура во всех своих формах, в том числе, и народно-поэтической, развиваясь на основе своих собственных, исконных корней, унаследованных этнических черт и этнического опыта, проявляется в восприятии и в творческой переработке воздействия иноэтнических соседствующих традиций, которые с течением времени становятся неотъемлемой частью национальной духовной культуры. Взаимодействие способно привносить новые произведения (посредством фольклорных переводов и различных контаминаций), лексемы, позволяющие по-иному прочувствовать соб-

ственные фольклорные тексты: оно подчас дает дополнительные импульсы развития и сближения в идейном и художественном плане.

Одним из важнейших результатов взаимодействия фольклорных традиций разных народов является также более полное и углублённое осознание взаимодействующими сторонами собственной культуры. Размышляя над проблемами творческого понимания чужой культуры, выдающийся ученый М. М. Бахтин отмечал: «Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, которых она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответы на наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины».

Таким образом, трехсотлетнее мирное совместное проживание липован в иноязычной среде может послужить прекрасным уроком как для национальных меньшинств, так и для основного этноса государства. Из внимательного анализа принципов, на которых построено это общение можно сделать некоторые предварительные выводы. Для нормального совместного проживания анклавного вкрапления с основным этносом страны нужно:

отчетливое осознание своей самоидентичности и самоценности народом, попавшим в ситуацию анклавного проживания. Необходимы две встречные тенденции в поведении анклава: духовная готовность к сохранению самоидентичности, а значит уверенность в истинности своих духовных и культурных ценностей, и готовность признать право на утверждение своих ценностей рядом проживающих соседей; предоставление государством, в котором проживает анклав, всех условий для спокойного самовыражения людям другой культуры.

Внимательное изучение липован может помочь подойти к ответу на самый трудный вопрос XX века: что же такое национальность? Ведь как сформулировал тот же К. Леонтьев: «Небо одно, земля одна и та же, но почему болгарин зажиточнее других, а русский пламеннее в своей вере?». Почему мы разные и как эти различия сделать источником радости и взаимообогащения?

Л. В. ШОРИНА (Молдова)

БЕССАРАБИЯ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР

С точки зрения кумира интеллектуалов середины XX века Х. Д. Борхеса, вся мировая культура едина. Применительно к литературе он говорил, что ему кажется, будто один человек пишет единую книгу, будто каждый писатель — всего лишь ничтожная часть целого. И эта мысль, в середине века казавшаяся только метафорой, сегодня, в начале тысячелетия, обрела вполне эмпирические очертания. Скорости сократили пространство, современные носители информации уничтожили время. Стало очевидным нерасторжимое единство всех живущих на планете.

И совершенно естественно, что в общественной рефлексии столкнулись две встречные тенденции: отстоять самобытность своего народа и показать его же универсальность. Эти столкновения во многих случаях стали грозными.

Именно эти общественно-исторические тенденции актуализировали в науке цивилизационный подход в изучении сегодняшних мировых процессов. Оказалось, что цивилизационный срез общественного сознания может дать ответы на многие вопросы, ибо выявляет ценностные установки и практические мотивации, пронизывающие все стороны жизни народа. А это помогает понять внутреннюю логику поведения народа в той или иной исторической ситуации.

Сегодня, если можно так выразиться, в гуманитарной науке определило метод взгляды в предмет. Теперь логика исследователя-обществоведа должна соеди-

ниться с художественной интуицией. Ибо с исчерпывающей достоверностью ответить на вопрос, каким образом сформировался облик народа, почему таковы его реакции на определённые конфликты, практически невозможно. И в то же время, судя по разрыву мировую историческую перспективу, это необходимо делать для, так сказать, социальной профилактики. Поэтому попытки определить специфические характеристики народа будут возрастать.

И в этой связи нам представляется, что на планете есть регионы, в которых словно с экспериментальной наглядностью сконцентрированы насущные проблемы сегодняшнего дня человечества. Таким местом является Молдова. Молодое независимое государство в повседневной жизни решает проблемы, относящиеся к наиболее острым, драматически и теоретически сложным на огромном Евразийском континенте. Это и трудный поиск политического устройства страны, это и мучительный, к сожалению, меньше аналитический, больше экспериментальный поиск экономической модели развития, это и проблема многонациональности и культурной многовариантности.

Историю Бессарабии (историческое название части территории Молдовы) трудно назвать спокойной. Периферия балканского региона, близость к сердцу европейской цивилизации — греко-малоазийскому региону — с самого раннего периода вовлекали эту территорию в нескончаемую драму идей и страстей человеческих. Сталкивались разноплеменные и разноязыкие потоки. И трудно здесь отделить аборигена от пришельца, исходный образ мира от заимствованного. Гигантский тигль смешивал порой и несовместимое.

Но великая мудрость неизбежного формообразования, придания сущности определённого названия, требующая всякий раз индивидуальных усилий, помогла особенностям, различиям не раствориться в этом творческом тигле. Из общего корня выростали порой разные ветви. И если продолжить аналогию, то эти ветви можно рассматривать и с позиций сходства, и с позиций различия, что зависит от задач, методов описания, от набора характеристик, взятых в качестве исходных. Культура региона формировалась на одном историческом дыхании, но распалась многообразными оттенками.

Итак, именно мировоззрение как аналитика, так и действующего политического субъекта лежит сегодня в основе мировых политических процессов.

Вот несколько беспристрастных данных. На маленькой территории Молдовы (в которую входит ныне не вся Бессарабия) исторически сложилось некоторые многонациональное население, некоторые из групп которого считают эту землю своей этнической родиной (как гагаузы, которые поэтому не попадают под общепринятое определение «нацменьшинства»). Во всяком случае все народы проживали здесь не одно столетие. Это молдаване (со сложной драматически напряженной попыткой самоопределения как румыны) (64.5 %), украинцы (13.8 %), русские (13 %), гагаузы (3.3 %), болгары (2 %), евреи (1.5 %). Эту и саму по себе непростую картину, осложняют следующие обстоятельства. Гагаузы считают себя определённым народом с историческим правом на данную территорию, а присутствие сегодня малочисленных евреев (совсем недавно составлявших большую группу населения) пронизывает историю культуры края последнего века. Картина осложняется ещё и тем, что в крае во всех сферах общественной жизни с одинаковой активностью, но не с одинаковым официальным статусом действуют два языка — румынский и русский. И искусственное противопоставление привело к острому драматическому и кровавому противоборству в 1992 г. и способствовало образованию непризнанной Молдавской Приднестровской республики.

Характерно, что эти конфликты стали так остро на повестку дня в последнее десятилетие. Между тем как противоречия, неизбежные в таком сложно устроенном регионе, существовали столетия. И люди находили способы их продуктивного разрешения. При внимательном взгляде в историю сформировавшиеся проблемы региона, становится очевидно, что все «горячие» вопросы постоянно присутствуют в латентной форме, так же как и способы их разрешения. Они не возникают и не исчезают.

Они будируются или игнорируются. И в этих процессах велика доля сознательного подхода. Очень важно понять органическую логику развития народа и региона. А это уже проблемы не только интеллектуальной изощренности или современной научной методологической оснащённости, но и проблемы этики и нравственности.

Т. В. Зайковская (Молдова)

ДИАЛОГ КУЛЬТУР — ДИАЛОГ ЯЗЫКОВ

В течение столетий на территории Молдовы формировалось самобытное духовное пространство. Образовавшееся многомерное культурное поле основано на сосуществовании культуры большинства нации и культур национальных меньшинств. Оно состоит из молдавских, украинских, русских, болгарских, гагаузских, еврейских, польских, армянских, греческих и других этноэлементов.

Культура и язык взаимодетерминированы при примате культурно-национального компонента над внутрilingвистическими закономерностями. Практическое и духовное общение этнокультурных общностей на протяжении веков приносило в их жизнь свои плоды, естественным образом так или иначе отражаясь на их традиционном опыте, а отчасти, и на ценностной ориентации. Это закономерно проявляется и на вербальном уровне, сказывается на восприятии окружающей действительности и отражении её в языковой картине мира. Современность закономерно выдвигает проблематику *язык — культура — этнос* в число важнейших общезыковедческих и социолингвистических проблем. Понимание личности, относящейся к иной лингвокультурной общности, требует проникновения не только в логику её бытия и ценностную систему, но также и в её специфическое восприятие окружающей реальности, характерное для неё мировидение и мироощущение, которое отражается в исторически обусловленной картине мира, и даёт представление о своеобразии образа и стиля жизни, этических и эстетических категориях и т. п.

Вне всякого сомнения, невозможно не учитывать эту проблему в Молдове, где веками проживают на одной территории в тесном контакте представители нескольких национальностей, большинство из которых владеет более чем одним языком (причем здесь речь идёт не о факультативном знании иного языка, а о необходимости, диктуемой самой жизнью) и, следовательно, в той или иной мере способны ощутить сопредельность образов материальных и духовных культур, ценностных систем и т. д.

Надо учитывать и то, что национально-культурная специфика языковой картины мира меняется при долговременном и интенсивном воздействии на неё инонациональной среды, в которой бытует тот или иной язык, что связано с тем, что национальный характер культуры не отрицает, а, напротив, предполагает взаимодействие и взаимовлияние языков и культур различных народов, их взаимообогащение, ведущее, в конечном счёте, — через познание мира путем его духовного воссоздания и через приобщение к достижениям всего человечества — к пониманию этого мира.

Национально-культурная специфика языковой картины мира наиболее ярко проявляется при сопоставлении данных двух и более языков. На основе анализа в этом аспекте нескольких языков, бытующих на территории Молдовы, удалось получить ряд интересных сведений о национальном самосознании, национальном характере и мировидении проживающих в ней представителей некоторых лингвокультурных общностей, в частности, молдаван, русских, болгар. Изучение языковых картин мира способно реально содействовать межнациональному диалогу и взаимопониманию.

VI. ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ, ЕГО ПОЗНАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

О. Ф. АКИМУШКИН (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

К ИСТОРИИ СЛОЖЕНИЯ НАУЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ТУРКМЕН И ТУРКМЕНИИ

1. Известно, что в туркменском социуме в силу различных экономических, политических, исторических и социальных причин вплоть до новейшего времени не сложилась собственно туркменская историография, т. е. в туркменском обществе не были созданы письменные источники, в которых бы так или иначе находила своё отражение история туркмен. Вместе с тем, память народа сохранила в определённых рамках историю этноса в фольклорных героико-эпических сказаниях *Деде Коркут Китаби* и *Огуз-нбме*, содержавшие родословные туркменских племён и их историческое прошлое (отчасти мифолого-легендарное). Последнее произведение было широко использовано известным персидским государственным деятелем и историком Рашид ад-Дин Фазлаллахом (1247—1318 гг.) во второй редакции своего труда *Джбми' ат-тавршх* (1314—15 г.). Однако наиболее полный вариант *Огуз-нбме* представлен в переводе Джбми' ат-тавршх на среднеазиатский тюрки, выполненный в 1566 г. в Нисе историком туркменом Сблэр-Ббб б. Кэл-'Алш по указанию узбекского владетеля Ургенча 'Алш-султбна б. Авбниш-хбна (ум. 1572 г.).

2. В сложившейся ситуации первостепенное и определяющее значение приобрели сочинения, написанные на арабском, персидском, среднеазиатском тюрки и узбекском языках, т. е. на языках сопредельных народов, что на протяжении многих веков находились в постоянном контакте и в разноплановых взаимоотношениях с туркменскими племенами, исторические события из жизни которых были зафиксированы ими с разной степенью полноты и точности, объективности и предвзятости. Эти письменные источники, составившие фундаментальную основу научной историографии туркмен и Туркмении функционально подразделяются на несколько групп, включающие в себя сочинения исторические, географические и космографические труды, сборники официальных документов, агно- и биографии, произведения энциклопедического и филологического характера. В их число вошли оба труда хивинского хана Абэ-л-Гбзш Бахбдура (1608—1664 гг.) — *Шаджара-йи тарбкима* и *Шаджара-йи турк*.

Шаджара-йи тарбкима остаётся пока единственным сочинением, написанным в средние века непосредственно о туркменах и дошедшим до нас. Это — важнейший источник их истории (особенно для XVI—XVII вв.), равно как и замечательный литературный памятник, вобравший в себя народные предания, легенды, этнографические зарисовки, пословицы и т. п. Оба труда впоследствии оказали решающее влияние на поколение хивинских историков, творивших в XVIII—XIX вв.

3. Первый и весьма плодотворный шаг в формировании историографического свода предпринял на строго научной основе акад. В. В. Бартольд (1860—1930), опубликовавший в 1929 г. свой *Очерк истории туркменского народа*. Несмотря на тот факт, что академик Бартольд не предположил *Очерку* отдельной главы, посвящённой историографии вопроса, тем не менее, исходя из предложенной им периодизации истории среднеазиатских туркмен, он в каждом из её пяти разделов детально проанализировал и сопоставил данные, извлечённые им из письменных арабграфических источников, хронологические рамки создания которых, совпадали с временными рамками указанного периода.

4. Вторым шагом на пути создания историографии туркмен, опирающейся на фундамент научной классификации и всестороннего анализа источников, стал проект, предпринятый по инициативе Министерства просвещения Туркм. ССР в 1934 г. в стенах ИВ АН СССР. Данный проект был блистательно завершён изданием в 1938—1939 гг. двухтомника *Материалы по истории туркмен и Туркмении* (МИТТ). В результате кропотливой и трудоёмкой работы сотрудники института под руководством А. А. Ромаскевича, В. И. Беляева, П. П. Иванова и С. Л. Волина перевели на русский язык материалы, извлечённые из 61 (55 авторов) арабографичного источника IX—XIX вв., «которые так или иначе затрагивали вопрос о среднеазиатских туркменах в различные периоды их исторической жизни». Извлечения в переводах были сделаны из 22 сочинений на арабском языке (21 автор), 33 — на персидском (32 автора) и 6 — на узбекском (2 автора). Заметим, что в то время более половины использованных для перевода трудов были доступны специалистам только в рукописях.

Все сведения МИТТ были практически полностью использованы (с рядом дополнений) в таких работах, как коллективный труд *Очерки по истории туркменского народа и Туркмении в VIII—XIX вв.* (Ашхабад 1954), двухтомная *История Туркменской ССР* (т. I, кн. 1—2, Ашхабад 1957; т. II, макет, Ашхабад 1955) и в последующих исследованиях, из которых особо следует отметить капитальный труд С. Г. Агаджанова *Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв.* Автор расширил корпус источников, связанных с историей туркмен, введя около 20 сочинений, прежде не использованных до него. Исследования последних лет позволили добавить к историографическому своду ещё несколько сочинений средневековых авторов. В том числе такие написанные на персидском языке, как *Тбрих-и арба' ул'эс* мирзы Улуг-бека (1394—1449) и *Футэхбт-и Фаршдэнийя* Мухаммад-Тбхира Бистбмш о войнах сафавидского наместника в Астрабаде и Мазендеране Фаршдэн-хбна, которые он вёл в 1607—1614 гг. с туркменскими племенами гоклен, охлу, салор, дуячи и др.

5. В заключение заметим, что подавляющая часть отмеченных выше источников на восточных языках в настоящее время доступна в научных изданиях. В том числе и *Фирдоус ал-икбл* Мэниса-Агахш.

O. F. AKIMUSHKIN (ST.-PETERSBURG)

THE TURKMEN AND TURKMENIA'S SCIENTIFIC HISTORIOGRAPHY: THE HISTORY OF ITS DEVELOPMENT

It is well known that the Turkmen historiography has not been formed in the Turkmen society up to modern times because of various economical, historical and social reasons. It means that this society did not create historical sources which in one way or the other reflected the history of the Turkmen. People's memory has preserved the history of this ethnos only in folklore heroic and epic tales like the Dede Korkut Kitabi and the Oguz-name. They describe genealogies of the Turkmen tribes and their historical past, which is mostly mythological or legendary.

In this given situation the main and decisive role is given to the texts written in the Arabic, Persian, Middle-Asian Turki and Uzbek languages. These are the languages of contiguous peoples, which for many centuries were in permanent contact and various relations with the Turkmen tribes. The historical events in the life of these tribes are described in different rate of completeness, exactness, objectivity and preconception. Namely these sources laid the foundation of scientific historiography of the Turkmen and Turkmenia.

The academician V. V. Bartold (1860—1930) made the first and very fruitful step in organising the historiographic code on a strictly scientific basis. In 1929 he published «The sketch on the history of the Turkmen people». The second step was made by the project

which was initiated by the Turkmen SSR Ministry of Education and carried out at the Institute of Oriental studies, USSR academy of Sciences (1934). This project was completed by an excellently edition of the «Materials on the history of the Turkmen and Turkmenia» (MITT), published in 1938—1939 in two volumes. The work included translations into Russian from the Arabic script sources of the 9th — 19th centuries (55 authors. Nearly 30 texts were added to the source division during later research work.

А. А. КОЛЕСНИКОВ (АШГАБАТ)

ПЕРВЫЕ РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ТУРКМЕНИСТАНА

Первые российские исследования историко-культурного наследия Туркменистана начали разворачиваться со второй половины XIX — начале XX вв. в контексте военного и экономического проникновения России в страны Центральной Азии. В историографии отмечается, что «в мире нет такой страны, где бы развитие востоковедческой и военной науки так тесно и неразрывно переплеталось как в России» (Колесников 1997), особенно ярко это переплетение проявляется именно в этот период.

Российско-азиатские связи и взаимоотношения в прошлом были многоплановы и охватывали широкий спектр как позитивных, так и негативных явлений. К числу позитивных следует отнести вклад российского востоковедения в исследование археологии и смежных исторических научных направлений, в организацию первых археологических исследовательских учреждений в Туркменистане. При этом исследование проводилось, по преимуществу, российскими военными.

Интерес к археологии Туркменистана в России проявляется достаточно рано. Ещё в начале XIX в. попытки изучения археологических памятников предпринимали офицеры Генерального штаба Н. Н. Муравьев, И. Ф. Бларамберг, Г. С. Карелин и др., хотя они были достаточно робкими и не носили целенаправленного характера.

Качественно новый этап в исследовании историко-культурного наследия Туркменистана российскими учёными начался после его присоединения в состав Российской империи. В 1890 г. генерал А. В. Комаров, в бытность свою начальником Закаспийской области, произвёл раскопки Северного холма Анау, что привело к открытию, ставшей эталонной, культуры ранних земледельцев. Им же была собрана уникальная нумизматическая коллекция, переданная позднее в Императорский Эрмитаж. А. В. Комаров первым обратил внимание Императорской археологической комиссии на необходимость изучения и сохранения историко-культурного наследия Туркменистана (Дурдыев 1982).

Некоторое время спустя Императорская археологическая Комиссия чётко определила свою позицию по этому вопросу, что можно видеть из письма председателя Комиссии начальнику Закаспийской области от 11 декабря 1904 г.: «Русское правительство, подчинившее своей власти страны, отличавшиеся высокой культурой, несомненно, приняло на себя и нравственную обязанность охранять в этих областях древние памятники, свидетельствующие о прежней культуре. Прошлое Мерва дорого и России, и нерадение в деле охраны таких памятников, утрата которых ничем не может быть вознаграждена, подвергла бы нас справедливым упрекам».

В 1890 г. исследование древнего Мерва проводил профессор Санкт-Петербургского университета В. А. Жуковский, книга которого «Развалины Старого Мерва» стала классическим трудом по истории этого уникального городища.

В конце 90-х годов XIX в. началась работа по созданию научного общества, которое бы объединило все силы Закаспия по исследованию историко-культурного наследия. Новейшие архивные изыскания позволяют говорить, что инициатором создания такого общества был Павел Николаевич Карпов, прошедший курс археологии

при Азиатском департаменте МИД России, а также курс археологии в Археологическом институте Санкт-Петербурга (1893—1897 гг.). В 1895 г. он получает назначение на должность пристава в Мервский уезд и, наряду со своей основной деятельностью, разворачивает работу по изучению древностей. В 1897 г. он направил в Императорскую археологическую комиссию проект создания археологического общества и получил её одобрение (Дурдыев 1984).

Наши изыскания позволяют по новому датировать время создания Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока, ставшего первым исследовательским учреждением в области изучения историко-культурного наследия. В историографии дата образования ЗКЛА определяется более поздним временем.

ЗКЛА внёс большой вклад в изучение историко-культурного наследия, им был впервые составлен список памятников истории и археологии, издавались «Протоколы заседаний», по существу — научный журнал», привлекались к работе крупные востоковеды, в том числе и В. В. Бартольд. Из его среды вышли впоследствии крупнейшие востоковеды, например, А. А. Семёнов и др.

Н. РАХИМОВ (АШХАБАД)

РАННИЕ СВЕДЕНИЯ О ТУРКМЕНАХ В РУССКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Названия «туркмен» и «Туркмения», принятые в русском языке и ставшие традиционными, имеют свою историю. Известно, что создатели древнерусских письменных исторических источников освещают историю древней Руси, вместе с тем, в какой-то степени «глаголеют» об истории туркмен, зафиксировав её по-своему, исходя из своей эпохи. Первые века русской истории были тесно связаны с Юго-Восточной Европой, с балканскими странами. Киевская Русь уже имела широкие международные связи, поскольку в XI веке Русская земля «ведома и слышима есть всеми четырьмя концами земли». Ко второй половине XI века Русь вступает в эпоху феодальной раздробленности. Именно с этим временем совпадает очередная волна передвижения выходцев «отъ пустыня Етревьская». Отныне постоянные контакты с «торкменами» послужили основным побудительным мотивом возникновения сведений о них.

Ранние отрывочные сведения о «торках» (отождествляемых в литературе с огузами), «берендеях» (баяндыр), «печенегах» (бечене), часто характеризуя их «погаными», относимых в европейских источниках к «татарам», встречаются в крупнейшем по значению историческом памятнике древней Руси — «Повести временных лет». В этой «Повести» (по Лаврентьевскому списку) под «въ лето 6604 [1096]» читаем: «Вышли же они из пустыни Етревской между востоком и севером, вышло их 4 колена: **торкмены** и печенеги, торки, половцы. Мефодий же свидетельствует о них, что 8 колен пробежали, когда изрубил их Гедеон, да 8 их бежало в пустыню, 4 он изрубил...».

Помимо подобных политических, военных и этнографических сведений, «Повесть временных лет» содержит также сведения об этногенезе «торков», в том числе, и туркмен: «...а Измаил родил 12 сыновей, от которых пошли **торкмены**, и печенеги, и торки, и куманы, то есть половцы, выходящие из пустыни...». Правда, такие сведения опираются на легенды.

С покорением Казани и Астрахани «трухменны», «трухменские степи» уже становятся соседями Московского государства. Расширение и углубление контактов России с туркменами обусловили обогащение информации о последних, особенно с появлением «внутренних» (для России) туркмен, начиная с XVII в. Дальнейшее «освоение» туркменских степей, на фоне поиска путей к восточным странам, заверши-

лось в конце концов их завоеванием. Появляются многочисленные источники, описывающие страну и народ.

Итак, ранние сведения о туркменах, содержащиеся в русских письменных исторических источниках, в первую очередь, в русском летописании, имеют немалое значение для исследования разных аспектов истории туркмен. Прежде всего они представляют интерес с точки зрения миграции туркменских племён в X—XI веках. Во-вторых, они ценны для выяснения ареала известности туркмен среди стран мира, в первую очередь, на Руси. В-третьих, они показывают наличие определённых связей между туркменами и Русью. В-четвёртых, они способствуют уяснению и освещению ряда вопросов как политической, так и культурной и этнической истории туркмен той эпохи.

М. Б. ОРАЗОВ (АШГАБАТ)

ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТУРКМЕНИСТАНЕ

Высшая школа развивается в удивительное время — время эпохальных перемен в общественно-политической, экономической, духовной жизни независимого нейтрального Туркменистана. Развитие образования современного Туркменистана напрямую связано с концепцией развития нашего общества. Новое время требует от высших учебных заведений специалистов высокого уровня, людей широко мыслящих, преданных идеям нашего Президента, любящих свою Родину. Вся структура сегодняшнего вуза Туркменистана направлена на решение этих задач. Как сказал наш великий Сердар Сапармурат Туркменбаши: «Наука, образование, культура в XXI веке должны лечь в основу переустройства общества».

Лидер нашей страны с высокой степенью точности определил стратегию проводимых реформ, их общее содержание, движущие силы, перспективы развития нашей Родины, главные направления политических, экономических и культурных преобразований. Одной из приоритетных реформ является реформа в области образования, над реализацией которой высшая школа Туркменистана работает с мая 1993 года.

За годы независимости в стране созданы новые вузы, факультеты, введены новые специальности. Сейчас в Туркменистане насчитывается 16 высших учебных заведений, из них 3 университета, старейшим из которых является Туркменский государственный университет им. Магтымгулы. В его составе появились такие новые факультеты, как факультет права и международных отношений, факультет международного бизнеса и менеджмента, теологический факультет и целый ряд новых специальностей: мировая экономика и международные отношения, международное право, международный бизнес и менеджмент, журналистика, востоковедение, французский и турецкий языки, экология, метеорология, психология и др.

Флагманами учебной, воспитательной и научной подготовки студентов в стране являются университеты. Кроме того, именно им, после расформирования Академии наук, отводится ведущая роль в развитии научно-технического прогресса страны. На них возлагается задача по реализации указания Президента Туркменистана как в области подготовки высококвалифицированных специалистов мирового уровня, так и в разработке научных, методических рекомендаций по совершенствованию учебного, научного и воспитательного процесса для других вузов. Университетская система, дающая своим воспитанникам фундаментальное образование, способна решать эти задачи. Опыт развития науки в ведущих странах мира свидетельствует о том, что именно университеты являются центрами научных изысканий и генераторами основных идей и направлений как в духовном, так и в техническом аспектах. В период реформирования научной системы страны Туркменский госуниверситет стал центром формирования научных взгля-

дов, инициатором в в выработке генеральной стратегии развития жизненно важных научных направлений. Только в этом учебном году на базе ТГУ было проведено около 30 научных конференций, в том числе международные, межвузовские, вузовские.

Результаты научных исследований находят отражение в монографиях, научных статьях, учебниках и учебных пособиях, а также используются в учебном процессе и производственной сфере.

Сегодня, когда быстро меняется содержание знаний, идёт усиленное его приращение и постоянно возникает потребность в конкретных видах знания, очень остро встаёт вопрос о том, чему и как учить студентов. Для этого в новых учебных планах наряду с базовой фундаментальной и профессиональной подготовкой специалистов нашли отражение дисциплины, обеспечивающие реализацию национальной политики Сапармурата Туркменбаши, направленные на изучение студентами историко-культурного наследия туркменского народа, блока социально-политических и экономических дисциплин.

По нашему мнению, дальнейшее успешное развитие университетского образования в Туркменистане может быть достигнуто путём реализации таких важных направлений реформирования образования как гуманизация, гуманитаризация, интеграция, фундаментальность, демократизация, компьютеризация и непрерывность образования. Несколько слов о каждом из них.

Гуманизация образования предполагает большее внимание общества к личности, её психологии, интересам, запросам. Особое внимание должно быть уделено нравственному воспитанию человека, что может быть достигнуто с изучением в университете священной книги туркмен «Рухнаме». Историческое прошлое туркмен свидетельствует, что это высокодуховный народ. С обретением независимости Президент Сапармурат Туркменбаши дал возможность восстановить наше культурное наследие и нравственные идеалы, представленные жемчужинами духовного наследия — «Огузнаме», «Горкут Ата», «Героглы». Сегодня наше общество испытывает огромную потребность не только в широкообразованных, но и гуманных людях. Гуманистическая ориентация становится всё более необходимым условием выживания всего человечества.

Гуманитаризация образования означает увеличение доли гуманитарных знаний при подготовке любого специалиста в вузе. Сегодня ясно, что образование в вузе должно включать не только узкоспециальную подготовку, но и формировать личность, воспитывать гражданские качества, учить студента современным формам общения, готовить его к жизни в быстро меняющемся мире, развивать у него способность самостоятельно осваивать новую информацию.

С обретением Туркменистаном независимости расширяются его международные связи. Для их успешной и эффективной реализации представителям нашей Родины необходимо гуманитарное (широкое) образование, т. е. помимо специальности важно хорошее знание языков, философии, права, экономики, политологии. Глубокое гуманитарное образование и его гуманистическая направленность обеспечивает специалисту целостное мировоззрение, опирающееся на всесторонние научные знания.

Фундаментальность образования. В условиях, когда наука развивается стремительными темпами, остро встаёт вопрос о необходимости систематизации всего накопленного знания, выявления в нем главного и второстепенного, имеющего фундаментальное значение и связанного с решением отдельных конкретных задач. Повышение фундаментальности образования обеспечивает преимущество разных его форм, возможность самообразования любого человека и приобретение им знаний из самых разнообразных источников.

Компьютеризация образования. Информатизация образования является важнейшим шагом на пути к созданию информационного общества — общества XXI века.

Интеграция образования — это создание единой системы образования для разных стран. Сегодня явственно проявляется стремление к интеграции образования как на национальном, так и мировом уровнях. Она подразумевает прежде всего совместимость различных форм и систем обучения, которая обеспечивала бы его преемственность.

Так, Туркменский государственный университет успешно сотрудничает с вузами как ближнего, так и дальнего зарубежья. В последние годы расширилось сотрудничество с вузами России, США, Англии, Германии, Италии, Ирана, Турции и др. в области подготовки, переподготовки кадров и повышения их квалификации. Учитывая потребность нашей страны в специалистах международного уровня, был подписан договор о сотрудничестве между Туркменским госуниверситетом им. Магтымгулы и университетом Техаса Эй энд Эм. Профессорско-преподавательским коллективом университета с участием экспертов Техас Эй энд Эм был создан учебный план на уровне мировых стандартов с учётом нашей системы образования по подготовке специалистов в области финансового менеджмента, информационных систем в экономике, мирового финансового рынка, международного маркетинга, международного бизнеса со знанием английского языка. В рамках Договоров о взаимном сотрудничестве между Туркменским госуниверситетом и Институтом археологии Российской академии наук, Институтом археологии при Варшавском университете и Итальянским институтом Африки и Азии (г. Рим) проводятся археологические работы по изучению древних цивилизаций на территории Туркменистана, в которых принимают участие и студенты ТГУ. В соответствии с Договором о сотрудничестве с Институтом Азии и Африки при МГУ в Туркменском госуниверситете прочитали цикл лекций специалисты по арабским и тюркоязычным странам для студентов, обучающихся на специальности востоковедение. Тесные контакты установлены с Мешхедским университетом им. Фирдоуси (Иран), с Улудагским университетом (г. Бурса, Турция).

Совсем недавно заключен новый договор с Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова, с Санкт-Петербургским государственным университетом и Государственным техническим университетом г. Санкт-Петербурга, с тем вузом, где учился наш Президент Сапармурат Туркменбаши.

Договоры будут способствовать обмену учёными, преподавателями, студентами, будет оказана помощь в повышении квалификации преподавателей, в реализации передовых методов обучения, в проведении совместных симпозиумов, конференций, в разработке совместных научных проектов и программ.

Демократизация образования касается и управления и реализации всего учебного процесса. Демократизация проникает и в само содержание образования, которое всё больше ориентируется на реализацию в системе образования неотъемлемых прав человека, приобщения его к общечеловеческим ценностям, на формирование духа взаимопонимания между разными народами, на уважение чужих взглядов.

Непрерывность образования. Беспрецедентный динамизм нашего времени, быстрая смена технологий, постоянная потребность в новых знаниях породила качественно новую проблему образования. Появилась концепция непрерывного образования, которое сопровождало бы человека всю жизнь и стало бы неотъемлемым компонентом его образа жизни. В связи с этим университетам явно предстоит взять на себя роль центра по переподготовке научных и педагогических кадров, потребность в чём сейчас ощущается особенно остро.

Целью современной стратегии реформирования вузовского образования является достижение качества, отвечающего требованиям XXI века. Именно благодаря ему возможно дальнейшее эффективное развитие нашей Родины.

И. БОСТАН (ТУРЦИЯ)

ТУРКМЭНЫ И МОРЕХОДСТВО ¹

Мореходство всегда способствовало связям между людьми, государствами, цивилизациями, содействовало развитию социальных, экономических и политических отношений.

Мы обладаем документами, свидетельствующими о том, что некоторые группы туркмен активно занимались судоходством как на озере Байкал, так и на Каспийском море.

Воинство огузов всегда стремилось к завоеваниям как на суше, так на морях и реках. Об этом свидетельствуют материалы огузских дестанов. Многие из них содержат морскую и мореходную лексику, что подтверждает тот факт, что туркмены были связаны с мореплаванием. Одним из показателей этого можно считать то, что некоторые туркменские вожди в прикаспийской зоне давали своим детям имена Денис (Тенгиз).

Знаменитые исламские географы сообщали в своих работах сведения о туркменских мореплавателях и торговых судах на Каспии.

Большой интерес представляет также изучение Каспийского моря, предпринятое турками-османами. Любопытны их взгляды относительно местоположения рек и морей региона.

S. NAQVI (INDIA)

THE SOCIO-CULTURAL CONTRIBUTION OF THE QUTB SHAHIS OF TURKMENISTAN TO DECCAN

The Indian Peninsular can roughly be divided into North India, Central India, Deccan and South India. The Deccan during the medieval Period was generally taken as the region from south of Narmada river in which the Tamil and Malabar region were not included.

While the north and central India was being governed by the Sultans of the Delhi Sultanate, there was only one muslim kingdom in Deccan, the Bahmanis (1347—1538 AD). The decline of the Bahmani Kingdom resulted in the emergence of five independent kingdoms. The kingdom of Golconda was one among them which extended from Kalinga ghat in the east to Arcot in the West and from the Southern bank of river Godavari in the North to St. Thome in the South.

The founder of the Kingdom Sultan Quli, who had been in the service of the Bahmani Sultans, holding different Posts finally became the Tafdardar of Telangana. It was here that he declared his independence and fought war after war until the Golconda kingdom was firmly established. The difficulty which a scholar faces while studying the history of Golconda Kingdom is, that the historians of the period do not distinguish between the people of Turkmenistan and Iran. They call both of them as Iranian. But as far as the identity of Sultan Quli is concerned it is confirmed that he was from Turkmenistan. His genealogy is written over the fly-leaf of the book named *Kanzu'l Lughat* by the sixth ruler Muhammad Qutb Shah. The manuscript is preserved in Salar Jung Museum library, Hyderabad.

Looking at the genealogy and elaborating it with the help of other related information the identity of Sultan Quli and his successor, who were called as Qutb Shahs gets its confirmation. Sultan Quli belonged to the Turkmen tribe Qara Quyunlu, which had black sheep as its emblem. The genealogy takes us up to Qara Muhammad the chief of the Qara Quyunlu tribe. Sultan Quli was the son of Uwais Quli a descendant of Qara Muhammad.

¹ Резюме с турецкого текста.

The Society in the Kingdom of Golconda was heterogeneous in composition. The two main constituents of it were Muslims and Hindus. They were divided and subdivided in to castes, creeds and sects. The most difficult task in front of Sultan Quli was to unify this society and bring harmony and tolerance in them. Added to this was his vow to declare Shi'at Islam as the state religion.

It was right from the foundation of the Kingdom that Sultan Quli was aware of these problems. But his earlier years were spent in wars and consolidation of his Kingdom, in spite of this he adopted a liberal religious policy accommodating people of all the religions and sects. He appointed a large number of Hindus over the high posts of both civil and military administration. By this time the number of Iranian immigrants had enormously increased. They formed not only the nobility of the Golconda Kingdom, but also were the main architects of the cultural progress.

The other project of Sultan Quli was more difficult. It is a strange coincident of history that Shi'at Islam was simultaneously declared as state religion in Iran by Shah Ismail Safavi and in Bijapur by Yousuf Adil Khan in 1502 AD. Yousuf Adil Khan ordered Naqeeb Khan to climb the Pulpit and give Shi'a Azan and there after recite Qutba in the names of twelve Imams. The reaction to this in Deccan was serious, not only the Sunni nobles openly showed their discontentment, but a confederacy of the Sunni Sultans was assembled under the Bahmani Sultan to attack Adil Shahi Kingdom. Yousuf was forced to make suitable adjustments in his orders and made it optional to give Azan and recite Qutba according to the will of the governors.

Sultan Quli belonged to a Shi'a tribe, therefore he was a Shi'a by birth. But contrary to Yousuf Adil Khan he did neither followed Shah Ismail of Iran nor hurried his action. He waited for a few years patiently pursuing his policy of religious tolerance. When the conditions were suitable, he fulfilled his vow. Tareek Muhammad Qutb Shah confirms this quoting his actual words. The sultan one day addressed Sudr-e-Jahan and said «It is now nearly sixty years since I was first engaged in spreading the banners of the faithful. I also swear by the prophet and the descendants of Hazrat Alt that if ever I succeeded in establishing my independence, I would promote the faith of the followers of Twelve Imams in parts Where the banners of the faithful had never before waved».

Sultan Quli too declared Shi'at Islam as state religion and got the Shi'a Azan given and Qutba delivered in the name of twelve Imams. But there was no reaction to it from inside or outside the Kingdom. The policy laid down by Sultan Quli was followed by his successors honestly. Two of them need special reference among them. Ibrahim Qutb Shah, the fourth ruler, patronised the Telugu literature and awarded so richly to the poets of the local language that he was considered by them as one of the coronation of their God Rama. Though Ibrahim adhered to the laws of his religion, yet his broad base policy resulted in bringing the local population nearer to the court and infuse in them the loyalty towards the rulers of the Qutb Shahi dynasty.

The other one was the fifth ruler Muhammed Quli Qutb Shah, the architect and builder of the Hyderabad city in 1591 AD. It was Muhammad Quli who firmly established the norms of the culture which is now known as Hyderabad culture. He did not interfere with the laws and customs of any religion, nor forced the people to adopt his beliefs, instead he concentrated over the formation of the culture which could accommodate people of all the religions and sects.

The institutions which helped him most to achieve this were the Ashur Khanas (Hussainias), the buildings, where the Alams, the protocopies of the standards of Imam Hussain carried in the battle of Karbala, were housed. Muhammad Quli built an Ashur Khana soon after the completion of charminar, the first central building of Hyderabad. He started Azadari in it on a large scale. His contribution is that he popularised the Alam of Imam Hussain as the symbol of Piousness, Piety and turth. He got opened the gates of not only his Ashur Khana which was called Baad Shahi Ashur Khana But also a number of other Ashur Khanas built after it all around Hyderabad for all the people irrespective of religion, sect,

caste or creed. Everyone whether Hindu or Muslim was allowed to enter the Ashur Khana and pay respect and participate in Azadari according to his own way. The Azadari soon spread all over the Qutb Shahi Kingdom including small villages. It still exists and in villages the Hindus erect Alams and recite poems in their own language.

The impact of this cultural unity was reflected in all the aspects of culture. It is more evident in Architecture and literature. The buildings which remained as monuments of the Qutb Shahi period are mosques, tombs of the Sufi Saints, Ashur Khanas in the list of religious buildings and Charminar, Darulshifa, Golconda fort and tombs of the Qutb Shahi Sultans in the list of non religious buildings. The Qutb Shahi architecture is a combination of Iranian, central Asian and South Indian styles of architectures. But the Iranian influence is comparatively more than the others. The Qutb Shahs exhibited their liberal outlook even in their buildings. They used the Hindu symbols such as lotus leaves, beads, pots etc even in religious buildings taking all the care that these should not damage the piety of the building. To conclude my synopsis I would like to submit that the contribution of the Turkmenis Qutb Shahis to the socio-cultural formation and progress was remarkable and outstanding.

R. L. HANGLOO (INDIA)

MUHAMMAD BAIRAM BEG «KHAN» TURKOMAN

(estimate of an Atalig 1507—1560)

During the hundred years following the middle of 17th century AD when there was a keen contest for land in *Central Asia* among the *Chinese*, *the Arabs*, the *Turks* and the *Turfans*, the people from Central Asian territories sparsely spread to various parts of the World. From time to time many of them also came to India accompanying invading armies, *sufi saints*. *Caravan traders*. *Artisans and political fugitives*. In course of time their migration to India established a close and vibrant relationship between the people of Central Asia and India. Gradually, this also helped the transfer of political power from Indians to Turks in various regions of India. As a result the establishments of *Turkish Sultanate at Delhi* (1206 AD), *the Shamir Sultanate in Kashmir* (1339 AD), *the Bahmani Sultanate in Deccan* (1347 AD), and the *Khajji Sultanate or rule in Bengal* came into existence. *These Sultanates further promoted and patronized the growth of Indo-Central Asian ties at various levels*. But it was finally with the establishment of mighty Mughal Empire in 16th century India that this relationship bloomed into various institutional forms which have been intensely debated by scholars for several decades now. In this process the most significant and crucial contributions by some individuals (without whose initiative and effort sometimes the history of India would have been otherwise) have unfortunately followed a serious neglect. While examining the role of individuals in history, the most celebrated historian of the present century. Marc Block has very rightly said, «Behind the features of landscape, behind tools or machinery, behind what appears to be the most formalized written documents and behind institutions which seem almost entirely detached from their founders, there are men and it is men that history seeks to grasp. Failing that, it will be at best but an exercise in erudition...». ***Mohammad Bairam Beg Turcoman, popularly Known as Bairam Khan and Khan-i-Khanan is one such neglected individual in Mughal history, who has unique contribution in the restoration of Mughal rule in India which further resulted in strengthening Indo-Central Asian linkages.*** Therefore this organisation of the celebration of 500th birth anniversary of Bairam Khan is naturally the most appropriate occasion for us to provide profound estimate of this founder of Mughal Empire in 16th century India.

From the evidence that is available to us regarding his ancestry it becomes clear that he descended from the famous *Turkoman Tribe of Qara-Quyunlu*. His ancestor was Ali *Shakur Beg Baharlu*. Baharlu was the principal clan of *Qara-Quyunlu Turkoman*. It was during the time of *Qarayusuf* and his son *Qara Sikandar* that Mirza *Jahan Shah* was the

ruler of Iraq and *Ali Shakur Beg Baharlu was the Governor of Daynoor, Hamadan and Khurdistan*. Interestingly even after the death of Ahshakur Beg these areas were known after him as his possessions. Through All Shakur Beg the Baharlu clan was linked to *Timurids*. Among the Prominent descendants of this clan were *Sher Ali Beg, Yar Ali Beg, Peer Ali Beg and Saif Ali Beg*. Sher Ali Beg wanted to serve Sultan Mahmud when sultan Abu Said Mirza (1452—1467) died but Sultan Mahmud did not offer turn any assignment. As a result Sher Ali left for Kabul and within six months he collected nearly eight, hundred soldiers who were joined by *Turkomen and Sistanis* and wanted to capture *Shiraz* but was badly defeated by the amirs of late *Uzun Hassan of Iraq*. However, Sher All reorganised his forces and fought with Sultan Hussain of Herat but was killed and his forces scattered. His son *Yar Ali Beg* was employed by *Khusrau Shah of Qandhar* and attained a great fame at his court. When *Babur* defeated *Khusrau Shah* and captured his possessions Yar Ali and his son *Saif Ali* also entered the services of Babur. *Yar Ali* was appointed as *Governor of Gazni* by Babur but he died within days of assuming the governorship of Gazni and ultimately this governorship of *Gazni was handed over to his son Saif Ali Beg*. Bairam Khan was the son of Saif Ali Beg. From all this description it becomes convenient to establish that the ancestors of Bairam Khan were brave, adventurous and illustrious who always found their pleasure in strange and respectful places and in spite of their positions, prosperity and political wisdom they were always as unsettled as any other political elite of Central Asia.

Bairam Khan was born at Badakhshan but when his father Saif Ali Beg died he shifted to Balakh where he got his early education at Madrasa. He treated both Persian and Turki Languages as his mother-tongue. Although Bairam Khan was very Intelligent and a man of great literary tastes from very early days but it were the influences at the Court of Babur that stamped the impressionable mind of this young Turkoman. He saw many celebrities of his days at the Babur's Court and would have certainly listened to a great deal of conversations on varied subjects dearer to him at an age when many of his age grouping in the dark. He was deeply influenced by the humanistic tendencies of his age and was very liberal and modest ill his personal life.

He was sixteen years old when he took the charge of Personal attendant and advisor to *Prince Nasir-ud-din Humayun* at Kabul. Humayun was very much impressed with the mental make up of Bairam and they became very close friends. However, after the death of Emperor Babur the whole responsibility of maintenance of Mughal sovereignty in India fell on the shoulders of Bairam Khan. He had to perform in many roles in Indian political theatre to establish the mighty Mughal empire in India. Bairam took great interest in the political affairs of Humayun at *Badakhshan, Kabul, Gazni, India and Persia*. Emperor Humayun was so much impressed with Bairam Khan that he appointed him as the. Chief Amir and gave him the charge of keeper of the royal seals (Muhardar) an assignment only offered to the most trusted men by the rulers.

Humayun bestowed upon Bairam Khan the title of Khan-i-Khanan the greatest courtier of his Kingdom. *He was the Commander In-chief of the forces and the Chief Councillor to Humayun.* Some of the Humayun courtiers did not like Bairam Khan being raised to such stature by Emperor. It was because of Bairam Khan's efforts that many people visited Humayun's Court from *Turan, Balakh, Bukhara, Samarkand, Uzbekistan* and many others parts of *Central and West Asia*.

Humayun appointed Bairam Khan as the tutor of Akbar in addition to his other responsibilities.

Bairam Khan was proceeding to Lahore to subdue Afghan chief Sikander Sur but on the way he learnt about the death of Emperor Humayun on 26th of January, 1556. For some-time Bairam Khan kept the death of Humayun concealed till he mounted Akbar on the throne of his father. On February 14th, 1556 the coronation of Akbar took place a *Kalanur*.

At this time the Mughal Empire extended to Delhi, Agra and a small portion of Punjab and the age of Emperor Akbar was only 13 years.

Therefore the difficult task of maintenance of the Mughal sovereignty and training the young sovereign for governing the Mughal possession again fell on Bairam Khan. But both the responsibilities were shouldered by Bairam Khan with great competence. *Akbar had a great respect for Bairam Khan. He not only reaffirmed the title of Khan-i-Khanan on him but also made him. Vakil-al-sultanate of Mughal Empire in India.*

However, Bairam Khan's selfless and skillful handling of the affairs of Mughal Empire was not liked by a group of nobles at the Mughal court.

Being jealous of his powerful position, they tried to hatch conspiracies one after the other. This conspirational group included the members' of both royalty and nobility such as Maham Anga, Mohammed Sadiq Khan, Adham Khan and Shihabuddin Khan (Governor of Delhi) and Mirza Sharif-ud-din. As a result Akbar was finally constrained to divest Bairam Khan of his powers and position. However, Bairam Khan gladly handed over the charge and was not at all disappointed because he knew that Akbar was surrounded by selfish clique which fed him with let of misinformation. *Bairam Khan wanted to go on Haj pilgrimage but on his way at Patan, the capital of Gujrat the ruler Musa Khan faulad and his vakeel Haji Khan Alwari welcomed Bairam Khan warmly. He wanted to stay there for few days but on 31st January, 1561, he was killed by an Afghan Mubarak Khan Lohani.* Although with this the life of an Ataliq come to an end but the contribution of Bairam Khan Khan-i-Khanan in restoration of Mughal sovereignty in India is so significant that he will always be remembered with great reverence by the people of both the countries of India and Turkmenistan.

A. REHMANI (PAKISTAN)

BAIRAM KHAN THE REAL BUILDER OF MUGHAL EMPIRE

Bairam Khan as Aq-quyanlu Turk by origin, was blessed with all racial characteristics which developed him as a valiant soldier and an able commander. As a noble family of Central Asia, his forefathers had enjoyed prominent position in the courts of Timurids and Aq-quyanlu rulers, and as such he emerged as an efficient organizer and a man of action with a genius for leadership.

Bairam Khan probably was born 02 A.H./1497 AD at Qila-i-Zafar in Badakhshan. His mother Nakibi Khanum came of the family of a Naqshbandi Khawaja. His grandfather Yar Ali Beg served first at the court of his uncle Sultan Mahmuds and Badakhshan and later to Khusrau Shah at Qunduz. After the defeat and fall of Khusrau in 1504—05 Yar Ali Beg with his son Saif Ali Beg entered the service of Babur. Yar Ali accompanied Babur against some campaign in Central Asia. He also held governorship of Ghazna which Babur conquered in October 1504. His son Saif Ali Beg, father of Babur, served in the court of Ghazna. Saif Ali Beg died before the conquest of India by Babur in April 1526.

Bairam joined the service of Babur at the age of sixteen. As he was related to the Timurid rulers, he was seen with favour and respect. Pasha Begum, the sister of his great grandfather, was Babur's paternal aunt as well as mother in law. Though young in age, Bairam was given precedence in the court of all the nobles. While yet a boy, Bairam was appointed as an accountant, a position which he held with success, Babur seems to have been highly impressed by his ability. He is said to have remarked to his son Humayun that if he had not such a wise and competent son like him, he would have called Bairam Khan his son and nominated him as his successor.

The ability of young Bairam Khan attracted the attention of Prince Humayun who begged his farther to give Bairam Khan in his service. To this Babur gave willing consent. Bairam's genial manners, his loyal service, his poetic vein as well as his knowledge of music very much pleased the Prince and he promoted Bairam to the rank of his intimate companions. While serving the Prince, it is recorder that young Bairam distinguished himself in a battle and on learning this, Babur called him to his presence and conversed with him and

in recognition of his ability, he granted Bairam the privilege of attending the court side by side with Prince Humayun. Bairam came to Hindustan along with Bahur but whether he took part in the historic battle of Panipat is not mentioned in any chronicle. It is quite probable that he took part in all the campaigns under Prince Humayun and assumable he gave ample proof of his talent and promise of his future greatness. According to Ahmed bin Bahbal, «He showed his attainments in assemblies, gave proof of gallantry and soldierly gifts in battles and thus he obtained the intimacy and companionship of the Prince and became one of the distinguished members of Babur's court».

When Humayun succeeded Babur in 1526, Bairam had already developed deep insight in administrative, political and war strategy. As a loyal and faithful companion of Humayun he was wholeheartedly well-wisher of Humayun and desirous of stability of his government. He serves him as his companion, soldier commander, diplomat, administrator and companion in exile. He participated in such capacities in his government quite actively till Humayun's death in 1556. When Akbar was enthroned as a boy of thirteen, he protected him as elderly patron and worked for the success of stability of his government. He even fought with his enemies with a great courage and valiant and ultimately due to his successful war strategy won over the enemies. Some of the historians hold view that the early days of the rule of Akbar were in reality the rule of Bairam. He remained with Akbar as a loyal and faithful counter, able commander and wise diplomat till his treacherous death in 1561.

Historically it is on record that Bairam was just making room for himself in the court of Babur. But during the reign, of Humayun, he was quite active as counsel, administrator, soldier, diplomat, organizer, politician, etc. It was due to his ability that Mughal Empire was restored once again under Humayun. With the advent of the rule of Akbar he emerged as a promoter of Mughal Empire, an efficient planner of war strategy and a powerful commander, a great diplomat and a seasoned politician. It was due to his active participation that Mughal Empire in spite of Akbar adolescent age had survived and flourished as one of the magnificent empires in the Muslim history.

This paper intends to cover the administrative, organizing commandant, political and diplomatic rule of Bairam which had ultimately built the Mughal Empire with the lofty imperialism of Akbar and fabulous magnificence of Shanjehan.

А. А. КАЛАНТАРЯН (АРМЕНИЯ)

МАВЗОЛЕЙ ТУРКМЕНСКОГО ЭМИРА ПИР-ХУСЕЙНА

В С. АРГАВАНД АРМЕНИИ

(историко-архитектурные аспекты)

1. После разложения господства монголов в разных районах Армении утвердились туркменские племена. Правление эмиров Кара-Коюнлу (1380—1468 гг.) охватило большую часть Южной и Центральной Армении. Впервые об этом сообщают историк Товма Мецопеци и Памятные записки армянских рукописей XV в. После ухода Тимура, в 1387 г. в районе Карса правил эмир Саад, который считается основателем эмирата. Данные памятных записей утверждают, что в 10—20-х гг. XV в. в Араратской области правил Пир-Хусейн, сын Саада, который расширил границы эмирата и провёл строительные работы в гор. Карсе.

2. Араратская долина по имени Саада называлась Чухур-Саад (Саадова котловина), а туркменские племена, которые утвердились в долине и в прилегающих областях, именовались Саадлу. Данные об эмирах Саадлу весьма скудны. Можно лишь восстановить следующую генеалогическую лестницу: Саад (80-ые гг. XIV в.), Пир-Хусейн, сын Саада (начало XV в.), Пир Гаиб и Абдула, внуки Саада (20—30-е гг. XV в.), Якуб-бек (40-е гг. XV в.), Хусейн (50-е гг. XV в.), Хасан Али (60-е гг. XV в.).

3. Самое яркое лицо в этом списке — это Пир-Хусейн, годы правления которого характеризуются тем, что «взимали много налогов, однако мир не нарушался мятежами». Пир-Хусейн, по скудным сведениям источников, провёл восстановительные и строительные работы в Чухур-Сааде. Ярким выражением этой деятельности является и мавзолей села Аргаванд близ Еревана.

4. Мавзолей построен из местного красного туфа. Сооружение высотой в 12 м — двенадцатигранное, имеет гладкие стены. Угловые переходы граней имеют полуколонны с волнистыми узорами — характерный элемент армянской средневековой архитектуры. Нет сомнения, что мавзолей был построен армянскими мастерами и зодчими. Об этом свидетельствуют также метки мастеров на камнях. Купол целиком был покрыт синими изразцами.

5. Широкий пояс фриза покрыта высеченной по распоряжению эмира Пир-Хусейна в 1413 г. арабской надписью, которую опубликовали А. Папазян и А. Хачатрян. Этот уникальный документ строительно-мемориального характера сообщает очень интересные данные для истории не только армянского, но и туркменского народов. В этой надписи Пир-Хусейн выступает как политический деятель и попечитель учёных и ищущих [знания]. В надписи не упомянуты имена похороненных лиц.

6. В 1998 г. экспедицией Института Истории Туркмении были проведены раскопки на территории памятника в подвальном этаже мавзолея. После расчистки усыпальницы (проводилась сверху через проём пола), выяснилось, что в плане это квадратная композиция (2.5 x 2.5 м), стены которой оформлены арками с купольным перекрытием. В северной стене устроен вход в подвал по каменным ступеням. На полу расчищены разрозненные останки четырёх погребённых. Лучшее сохранился один скелет, который позволил установить обряд захоронения, исполненный соответственно предписаниям ислама.

7. Архитектурный облик мавзолея и археологические материалы, обнаруженные во время раскопок, характерны эпохе, когда было возведено здание. Мавзолей — типичный памятник мусульманской архитектуры, не только по пространственно-планировочному решению, но и по архитектурному декору (изразцы купола) и монументальной надписи. Как правильно было указано руководителем экспедиции Х. Юсуповым, «в основе аргавандской гробницы положена идея мусульманского погребального сооружения, но она выполнена армянскими мастерами». Отсюда и вытекает вопрос об аналогиях подобным сооружениям в Закавказском регионе, в частности, в Армении.

8. Исследование мавзолея с. Аргаванд учёными обоих республик — новый шаг в изучении вопросов политических, исторических, культурных взаимоотношений между армянским и туркменским народами.

В. ГРИГОРЯН (АРМЕНИЯ)

АРМЯНСКИЕ ПЕРВОИСТОЧНИКИ

О ТУРКМЕНО-АРМЯНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В XV ВЕКЕ

В 1401 г., победив джелаиридов и отняв у них Багдад, Кара-Юсуф на территории исторической Армении и Северного Ирана создал Туркменское государство Кара-Коюнлу. Его деятельность и проводимая внутренняя и внешняя политика нашли своё отражение в трудах ряда армянских авторов того периода (анонимный продолжатель хронологии Самуэла Анеци, Товма Мецопеци, Киракос Рштунеци, Ованес, Закария, Григор, Саргис Амокеци и Матеос Монозон). Они характеризуют Кара-Юсуфа как сильного политического деятеля, сумевшего за короткое время консолидировать своих сторонников, вооружить, обучить и одержать победы над противниками. Они особо отмечали, что в истерзанной, разграбленной Тимуром армянской

стране пришёл наконец полководец, который способствует воцарению там мира и которому удаётся возобновить в стране мирное строительство.

В благодарность Кара-Юсуфу за доброе отношение к армянам, некоторые из армянских авторов стали называть его Торгомян. Торгом считался одним из праотцев армян и, следовательно, Торгомянами армяне называли только соотечественников.

Его сын Искандар в течение 16 лет властвования (1421—1457 гг.) борясь за укрепление и усиление государства Кара-Коюнлу опирался и на армян. В войнах, которые он вёл против Ак-Коюнлу и Шахруха, участвовали и армяне.

Нужно отметить, что Искандар считал себя царём армян: «Шах-е Армен». Одним из наиболее приближённых к Искандару лиц был эмир Рустам, из рода Орбелянов. После нанесения поражения Осману из Ак-Коюнлу в 1456 г. недалеко от Эрзерума, Искандар, при возвращении в Восточную Армению, привёл с собой большое количество армян, которых заселил в Араратской долине и в Восточной Армении.

С особой теплотой армянские авторы упоминают Кара-Коюнлу Джаханшаха (1452—1467), потому что при его активном вмешательстве в жизни армянской церкви в 1441 г. произошло значительное событие — престол армянского католикоса, который со дня принятия Арменией христианства в 501 году находился в Эчмиадзине (близ Еревана), был переведен в Киликийскую Армению — город Сис. Но затем опять возвратился в Эчмиадзин.

У Джаханшаха было особое отношение к армянской церкви. Наилучшим подтверждением этого являются указы его, а также других туркменских падишахов, оригиналы которых хранятся в Мазандаране. Согласно этим указам, земли армянских монастырей Гатев и Вагуды (Восточная Армения) и урожай от них освобождались от податей. Армянская церковь была вообще освобождена от уплаты государственных налогов, но это право часто нарушалось, поэтому возникала необходимость заново утверждать его, и Джаханшах и другие туркменские падишахи делали это своими указами (см. указы Джаханшаха от 1449 г., Бегум Хатун от 1468 г., Узун-Хасана Ак-Коюнлу от 1473 г., Ягуба от 1487 г., Рустама от 14?? г.).

Всё это делалось с целью завоевания симпатий и доверия армян, которые оказывали туркменским падишахам не только экономическую, но и военную поддержку в период их многочисленных войн и нашествий.

П. А. ЧОБАНЯН (АРМЕНИЯ)

РОЛЬ ТУРКМЕНИСТАНА В РУССКО-ИНДИЙСКОЙ ТОРГОВЛЕ И АРМЯНСКОЕ КУПЕЧЕСТВО В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.

Торговля России с Индией в XVIII—XIX вв. производилось либо через Закавказье и Иран, либо через Среднюю Азию. Армянское купечество активно участвовало как в русско-иранской, так и в русско-индийской торговле.

Во второй половине XVIII в. в восточной торговле России наблюдается повышение удельного веса среднеазиатских, закавказских, и в то же время уменьшение удельного веса персидских и индийских купцов. До 30—40-х гг. XVIII века русско-индийская торговля преимущественно велась через закавказские торговые пути и по Каспийскому морю. Но во второй половине XVIII в. возросла роль Средней Азии и её караванных путей в Индию. Постепенно на Восток переезжали также закавказские и, в частности, армянские купцы. Правительство России предприняло меры для установления более конкретных, прямых контактов со Средней Азией, будучи заинтересовано также в открытии новых, более удобных торговых караванных путей через Среднюю Азию в Афганистан и Индию. Туда были отправлены дипломатические и торговые миссии Богдана Асланова, С. Мадатова, Ивана Муратова и др.

В развитии торговых и дружественных отношений с Россией были заинтересованы также среднеазиатские купцы и правители, представители которых часто появлялись в России с предложениями о расширении торговых отношений. В разных проектах конца XVIII — начала XIX в. о расширении русско-индийской торговли авторы предлагали, исходя из повседневной практики и изучения реальных возможностей, удобство того или иного торгового пути в Индию. В этих проектах часто отмечаются также имена многих крупных купцов, в том числе и армян, занятых в русско-индийской торговле.

Туркменские представители, заинтересованные в развитии русско-индийской торговли через Среднюю Азию, сами предложили армянину Н. Калустову открыть в восточных побережьях Каспийского моря «торжище». Об этом свидетельствует директор астраханской таможни Иванов, который в своём проекте старался доказать своему правительству удобства Мангышлака и Астрабада на пути из Астрахани в Индию.

R. G. NEPEŠOWA (ASHGABAT)

SAPARMYRAT TÜRKMENBAŞYNYŇ PEDAGOGIK TAGLYMATY

Merhemetli Prezidentimiz Saparmyrat Türkmenbaşyň Garaşsyzlyk hem Baky Bitaraplyk taglymatyna esaslanýan Türkmenistan döwleti özüniň Altyn asyryna gadam basdy.

Altyn asyryň — XXI asyryň esasy ýörelgeleriniň biri bolsa Saparmyrat Türkmenbaşyň pedagogikasydyr.

Türkmenbaşyň pedagogik taglymaty özüniň gözbaşyny halk çeşmesinden alyp gaýdýar. Ol «Gorkut ata», «Görogly» eposlarynyň, halk dessanlarynyň, nakyllarynyň, Oguz hanyň, Baýramhanyň, Döwletmämmet Azadynyň, Magtymguly Pyragynyň pähim-paýhasyna esaslanýan we olary täze döwürde täze mazmunda ösdürýän taglymat.

Türkmenbaşyň pedagogikasy garaşsyz, bitarap türkmen döwletiniň gurulmagynda taplanan we indi özüniň anyk maksatlary, aýdyň ýollary bolan taglymatdyr. Bu taglymat garaşsyz diýarymyzda bilim sistemasyny, mekdep durmuşyny, okuw-terbiýeçilik işlerini, terbiýe bermegiň teoriýasyny we praktikasyny şu günüň, garaşsyzlyk hem bitaraplyk syýasatynyň talaplaryna görä ösdürmegiň ylmy-pedagogik we filosofik esasy bolup, milli ruha gaplanan türkmen pedagogikasynyň özenidir.

Türkmenbaşyň pedagogikasy ruhubelent, berk ynamly, aýdyň maksatly, aýgtyly hereketleri bilen diňe bir şahsýetiň abraýyny däl, eýsem bütin ýurduň abraýyny dünýä derejesinde tanatmagy başaran Sarpaly Serdarymyzyň şahsy göreldesidir.

Saparmyrat Türkmenbaşyň pedagogikasy onuň şahsy adamkärçiligine, adamlara bolan akýürekli, hoşniýetli gatnaşygyna esaslanýar. Bu taglymat Merhemetli Prezidentimiziň adamyň eşreti üçin edýän aladasyndan, ýagny zähmet hakynyň, pensiýalaryň, stipendiýalaryň ýokarlanmagy, gazyň, suwuň, elektrik togunyň mugt edilmegi, ölüm jezasynyň ýatyrylmagy ýaly asyly işlerinden, çagalar, ýaşlar bilen bolýan duşuşyklaryň netijesinden gelip çykýar. Sarpaly Serdarymyzyň adam hakdaky, esasan, hem ýaş nesil hakdaky atalyk aladasy onuň pedagogik taglymatynyň esasydyr we aýdyň ýüze çykmasydyr.

Saparmyrat Türkmenbaşyň pedagogik garaýyşlarynyň miwesi bolan Täze bilim syýasaty, «Türkmenistanda bilim hakynda» Kanun we beýleki maksatnamalar esasynda orta bilim berýän mekdepleriň, ýörite orta bilim we ýokary bilim berýän okuw jaýlarynyň işleri täzeçe guraldy: orta, ýörite orta we ýokary okuw jaýlarynyň okuw meýilnamalaryna, maksatnamalaryna milli ruhly täze dersler girizildi; bilim we terbiýe bermegiň täze görnüşleri bolan türkmen-türk mekdepleri, gimnaziýalar, liseýler, aýratyn zehinli çagalar üçin döwlet mekdep internaty we başga-da birmäçe okuw jaýlary açyldy.

Saparmyrat Türkmenbaşyň pedagogik taglymaty terbiýäni garaşsyzlygyň, bitaraplygyň öňe sürýän talaplaryna laýyk edip ösdürmegiň zerurlygyny görkezvär. Ol maşgala terbiýesine terbiýäniň gözbaşy hökmünde garaýar we onda ene-atanyň tutýan ornuna ýokary baha berýär; terbiýe mekdebi bolan halk ýaşullarynyň sözüne eýermegi öwredýar.

Türkmenbaşynyň pedagogikasy terbiýäniň esasy ugurlary (ahlak, zähmet, akyl, hukuk, gözellig, ykdysady, ekologik terbiýe) boýunça terbiýe teoriýasynyň ösmegine uly ýardam berýär. Medeni merkezleriň, çagalar köşkleriniň, milli muzeyiň, sport kompleksleriniň, «Serdaryň saglyk ýolunyň» açylmagy terbiýe teoriýasynyň praktikada özleşdirilmeginiň subutnamasydyr.

Saparmyrat Türkmenbaşynyň pedagogik taglymatynyň amaly ýerine ýetirilmegine bilim edaralarynda, şol sanda ýokary okuw jaýlarynda alnyp barylýan okuw-terbiýeçilik işleri hem şaýatlyk edýär. Muňa Döwletmämmet Azady adyndaky Türkmen milli dünýä dilleri institutynyň mysalynda hem aýdyň göz ýetirmek bolýar.

Merhemetli Prezidentimiziň aýdyşy ýaly, okuw prosesi täze okuw meýilnamalary we maksatnamalary boýunça alnyp barylýar. Olaryň 50% talyplaryň hünari boýunça praktikasyna berildi. Talyplar birinji kursdan başlap praktika geçýärler. Okuw prosesi iň täze tehniki serişdeler: häzirkä zaman audio-, wideo-, lingafon, kompýuter tehnikasy bilen üpjün edildi. Diller täze intensiw usullar boýunça öwedilýär. Milli ruhdaky okuw-tehniki-metodik toplamlar döredilýär.

Sarpaly Serdarymyz biziň önümizde yokary okuw jaýlarynda ylmy ösdürmek, talyplary ylma çekmek wezipesmi goýdy. Şunuň bilen bagly institutda umumy Ylmy-barlag merkezi döredildi.

Bu ylmy-barlag toparlara mugallymlar bilen deň hatarda talyplar hem girýär. Umumy temanyň çäginde her talybyň anyk ylmy temasy we ýolbaşçysy bar. Ylmy toparlara belli alym mugallymlar ýolbaşçylyk edýärler.

Merhemetli Prezidentimiziň önde goýan wezipelerini ýerine ýetirmek ugrunda Türkmenistanyň bilim edaralarynda we tölegli kurslarynda döwlet dilini we daşary ýurt dillerini öwretmegi Utgaşdyryjy Geňeş hem uly işler alyp barýar. Geňeş mekdepleriň we wuzlaryň dilçi mugallymlary üçin metodik maslahatlar, nusgalyk sapaklar, ylmy-metodik konferenşyýalar geçirýär; täze okuw maksatnamalaryny, kitaplaryny, gollanmalaryny synag edýär; dilleri okatmagyň intensiw metodlaryny işläp düzýär; mekdepler we wuzlar üçin diller boýunça okuw kitaplaryny taýýarlaýar. Geňeşiň iş tejribesi esasynda ýurdumyzda Türkmen milli lingwistik mekdebiniň kemala gelendigini aýtmak bolar.

Ilata we daşary ýurtlulara döwlet dilini we beýleki dilleri öwretmekde institutyň ýanyndaky «Dil» merkeziniň hem uly goşandy bar.

Institut beýleki ýurtlaryň bilim we dil merkezleri bilen hem gatnaşyk edýär. Ol 1998-nji ýylda TEMPUS (Tasis) maksatnamasy boýunça bir ýyllyk grant aldy. Bu taslama boýunça Ispaniýanyň, Şotlandiýanyň we Fransiýanyň uniwersitetleri şarikdeşimiz bolup gatnaşdy. Institut häzir şol şarikdeşleriň gatnaşmagynda täze Kompakt-proýekt üçin iki ýyllyk grant aldy.

Institutda halka, Watana, Sarpaly Serdarymyz Saparmyrat Türkmenbaşy wepaly, päk ahlakly, belent ruhly, ýokary hünärli kadrlary terbiýelemek ugrunda hem ýörite işler alnyp barylýar.

Institutda talýplaryň «Mukam» folklor, «Aýlar» tans toparlary, dutarçylar ansambly, poeziýa kružogy, okuw drama teatry, halychylyk we tikiçilik kružoklary, sport seksiyalary işleýärler. Biziň tans toparlarymyz hökümet konsertlerinde hem aktiw çykyş edýärler. Poeziýa kružogyna gatnaşýan talyplar gazetlerde, radioda, telewideniýede, institutuň «Talypnama» gazetinde mydama çykyş edýärler.

Institutyň okuw drama teatry professional sahnalarda dürli dillerde spektakllar goýýar.

Institutda açylan Gurbansoltan eje adyndaky Aýallar Birleşiginiň «Bägül» atly aýal-gyzlar sport kluby zenaanlaryň arasynda bedenterbiýäni ösdürmeçde uly işler alyp barýar. Institutyň mugallym we talyp gelin-gyzlary sport seksiyalaryna, ýaryşlara aktiw gatnaşýarlar. «Bägül» sport kluby üç gezek Türkmenistanyň aýal-gyzlarynyň Spartakiadasyny geçirdi.

Talyp ýaşlar Prezidentimiziň «Gök guşak» maksatnamasyny ýerine ýetirmäge hem işeňňir gatnaşdylar. Bu işler, talyplaryň boş wagtlaryny peýdaly geçirmäge ýardam edýär; olaryň zehinini, ukybyny açyp görkezmege kömek edýär; olara zähmet terbiýesini berýär; umuman, talyplar mydama halypa mugallymlaryň göz astynda bolýar.

Şeýlelikde, institutda talyplara dünýä derejesinde ýokary bilim bermek, Altyn asyryň mynasyp neslini terbiýelemek ugrunda ähli işler edilýär.

Saparmyrat Türkmenbaşynyň golaýda kabul ediljek «Ruhnamasy» onuň pedagogik taglymatynyň aýdyň ýüze çykması bolar. Sarpaly Serdarymyzyň pähim-paýhasyna ýugruljak bu keramatly kitabyň türkmen halkynyň Altyn asyrynyň mynasyp neslini terbiýeläp ýetişdirmekde uly ähmiýeti bolar.

Saparmyrat Türkmenbaşynyň pedagogik taglymaty dünýä pedagogikasynyň aýrylmaz bölegidir we onuň ylmy taýdan öwrenilmegi häzirki zaman pedagogika ylmyna uly goşantdyr.

Saparmyrat Türkmenbaşynyň pedagogikasy türkmen halkynyň Altyn neslini — ilgüne, Watana, Serdarymyz Saparmyrat Türkmenbaşy wepaly, ýokary hünärli, päk ahlakly, belent ruhly, zähmetsöýer ýaşlary terbiýeläp ýetişdirmegiň ylmy esasydyr we amaly ýörelgesidir.

Р. Г. НЕПЕСОВА (АШГАБАТ)

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ САПАРМУРАТА ТУРКМЕНБАШИ

Туркменское государство, основанное на политике независимости и постоянного нейтралитета высококочтимого Президента Сапармурада Туркменбаши, уверенно вступило в новый XXI век — «золотой век» туркменского народа.

Одним из основных направлений золотого XXI века является педагогика Сапармурада Туркменбаши.

Педагогическое учение Туркменбаши исходит из народных источников. Оно основывается на мудрости народных эпосов «Горкут ата», «Героглы», народных дестанов, пословиц, философии Огуз хана, Байрам хана, Довлетмамед Азади, Махтумкули Фраги и развивает их мысли в новую эпоху в новом содержании.

Педагогика Сапармурада Туркменбаши — это учение, испытанное в строительстве независимого, нейтрального туркменского государства и теперь имеющее свои конкретные цели и задачи. Это учение является научно-педагогической и философской основой развития системы образования, школьной жизни, обучения и воспитания, теории и практики воспитания, согласно требованиям сегодняшнего дня — эпохи независимости и тем самым составляет основу туркменской национальной педагогики.

Педагогика Туркменбаши — это личный пример нашего высококочтимого Сердара, который благодаря своему высокому духу, твёрдой уверенности, яркой цели и решительным действиям, сумел поднять достоинство не только личности, но и всей страны на мировом уровне.

На основе плодов педагогических мыслей Сапармурада Туркменбаши — новой политики образования, закона «Об образовании в Туркменистане» и других образовательных программ была реорганизована работа средних, средне-специальных и профессиональных высших учебных заведений. Это можно ясно видеть на примере Туркменского национального института мировых языков имени Довлетмамед Азади, где ведётся большая работа по обучению и воспитанию высокопрофессиональной и высококочтиственной молодёжи, достойною поколения «Золотого века» туркменского народа.

R. G. NEPELOWA (ASHGABAT)

PEDAGOGIC DOCTRINE BY SAPARMURAT TURKMENBASHI

The Turkmen state, based on the policy of independence and permanent neutrality of highly esteemed President Saparmurat Turkmenbashi, entered confidently the new, 21st century — the Golden Age of the Turkmen people.

One of the principal directions of the Golden Age is pedagogics by Saparmurat Turkmenbashi. The pedagogic doctrine by Saparmurat Turkmenbashi springs from the folk sources. It is based on wisdom of the folk eposes — *Gorkut ata*, *Gerogly-tolk*, destans, proverbs and philosophy by Oguz-khan, Bairam-khan, Dowletmamed Azady, Magtymguly Fragy and expands their ideas in the new content in the new epoch.

Pedagogics by Saparmurat Turkmenbashi is a doctrine tested when constructing the independent, neutral Turkmen state and having its concrete goals and tasks at present. This doctrine is a scientific, pedagogical and philosophical basis of development of the educational system, school life, teaching and education, theory and practice of upbringing in accordance with the demands of the present time — the epoch of independence and actually lays the foundation of Turkmen national pedagogics.

Turkmenbashi's pedagogics is a personal example of our highly esteemed leader, thanks to whose high spirit, firm belief great goal and resolute actions he could raise not personal dignity only but that of the whole country at the world level.

Basing on the fruits of Saparmurat Turkmenbashi's pedagogical ideas — the New Educational Policy, the Law «On education in Turkmenistan» and other educational programmes — the work of secondary, technical, vocational and higher educational establishments was reorganized. It is clearly seen in the example of Dowletmamed Azady Turkmen National Institute of World Languages where a great work on training and education of the highly-qualified and highly moral youth, the deserved generation of the Golden Age of the Turkmen people is carried on.

О. МАМЕТНУРОВ (АШГАБАТ)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ТУРКМЕНИСТАНА И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТУРКМЕНИСТАНА

Туркменистан — страна древней культуры, внесшей огромный вклад в сокровищницу мировой цивилизации. В глубину тысячелетий уходят истоки туркменской архитектуры, поэзии, музыки, ковроткачества, ювелирного искусства, фольклора.

Придавая огромное значение сохранению и восстановлению национального историко-культурного наследия, Сапармурат Туркменбаши одними из первых подписал законы «Об охране памятников истории и культуры Туркменистана» и «О музеях и музейном деле»; он проявляет постоянную заботу о культурном наследии Туркменистана. На территории страны созданы 9 историко-культурных заповедников. Национальный музей Туркменистана, первый и единственный в стране, спроектированный и построенный после провозглашения независимости.

Общая площадь музея составляет около 15 тысяч квадратных метров, экспозиционная — свыше 5 тысяч квадратных метров. Здание построено таким образом, что экспозиционные залы, размещённые на первом и втором этажах, совершенно изолированы от научных отделов, хранилищ и производственных служб. Вестибюль, конференц-залы и холлы создают своего рода буферную зону вокруг экспозиционных залов, что существенно облегчает поддержание микроклимата, обеспечиваемого специальной системой подогрева, кондиционирования и вентиляции воздуха.

В фондах музея — десятки рукотворных памятников традиционного ремесленного творчества и народного искусства XVII—XIX веков. Ткачество, вышивка, керамика, ковроткачество, изделия ювелиров-зергеров — вот далеко не полный перечень предметов ремесла в коллекции музея.

Наиболее обширна коллекция образцов домашнего ткачества: ковры, ковровые изделия, национальная одежда, изготовленная из домотканого шёлкового полотна «кетени». Это самый распространённый вид традиционного народного творчества,

которым по сей день занимаются девушки и женщины не только в крестьянских семьях, но и в городах. В прошлом ковры и ковровые изделия выполнялись из шерстяной и шёлковой пряжи, окрашенной красителями растительного происхождения, что предопределяет неповторимый колорит изделий. Представленные в коллекции музея образцы национальной одежды туркмен отличаются выразительными орнаментально-композиционными решениями, имеющими множество вариантов, связанных с родо-племенными традициями, сложившимися в течение многовековой истории декоративно-прикладного искусства народа.

Особое место в экспозиции «Древнего мира» занимают экспонаты, обнаруженные в Алтын-депе, где проводил археологические раскопки известный всему миру археолог академик Вадим Михайлович Массон, который в настоящее время является Председателем Туркмено-Российского общества дружбы. В. М. Массон и сегодня активно работает в Туркменистане, проводит крупные научные конференции.

Основу коллекции археологических материалов составляют находки, сделанные в середине двадцатого века. В последние годы это собрание значительно расширилось в результате раскопок на Гонур-депе, Тоголоке, в Нусе, выполненных археологами Академии наук Туркменистана, зарубежными учёными-исследователями.

Музей располагает значительной естественно-исторической коллекцией. Под постоянную экспозицию отведено свыше 5 тысяч квадратных метров. К разработке концепции экспозиции Национального музея были привлечены специалисты из различных отраслей науки и культуры.

Создатели экспозиции стремились представить на обозрение публики наиболее характерные образцы культуры народов Туркменистана и показать как предметы, являющиеся уникальными произведениями искусства и памятниками истории и культуры, так и те, которые свидетельствуют о различных аспектах общественной жизни общества в процессе его исторического развития.

Всего в экспозиции использовано более 2500 экспонатов. Вводная часть экспозиции посвящена истории создания независимого нейтрального Туркменистана. В атриуме представлены документы, закрепляющие статус независимости и нейтралитета Туркменистана, они выполнены на металлических пластинах на туркменском и английском языках. Здесь же размещены символы государственности: герб, флаг, гимн страны. Широко представлены рельефные карты, обстановочные сцены, диорамы, слайды. В разделе экспозиции, посвящённом материальной культуре, создан аудиовизуальный и звуковой фон. Цель такого подхода состоит в том, чтобы заинтересовать посетителя, помочь людям связать прошлое и настоящее, сравнить увиденное с сегодняшней реальностью и собственным опытом.

Музей всеми доступными ему средствами стремится играть ведущую роль в утверждении возрождающегося культурного самосознания, сохранения культурного наследия, защите культурных ценностей страны, пользующихся большим спросом на международном рынке антиквариата.

Музей в своей работе ставит перед собой большую и трудную задачу — стать центром информации, а не просто хранилищем материальной культуры. Он ищет своих посетителей, привлекает их внимание, устанавливает контакт с ними, а затем, используя все методы музейной работы, стремится поддерживать и углублять пробудившийся в них интерес к истории своего государства, к его необычной, уникальной судьбе, подарившей миру «три эпохи величия и славы». Только таким образом музей сможет выполнить предназначенную ему роль — служить Отечеству, содействуя осуществлению великой цели — превращению XXI века в «золотой век» Туркменистана.

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ

В большом и сложном круге проблем, связанных с изучением современной терминологии, наиболее актуальным и важным является определение места терминологической лексики в структуре современного языка.

Терминологическая лексика имеет большое значение в профессиональной подготовке студентов высших учебных заведений. Ориентация на будущую профессию в значительной степени определяет отбор терминологического материала и методику организации его усвоения. Большого внимания требует работа по формированию лексических умений и навыков на уровне практического владения термином.

Термины составляют основную специфику языка науки. Это наиболее информативная часть языка науки, именно термины делают лексический состав языка науки отличным от лексики общего языка.

Каждая наука и каждая специальная отрасль техники обладает большим числом собственных слов, которые можно узнать, только посвятив себя этим дисциплинам или искусствам. Эти слова необходимы прежде всего потому, что человеческая мысль, посвящая себя исследованию какой-нибудь определённой области, открывает нам множество значений, которые не могут быть выражены средствами общего языка. Поэтому можно с полным основанием утверждать, что изучение науки может быть целиком включено в изучение языка науки, поскольку изучение языка науки предполагает не просто изучение его формальной структуры, но и изучение его отношения к обозначаемым объектам, а также к людям, которые используют этот язык.

Главная роль терминологий заключается в том, чтобы отразить понятийное содержание определённых сегментов человеческой деятельности в сфере науки, производства, культуры и общественной жизни.

Вузовские курсы по различным специальностям выносят на первое место определение общих понятий, входящих в ту или иную научную дисциплину, определение самой науки и места её в ряду других научных дисциплин, объекта её изучения, материала, форм и ступеней научного познания. Всё это связано с введением в сферу обучения соответствующих терминов, усвоение которых студентами является основным условием их профессиональной подготовки, ибо термины являются основным средством передачи информации от текста к тексту, от говорящего к слушающему. Изучение терминологии служит повышению научной и научно-методической грамотности студентов, будущих работников в самых разных сферах жизнедеятельности. Целью изучения терминологии является подготовка студентов к чтению учебных и научных материалов по специальным дисциплинам. Поэтому работа над терминологической лексикой в связи со специализацией приобретает особую актуальность.

Исследование терминологий предполагает предварительное выделение тех научных понятий, языковыми знаками которых являются термины, выяснение связей и группировок этих понятий, так как связи терминов есть связи обозначаемых ими понятий. Общим назначением языка науки определяется и положение в нём терминов. Термины в языке науки используются только в прямом значении, поэтому они требуют особой осторожности в употреблении.

Систематическое изложение научных дисциплин предполагает обязательное требование — наличие средств выражения основных понятий этих дисциплин — специальных терминов. Терминология, таким образом, выступает как наиболее информативный пласт научного стиля речи. Поэтому термину в овладении специальностью отводится центральное место. Весь комплекс вопросов, связанных с выявлением собственно лингвистических особенностей терминологической лексики, может быть по-

ставлен и изучен только при анализе её в «естественных условиях» — в языковой среде, где она применяется в своей основной нормативно-дефинитивной функции, т. е. в функции наименования и выражения специального понятия. Это прежде всего учебная и научная литература, а также лекционные курсы по различным специальным дисциплинам. В лексическом составе научных книг самым значительным пластом, несущим функцию передачи научных понятий, является терминологическая лексика, поэтому она должна явиться объектом пристального изучения студентов.

Усвоению терминологии способствует её системность, которая прослеживается в двух сферах: в сфере экстралингвистической и в сфере языковой (понятийной и звуковой). Связи и оппозиции прослеживаются не только на уровне отдельных терминов, но и на уровне целых полей или микросистем специальной лексики. Так, в социально-политической терминологии туркменского средневековья отчетливо противопоставляются микросистемы: а) наименования высшего слоя представителей общества и б) наименования среднего звена общества.

Методика работы над терминологической лексикой должна основываться на словаре-минимуме по конкретной научной дисциплине. Основная задача словаря-минимума — обеспечить процесс коммуникации в профессиональной среде.

Г. Ф. КОРОБКОВА (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

ТРУДОЛЮБИЕ, ВОСПИТАННОЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯМИ

(экспериментальное моделирование трудовых процессов
путем применения древних орудий труда)

В России разработан и эффективно действует в мировой археологической практике экспериментально-трассологический метод изучения древних орудий, основанный на анализе их поверхностей под микроскопом большого или малого увеличения. Каждое каменное, костяное, раковинное, керамическое и другое неметаллическое изделие, если оно находилось в употреблении, всегда сохраняет на своей поверхности микро и макроследы той работы, которое оно выполняло. По характеру этих следов и их расположению стали определять функции конкретных типов орудий. Этот уникальный и высокоэффективный метод был разработан проф. С. А. Семеновым. В основу его были положены данные экспериментальных исследований разных орудий труда, встречающихся в разные эпохи и в разных археологических культурах. С помощью экспериментов идентифицируется не только функциональное назначение древних инструментов, но изучаются их эффективность и производительность, реконструируются производства, с которыми они были связаны, и хозяйственные системы, определяется время, необходимое для осуществления конкретной производственной операции. Такие комплексные работы проводятся в специальных экспериментальных экспедициях, а также в процессе занятий в специализированных Международных трассологических школах, где микроанализ орудий труда сопровождается экспериментами. Эти школы были организованы и проведены Экспериментально-трассологической лабораторией Санкт-Петербургского Института истории материальной культуры Российской Академии наук в Литве, Молдове, под Тюменью, Самарой и Ижевском. Для участия в них были привлечены ведущие учёные России и государств СНГ, силы которых были направлены на получение и повышение образования школьников и студентов, познание ими древней истории своих республик через трудовые процессы, имеющие место в производственных комплексах человеческих обществ. Тем самым участники школ получали и трудовое воспитание. Вместо «уроков труда», практиковавшихся в средних школах, шла реальная работа по восстановлению древних производств, на собственном опыте познавался тяжкий труд наших предков, воспитывалась обязательность и ответственность за выполнение конкретного задания.

Впервые такие широкие работы по экспериментально-трассологическому изучению орудий труда были предприняты автором ещё в конце 50-х годов XX столетия. Объектом исследования стали раннеземледельческие памятники неолитической джейтунской культуры и позднее — тысячные коллекции каменных изделий знаменитого поселения Алтын-Депе. В результате можно убедиться, что многие современные производства имеют глубокие корни в древней истории.

Для примера обратимся к кожевному делу. Обитатели джейтунских поселков конца VII — начала VI тыс. до н. э. выделывали качественные шкуры и кожи мелкого рогатого скота с помощью скобящих орудий — скребков. Они были сделаны из кремня, обломков разбитых керамических сосудов, осколков костей барана и были представлены сотнями экземпляров. По экспериментальным данным, такими орудиями можно обработать свежую шкуру барана размерами от 1600 до 9000 см² за 1 час 20 мин. — 1 час 45 мин. чистого времени, а массивную долголежалую — за 4—5 час. Как видим, несмотря на примитивизм кожевных орудий скорняки каменного века нашли рациональные способы обработки шкур животных и давали, судя по опытам, качественную продукцию.

В виде примера можно назвать работы по растиранию зерна и приготовлению муки. Эти процессы жизнеобеспечивали человечество на протяжении многих тысячелетий. На личном опыте студенты и школьники убеждались, насколько труден был хлеб первых горожан, основавших известное городище Алтын-Депе, что находится в песках Туркменистана. За 1 час работы с применением каменных зернотёрок и верхних камней (курантов и пестов) женщина растирала до 500 г муки, в то время как на примитивных жерновах, ещё недавно используемых сельскими жителями, эту же норму можно было сделать в 12—15 раз быстрее. Учитывая потребности в хлебе каждой семьи (даже эпохи бронзы, не говоря уже о более ранних периодах), становится очевидным, насколько тяжёлый труд женщин, расходуемый на переработку продуктов земледелия (по сравнению с работой на жерновах) и как много сил затрачивалось ею на домашнее хозяйство.

С помощью экспериментально-трассологического изучения орудий труда, отраслей хозяйства, домашних промыслов можно воссоздать конкретную картину любого исследуемого хозяйственного или производственного процесса. На основании изучения жатвенных орудий с неолитического поселения Джейтун и данных экспериментов удалось высчитать ориентировочные размеры посевных участков его обитателей. Они оказались близки тем показателям, которые получены из расчёта годовой потребности населения в зерне — примерно 20—25 га.

Важность познавательной-воспитательной функции экспериментов по древнему образцу хорошо осознали в Скандинавских странах, где для этих целей используют образовательные учреждения — школы, университеты, институты, музеи. Например, в Швеции при музее в Стокгольме регулярно работают сменяющие друг друга группы школьников, используя в трудовых процессах древние каменные орудия. Есть в Швеции и специальная школа, где регулярно ведутся экспериментальные работы по широкой программе. Всемирную известность приобрел центр Лайра в Дании, куда группы школьников выезжают с учителями. Они живут в жилищах, возведённых по древнему образцу, циклично выполняют все работы первобытного человека — от обработки земли и приготовления хлеба до гончарства и ткачества. Школьники сами изготавливают орудия труда, точно скопированные по древним образцам. Затем слушают уроки по соответствующим периодам истории с показом диафильмов. Таким образом Лайра выполняет две функции — изучение истории и её реальное познание и ответственность добросовестного отношения к труду на своём личном опыте.

Нельзя забывать ещё две функции экспериментальных работ, связанных с археологией. Участвуя в экспериментально-трассологических экспедициях Санкт-Петербурга молодые исследователи своим трудом помогают развивать трассологиче-

ский метод изучения инструментов древних обществ. А участь в полевой школе и испытывая орудия труда в разных производственных процессах, изучая их под микроскопом, они пополняют кадры специалистов в области трасологии и эксперимента, что так необходимо для развития исторической науки.

G. F. KOROBKOVA (ST.-PETERSBURG)

A DILIGENCE FOSTERED THROUGHOUT MILLENNIA

(an experimental simulation of working procedures
by means of using ancient tools)

In this paper principles of a study of the ancient history by application of the experimental tracewear analysis of tools from the remote past are presented. A special attention is paid to the experimental studies in which students, schoolchildren and young scientists from different historical museums and institutions take an active part. They get the corresponding education in special experimental tracewear expeditions and international schools conducted by the Experimental Tracewear Laboratory of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences. A similar training is widely practised in Sweden, Denmark and other Scandinavian countries, and it is of a great importance: 1) for studying and gaining a real knowledge of history; 2) for raising the level of one's sense of responsibility and diligence through one's personal experience; 3) for improvement and development of the tracewear method by creation of experimental standards of various tools to obtain more precise ideas of functions of the known tools and to understand the functions of new tools; 4) for increasing the number of new experts in the branch of tracewear studies and experiments.

Ч. ЯЗЛЫЕВ (АШГАБАТ)

РОЛЬ СТАРЕЙШИН В ТУРКМЕНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Уважение к старшему поколению, носителю жизненной мудрости и опыта, решение важнейших вопросов общественной жизни, посоветовавшись с ними, с их одобрения — одна из особенностей национального менталитета и обычаев туркмен. По свидетельству письменных памятников этот обычай, национальная мудрость были присущи нашим предкам и во времена Горкут-ата.

До колониального периода истории Туркменистана совет старейшин решал важнейшие для туркменской общины проблемы. В круг рассматриваемых советом вопросов входили в пределах общины распределение земли и воды, организация хозяйственно-ирригационных работ, выбор ханов, мирабов и других общинных руководителей, вопросы войны и мира, переселения племени с одного места на другое, взаимоотношения с соседними народами и государствами. Решение совета было обязательным в рамках общины. Это является ярким доказательством демократического характера обычного туркменского общественного строя.

Управлялась старейшинами туркменского общества также жизнь общины и семьи. Прислушивались к мнению совета об обществе и семейной жизни. Старейшины выступали в роли миротворцев в решении социальных противоречий членов общества. Даже в случаях смерти по причине разногласий старейшины непременно настаивали на примирении. Достаточно было принародного взаимного рукопожатия со словами «Гунэни гечдик» (Мы простили твою вину), и этот вопрос считался окончательно решённым. Подвергались порицанию со стороны общества как нарушители жизненных устоев те люди, которые не последовали совету старейшин, высказали неуважение к их мнению. Таким образом, слова старейшин, исполняющих свои обязанности на обществен-

ных началах, заменяли закон и строго соблюдались. В то же время старейшины не пользовались правом принятия мер в отношении кого-либо. Общество в своих интересах уважало их, почитало, исполняло сказанное ими.

В годы зависимости Туркменистана от царской России колониальная администрация задействовала институт старейшин для осуществления своих целей. На местах была введена «выборная» должность старейшины (арчынлык). Как только действия старейшины расходились с интересами администрации, его тут же освобождали от должности. Однако, и в этот период истории велика была в жизни общества роль признанных народом старейшин.

Советская власть широко развернула сеть организаций старейшин. Однако роль старейшин в обществе постоянно снижалась в связи с назначением на должности председателей организаций бывших партийных и советских работников-пенсионеров. В результате в советском обществе народ находился в отрыве от одного из мощных корней национальных обычаев, мудрости, поведения в обществе.

Второе рождение института старейшин произошло в эпоху первого Президента Туркменистана, которому предоставлено право осуществлять полномочия главы государства на неограниченный срок, строящему независимое государство при полном учёте многотысячелетнего опыта народа — строителя государств. Первый совет старейшин состоялся ещё до независимости — 5 марта 1990 года. Теперь это стало традицией, проводится поочередно в веляях государства.

Совет Старейшин в годы независимости превратился в Большой Государственный Совет. На них рассматриваются важные проблемы государственного значения и принимаются постановления. На совместном межлисе IX Совета Старейшин, Халк Маслахаты (Народный Совет) и общенационального движения «Галкыныш» обсуждена и одобрена Программа Президента Туркменистана Сапармурата Туркменбаши «Стратегия социально-экономических преобразований в Туркменистане на период до 2010 года». Халк Маслахаты одобрил отмену смертной казни в государстве как меру наказания.

В соответствии с учением Сапармурата Туркменбаши проводятся выборы делегатов Халк Маслахаты, он превратился в прекрасный образец народовластия. Халк Маслахаты образует крепкую взаимосвязь между Президентом, законодательным и исполнительным властями и народом. Таким образом, как не раз подчёркивал великий Сапармурат Туркменбаши, сегодня Халк Маслахаты выступает регулятором взаимоотношений ветвей власти, организацией предназначенный для гармонизации отношений между законодательной и исполнительной властями. Халк Маслахаты Туркменистана — это социальный институт, который объективно вызывает большой интерес мирового сообщества, людей, занимающихся изучением политики.

Б.-Р. ЛОГашОВА (МОСКВА)

К ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ТУРКМЕН

Этническая история туркмен в течение многих лет привлекает внимание историков — исследователей народов Центральной Азии. Примечательно, что в одном из согдийских документов с горы Муг, относящихся к первой четверти VIII в., можно прочесть слово «туркмен». В мусульманской литературе впервые этноним «туркмен» появляется, как писал В. В. Бартольд, во второй половине X в.

В состав туркмен, по Макдиси, входили огузы, а также карлуки. В XI в. Махмуд Кашгарский относит термин «туркмен» к огузам, но в другом месте говорит о карлуках, Рашид ад-Дин в XIV в. писал, что огузы происходят от огузов переселившихся в Мавераннахр и Иран, где под влиянием местных условий внешне стали походить на тюрок — «туркмананд». Как отмечал В. В. Бартольд, создатели древнетюркского каганата — огузы и только они называли себя тюрками. Слово «тюрк», по

мнению С. П. Толстова, означает «военная аристократия», «знать», «верховный правитель», «царь», которое впоследствии превратилось в название народа. Таким образом, «подобный тюрку» могло означать в древности «подобный царю». Существует также другая этимология слова «тюрк»: как «тюрк иман», т. е. «имеющий веру». Исследователи полагают, что среди имён 24 огузских племён — 14 могут найти параллели с названиями «скифских» племён.

Проблемами этнической истории туркмен занимались многие европейские и русские исследователи. Так, французский историк Д'Эрбелю одним из первых ввёл в научный оборот данные ряда восточных авторов о генеалогии туркмен, связав их с огузами. О происхождении и родоплеменном составе туркмен писали русские историки и востоковеды — Н. М. Карамзин, М. П. Иловайский, Г. С. Карелин, М. Г. Галкин, Н. А. Аристов. Так, М. Г. Галкин писал, что, согласно преданию, предком туркмен был Уз-хан (т. е. Огуз-хан), имевший двух сыновей — Эсен-хана и Саин-хана. Н. А. Аристов в работе «Об этническом составе тюркских племён и народностей и сведения об их численности» отметил, что распространение родового имени огузов и различных легенд об Огуз-хане объясняется существованием у древнейших тюрков культа быка (огуз).

В XI в. точных сведений ни о происхождении туркмен, ни об их названии не сохранилось у тюркского населения. Хотя в VIII в. были в Монголии племена тюрков, отличные от огузов, карлуков и других, но они исчезли бесследно и уже арабские географы употребляют слово «тюрки» как общее название для ряда родственных по языку народов.

В результате историко-этнографического изучения утвердилась концепция об участии в этногенезе туркмен различных этнических компонентов — древнего ираноязычного кочевого населения среднеазиатских степей, эфталито-тюркских и огузских племён средневековья — с древности и до конца XVIII в. — времени окончательного формирования и расселения наиболее крупных племён.

Формирование туркменского народа проходило активно в XI—XII вв. В силу различных политических и экономических причин значительная часть туркмен в XI—XII веках ушла из Средней Азии в Индию, Азербайджан, Малую Азию и Ирак. Огузы сыграли определённую роль в этногенезе народов Средней Азии и Закавказья, а также зарубежного Востока.

Общая численность кочевников, переселившихся в XI в. в Анатолию, была примерно 500—700 человек, а позже, в XII—XIII вв., их число приблизилось к миллиону. Исследования турецких и российских учёных показали, что на территорию Анатолии пришли не только огузские, но и чисто туркменские племена, некоторые из которых (например, текели) ведут кочевой образ жизни до настоящего времени на юге Анатолии.

Иракские и туркменские специалисты исследовали появление конфедерации туркменских племён Каракоюнлу и Аккоюнлу на огромных территориях Ближнего Востока. После распада конфедерации племенные объединения каракоюнлу и аккоюнлу расселились на территории Ирака, Турции, Ирана, до настоящего времени сохраняют разветвлённую родоплеменную структуру и играют большую роль в экономике и общественной жизни этих государств.

На территории Ирана огузы появились уже в конце X — начале XI в. Арабский географ и историк Гардизи в рассказах о событиях XI в. и взаимоотношениях Махмуда Газневидского с сельджукской династией впервые называет огузов туркменами и характеризуют их как храбрых и бесстрашных воинов. Переселение туркмен в Иран продолжалось и в последующие века. К XVI—XVII векам расселение туркмен стабилизировалось и до настоящего времени различные туркменские племена занимают отдельные регионы Северного Хорасана, провинций Мазандерана-Горгана и всегда занимали активные позиции в политической, экономической и общественной жизни Ирана. Всеобщие переписи населения, проводимые в Иране с 1956 г. отмечали, что туркмены до на-

стоящего времени сохраняют свою самобытность, язык и национальную культуру. Общая численность туркмен, например, в Иране превышает миллион человек.

В отличие от Ирана в Афганистане никогда не проводилось переписи населения, однако по косвенным данным можно предположить, что численность туркмен там превышает 800 тыс. человек. Туркмены в XVI—XVIII веках расселились в северных и северо-западных районах Афганистана и до настоящего времени, несмотря на сложные политические проблемы Афганистана и политику переселения шахского правительства, они занимают районы первоначального расселения.

Вопросы этнической истории туркмен находятся в центре внимания комплексного изучения тюркологов, филологов, антропологов, археологов, этнографов.

И. АМАНЛЫЕВ (АШГАБАТ)

МИГРАЦИЯ ТУРКМЕН НА ЗАПАД В XI—XIII вв. И ЕЁ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

История была свидетельницей множества событий, связанных с миграцией огузо-туркменских племён на запад. Этот процесс, охватывающий период с XI по XIII вв., имел значительные последствия, так как привёл к существенным политико-экономическим и социально-культурным изменениям в жизни стран Востока и весьма значительному прогрессу в обществе.

Начало миграции туркмен на запад можно отнести к более раннему периоду. Ещё в VI—IX вв. арабы для борьбы с византийцами использовали отряды из числа тюркских племён, в составе которых были и огузы. Эти тюрки были расселены на приграничных с Византией территориях арабского государства. Позднее, в IX—XI вв. часть огузов, называемых в русских летописях «торками», через русские степи и северное Причерноморье проникли в византийские земли на Балканском полуострове.

С выходом на историческую арену сельджукидов миграционный процесс приобрел массовый и планомерный характер. В этот период туркмено-огузские племена через территорию Ирана и Закавказья массами мигрировали в Малую Азию и расселились на византийских землях, а в последующем, образовав самостоятельные государства, окончательно утвердились на этой территории.

Следующим важным этапом в миграционном процессе была эпоха монгольского нашествия. В этот период огузо-туркменские племена опять-таки в массовом порядке стали уходить на запад, к своим родственным племенам. Вновь пришедшие племена туркмен вытесняя местное население и огузо-туркменские племена, пришедшие в более ранний период, заставили их продвигаться в центральные и северо-западные районы Анатолии. В миграционный период туркменские племена проникли также и в другие районы Среднего и Ближнего Востока, создав свои государственные образования. Таким образом, в результате переселения туркмено-огузских племён на запад в истории стран этих регионов произошли существенные перемены. В чём заключались эти перемены?

В Анатолии до прихода туркмен проживало местное население греческого происхождения, у которого были собственный язык, религия и культура. Однако, в силу массового переселения новых этнических групп, местное население стало постепенно терять свои особенности и ассимилировалось пришлыми этническими группами. В этом регионе главенствующую роль стали играть туркменский язык, туркменская культура и мусульманская религия. В свою очередь, туркменские племена, массами пришедшие с востока, перенимали лучшие культурные традиции и жизненный опыт местного населения, которое к этому времени стало говорить на новом языке, проповедовать новую религию и менять свой антропологический облик. Этот процесс развивался постепенно и охватил период с XI в. по XV в. Особо следует отметить, что попав в новую культурную среду, туркмены не растворились, а наоборот передали местному населению свой язык

и культуру. Народы соседних регионов постепенно стали употреблять по отношению к Анатолии название «Турция» — страна турок (туркмен). В результате миграции туркмен на запад часть Ирана, восточное Закавказье и Анатолия «туркменизировались». Поэтому мы с уверенностью можем сказать, что туркменская миграция в рассматриваемый период имела огромное значение, так как она стала причиной появления на западе новых, туркменоязычных народов и этнических групп.

P. G. GEISS (AUSTRIA)

**COMMUNAL AND POLITICAL COMMITMENTS
IN PRETSARIST TRASCASPIA:
SOME REMARKS ON ACEPHALOUS TURKMAN TRIBALISM**

Since national independence public and academic interest in Turkman history revived both in Turkmenistan and abroad. Since then many Turkman scholars tried to overcome Soviet interpretations of their past linked to the theoretical expectations and analytical constraints of Marxism-Leninism. They also tried to gain a better knowledge on more genuine Turkman social and political relations before the Russian conquest of Transcaspia in the second half of the 19th century. This paper wants to contribute to this research and by sketching one basic feature of Turkman communal ties and describing its political implications.

I.

One of the Soviet prejudices on pretsarist Turkman tribal societies presents Turkman tribesmen as members of a «patriarchal tribal system» based on «patriarchal social ties» (Markov 1990: 401). This view can be referred to some tsarist contemporary sources which rather reproduced indifferent Russian opinions on Asiatic patriarchy than relied on careful ethnographic research (See for example: Lomakin 1897: 41—44). More cautious research of historical sources and anthropological studies rather support the view that sole elders (*iashulyys*) could neither usurp authoritative leadership in the camp group, nor in the *obas* of independent Turkman tribesmen (Markov 1976: 219). Unlimited authority was only exercised over slaves, wives, daughters and unmarried sons within the nuclear family. Married sons, however, formed independent households and received a share of the paternal stock (Irons 1975: 83—90). They were expected to leave the camp and joined another *oba* with better economic conditions, if their *oba* was overpopulated. If this was not the case, independent sons could remain in the camp of the father, though no longer under their father's patriarchal authority. In contrast to Kazakhs, Kyrgyz and Kara-Kalpaks, Turkman fathers tended to involve their sons in decision making even before they married. Despite their senior ranks, the elders usually consulted all members of the family before important decisions were made. Thus relations between male adults were egalitarian and not based on the acknowledgement of patriarchal authority. The father could not command his adult sons, since these would not obey his orders and only follow his advise, if it suits their goals. Common or co-ordinated action was always in need of consent and agreement (Irons 1975: 95—102). *Iashulyys* could uphold some patriarchal authority and got involved in cases of disputes between family groups. Distinguished *iashulyys* were regarded both as heads of the *bir ata*-groups and headmen of the *obas* who represented their group to the outside. In this way heads of strong *bir ata*-groups could also «lead» subtribal groups. The office of the group *iashuly* did not imply any special privileges and authorisations, however. The headman had not any power to make decision or to fix obligations of the group, but he depended on its consent. It was the *maslakhat*, the *iashulyys*' assembly of one or more *bir ata*-groups which deliberated and decided about economic, penal and communal matters of the *oba*. The consenting decision of the *maslakhat* represented the condensed public opinion of the group which balanced the usurping ambitions of single tribesmen (König 1962: 74, 78—79; Mouraviev 1823a: 17—18; Burnes 1834: 251; Markov 1976: 232—234). This egalitarian

relations between grown-up males in extended families also existed within larger groupings which formed *tribes*. *Obas* had headmen who acted as spokesmen of the groups without being granted any privileges. They were chosen and authorised to act only on the base of the common consent of the group. Serious infringement of competence led to the removal of the headmen. An office of a chieftain like that of a Kazakh *bi* or a Kyrgyz *bii*, whose holder could command whole tribes did not exist among Turkmen (Vámbéry 1865: 249—252; Grodekov 1883: 65; Khazanov 1984: 175). Thus there was not any authoritative judge, but only the council of the elders of the descent group (*maslakhat*), which made binding consentient judicial decisions for its members.

As political order emerges from the interpenetration of political and communal action orientations, egalitarian communal commitments of tribesmen correspondingly also shaped political relations between Turkman tribes and tribesmen. In contrast to Kazakhs, Kyrgyz and Kara-Kalpaks, Turkman tribal political integration was acephalous and lacked enduring political authority relations (Geiss 1999/3: 347—357). Political authority was neither hereditary, nor could it be appropriated by military talent, wealth or religious reputation. Wealthy *bai*'s, military leaders (*serdars*) or mystic Sufi mullahs (*ishans*) were all capable of high esteem, but they could not turn their reputation into political leadership. If they had tried to command their tribal followers, they soon would have lost their reputation and faced disobedience (Mouraviev 1823: 17—18; Vámbéry 1865: 249; Trotter 1873: 172, 177; Grodekov 1883: 65). As *iashuly*s could uphold only limited authority, so could *serdars* not usurp enduring political leadership. Turkman *serdar* could organise raids into Khorasan, Khivan or Bukharan territory, they could temporarily unite up to 1000 and more armed horsemen and command on life and death of their followers during these campaigns. Their authority, however, ceased to exist after the raiders had shared the booty and returned to their *obas* of origin (Marvin 1881: 181—185; Grodekov 1883: 56; Jochelson 1928: 95; König 1962: 141—144; Mouraviev 1823: 350—351; Rosliakov 1955/2: 42—46; Munis-Agekhi, Firdaus-ul'-Ikbal' 1938: 400).

Ishans could be quite influential in Turkman tribal societies, but they soon would have lost their respect and esteem, if they had tried to become political leaders disregarding customary law (Lansdell 1885: 479). When *ishans* became politically active, they did so as mediators between inimical tribal groups or between Turkman tribes and the Khan of Khiva. They best could perform such missions, since their life and property of these holy men were sacrosanct to inimical Turkman tribesmen (Demidov 1978: 123—124, 129). Extensive authority was only delegated when the defence of one's own territory afforded it. This was especially the case in the second half of the 19th century, when Turkman tribes faced the tsarist advance in Central Asia and pressure from Iran. In this situation successful *serdars* like Kushid-Khan from the *Teke Beg* descent group and Nur Verdi Khan from the *Vekil* descent group were elected as political leaders and called khans (Saray 1982: 58—59). In comparison to the Kazakh hordes, Turkmen understood and perceived khanship in a different way. This office was neither hereditary nor was it linked to Chingizid descent. It could not be appropriated, but relied on the delegation of authority by the tribesmen. According to Grodekov, Turkmen regarded their khan rather as the principal servant of the whole community (Grodekov 1883: 65). He was not an autocratic ruler, but a leader subject to recall: the assembly which elected the khan, could also impeach him. As the eldest of the assembly said after the vote «You are khan!», he could similarly say at the next meeting «You are no longer khan!» (Moser 1885: 319; Skrine, Ross 1899: 273—274). Khans like Nur Verdi knew about the delegated character of their power, since he wrote in a letter to the Persian Governor of Buynurd: «All the population of the Republic (Jum-Gurie) of Akhal from one end to the other, are united and have with one accord in public assembly given the supreme power over the country [to me]» (Saray 1982: 53—54).

Hence Turkmen used to say that they were people without head and admitted that they did not want to have one, since among them every one was his own master (Vámbéry 1865: 249; Geier 1909: 50). They did not like to obey the commands of others and were offended when someone tried to do so (Lomakin 1897: 54; König 1962: 150).

Nevertheless, Turkman tribesmen formed political orders which secured political obedience and checked individual arbitrariness and excess. Their sovereign was invisible, but, nevertheless, very powerful. «He» was called *tore*, *däp* or *adat*. Turkman tribesmen obeyed what *däp* demanded, and detested what it ruled out.

Grodekov confirmed that the power of *däp* was so strong among Turkmen that they regarded anyone's attempt to change the old customs as a criminal whom they forced to obey the law or drove out of their community (Grodekov 1883: 64—65; Saray 1982: 52)

One of the basic principles of *däp* was the political equality of simple tribesmen, elders and chiefs. Only decisions based on *däp* were held to be binding and had to be obeyed. Due to this equality, decisions were built on the consent of the group. Therefore decisions of the *maslakhat* and not of a leader were authoritative, since the assembly represented the mutual consent of the group. Nobody would have dare to disobey the common decision of the *maslakhat* (König 1962: 74). It was important that all concerned people agreed to decisions, and if agreement was not yet reached, meetings were prolonged or decisions postponed, as Grodekov remarked: «In cases of disagreement an assembly was held about the same matter three days later, hoping to find a common base for consent between the disputants. If the later meeting was not successful, the question was considered to be not solved and deferred for some time. When a distinctive majority supported a particular decision of public importance, the meeting is prolonged for three additional days. In case of the minority's persistence in their view, the case can only be settled through public pressure of the whole tribe» (Grodekov 1883: 65).

Due to *däp* the influence of leaders and the *maslakhat* was limited and specified. The *maslakhat* did not decide in all matters. For example, the council only dealt with cases of vendetta after the successful flight of the assassin. Avengers were not obliged to consult the *maslakhat*, but regarded the immediate revenge as their holy right and duty (Lomakin 1897: 89). As a result commands of leaders would only be obeyed if they conformed to *däp*. If leaders had violated customary law, they would be soon deprived of their mandate.

II.

We cannot expect that acephalous Turkman tribalism provides a suitable model for a political order of present day Turkmenistan which is based on state structures. Nevertheless, Turkman tribalism might teach us something relevant about the relation between politics and legal structures. In pretsarist Turkmenistan legal concepts were based on customary law which regulated social relations among the tribesmen. Customary law regulated politics and provided obedience to political decisions which had been based on it. These legal traditions continued to exist in a limited and modified way within the tsarist local administration, and numerous compilations of Turkman customary law were collected and published for the benefit of tsarist officials. Soviet politics, however, rejected these legal traditions, combated them and tried to replace them by Socialist law, outlooks and ways of doing things. Although on the local level this struggle had not been fully successful, it has deprived politics from being embedded in a legal culture which is shared by large parts of the population. This loss of legal cultures is serious and one of the main inhibitors for the establishment of democracies based on the rule of law. An evolutionary development of customary law towards the legal integration of authority relations and the constraint of state authority — as it happened in the Anglo-Saxon countries — is no longer possible in Central Asia, because customary law has no political significance any more. Furthermore, its pre-tsarist state of development does not fit the conflict regulation of contemporary Turkmenistani society. If a legal culture is to develop in the future, it will rather in a strong state which is able to secure obedience to the laws and which is able to spread commitment to the laws. It is still a great challenge to Turkmenistan's legislative assembly to pass laws which are both sensitive to the needs of a functioning economy and to local customs and interests. Thus communal commitment structures would have to be rooted in the national legislation, if citizens, officials and political elites were expected to develop commitments to an emerging legal culture in Turkmenistan.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕНО-ОСМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Переселение огузских племён из Туркестана на запад, в Иран и Анатолию ознаменовало важный перелом в мировой истории, поскольку с переселением туркмен-потомков Огуз хана на запад, сначала в Иране, а потом в Египте, Сирии и Анатолии был образован целый ряд государств. Наиболее важным из них, несомненно, являлось Османское государство в котором туркмены являлись создателями государства и составляли значительную часть его населения.

Османское государство занимает важное место в мировой истории в качестве государства, которое сделало очень многое для мировой истории и истории человечества, вышло на кульминационную точку в развитии культуры и искусства. Создатели этого государства Эртогрул Гази и его сын Осман Гази, а также все последующие османские правители свою родословную связывали с огузами и 24 огузскими племенами. В источниках по истории Османского государства даётся родословная османских правителей, где их корни доводятся до Огуз хана. Кроме того, в этих источниках сообщается о принадлежности создателей Османского государства к огузскому племени «кайы», тамги которого были обнаружены во многих материалах.

Кроме династии создателей государства, население османского государства за исключением немусульманских этнических групп, состояло в основном из огузских племён, что подтверждается архивными документами. В этих архивах, которые именуются названиями этих же огузских племён, имеются множество книг — дефтеров. Есть такие важные дефтеры, которые касаются истории туркмен: Халеп туркменлери, Ени-ил туркменлери, Дулкадырлы туркменлери, Ич-ил туркменлери, Мамалы туркменлери, Ифраз-и Зулькадрие туркменлери, Теке или туркменлери, Бозок туркменлери, Бозулус туркменлери. После завоевания Румелии, части туркменского населения появились в Балканском полуострове. Эти туркмены по образу жизни на новом месте отличались от анатолийских туркмен, которые вели кочевой образ жизни, но в связи с тем, что они были переселены в Румелию, их стали называть йорюками. Имеются также архивные дефтеры, относящиеся к этим туркменам. Некоторые из них: дефтеры Налдокен йоруклери, Офчаболу йоруклери, Селаник йоруклери, Визе йоруклери и Танрыдагы йоруклери. Все эти рукописи являются основными источниками по истории туркмено-османского государства.

Архив, который нами был обозначен как османский архив, содержит в себя самые богатые источники истории туркмен. В нем содержатся около 150 миллионов документов и более 300 тысяч дефтеров. Имеющиеся записи в этих документах написаны арабской графикой, но на турецком языке. В этой связи, исследователям, которые будут заниматься проблемами истории туркмен, необходимо изучать этот язык. В библиотеках г. Стамбула имеются исторические источники — книги, написанные также арабской графикой. Количество этих книг достигает ста тысяч. Каталоги их в большей степени подготовлены, а архивные каталоги составлены латинской графикой и представлены для пользования исследователей.

Мною будет представлен такие исторические источники-книги как «Джихан-нума» Нешри и «Теварих-и Али Осман» Немала, которые были изданы Турецким историческим обществом. Кроме того, будет представлена Карта мира одного из известных личностей истории нашего мореплавания Пири Реиса.

Р. Генч (ТУРЦИЯ)

КАРАХАНИДЫ И ТУРКМЭНЫ

Государство Караханидов — первое мусульманское тюркское государство, занявшее важное место в истории. Тюрки, принявшие мусульманство, в течение многих веков были защитниками исламского мира.

Особое значение государства Караханидов заключается именно в том, что оно явилось родоначальником исторической линии государств, обозначаемой как Караханиды — (огузский) Ябгу — Сельджукиды — Османы — Турция — Туркменистан, сыгравших важную роль в мировой истории.

Караханиды, имея непосредственную связь с карлукскими туркменами, занимавшими место в образовании этого государства, а также чигилами, тухсийцами и аргуйцами, определяли характер туркменского государства. Создавая необходимую среду для выхода на историческую арену государств огузских ябгу и Великих Сельджуков, они открыли весьма важную страницу истории туркмен.

С другой стороны, данное государство имеет большое значение в плане развития культуры тюркоязычных народов. Великие культурные ценности, созданные этим государством, в последующем сыграли важную роль в тюркской истории и внесли большой вклад в её развитие. В лице Караханидов туркмены и турки своими культурными достижениями обогащали тюркскую и мировую историю.

E. MERGIL (TURKEY)

SELJUK TURKMEN STATE

(Middle ages)

In the middle of the 11th century turkish tribes, who created the Great Seljuk state and played an important role in the history of the Middle Ages, were called Aguzes and Turkmens. The name of Turkmen was also used by Oguzes as a political name. And after their migration to moslem lands, according to the islamic sources, they were known as Turkmens. After the collapse of Oguz Yabgu state in 1000, a great number of Oguzes moved from the north of the Black sea to the West. Another part of Oguzes went to the lands of Jends under leadership of Seljuk beg, then they defeated Gaznavids in Khurasan and created the Great Seljuk Empire (1038). Such islamic scientists as Ebul-Fazya Beyhaky, Ebul-Hasan Beyhaky (Ibn-Funduk), ElpKatip Isfahani, El-Bundari Dardizi, El-Hyuseyni, Ibnul-Jewzi, Ibnul-Eziz Sybt, Ibnul-Jewzi Rowendi described in their works the period of creation of the Great Seljuk state.

In the period of formation of the Great Seljuk state political debuts between the cousin led to the migration of Turkmens dependant on Arslan Yabgu beg to Syria and Iraq via Azerbaijan. But then the Great Seljuk sultans decided to move Turkmens in Anatoliya which belonged to the Byzantium Empire. In the middle of the 11th century those Turkmens, who stayed on their native lands, lived at the foot of the Karajuk Mountains, in Mangyshlak land in the villages at the lands of the Syrdarya. In the first half of the 13th century during Mongol invasions, a great number of Turkmens lived on the expanses stretching from Bukhara to Jend and Genikend. The lands of Mangyshlak and Balkan were also inhabited by Turkmens. Quickly migrating to the West through Iran, the Great Seljuk underwent many changes. Seljuk states were created in Turkman, Syria and Anatoliya. In the period of Sultan Sanjar's ruling (1118—1197), the Iraq Seljuk state joined those states. The Turkmens reached Egypt, Northern Africa and Yemen. However, in Yemen the Resuls ruled those lands from 1299 till 1454. Salgurs, who were the Atabeg noble dynasty, were the Turkmen rulers in the Persian velayat of Iran.

After the Seljuks' victory over Byzantium in the battle of Malazgirt in 1071, the Artyk state became one of the most important Turkmens' states created in Anatoliya. When the

Mongol conquerors invaded Anatoliya and defeated the Seljuk state, the Turkmens began to fight against them. Then new Turkmen states were created in Anatoliya. One of those states was the Ottoman empire it established its power in Anatoliya and then gained many victories in Europe and became a great state in the world.

Э. МЕРГИЛ (ТУРЦИЯ)

СЕЛЬДЖУКСКИЕ ТУРКМЕНСКИЕ ГОСУДАРСТВА

(Средние века)

В середине XI века племена, которые построили Великое сельджукское государство и сыграли важнейшую роль в истории средневековья, назывались не только огузами, но и туркменами. Название «туркмен» также употреблялось огузами как политическое название. Судя по исламским источникам, огузы переселились в мусульманские края и начали называться «туркменами». После развала огузского Ябгузского государства в X веке, огромная часть огузов переселилось с севера Чёрного моря на запад. Другая часть огузов отправилось в Джендские края под руководством Сельджук бека, затем они одержали победу над Газневидами и построили Великую империю (1038). Такие исламские учёные как Эбул-Фазия Бейхакы, Эбул-Хасан Бейхакы (Ибн Фундук), Елп-Катип Исфакхани, Ел-Бундари Дердизи, Ел-Хусейни, Ибнул-Джевзи, Ибнул-Эзиз Сыбт, Ибнул-Джевзи Равенди описывали в своих произведениях годы построения сельджукского государства. Политические противоречия между двоюродными братьями привели к тому, что туркмены, зависевшие от Арслана Ябгу бека, начали переселяться в Ирак и Сирию через Азербайджан. Но позже великие сельджукские султаны решили отправить туркмен в Анатолию, которая была под властью Византии.

В середине XI века те туркмены, которые остались в своих краях, жили у подножия Карджукских гор на Мангышлаке в сёлах у побережья Сырдарьи. В первой половине XIII века во время монгольских вторжений, большое количество туркмен жило в степях, которые простирались от Бухары до Джендаг и Еникенда. Мангышлак и район Балхаша также были заселены туркменами. Великие сельджуки претерпели многие изменения, когда быстро передвинулись на запад через Иран. Сельджукские государства были построены в Туркмении, Сирии и Анатолии. Во время правления султана Санджара (1118—1197) к этим государствам присоединилось иракское сельджукское государство. Туркмены дошли до Египта, Северной Африки и Йемена. Но в Йемене правили Ресулы с 1299-го года до 1454-го года. Салгуры, принадлежавшие к династии Атабеков, были правителями туркменского государства в персидском районе Ирана.

После того как сельджуки одержали победу над Византией в Малазгиртском сражении в 1071 году, Артыкское государство стало одним из важнейших туркменских государств, основанных в Анатолии. Когда монгольские завоеватели вторглись в Анатолию и одержали победу над сельджуками, туркмены начали бороться против них. Затем новые туркменские государства были созданы в Анатолии. Одним из таких государств стала Османская империя, которая установила свою власть в Анатолии, затем одержала множество побед в Европе и стала одним из великих государств мира.

К. ЯА. KOPRAMAN (TURKEY)

TURKMEN STATES IN EGYPT

It is known that the Emevy state (661—750) was one of the native Arab states. The Iranian influence played an important role in the Abbasid statehood. And the natural consequence of it was the increase of the Iranian population; this situation threatened the ca-

liph, hi order to keep balance with the Abbasid caliphs moved the Turks from the boundaries of the Islamic state and began to call them up for military service. Since El-Mamun's ruling (813—832), in a short period of time, the Turkish troops increased to 33000 soldiers and they began to enjoy preferential rights. Caliphs El-Mutasym (833—842) constructed the town of Samarra for those turkish troops and created wide possibilities for them. Those Turks married Arabian and Persian women and for their military spirit not to be lost, Turkish girls were brought to them and those girls were paid for it.

Brought from their native places at the young age and set free by their masters, those Turkish mamluks began to increase their influence and took power in their new motherland in their hands. The Turkish military leaders were appointed rules of different velayats for their good military service and in a short period of time they created sovereign states in those remote lands. One of the first states was the state created by Ahmet Jolun, known as the Abbasid rules who went to Egypt and there established a new state. The founder of dynasty, Ahmed's father, Tolun (el-Bedrul Kamil Dolunay) came from the Dokuz-Oguz Turks. The sons of Tolun (869—905) became the first representatives of the Turkish nation and culture, state and military structure in Egypt and Syria. After the ruling of the sons Tolun there another Turkish state of Yhshids (935—969) was created. The founder of the state was Muhammet Togach; his grandfather Yurt was a Turk from Fergana. Even the Islamic history confirms that the title «Yhshid» was given to Fergana's rulers and the Yhshids belonged to the royal family. The Yhshids, as well as their predecessors, the sons of Tolun, were representatives of Turkish culture in Egypt and Syria. But the Mumluks (1250—1517) provided permanent preservation of the Turkish population and influence in those lands. But it was generally acknowledged that before the Mamluks ruling the Eyubies were of royal origin and in different situations they were representatives of Turkish culture. According to the Islamic sources, the Mamluks, who were called the Turkish state («ed-dewletin-l-Turkiye») were not only the rulers of Egypt and Syria during 267 years, but they were also the protectors of the whole Islamic state till Osman invasions. Our report is dedicated to those three Turkish states created in Egypt and Syria.

К. Я. КОПРАМАН (ТУРЦИЯ)

ТУРКМЕНСКИЕ ГОСУДАРСТВА В ЕГИПТЕ

Как известно, Эмевское государство (661—675) было одним из коренных арабских государств. В структуре аббасидского государства важнейшую роль играла иранское влияние, и естественным результатом этого стало то, что в государстве увеличилось иранское население. Эта ситуация угрожала калифам. Таким образом, для того чтобы поддержать равновесие против иранцев, аббасидские калифы начали переселять турок с внешних границ исламского государства и использовать их на военной службе. В особенности со времён правления Эл-Мамуна (813—832), тюркские войска, чья численность достигла за короткое время 30000 солдат, начали пользоваться дополнительными правами. Калиф Эл-Мутасим (833—842) построил для этих тюркских войск город Самарру и предоставил им широкие возможности. Тюрки в тех краях женились на арабских и персидских девушках, но для того, чтобы они не потеряли свой воинский дух, им специально привозили тюркских девушек, и этим девушкам платили жалование.

Покинувшие в раннем возрасте свои родные края и освободившись от своих хозяев, эти турецкие мамлюки увеличили своё влияние и взяли власть на новой родине в свои руки. За хорошую службу турецкие военачальники были назначены правителями разных веляатов, за короткое время они создали в тех далёких краях независимые государства.

Одним из первых стало государство, основанное Ахмедом Толуном, ранее аббасидским правителем, переселившимся в Египет. Основатель династии — отец Ахмеда Толун (Эл Бедрул Камиль Толуной) — был родом из племени токуз-огузов. Сыновья

Толуна (869—905) стали первыми представителями тюркской нации и культуры, а также государственного и военного строя в Египте и Сирии. После правления сыновей Толуна в тех краях было основано другое тюркское государство — Ихмидов (935—969). Дед основателя государства Мухаммеда Тогоча Журт был тюрком из Ферганы. Утверждают, что титул ихшид присваивался правителям Ферганы и что ихшиды принадлежали к королевской семье. Ихшиды, как и их предшественники сыновья Толуна, были представителями тюркской культуры в Египте и Сирии. Мамлюки (1250—1517) обеспечили сохранение тюркского населения и влияние в тех краях. Считается, что до мамлюков у Эйюбов были королевские корни и что в любой ситуации они были представителями тюркской культуры. Исламские источники сообщают, что мамлюки, которые называли себя «тюркскими государями» (Эд-Девляту-л Туркие), не только правили в Египте и Сирии в течение 267 лет, но и защищали его до Османских вторжений.

A. SARLI (IRAN)

THE COMPANIONINARMS OF TURKMEN SHAHS

The empire of Sedjuks during many centuries carded out comprehensive transformations in the world and has finished Turkmen culture up to consciousness of many peoples and tribes. Thus, they reserves to us of much cultural and literary products. One of these products is the book «The history of Great Seldjuk's State», which is kept in Writing fund of Cairo museum of Egypt. The given book was written by vezir of Seldjuks shahs, Abu Nasir Anu Shirvan bin Halid al-Kashany. In order to write this book, Abu Nasir all the time was near Seldjuk's sultans, has become an eyewitness of great battles and victories and has described them, and also character and behaviour Seldjuk's sultans in the book.

Abu Nasir was born a 1066 year (459 years on hidjry) in Rey and has died a 1138 (532 years on hidjry). He was vezir of the Sultan Mahmud ibn Muhammed ben Melikshah. Abu Nasir This book has written by Abu Nasir on Persian language. In subsequent Imadetdin al-Isfany al-Katib, having been on a employ to his cousin Nuretdina Zengy, has translated this book on Arabian language.

Historical information, about which are informed in this work, on character a little bit differ on character from other ft consists that it informs on internal feelings and soulful world of Seldjuk's sultans. The companioninarms of sultans, which they trusted your secrets, has placed in the book earlier not known important events and stories about historical transformations. Very many various items of information about carried out seldjuk's sultans businesses, events and about their feats and victory are also available.

This book begins with introduction words of the author, then tells how Seldjuks haw leached power and how Togrul Beg in 447 on hidjry has won Baghdad. Further in detail tells about demise of Togrul Beg in Rey, about mount of the Sultan Alp-Arslan on the Seldjuk's throw and about tune of a reign Melik Shah, Sultan Masud, Atabek Ak-Atabek Ak-Sorikyr, Sultan Mahmud ben Muhammed ben Melikshah, Zengi ben Ak-Sonkyr and further up to time of the Sultan Sandjar. Actions of the Sultan Sandjar on territory modern Turkmenistan, disintegration in his time and period of a reign of the Sultan Arslan up to his death in 571 on hidjry are described.

The book for the first time was issued by the doctor Seid Muhammed Azavi in 1974 in Cairo in 284 pages. Is thought, that the given book can become one of basic examples for study the Turkmen history. I also want to inform about the willingness to translate this book from Arabian into Turkmen language.

А. САРЛИ (ИРАН)

СОРАТНИК ТУРКМЕНСКИХ ШАХОВ

Империя Сельджуков в течение многих столетий осуществляла всесторонние преобразования в мире и довела туркменскую культуру до сознания многих народов и племён. Таким образом, они оставили нам множество культурных и литературных произведений. Одним из этих произведений является книга «Тарих-и девлети али-Сельджук» (История государства великих Сельджуков), которая хранится в рукописном фонде Каирского музея Египта. Эта книга была написана везирем Сельджукских шахов Абу Насир Ану Ширван бин Халид аль-Кашани. Для того, чтобы написать эту книгу, Абу Насир всё время находился рядом с сельджукскими султанами, был очевидцем великих сражений и побед и описал их, а также характер и поведение сельджукских султанов.

Абу Насир родился в 1066 году (459 год по хиджре) в г. Рей и умер в 1138 г. (532 год по хиджре). Он был везирем султана Махмуда ибн Мухаммед бен Меликша. Абу Насир написал свою книгу на персидском языке. В последующем Имадетдин аль-Исфахани аль-Катиб, находившийся на службе у его двоюродного брата Нуретдина Зенги, перевёл эту книгу на арабский язык.

Исторические сведения, о которых сообщается в этом произведении, по характеру несколько отличаются от других. Отличие заключается в том, что книга содержит информацию о внутренних чувствах и душевном мире сельджукских султанов. Соратник султанов, которому они доверяли тайны своих душевных состояний, поместил в своей книге рассказы о ранее неизвестных важных событиях и об исторических преобразованиях. Также представлено много различных сведений об осуществлённых сельджукскими султанами делах, событиях и об их подвигах и победах.

Эта книга начинается вводными словами автора, затем рассказывает о том, как Сельджуки достигли могущества и каким образом Тогрул Бег в 447 г. по хиджре завоевал г. Багдад. Далее подробно рассказывается о кончине Тогрул Бега в г. Рей, восхождении султана Алп-Арслана на сельджукский престол и о времени царствования Мелик Шаха, султана Масуда, Атабека Ак-Сонкыра, султана Махмуда бен Мухаммеда бен Меликшаха, Зенги бен Ак-Сонкыра и позже, до времени султана Санджара. Описываются действия султана Санджара на территории нынешнего Туркменистана, распад в его время и в период царствования султана Арслана до его смерти в 571 г. по хиджре.

Книга впервые была издана доктором Сейидом Мухаммедом Азави в 1974 г. в Каире в 284 страницах. Думается, что данная книга может стать одним из основных образцов для изучения истории туркмен. Также хочу сообщить о своей готовности перевести эту книгу с арабского языка на туркменский.

Н. С. ГОРЕЛОВ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

«ТУРКОМАНЫ» СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Появление представления о туркоманах как об особом народе — турки были известны с давних пор, они упоминаются ещё в мерovingских хрониках как племена, имеющие общие корни с франками — неразрывно связано с событиями, предшествовавшими третьему крестовому походу. Первый подробный рассказ о происхождении народов турков (речь идёт, в первую очередь, о сельджуках) и туркоманов принадлежит Вильгельму, архиепископу Триполи и представляет собой отрывок из его несохранившегося сочинения «История восточных народов», включённый в другой пространный труд автора, озаглавленный «История о свершениях в заморских странах со времён на-

следников Магомета до 1184 г. от РХ». Вильгельм излагает события начиная с переселения турков в Персию и избрания ими царя по имени Сельджук. Завершая свой рассказ, Вильгельм отмечает: «Есть некоторая разница — по крайней мере — в названии между теми, которые поставили себе царя и, таким образом, приобрели великую славу, и теми, которые в грубости своей пребывают и по сию пору, не оставив прежнего образа жизни: одни называются тюрками, а другие древним именем туркоманы».

В «Книге о завоевании Святой Земли Саладином» туркоманы упоминаются в списке народов наряду с турками, сирийцами, арабами, аланами, египтянами, идумеями, бедуинами и сарацинами, а в ходе рассказа о взятии города Иоппы отмечается, что именно жадные до добычи туркоманы и бедуины набросились на имущество христиан. Послание 1188 г., адресованное Саладином Фридриху Барбароссе, также очерчивает пару бедуины — «которые, если мы их выставим навстречу недругам нашим, выстоят» — и туркоманы, «если обрушим их на врагов наших, то изничтожат оных». В «Описании паломничества и деяний короля Ричарда» говорится, что в числе добычи, захваченной Ричардом Львиное Сердце 12 июня 1192 г. в ходе нападения на турецкую засаду был захвачен посланец самого Саладина и то, что было при нем: три верблюда, лошади и мулы, а также красивые туркоманы, и, кроме этого, два мула в драгоценных шелковых пополах, разнообразные специи, алоэ и прочее. Этот список — а во всех остальных случаях противники крестоносцев обозначаются как турки — ясно свидетельствует, что термин «туркоман» применялся не только в значении этнонима.

Кардинал Яков де Витри в своей «Восточной истории» (сост. ок. 1220 г.) описывает туркоманов, опираясь на сведения, почерпнутые из «Истории восточных народов» архиепископа Вильгельма: «ГЛАВА XI. О ТУРКОМАНАХ. От этих самых северных сарацинов, которые называются команам, ведут своё начало и происхождение те, кого именуют туркоманами, то есть те, кто обитает в стране турков и веруют от слияния двух имен — турки и команы. О турках же мы из древних восточных историй знаем следующее: покинув северные регионы, они вторглись в пределы Персии и не только эту страну, но также почти все восточные земли покорили силою своей вооружённой десницы. И ныне сей народ, прежде грубый и бескультурный, не имевший определённого места жительства, а кочевавший вместе с жёнами и детьми, а также скотом в поисках удобных пастбищ, основал собственное царство, стал расселяться по городам и деревням, занялся земледелием, ибо прежде они жили только скотоводством, а также установил свои собственные гражданские законы. Те же, кто по-прежнему пребывая в своём невежестве, не желает отказываться от первоначального образа жизни, именуются туркоманами».

Францисканец Иоанн де Плано Карпини и его спутник, Бенедикт Поляк, упоминают в своих рассказах о татарах и путешествии в ставку Великого хана (1245—1247 гг.) о «теркеменах», покорённых одной из армий монголов, отправившейся в поход на западные страны. При этом «теркемены» территориально располагаются между исконными владениями самих монголов и «землями биссерминов». Миссионер Гильом Рубрук, посетивший Каракорум (1253—1255 гг.), отмечает, что страна Орган (Organum), где он сам побывал и откуда отправился во владения уйгуров, в прошлом была оккупирована туркоманами (единственное появление данного этнонима в его книге). Доминиканец Симон де Сент-Квентин, лично побывавший в Малой Азии и Закавказье (1245—1247 гг.) и на протяжении всего своего повествования оперирующий понятиями «турки» и «царство Турция», трижды использует этноним «туркоман», в двух случаях указывая таким образом на происхождение персонажей, поднимающих восстание в царстве Турция и пытающихся узурпировать власть султана, в третьем он рассказывает о том, как раненный немецкий крестоносец оказался в деревне Сирихизар, где жили туркоманы, скончался там от ран и был похоронен, после чего на его могиле произошло множество чудес.

Бурхард с горы Сион, автор «Описания Святой Земли» (сост. в 1283 г.), следует традиционной схеме. Он отмечает, что на равнине от крепости Аркей до крепостей Крак (Хусн эль-Акрад) и Тортозы «обитают в шатрах вместе со своими жёнами и детьми и скотом своим и верблюдами туркоманы, мадианиты и бедуины — видел там огромное стадо верблюдов и считаю, что многие тысячи верблюдов были в нем». Описывая народы, населяющие Палестину, Бурхард говорит: «Кроме того, в Святой Земле есть мадианиты, которые ныне называются бедуинами, и туркоманы, занимающиеся разведением скота и верблюдов, которых у них чрезмерное изобилие. У них нет определённого места обитания, но в любое место, где только обнаруживают пастбище, переселяются заодно со своим шатрами. Хотя они весьма много воюют, но не пользуются в сражении ничем кроме мечей и копий. Стрелы они не применяют, утверждая, что крайнее бесстыдство — похищать с помощью стрелы человеческую жизнь. В сражении сильные, они не надевают ничего, кроме кожаных одежд, а сверху — большие и просторные сорочки, только голову прикрывая куском ткани. Вся Сирия полна ими, однако, особенно много их обитает вокруг реки Иордан, от Ливана до пустыни Фаран, ибо там расположены горы для коз и овец и долины для быков и верблюдов. Овцы столь велики в тех местах, а в особенности бараны, и хвосты у них такие большие, что одним хвостом могут насытиться человека три, а то и четыре». Бурхард также утверждает, что «весь восток от [Средиземного] моря до Индии и Эфиопии исповедует и проповедует имя Христа, за исключением одних только сарацин и туркоманов, которые обитают в Каппадокии».

Марко Поло открывает первую книгу своего «Описания мира» (запис. 1298 г.) рассказом о Туркомании, где обитают три народа, «и первый из них — туркоманы, которые поклоняются Магомету и придерживаются его веры, и они простые люди и у них грубый язык. Они обитают в горах и на равнинах, там, где, как они знают, имеются хорошие пастбища, потому что они живут скотоводством. Надо Вам сказать, что здесь рождаются хорошие туркоманские лошади и хорошие мулы, дорого стоящие». Примечательно, что в главах LV и LVI Поло употребляет выражение «Великая Турция», описывая с его помощью территорию Туркестана.

Миссионер-доминиканец Рикольдо де Монте Кроче (ум. в 1320 г.), посетивший Палестину и Багдад в последней четверти XIII века, включил в описание своего паломничества на Восток следующий рассказ (Глава VIII — О Турции и Туркомании): «[1] Миновав Армению, мы попали в Турцию и встретили туркоманов, людей звероподобных. Они — сарацины и живут под землею, словно кроты. [2] Они внезапно вылезают из земляных нор, словно мыши, и нападают на кого-нибудь. [3] Народ они дикий, но отважный, а в особенности их жёны. [4] Опуская прочее, скажу лишь об одном. [5] Когда мы ехали на верблюдах, то одна беременная туркоманская женщина шла пешком следом за животным, а ночью, когда мы оказались в пустыне, родила, и слова не вымолвив. [6] Вот настало утро и, на наше удивление, все услышали писк дитяти, а мать, подхватив его, снова пешая отправилась вслед за верблюдами. [7] Вышеупомянутые туркоманы особенно не ладят с греками, обитающими возле Великого моря. Это те самые греки, которые во время одного из крестовых походов, которые франки предпринимали против сарацинов, множество франков погубили, подмешав в муку известь. Ведь франки, доверившись им как христианам, приняли из их рук эту пищу и съели, и множество людей, вкусивших подобную пищу, перемерли прямо на месте. [8] Как мы доподлинно узнали от людей, достойных доверия, эти греки так боятся туркоманов, что не смеют выходить из своих городов и крепостей иначе как надев узду, которую сами на себе завязывают. [9] И утверждают, что туркоман обязательно убьет кого-нибудь из них, если не увидит на нем узды. [10] И даже когда отправляются сеять, или в лес, или ещё куда-нибудь, то всё равно повсюду носят с собою узду и повязывают её. [11] Так сбылось над ними сказанное Соломоном: *Беззаконного уловляют собственные беззакония его, и в устах греха своего он содержится (Притчи 5,22)*».

Армянский принц Гайтон, двоюродный брат царя Киликийской Армении Хетума II, покинувший свою родину, вступивший в орден премонастров и ставший одним из самых читаемых историографов Франции, составил в 1307 году по просьбе папы Клементя V «Цветник историй земель Востока», в первой книге которого помещено описание восточных стран от Китая до Сирии. Гайтон рассказывает: «Царство Туркестан на востоке граничит с царством Тарс, на западе — с Персидским царством, на севере — с царством Хорезма, а на юге оно достигает окраин Индийской пустыни. Крупных городов в этом царстве немного, зато там простираются великие равнины и добротные пастбища. А отсюда жители этой страны почти «все как один» пастухи и живут в шатрах, поскольку подобные жилища легко перемещать с одного места на другое. Столица этого царства именуется Отрар. В этой стране не выращивают пшеницу и ячмень, а питаются просом, молоком и рисом. Вина у них совсем нет, однако они пьют пиво и прочие напитки. А люди этой страны прозываются турками и почти все как один веруют в ложные заповеди закона Магомета. Впрочем, среди них встречаются и язычники, у которых нет ни закона, ни веры. Народ сей собственной грамоты не имеет, а в городах и замках население использует письма арабские». Следует отметить, что Гайтон приводит в своём сочинении отдельное описание царства Турции, которое он размещает в Малой Азии и характеризует как «весьма обширное и очень богатое. Серебряные, железные, медные и квасцовые копи в этой стране весьма многочисленны. Также там существует изобилие вина, хлебов и фруктов; неисчислимы стада как домашнего скота, так и породистых лошадей». Анонимный автор «Путешествия сэра Джона Мандевилля» (ок. 1356) воспроизводит в своём романе предложенную армянским историком схему.

Изложенные сведения позволяют сформулировать следующие выводы:

Во-первых, в представлениях европейцев имела место чёткая дифференциация между турками (с ними соотносили завоевательные успехи сельджуков) и туркоманами, народом скорее диким и кочевым, близким по своему укладу и бесстрашию к бедуинам. Вместе с тем, отмечалась общность происхождения двух народов, два термина иногда оказывались взаимозаменяемыми, но определяемые ими понятия при этом не отождествлялись друг с другом.

Во-вторых, по мере того, как путешественники и миссионеры проникали вглубь Азии, владения туркоманов перемещались дальше на восток и соотносились с территорией, где проживали народы, именовавшие себя «туркмены».

В-третьих, уже с конца XII века начинают появляться не только сведения о самих туркоманах, но и выдающихся туркоманских лошадях, на которых, скорее всего, проецируется название разводившего их народа.

N. S. GORELOV (ST.-PETERSBURG)

TURCOMANS IN MEDIEVAL WESTERN EUROPEAN SOURCES

Examination of Western European sources of 12th — 13th centuries brings us to several conclusions about the use of the word «Turcomans» in Latin sources:

First, Europeans made clear difference between Turks (who were identified with Seldjukid invasion) and «Turcomans», nation of rude nomadic warriors, close in their habits and courage to Bedouins. The common origin of both nations was definitely known, two names sometimes replaced each other, but there was always certain difference between structured and nomadic tribes.

Secondly, while Western travelers and missionaries discovered new countries of Inner Asia, the land of Turcomans was moved more and more distant to the East till it was identified with the places where Turkmen lived.

Thirdly, from the end of 12th century one can find the word «Turcoman» being applied not only to a nation, but a race of horses reared up by this tribe.

В. П. ЛЕОНОВ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

**ИЗДАНИЯ О ТУРКМЕНИИ
В ФОНДАХ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Библиотеке Российской Академии наук принадлежит особая роль в изучении литературы Туркменистана. В 1914 г. из-под пера библиотечной типографии вышел том «Книга рассказов о битвах текинцев» — первое крупномасштабное издание литературного памятника на туркменском языке. Это произведение — жанр которого издатель и переводчик А. Самойлович определил как «историческая поэма» — было создано в XIX в. махтумским поэтом Абду-с-Саттаром Казы и является одним из уникальных примеров в истории мирового фольклора, отражающим переходную стадию от устного эпического творчества к письменной литературе. В фондах Библиотеки РАН хранится экземпляр этого издания, преподнесённый переводчиком А. Самойловичем директору первого отделения Библиотеки, выдающемуся исследователю русского летописания академику А. А. Шахматову. В предисловии к изданию отмечено, сколь большую роль сыграли в подготовке публикации ведущие российские востоковеды — директор иностранного отделения БАН К. Г. Залеман и будущий член постоянной библиотечной комиссии академик В. В. Бартольд.

В собрании БАН присутствует немало редких, иногда уникальных книг, связанных с Туркменией. Особо следует выделить целый ряд работ конца XIX — начала XX в., относящихся к периоду освоения русскими территории Туркестана. Эти книги ценны, в первую очередь, этнографическими наблюдениями, широким спектром сведений, характеризующих быт и нравы туркмен, их материальную и духовную культуру. Естественно, интерес к населению Средней Азии проснулся в России ещё до того, как на территорию Туркестана вступили русские войска, и наглядный пример тому — переводы сочинений путешественника А. Вамбери, неоднократно представленные читателям как в дорогих изданиях, так и в качестве приложений к географическим журналам — популярной, широкодоступной литературы. К 70-м годам относится также опубликованный в виде отдельной брошюры очерк «Наши соседи в Средней Азии: Хива и Туркмения», опиравшийся на заметки о путешествиях Н. Муравьева и Н. Стебницкого; экземпляр этой брошюры, хранящийся в Библиотеке РАН, отмечен экслибрисом графа Сергея Строганова. По мере происходившего под руководством генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана освоения Туркестанского края начинают появляться российские исследования о Туркмении, базирующиеся на материале, собранном «из первых рук». Следует отметить исследование «Туркмения и туркмены», опубликованное в 1879 г. А. Куропаткиным, и работы начала XX в., в частности, «Путеводитель по Туркестану» и «Весь русский Туркестан» И. Гейера, «Туземцы Закаспийской области и их жизнь» капитана О. Михайлова, книгу этнографических заметок «Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке» Р. Карутца. Администрация края, как это можно видеть из целого ряда публикаций, осознавала свою особую роль и ответственность в деле распространении в России знаний о Туркестане. Наглядным примером этого является «Кауфманский сборник», выпущенный в 1910 г. и представивший русскому читателю всё многообразие среднеазиатской культуры. Нельзя не упомянуть о том, что именно в этом сборнике увидели свет первые записи туркменского сказочного фольклора, переведённые на русский язык А. Самойловичем. Издававшиеся в Петрограде книги Н. Лукошина, в частности, его популярный свод «Хороший тон на Востоке», обращены к русским переселенцам, переезжавшим из Сибири и других губерний на территорию Туркестана и должны были максимально облегчить им контакты с местным населением.

20-е годы нашего века можно охарактеризовать представленными в фондах БАН сводами этнографических сведений о Туркмении, как в кратком виде — в книге А. Максимова «Какие народы живут в России» (1919 г.), так и в пространном — в обобщаю-

шей работе О. Тумановича «Туркменистан и туркмены» (1929 г.), примечательно, что последняя опирается не только на труды русских и европейских учёных, но и широко привлекает материалы, собранные местными исследователями. Анализируя литературу 30—50-х гг. о Туркмении, следует отметить комплексный подход к изучению республики, продемонстрированный Академией наук. К исследованию природы края обратился академик В. А. Обручев, в это же время систематизируются материалы, накопленные в ходе экспедиций ботаником В. Л. Комаровым. Изучение истории Туркмении ознаменовалось изданием под редакцией академиков С. Л. Волина и А. Ю. Якубовского двухтомного сборника материалов, представляющего извлечение из сочинений арабских, персидских, а также местных историографов. В 1957 г. увидел свет академический перевод «Родословной туркмен» Абуль-Гази, выполненный академиком А. Н. Кононовым. Актуальность и научная значимость этих масштабных изданий, получивших всемирное признание, велика и по сей день.

V. P. LEONOV (ST.-PETERSBURG)

THE BOOKS ABOUT TURKMENIA IN THE LIBRARY OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

In 1914 in the typography of the Library of Russian Academy of Sciences was printed a book entitled «The Book of stories about the battles of Tekin heroes: a Turkmen historical poem from XIX century», edited and translated by Alexander Samoylovich. This poem written by Abdu-s-Satar kazy — a descendant of Makhtum tribe, who performed judge duties in the city of Khiva. He was an educated man, experienced in literacy and Muslim scholarship. The manuscript of the poem — now lost — was lent to A. Samoylovich by khan N. N. Jomudskij, the other, late copy of poem — also used for the edition was made by Khodzelli-mulla in 1906. The publication is illustrated by the monochrome lithography reproduction of the only one manuscript page (Fol. 18b). The copy of «The Book of stories about the battles of Tekin heroes» kept in the Library of the Russian Academy of Sciences is to be considered unique and rear one. On the front page we find a donation inscription made by the translator in reverence to the Director of the I-st Department of the Academy Library — Alexander Shakhmatov, pioneer of Russian chronicle studies. In the preface A. Samoylovich states that his teachers, the faculty of Oriental languages of St. Petersburg university and the board of directors of the Academy library (A. Shakhmatov and C. Zaleman) undertook great efforts in his research project and publication of the text of the manuscript. We should emphasise the role the Library of the Russian Academy of Sciences. But for this institution the unique masterpiece of Turkmen literature would have never been printed and preserved for the readers of next generations. It was the Library of the Russian Academy of Sciences who introduced the world to the literature of Turkmen people. This enlightenment activity and significant academic attention to Turkmen heritage is to be considered the one of Library's traditions and our book collection of XIX—XX c. in the fields of Turkmen anthropology, history and natural sciences is voluminous and representative.

Г. П. ВАСИЛЬЕВА (МОСКВА)

ПЕРЕЖИТКИ ДРЕВНИХ ФОРМ СЕМЬИ И СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ У ТУРКМЕН В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

1. Семейно-бытовой уклад туркмен до 30—40-х гг. XX в. характеризовался многими пережитками патриархально-родового быта, архаическими обычаями и верованиями. Во многих родовых группах туркмен в фольклоре и преданиях сохранялись следы экзогамии, в некоторых же ещё в конце XIX в. наблюдался левират и (реже) сорорат.

2. Следы бытования в прошлом материнского рода прослеживались в частности в широко распространённом до недавнего времени у большинства туркмен обычае «гайтарма», при соблюдении которого молодая женщина через несколько дней после свадьбы обязана была возвратиться в родительский дом, где находилась определённый срок — от нескольких дней до нескольких лет — яркий пример пережитка периода перехода от матрилилокального поселения к патрилокальному, ни у одного из других народов Средней Азии и Казахстана не сохранившегося столь отчётливо.

3. Явлением того же порядка следует назвать пережитки авункулата — отношений разного рода между братом женщины (материнским дядей — дайы) и её детьми (племянниками и племянницами — еген), характерные для эпохи перехода от материнского рода к отцовскому. Роль дайы и вообще всех мужских родственников по материнской линии у большинства туркменских племён, как показывают наши этнографические материалы, была значительной.

4. Сохранялась у туркмен и дуальная экзогамия, предполагающая обязательность браков между двумя социальными единицами. Пережитки дуальной организации (таким образом и дуальной экзогамии) были открыты С. П. Толстовым у туркмен ещё в 30-х годах XX в. Позже они были прослежены и у других народов Средней Азии — киргизов, каракалпаков, казахов.

5. При дуальной экзогамии характерны так называемые кросскузенные браки; между тем у туркмен в XIX — начале XX в. стали чаще практиковаться ор-токузенные браки, т. е. браки между детьми двух братьев или других родственников отца по мужской линии, что свойственно развитому патриархальному роду в период его разложения. Это уже родовая эндогамия, связанная в классовом обществе со стремлением не выпустить имущества из своего рода. Строго соблюдалась племенная эндогамия: браки между представителями разных племён считались нарушением обычного права.

6. В конце XIX — начале XX в. у туркмен преобладала большая патриархальная семья, особенно прочная в тех регионах, где сохранялось комплексное хозяйство. Она обычно включала в себя несколько поколений родственников или семьи нескольких братьев, ведущих общее хозяйство (ырысгалы бир), имевших общий котел и кассу. Главой её был старший по возрасту мужчина — отец семейства или старший из братьев, ведавший всеми расходами и собиравший доходы. Над женщинами главенствовала жена старшего. Положение женщины, особенно младшей, в такой семье было тяжёлым. В случае смерти мужа, вдова обычно становилась женой родственника покойного (дакылма). Этот пережиток древнего обычая левирата бытовал и у других народов Средней Азии, однако обычай сорората — брак вдовца с младшей сестрой умершей жены — у туркмен встречался гораздо чаще, чем у соседних народов.

7. Одним из наиболее важных вопросов, решавшихся обычно всей родственной группой, был вопрос о заключении брака. Кроме указанных выше условий заключения брака (племенная эндогамия, предпочтительность родственных браков) по адату запрещались браки между «чистокровными» — «иг» и туркменами рабского происхождения «гул». Был распространён стговор малолетних (адаглы, адаглама) и раннее заключение брака. Калым, как и у других народов, был обязательен. Без калыма заключались лишь перекрестные браки «гарша», когда две семьи обменивались невестами.

8. Свадебная обрядность, как известно, складывалась в период перехода от матриархата к отцовскому счёту родства, поэтому в ряде моментов свадебной церемонии сохраняется матрилилокальное или дислокальное поселение и ведущая роль родственников по материнской линии. Это и отражено в свадебной обрядности большинства среднеазиатских народов и казахов. У туркмен же существовал свадебный обряд более развитого типа: основные его моменты отражали прочно установившиеся патриархальные порядки.

9. На сложение свадебной обрядности туркмен определённое влияние оказали не только социально-экономические, но вероятно и этнические факторы. Отличаясь от обрядов среднеазиатских народов обряды туркмен обнаруживают определённую

связь со свадебной обрядностью этнически близких им на западе народов — азербайджанцев, туркмен Турции и значительной части турок, в этногенезе которых также приняли участие огузы. Не останавливаясь здесь на примерах других этнических связей туркмен, прослеживаемых в свадебной обрядности, отметим интересный свадебный обычай, свидетельствующий о связях туркмен с народами даштикыпчатского происхождения — казахов и полукочевых узбеков. Имеется ввиду сохранившийся ещё в начале XX в. у сарыков и некоторых туркменских групп Средней Амударьи обычай козлодрания (кок-бори, овлак чапды и др.).

Таким образом, форма семьи и семейной обрядности ярко отражают этапы этнического и этнокультурного развития народа.

В. И. Аникин (Молдова)

**К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ
БЕССАРАБИЕЙ И ТУРКЕСТАНОМ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.
(на примере каракулеводства)**

Овцеводство в Бессарабской губернии с давних времен занимало главное место в занятиях местного сельского населения. Этому способствовали благоприятные обстоятельства: обильные пастбища, выносливость и неприхотливость овец к содержанию и корму как в летних, так и в зимних условиях. В крае были распространены породы местных грубошерстных овец: цыганские, чушки, пырные, волошские, а мериносы только входили в «моду». Хотя эти породы, кроме последней, давали немного шерсти, но она, особенно с цыганских овец, считалась тогда лучшей. Грубошерстные породы овец были незаменимы в крестьянских хозяйствах ещё и потому, что они давали хозяевам всё необходимое для жизни — молоко и масло, сыр и мясо, наконец, сырьё для одежды.

Однако, начиная с 70-х годов XIX столетия, для животноводства вообще и для овцеводства в частности, в Бессарабии наступили тяжелые времена. С широким развитием зернового хозяйства, значительным ростом распашки земель, естественно, сокращались площади под выпасы овец. Цена на единицу земли существенно возросла, увеличилась и арендная плата за землю. Крупным землевладельцам стало попросту невыгодно содержать стада овец. Требовалась, по мысли новаторов сельского хозяйства, некая универсальная порода овец, которая бы, допустим, не уступала по молочности местным «чушкам», а по шерстности превосходила тех же цыганских овец. Именно этими качествами, по слухам, обладала каракульская овца. Вот почему бессарабские землевладельцы в лице членов распорядительного комитета Бессарабского собрания сельских хозяев (БССХ) обратили свое внимание в глубины Азии, в частности, в Туркестан.

Члены указанного комитета действовали достаточно быстро и рационально. Они обратились к родственному Полтавскому сельхозобществу, которое уже занималось подобным вопросом, и получали ответ где, по какой цене были куплены каракульские овцы, каким путем их доставили в Полтаву. Следующим шагом было ходатайство БССХ перед министерством государственных имуществ и земледелия о желании приобрести каракульских овец. Определились желающие из местных землевладельцев купить каракульских овец, собрали нужную сумму. Деньги были перечислены на особый счёт. Связующим звеном между покупателями и продавцами выступил вышеназванный департамент, который действовал через канцелярию Туркестанского генерал-губернатора.

В конце мая 1884 года распорядительный комитет БССХ получает уведомление от Департамента земледелия о том, что служители канцелярии Туркестанского генерал-губернатора закупили в Ангорской волости Самаркандского округа («отдела») 30 маток и 31 барана каракульской породы, отправленных почтовым трактом в город Оренбург под присмотром пастухов Ир Магомета Асатулаева и Шакира Джурабаева. Пастухов

снабдили в дальнюю дорогу верблюдом, ишаком и разными дорожными принадлежностями, выделили деньги на покупку необходимого корма для овец. Собранные и перечисленные из Кишинева 2694 рубля с лихвой покрыли расходы связанные с покупкой овец, перегоном стада, выплатой жалованья пастухам (из расчета 22 рубля в месяц), выплатой дополнительных денег за доставку к месту каждой живой овечьей головы и полученного в пути приплода, а также почтовыми расходами.

Стадо овец благополучно прибыло в Оренбург почти на два месяца ранее намеченного срока. Осмотр стада ветеринарным врачом также оказался успешным. Все овцы оказались здоровыми — «зелёная» улица для отправки каракулей в Бессарабию была обеспечена. Департамент земледелия обязал оренбургского губернатора срочно нанять двух проводников и определить для их сопровождения полицейского околоточного. Овец погрузили в специальные вагоны и отправили в путь по железной дороге Оренбург-Тула и далее на юг. В конце июля 1884 года представители БССХ встретили «овечий» поезд на кишиневском вокзале, подписали акт о приёмке овец, выдали вознаграждение проводникам. Так каракульские овцы получили «прописку» в хозяйствах бессарабских землевладельцев Х. Ануша, С. Главче, П. Дическу, И. Катаржи, П. Кузьминского, А. Лазо, К. Ласкари, К. Леонарда, К. Руссо, В. Синадино, Д. Чолакоглу и др.

Из сохранившихся в Национальном архиве документов видно, что каракульские овцы прекрасно акклиматизировались в нашем крае, чистокровного приплода получено за год 22 штуки. Метизация каракульских овец производилась с местными чёрными матками, приплод получился почти совершенно однотипный с каракульскими производителями. Каракульские овцы были розданы в шестнадцать экономий (хозяйств). Закупленная первая партия каракулей послужила основой для организации в крупных хозяйствах племенной работы, но количество овец было явно недостаточно — пришлось сделать ещё несколько закупок чистопородных каракулей в Туркестане. Первые два десятка лет по-настоящему племенная работа велась лишь в отдельных помещичьих хозяйствах. По мере роста стада каракули медленно распространялись и по другим хозяйствам (посредством продажи). Наибольшее распространение каракули получили в южных уездах губернии (Аккерманском, Бендерском, Измаильском). Особи, полученные от скрещивания, быстрее распространялись в северных уездах. В крестьянские хозяйства каракули «пришли» только в начале нынешнего столетия.

Во втором десятилетии нашего века возросшие экономические трудности (мировой спад в сбыте и потреблении зерна и др.) заставили бессарабских хозяев опять повернуться лицом к овцеводству и принять меры для повышения доходности этой когда-то прибыльной отрасли животноводства. Сельскохозяйственный совет при Бендерском уездном земстве решает создать «племенной рассадник» каракульских овец (десять баранов и девяносто маток). Для закупки чистопородных особей в Туркестан выезжает целая делегация бендерчан и поддержавших их кишиневских хозяев. Закупленные в далёкой Бухаре каракульские овцы благополучно прибыли в Бессарабию в середине апреля 1912 года. Дела в питомнике пошли успешно и он вскоре полностью удовлетворял потребности хозяев Бендерского и Кишиневского уездов.

В сентябре 1912 года в Москве состоялась первая всероссийская выставка овцеводства. На ней были представлены и живые каракули из стада бессарабских хозяев братьев П. В. и А. В. Синадино. Представленные немногими хозяевами овцы отличались завидными смушковыми качествами. Значительный интерес у отечественных и зарубежных, особенно немецких и австрийских хозяев, наряду с чистокровными каракулями, вызывали метизированные породы каракульских овец с местными.

В настоящее время в связи с ликвидацией общественного животноводства (в колхозах, совхозах) перспективы развития овцеводства и каракулеводства, в частности, в крестьянских хозяйствах повышаются. Более чем вековые традиции, заимствованные в далёком Туркестане, продолжают жить и развиваться. Каракуль является неотъемлемым элементом национальной одежды местного населения.

VII. МНОГООБРАЗИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: МИР ИСКУССТВА И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА

Г. Я. ВАСОВА (АШГАБАТ)

ТРАДИЦИИ ТЕАТРАЛИЗОВАННОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И НАРОДНЫЕ АНСАМБЛИ СОВРЕМЕННОГО ТУРКМЕНИСТАНА

Театрализованные представления и народные ансамбли занимают особое место в духовной жизни туркменского народа. Уходящие корнями в глубокую древность театрализованные представления, одной из разновидностей которых являются и народные ансамбли, послужили благодатной почвой для возникновения и развития современных туркменских массовых, зрелищных представлений. По истории театрализованных представлений и народных ансамблей бахши-сазанда имеются некоторые сведения в работах средневековых историков и путешественников прошлого. Достаточно много сведений сохранилось в народных эпосах «Героглы», «Огузнаме», «Гокут Ата», в дестанах «Шасенем и Гариб», «Зохране и Тахир», «Гул-билбил», «Лейли и Меджнун», «Саятлы и Хемра» и др.

Театрализованные представления у туркмен бытовали ещё во времена Огуз хана, Горкут Ата. Первые сведения об этом имеются в «Огузнаме». Самыми организованными, зрелищными, впечатляющими видами театрализованных представлений являлись тогда триумфы, праздники победы, праздники урожая, встреча Новруза, демонстрации бойцов, выступления перед народом ансамблей бахши-сазанда, девушек — виртуозных исполнительниц народной музыки, актеров, дервазчи, хокгачи, джигитов-конников и др.

Театрализованные представления в древности и средневековье у туркмен отличались от народно-массовых гуляний, обрядовых празднеств, тоев и шагалангов тем, что они имели чёткую смысловую направленность, тематические особенности, с хорошо продуманным сценарием, отличной режиссурой, отрепетированными до высокого мастерства исполнителями-бахши, сазанда, оюнчи, а также удачным выбором места и времени их проведения, средств и жанров выражения чувств, целей, театральных, актерских, силовых, умственных, творческих возможностей народных масс, отдельных мастеров. Некоторые театрализованные представления у туркмен отличались необычностью. Например, зикры (Кушт депди) и магические восклицания — прошения у бога или посвящения богам жертвы (прошение у Буркута дождя, жертвоприношения Буркуту).

Ныне основной целью проведения театрализованных представлений, как и раньше, остается их зрелищность. Организаторы театрализованных представлений стремятся запечатлеть в народной памяти значимость, незабываемость и праздничную особенность торжеств, посвящённых различным знаменательным датам и событиям.

С обретением Туркменистаном своей независимости традиции проведения театрализованных представлений получили новое развитие. Обогатились формы, виды и методы их проведения. Примечательно, что именно в них наиболее отчетливо проявляются связи с древними традициями. Например, празднества годовщины независимости и нейтралитета Туркменистана, Халы байрамы («Праздник ковра»), Бедев байрамы («Праздник скакуна»), Новруз байрамы («Праздник Нового года»), Гонгшиокара байрамы («Праздник добрососедства») и другие праздники сейчас не обходятся без театрализованных представлений.

Современные театрализованные представления отличаются масштабностью, грандиозностью, массовостью, колоритностью, содержательностью, красочностью, оформленностью, организованностью. В настоящее время использование различных технических средств (аудиовизуальной, звукоусилительной, светопрожекторной, трансляционной, радио-

управляющей техники), пиротехнических средств, фейерверков, люминированных ламп, электронных табло и экранов-сцен живого изображения усиливают зрелищность проводимых театрализованных представлений.

Хорошо оформленные, благоустроенные площади, стадионы, амфитеатры и парки увеличивают возможность организованного проведения театрализованных представлений. Их основным ядром являются народные ансамбли. Ныне они стали более привлекательными. Возрос и уровень мастерства выступающих.

Народные ансамбли Туркменистана за годы независимости получили широкое развитие. Буквально за несколько лет независимости в этрапах, городах и селах страны появилось более 200 народных фольклорных, около 60 хореографических, более 70 музыкальных и других ансамблей, что свидетельствует об огромном размахе народного творчества и привлечении широких слоев населения к художественному творчеству. Такие коллективы как фольклорные ансамбли под руководством народных артистов Туркменистана Д. Сапаровой, Г. Алиджановой «Сумбар», «Балсаят», «Пенди нагмалары», «Элемгошар», хореографические ансамбли девушек «Менгли», «Назли», «Айджан», «Айлар», «Дияр», ансамбли бахши, ансамбли туркменских народных инструментов, ансамбль скрипачей за короткое время проявили себя как талантливые мастера.

Возобновляются и репертуары народных ансамблей. Ранее народные ансамбли не могли включать в репертуар песни и танцы религиозной тематики, а также туркменские национальные, характерные танцы и песни. Сегодня репертуар этих ансамблей пополнился песнями, музыкальными и хореографическими произведениями, прославляющими и воспевающими Родину, Народ, Сердара. Всё новые тенденции развития народного творчества предопределены нашим глубокоуважаемым Президентом Сапармуратом Туркменбаши и находят постоянную поддержку нашего Вождя.

Под руководством Великого Туркменбаши министерства культуры Туркменистана разработало Программу развития культуры и искусства Туркменистана до 2010 года, в которой, в частности, намечены меры по дальнейшему развитию театрализованных представлений и народных ансамблей.

G. VASOVA (ASHGABAT)

TRADITIONS OF DRAMATIZED PERFORMANCES AND FOLK ENSEMBLES OF THE MODERN TURKMENISTAN

Dramatized performances take particular place in spiritual life of the Turkmen people. Sources of the Turkmen dramatized performances originate in the extreme antiquity. The folk epos «Oguzname» contains the earliest information about this phenomenon. In the days of Oguz khan and Korkut ata the most organized, spectacular, and impressive kinds of performances were: triumphs, victory holidays, harvest holidays, Novruz Bairam (New Year's Day), fighters shows, appearances of bakhshi-sazanda ensembles (folk singers and musicians) and folk music girls-performers, popular actors, djigits-jockeys and so on.

The Turkmen dramatized performances had always well defined seance trend, well thought-out scenario and excellent direction of play. During independence years traditions of the dramatized performances conducting have obtained new development and forms, kinds and ways of theirs conducting have become rich. Modern performances in the open air are characterized by large scale, grandeur, colourful, organization, and also by technical facilities using (audio-, visual- and other equipments; pyrotechnic means, fireworks, elektron scoreboards and so on), which strengthen action effect.

The folk ensembles are one of kinds of dramatized performances. More than 200 folk ensembles, about 60 choreographic ensembles, more than 70 musical collectivities have been organized during few years of Independence. Their repertoire has been replenished with religious and patriotic songs and dances.

In the government programme for culture and art development up to 2010 were planned the measures for the further development of dramatized performances and folk ensembles.

Р. Х. ИСМАИЛОВ (АШГАБАТ)

К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА В ТУРКМЕНИСТАНЕ

Широко известно, что театральное искусство возникло на заре человеческой культуры. Младенчеством театра стали игры и обряды. В этих играх появились и первые «действующие лица» — добрые и злые силы. В играх рождались диалоги, они росли. А это уже зачатки будущей драматургии — основы любого спектакля. Культура туркменского народа самостоятельна и самобытна, она целиком определяется своеобразными историческими условиями Туркменистана. «Разговор» в переводе с древнегреческого означает «диалог». Подобные диалоги были популярны среди поэтов, и назывались они «айтысами». На айт-ысы собиралось много слушателей, превращая этот диалог в своеобразный поединок, состязание поэтов в находчивости, остроумии, знании жизни и в умении её поэтического отражения. Айт-ыс предвещал собой пока изустную, но уже драматургию.

Какими же путями шло в далеком прошлом распространение классических произведений, если народ был неграмотным? Как могло случиться, что все эти дестаны и поэмы не исчезли из памяти народа? Хранителями литературного наследства, перерастающего в будущую драматургию, распространителями его в массах были бахши, занимавшие значительное место в жизни туркмен.

Народные забавники существовали у всех народов Запада и Востока. В разных странах их называли по-разному. В Туркменистане они назывались масгарабазами или оюнбазами. Подобный тип актера широко известен многим восточным народам. Их искусство, сходное в общих чертах, обладало национальным своеобразием, которое выражалось в образном языке разноплеменных оюнбашей, в склонности к тому или иному виду творчества.

Искусство масгарабазов заключало в себе примитивные элементы актерского мастерства — импровизацию, живое ведение диалога, пластические движения и жесты. Всего этого было недостаточно для создания театра, так как тут отсутствовало главное — умение создать психологический образ и умение личные, поступки и движения выдать за деятельность вымышленной личности, несуществующей в реальности.

Творческая энергия народа накапливалась веками, и при благоприятных условиях, каковым было открытие в Ашхабаде русского драматического театра в 1926 году, подготовившего уже в 1929 году туркменскую драматическую студию, открылся занавес национального театра. Пионерами театрального искусства в Туркменистане были замечательные актеры А. Кульмамедов, Сона и Сурай Мурадовы, Б. Аманов и другие, составившие основной костяк будущего академического театра драмы имени Молланепеса.

В. СВОБОДОВ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

МУЗЫКАЛЬНЫЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ТУРКМЕНИСТАНА И ПРОБЛЕМА ЕГО РЕКОНСТРУКЦИИ

С развитием археологической науки особое внимание учёных стали привлекать выявленные в ходе раскопок предметы, интерпретируемые как музыкальные инструменты или детали их конструкций. Подобная интерпретация находок, а тем более попытка реконструкции самих археологических инструментов либо в качестве музейного

экспоната (Бо Лоугрен, США), либо в качестве акустического прибора для нахождения звуков определённой ладовой системы (Александр Гнездилов, Барнаул, Алтай; Рикардо Эйхман, Германия), требует тесных творческих контактов археологов и музыковедов.

Реконструкция струнных музыкальных инструментов, снабжённых гримом (так называемых, грифных хордофонов) по данным археологических раскопок предполагает восстановление внешнего облика инструмента и принципа звуковысотной настройки струн. Корпус восстанавливается по обнаруженным остаткам резонатора. Но как реконструировать звуковысотное соотношение струн щипково-смычковых инструментов Центральной и Средней Азии, в частности, Туркменистана? Если, как свидетельствуют данные исследований, проводимых на секторе инструментоведения Российского института истории искусств (РИИИ), струны грибных хордофонов средневековой европейской музыкальной культуры настраивались на устойчивые звуки лада, то представляет большой научный интерес, в каком соотношении к своей музыкальной системе находилась настройка струн инструментов Востока?

Одним из основных направлений восстановленного в 1992 году сектора инструментоведения РИИИ является работа над составлением «Энциклопедии музыкальных инструментов народов мира». По теме собран значительный материал, который нашел отражение в опубликованных тезисах докладов Международных инструментоведческих конференций сериала «Благодатовские чтения» (1993, 1995, 1997 гг.), а также выпусках сборника «Материалы к энциклопедии...». В связи с этим не может не вызывать повышенный интерес туркменский музыкальный инструментарий. Являясь председателем оргкомитета конференций и руководителем темы, естественно я снова и снова обращаюсь к трудам своих предшественников и, конечно, к фундаментальному исследованию «Атлас музыкальных инструментов народов СССР», опубликованному в 1975 году под общей редакцией известного учёного К. А. Верткова. По ряду объективных причин статья, посвящённая тан-буру, вызвала у меня повышенный интерес. Было, например, любопытно узнать, что звукоряд инструмента, воспетого в X веке Фирдоуси, включает в себя две октавы звукоряда тональности соль мажор (!), тогда как мажоро-минорная система в самой западноевропейской музыкальной культуре начала формироваться значительно позднее. Цитируемая в «Атласе» нотация звукоряда инструмента не согласуется с описанием техники левой игры на нём: «Струны прижимают около самого лада и с разной степенью силы, что... позволяет изменять высоту звука до полутона» (Атлас... 1975: 168).

Далее читатель узнаёт, что «основной репертуар танбурчи разделы макомов» и «кроме них на танбуре исполняются инструментальные пьесы и народные песни». Возникает вопрос: какое отношение к западноевропейской мажоро-минорной ладовой системе, окончательно сформировавшейся в творчестве венских классиков Моцарта, Гайдна и Бетховена, имеет упоминаемый в поэме «Шахнаме» инструмент, приспособленный для исполнения мелодий народов Востока? Средневековый европейский пятиструнный фидель в своей звуковысотной настройке струн и своём звукоряде, отражал сложившуюся к тому времени систему музыкального мышления определённого региона. Вероятно, и танбур времён Фирдоуси настраивался в соответствии с особенностями музыкальной среды, в которой он бытовал, а наигрыши, исполнявшиеся на нём, определяли его звукоряд.

К сожалению, проблеме возникновения и эволюции инструментальных строев хордофонов Востока современным инструментоведением не уделяется должного внимания. Требуется срочный пересмотр содержания статей «Атласа», посвящённых описанию музыкального инструментария Туркменистана. Большую помощь в этом могут оказать туркменские музыковеды и, конечно, музыкальные археологи, с которыми петербургские инструментоведы давно уже находятся в тесном творческом контакте.

V. A. SVOBODOV (ST.-PETERSBURG)

**MEDIEVAL MUSICAL INSTRUMENTS OF TURKMENISTAN
AND THE QUESTIONS OF THEIR RECONSTRUCTION**

Among a rich set of musical instruments of the peoples of Central Asia the musical instruments of Turkmenistan occupy an especial place. When reconstructing chordophones that came from archaeological excavations the present author offers a texture-fingering method of restoring the interval structure of musical pitch, which has already been widely approbated on musical instruments from various regions of the World, with taking into account peculiarities of the musical tongue of Turkmen culture. While working at the «Encyclopaedia of Musical Instruments of the Peoples of the World» the Department of Musical Instruments of the Russian Institute of the History of Arts is hoping for a close creative co-operation between the scholars of Sankt-Petersburg and Turkmenistan.

Р. АЛЛАЯРОВ (АШГАБАТ)

**ТУРКМЕНСКОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ
И МУЗЫКАЛЬНАЯ СРЕДА СОВРЕМЕННОГО ТУРКМЕНИСТАНА**

В условиях обретения Туркменистаном независимости и статуса нейтрального государства раскрылись невиданные ранее возможности интенсивного вхождения в систему мировой цивилизации, изучения истории культуры, обмена духовными ценностями. «Национальная гордость, национальное возрождение, — как отмечал Президент Туркменистана Сапармурат Туркменбаши, — начинается с изучения истории своего народа. А у Туркменистана богатая история, великая литература, самобытное искусство. Чтобы оценить величие своего народа, необходимо самим познакомиться с ценностями нашей истории, культуры».

На протяжении веков сформировалась богатая и самобытная туркменская музыка, глубинные истоки которой уходят в глубокую древность, в творчество наших далеких предков. Прекрасные архитектурные памятники: мавзолеи Иль-Арслана, Текеша, султана Санджара, Тюрабек-Ханым, султана Али, мечети Данданакана, Талхатан-Баба, минареты Мамуна и Кутлуг-Тимура, а также исторические, этнографические, археологические и другие научные достижения свидетельствуют о существовании на туркменской земле древнейших очагов обитания человека и высокоразвитой культуры.

Наши предки бережно хранили музыкальное наследие, не ограничивая доступ к нему. Оно находилось в постоянном обиходе, совершенствовалось и видоизменялось, рождая всё новые песни и жанры.

С обретением независимости мы прошли большой путь по укреплению экономической и организационной базы музыкальной культуры. Так, одним из первых указов Президента Туркменистана Сапармурата Туркменбаши стал Указ об открытии Туркменской национальной консерватории в 1992 году, которая ныне функционирует как высшее звено системы музыкального образования в Туркменистане.

Музыка в нашем новом государстве стала явлением широкомасштабным, охватывающим самые широкие слои населения. Рождаются новые песни, создаются новые произведения о Родине, независимости и нейтралитете, о Президенте Сапармурате Туркменбаши — основателе нового туркменского государства. Они являются отражением духовного состояния нации, воздействуя на воспитание молодого поколения.

В Туркменистане сохранены ранее существовавшие театральные, филармонические коллективы. Немало и нового: музыкально-танцевальные коллективы, фольклорные ансамбли, различные детские музыкальные коллективы и др.

В годы независимости конкурсы профессиональной музыки европейской традиции существуют наряду с национальными музыкальными праздниками: международный конкурс имени Нуры Халмамедова, международный женский конкурс эстрадных и народных певиц тюркоязычных государств «Шасенем бойдашларыны чагырар», национальный конкурс молодых музыкантов имени Чары Нурымова, конкурс исполнителей эстрадной и народной музыки «Зенан калбы», фестиваль «Ашык Айдын Пир», детские музыкальные конкурсы «Сайрак жуйжелер», «Гарашсызлыгын мерджен дэнелери», праздник туркменского бахши, телеконкурс «Янлан Диярым» и многие другие. Ежегодно проводятся конкурсы на создание лучших музыкальных произведений, в которых отражается тема Родины и независимости. Эти конкурсы поддерживаются и поощряются Президентом.

Музыкальная программа стала важнейшей частью проведения таких массовых праздников как Праздник Государственного Флага и День Рождения Президента Туркменистана, Новруз-Байрам, День Победы, День Возрождения и Единства, Дни поэзии Махтумкули, Курбан-Байрам, праздников Воды, Туркменского скакуна, Ковра, Дыни, Урожая, Бахши, Студенческой молодежи и др.

С обретением независимости музыкальное искусство Туркменистана впервые получило широкое распространение в разных странах мира. Творческие контакты с зарубежными музыкантами на нашей земле способствуют взаимообогащению и пониманию музыкальных культур разных народов.

Сегодня музыкальная культура получила новый импульс развития, находится под пристальным вниманием Президента Туркменистана, является важным объектом его текущей и перспективной политики.

Каждый из нас, кому небезразлична судьба национальной музыкальной культуры, должен включиться в процесс поиска оптимальных решений насущных проблем развития музыкального профессионального и самодетельного творчества. В связи с этим необходимо проведение международных симпозиумов, конференций с целью дальнейшего глубокого и всестороннего изучения традиций народного музыкального творчества и их бытования в современных условиях.

R. ALLAYAROV (ASHGABAT)

TURKMEN MUSICAL HERITAGE AND MUSICAL ENVIRONMENT OF MODERN TURKMENISTAN

In conditions of a finding by Turkmenistan of independence and status of the neutral state, the study of a history of culture and exchange of spiritual values have revealed unprecedented before an opportunity of intensive entry in system of a world civilization. «National pride, the national revival,— as was marked by the President of Turkmenistan Saparmurat Turkmenbashi,— begins with study of a history of the people. And Turkmenistan has a rich history, great literature, original art. To estimate greatness of the people, it is necessary ourselves to get acquainted with values of our history and culture». During centuries rich and original Turkmen music was generated, which deep sources leave in a remote antiquity, in creativity of our far ancestors. Perfect architectural monuments: the mausoleums of Al-Arslan, Tekesh, sultan Sandjar, Fakhretdin-Razi, Turabek-Hanum, sultan Ali, the mosques of Dandanakan, the minarets of Mamun and Kutlug-Timur, and also historical, ethnographic, archeological and other scientific achievement testify to existence on Turkmen ground of the most ancient centers of the man living and highly developed culture.

Our ancestors carefully kept a musical heritage, not limiting access to it. It was in constant use, was improved and changed, giving raise all new songs and genres.

With a finding of Independence we have passed the large way on strengthening economic and organizational base of musical culture. So, one of the first decrees of the President of Turkmenistan Saparmurat Turkmenbashi has become the Decree about opening of Turkmen national conservatoire in 1992, which nowadays functions as a top echelon of system of music education in Turkmenistan. Music in our new state has become the large-scale phenomenon, covering the widest layers of the population. The new songs are born, the new works about a native land, independence and neutrality, about the President Saparmurat Turkmenbashi — founder of the new Turkmen state are created. They are reflection of a spiritual condition of a nation, influencing on education of young generation.

In Turkmenistan the earlier existing theatrical, philharmonic collectives are kept. Much and new: musical-dancing collectives, folklore ensembles, various children's musical collectives etc.

Within independence the competitions of professional music of the European tradition exist alongside with national musical holidays: the international Nuri Khamiamedov competition, international female competition of the variety and national singers of the Turk speaking states «Shasenem boydashlaryny chagyryar», Chari Nurimov national competition of the young musicians, competition of the performers of variety and national music «Zenan kaibi», festival «Ashik Aydin Pyr», children's musical competitions «Sayrak Juyjeler», «Garashsizligyn merdjen daneleri», holiday Turkmen bakshi, telecompetition «Yanlan Diyarim» and many others. Competitions on creation of the best pieces of music annually will be carried out, in which the theme of a native land and independence is reflected. These competitions are supported and are encouraged with the President.

The musical program has become a major part of realization of such mass holidays as a Holiday of a national Flag and Day of Birth of the President of Turkmenistan, Novruz-Bayram, Day of a Victory, Day of Revival and Unity, Days of poetry of Magtumkuli, Kurban-Bayram, the Holidays of Water, Turkmen horse. Carpet, Melon, Crop, Bakshi, Student's youth etc.

With a finding of Independence the musical art of Turkmenistan for the first time has received a wide circulation in the different countries of the world. The creative contacts to the foreign musicians on our ground promote inter-enrichment and understanding of musical cultures of the different peoples.

Today musical culture has received a new pulse of development, is under steadfast attention of the President of Turkmenistan, and is the important object of his current and perspective policy.

Each of us, to whom the destiny of national musical culture is not indifferent, should join in process of search of the optimum decisions of essential problems of development of musical professional and amateur creativity. In this connection the realization of the international symposiums, conferences is necessary with the purpose of the further deep and all-round study of traditions of national musical creativity and their existing in modern conditions.

Д. Ж. ЖУМАБЕКОВА (КАЗАХСТАН)

СКРИПИЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО КОМПОЗИТОРОВ КАЗАХСТАНА И ТУРКМЕНИСТАНА: НА СТЫКЕ ВЕКОВ

Музыкальная культура Казахстана и Туркменистана, самобытная, уходящая своими корнями в глубь веков, отличается характерными чертами и особенностями. Народное музыкальное творчество дореволюционной эпохи создало прочный фундамент для формирования и становления национальной профессиональной музыки. Творчество казахстанских и туркменских композиторов можно понять исходя, прежде всего, из богатого и своеобразного музыкального прошлого, специфики и эволюции их музыкальных культур.

XX век отличается ярким взлетом культуры и искусства, в том числе и музыкального, приведший к значительным художественным достижениям, расцвету многих национальных школ. Перед композиторами двух стран центральноазиатского региона встали сложные задачи, связанные с воплощением нового содержания, необходимостью отразить динамизм эпохи, найти формы выражения, отвечающие логике исторического развития.

Скрипичное творчество композиторов Казахстана и Туркменистана не может быть оторвано от реальности, потому что автор является частью своего общества, своего времени, а его собственные произведения используют выразительный язык музыки, язык культуры, служащий средством общения. Скрипичное искусство Казахстана и Туркменистана заняло одно из достойных мест в ряду национальных культур стран СНГ. Широкое признание получили многие произведения (концерты, сонаты, поэмы, сочинения малой формы) известных композиторов Востока, как Г. Жубанова, С. Мухамеджанов, Е. Рахмадиев, К. Кужамьяров, А. Кулиев, А. Агаджиков, Ч. Нурымов, Р. Аллаяров, Н. Халмамедов и другие.

Во второй половине XX века внушительное число скрипичных произведений, созданных разными поколениями композиторов республик Казахстана и Туркменистана, обнаруживает глубокое внутреннее их родство. Критерием родства выступают, как правило, близость сюжетов и тем, сходство идейно-творческой проблематики, тождество приемов использования композиторской техники. Стремительно пройдя путь интенсивного развития, скрипичное творчество композиторов двух стран характеризуется постепенным углублением образно-эмоционального содержания, симфонизации цикла, обогащением жанров скрипичной музыки, освоением опыта мировой музыкальной культуры. В целом это создаёт предпосылки для более яркого выявления национальных черт и придаёт лучшим произведениям авторов свежесть и неповторимое своеобразие.

Произведения для скрипки с оркестром ярко инструментальны. В партии солирующего инструмента органично претворены традиции народного музицирования, своеобразные особенности тембровой палитры, приемы штриховой техники, которые придают ей импровизационно-виртуозное звучание.

Национально-характерные способы игры находятся в сочетании с новейшими композиционными средствами выразительности искусства XX и XXI веков, создавая органичный сплав, выражающий особенности художественного мышления казахского и туркменского народов.

Наиболее ярко и полно взаимопроникновение народно-инструментальных традиций исполнительства с профессиональным скрипичным искусством проявилось в Концертах для скрипки с оркестром Г. Жубановой (1957), С. Мухамеджанова (1975), К. Кужамьярова (1982), В. Рахмадиева (1985); Концерте-поэме для скрипки с оркестром Р. Аллаярова (1969), С. Кибировой (1982); Поэме для скрипки и фортепиано А. Кулиева (1941).

Немаловажное значение в развитии скрипичной музыки имеет плодотворное сотрудничество композитора и исполнителя. Многие яркие произведения неразрывно связаны с именами известных скрипачей современности – народными артистами Республики Казахстан, лауреатами международных конкурсов, профессорами А. Мухамеджановой, Г. Мурзабековой, заслуженными артистами РК И. Коган, Р. Хисматуллинным и другими. Композиторы здесь не только отдают дань восхищения их таланту и виртуозному мастерству, но и стремятся услышать свои сочинения в художественно-совершенном звучании.

Сегодня скрипичные произведения композиторов Казахстана и Туркменистана издаются, записываются на аудио и видеокассеты и звучат с концертной эстрады во многих странах мира.

С. ТУРАЛ (ТУРЦИЯ)

ТУРКМЕНСКИЕ ДЕСТАНЫ: ИСТОЧНИКИ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ¹

Общеизвестно, что дестаны вбирают в себя народные обычаи, верования, нравы, богатство языка и культуры. В этом плане туркменские дестаны являются богатейшими источниками. Следует признать, что турецкие дестаны по богатству языка берут начало от Огузнаме. Высочайшим эталоном для нас являются прекрасные дестаны «Коркут ата», «Короглы». Примечательно, что дестаны прекрасно отражают исторические события. Так, в Огузнаме можно найти много интересного относительно доисламского периода. Начало новой исторической эпохи можно проследить в туркменских дестанах «Коркут ата» и «Короглы».

Туркменистан можно назвать настоящим музеем эпохи огузов. Благодаря дестанам стали поняты типы, характеры огузов. Получила известность группа огузов под именем туркмен. После опубликования полного текста туркменского дестана «Короглы» мы смогли воочию увидеть географию распространения различных огузских племён.

К. ВЕЛИЕВ (АЗЕРБАЙДЖАН)

«КИТАБИ-ДЕДЕ КОРКУД» КАК ЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ И ТУРКМЕНСКИХ НАРОДОВ

Огузо-тюркский этногенез, этнография, история государственности, психологизм, мастерство стихосложения — для всего этого незаменимым источником является сказание «Деде-Коркуд». Привязанность к родине, к прародине, гуманизм и справедливость, материнская любовь, почитаемость семейных ценностей, героизм и доблесть — духовная сокровищница «Деде-Коркуд»а.

Глубокое изучение «Деде-Коркуд»а, освоение этого наследия современной национальной культурой очень важно с точки зрения выявления, пройденного человечеством, цивилизованного пути.

Рукописи «Деде-Коркуд»а — Дрезденский, Ватиканский, Берлинский списки, и другие памятники необходимо исследовать и изучить в единстве, то есть не исключая периоды от её мифологического создания до письменного оформления. Учитывая общетюркский характер места «Китаби-Деде Коркуд»а, связанные с Азербайджаном и Туркменией, являются особой темой исследования.

Исторические источники связанные с эпосом «Китаби-еде Коркуд» можно разделить на две части. 1. Эпопея, включающая в себя историческую мифологическую родословную традицию, созданную под влиянием огузского движения после XIII века. 2. Данные арабской и персидской истории, географической науки, а также информация, сохранившаяся в армянско- и грузиноязычных исторических источниках. К первой части относятся полуисторические, полулегендарные произведения огузов, начиная с Огуз Хагана, включая героев «Китаби-Деде Коркуд». Они охватывают более двадцати лет. Во второй части исторических источников особенно отражается появление огузов на Кавказе и в Анатолии и их сражения. Информация, полученная из обоих источников, служит для создания исторической панорамы «Китаби-Деде Коркуд».

В данный момент некоторые племена в Туркменистане связывают свою родословную с Газан ханом. Важная роль салуров в огузском государственном языке подтверждается другими историческими источниками. Вследствие этого среди туркмен существует многочисленные предания и легенды, связанные с Салур Газаном. Туркменский историк Салур Баба в своём Огузнаме умел пользоваться этими легендами.

¹ Резюме с турецкого текста.

И. ВЕЛИЕВ (АЗЕРБАЙДЖАН)

ОБ ИСТОРИКО-ЭТНИЧЕСКИХ АНАЛОГИЯХ В ТУРКМЕНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ МЫШЛЕНИИ

Туркменский и азербайджанские народы, связанные общими корнями, имеют много аналогий и даже тождеств в исторической судьбе, культуре. Необходимо совместное изучение древней истории и культуры народов, имеющих этническую и историческую общности. С этой точки зрения изучение нижеследующих проблем представляет огромную значимость по своей актуальности для обоих народов:

- совместное изучение истории древних огузов;
- доказательство общности культуры огузов, известных в истории под различными именами;
- уточнение мифологического мира огузов, его сравнительное изучение с мифологическими образцами древнего мира;
- изучение исторической географии огузских походов;
- проведение сравнительного анализа археологических, исторических, религиозных и материальных памятников культуры.

Одной из важнейших задач является определение общности древней огузо-туркмено-азербайджанской эстетической мысли, семиотических тождеств путём сравнительного анализа художественно-исторических ценностей, произведений литературы и искусства. В этом случае на первый план необходимо выдвинуть традиционные особенности произведений словесного, изобразительного и музыкального искусств. Вопросы, привлекающие внимание в ряду основных проблем:

- историческое происхождение и особенности развития поэтических образцов и дестанов азербайджанского и туркменского народов;
- проведение историко-художественно-философских обобщений на основе историко-мифологических образов Кёр-оглы — Геракл — Кёр-оглы, уточнение их огузо-сагского (скифского) происхождения;
- раскрытие художественно-философского и историко-религиозного содержания орнаментальных деталей коврового и иных видов прикладного искусства;
- определение становления огузской системы сюжетов, их отображения и взаимовлияния в искусстве других народов путём изучения древних религиозных верований;
- изучение взаимосвязей историко-типологических особенностей в религиозных обрядах и семейно-бытовых традициях.

Для совместного изучения указанных проблем, учёным Азербайджана и Туркмении надлежит разработать комплексный план научных мероприятий, провести научные симпозиумы и конференции, опубликовать научные сборники. Только этим путём возможно осуществить выявление туркмено-азербайджанских историко-этнических общностей, изучение совместных литературно-философских проблем и высвечивание древнейшей истории огузов.

А. Г. ШАМИЛОВ (АЗЕРБАЙДЖАН)

ТУРКМЕНСКИЙ ПОЭТ ТИЛИМХАН

Скорость современного научно-технического развития не идет в ногу с изучением нашей истории, литературы, фольклора, этнографии, одним словом, изучением самих себя. К великому сожалению до сих пор литературоведение не обратилось к изучению такого поэта как Тилимхан: о нём нет сведений в учебниках, нет анализа его произведений, нет даже книги его стихов. Наука впервые получила сведения о Тилимхане у Али Кямали (1944—1996). Родившись в деревне Бандамир, которая находилась недалеко

ко от города Сава, и которая входила в свою очередь в состав (область) Эраг Иранской Исламской Республики Али Акбер оглы Кямали окончил юридический факультет Тегеранского Университета. Работавший адвокатом до последних дней своей жизни, Али Кямали был известен также как литературовед. Заслуга его огромна в изучении литературы и фольклора в так называемых иранских источниках «Среднеиранских тюрок», «Саваинских тюрок». В номерах журнала «Варлыг» за 1981—1989 годы, изданного в Тегеране, вышли в свет более 20-ти научных статей Али Кямали.

В начале XX века тюрки проживали в 729 деревнях области Сава (в данное время число этих деревень уменьшилось до 450 — *А. Ш.*). Из этих деревень Али Кямали собрал около 30-ти дестанов, стихотворения около ста поэтов, не вошедших в историю литературы, а также пословицы, сказки, баяты и т. д. Собранные им дестаны — «Гариб и Шахсенем», «Таир и Мирза», «Асли-Керем», «Магомед и Пери», «Хамрах», «Саййад и Саадат», «Аббас Дурханский» и другие объёмные дестаны, изданные на сегодняшний день в Турции, Иране, Азербайджане, Туркмении и в других регионах, представляют интерес как новый вариант, а также части (голлар) дестана «Кероглы».

Среди собранных и подготовленных для издания (но, к сожалению, не изданных) произведений Али Кямали «Диван» Тилимхана занимает особое место. Али Кямали в качестве исследования написал предисловие к «Дивану», состоящему из 10000 бейтов, дал разъяснение около 5 тысячам арабских и персидских слов, часто употребляемых в стихотворениях, а также пяти тысячам джинасов (чинас). Следует отметить, что в литературе тюркских народов нет второго такого художника как Тилимхан, который бы уделял столь важное место джинасу.

Глубоко изучивший жизнь и творчество Тилимхана Али Кямали пишет: Марага — одна из деревень Мызылканской (Ноберан) Бахши (район — *А. Ш.*), из которого родом наш родной брат и великий поэт. А Марагинцы считают своими корнями из Турхменов. Эту мысль подтверждают стихи самого Тилимхана:

Билэнлэр билсин мэн Тилимханам,
Билмэјнлэр билсин, көвһэрэм канам.
Сакини Мэрафаеј эсли туркманам
Кээ-кээ бу чаһаннан кэлирэм.
Пусть знают все, что я Тилимхан,
Пусть знают незнающие, что я дорого ценен.
Из Мараги я, считаюсь тюркменом
С любовью гуляю по этим местам.

или:

Туркмен тилим, белэ гэмдэн гурума
Вар кеткинэн Истанбула-Урума,
Тор гурмушдум тэрлан кэлэ торума,
Тэрлан шикары да сар олуб мэнэ.

или же:

Мэмин пушиши гулландым,
Једим, ичдим мэн сулландым,
Беһиштэ кетлим мэн доландым

Принадлежащий к роду Тилимханов и 4 года живший уже в XIX—XX столетиях Мирза Махмуд также и своих стихотворениях пользовался псевдонимом Туркмен Махмуд. Всё это лишний раз подтверждает, что кочевавшие, начиная с XI века на запад и обосновавшиеся в Иране, Кавказе, Турции и даже на Балканах огузы до начала XX века считали себя туркменами. Отсюда и схожесть языка, стиля, ритма поэта назвавшего себя Туркменом. Махмуд был знаком не только с творчеством поэтов средних веков, но и с творчеством современных тюркских поэтов. А для изучения сходства стилей, направлений, языка, ритма необходимы новые исследования тюркоязычной поэзии.

ОБЪЕКТЫ И ПРОСТРАНСТВО ТУРКМЕНСКОЙ НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

В Туркменистане, как почти во всей Азии, дома строились из серо-жёлтого лёсса, характерного для местной почвы, поэтому они словно выростали из земли, представляя в целом совершенно однородную монохромную массу. Таковы были рядовые жилища, богатые резиденции, укреплённые замки-кёшки, массивные крепостные стены городов и, конечно, комплексы святилищ различных конфессий, погребальные постройки, а в позднее время общего упадка строительного дела, когда практически вышел из употребления жжёный кирпич, — абсолютно все стационарные сооружения туркменских поселений: мавзолеи, мечети, минареты, медресе, караван-сарай и т. д.

Исследования объектов строительной культуры туркмен XVIII—XIX вв., проведённые за последние десятилетия с большой тщательностью такими квалифицированными специалистами как Д.-М. Овезов, А. Оразов, А. Джикиев, Г. П. Васильева, В. Л. Воронина, В. А. Левина, В. Г. Мошкова, Е. Е. Неразик, А. К. Писарчик, Г. А. Пугаченкова, Б. И. Вайнберг и др. позволили зафиксировать и классифицировать практически все типы туркменского народного жилища во всех районах компактного проживания туркмен. Однако их работы носят прежде всего описательный археолого-этнографический характер и не раскрывают сущностной стороны архитектуры, её сакрального содержания; такой анализ материала вовсе не входил в их планы, эти учёные решали иные, не менее важные задачи, вводя в научный оборот целый пласт исчезающей культуры. Между тем, никакая архитектурная форма в сознании наших предков не была сугубо утилитарной, как не было произвольных объёмно-планировочных схем и случайных композиций. Жизнь традиционных обществ жёстко регламентировали устоявшиеся веками правила, каноны и предписания, отклонение от которых практически исключалось. В полной мере это касается и строительной деятельности. Поэтому архаические сооружения всегда имеют, например, строгую ориентацию по сторонам света, постоянно повторяемые закономерности организации пространства, функциональных связей между помещениями и т. п. Это касается как жилых, так и общественных объектов, которые в гораздо меньшей степени изучались названными авторами (исключение составляют лишь историко-архитектурные труды академика Г. А. Пугаченковой).

Вероятно, можно выделить два основных типа организации пространства туркменской народной архитектуры, обусловленные ментальными свойствами насельников. Это динамическое пространство, развертывающееся по принципу простого или сложного ритмического порядка по одной оси, и статическое пространство (центрально-симметричное). Первое достаточно точно описывает структуру полукочевого поселка (о б а), второй же тип характеризует его структурную единицу — юрту (о й), либо её более поздний глиняный аналог — г у м б е з. Понятно, что нет, да и не может быть столь упрощённой классификации типов пространственного мышления в зависимости от образа жизни, которая, казалось бы, следует из противопоставления кочевников-скотоводов и оседлых земледельцев (чарва и чомур). На самом деле, это как бы два сообщающихся сосуда и этнически, конфессионально единый народ, чья строительная программа была подчинена общей космогонической модели мифологического сознания. Она выработалась в среде огузо-туркменских племён задолго до н. э. и включение их в систему исламской культуры почти не повлияло на её суть. Несостоятельность противопоставления кочевой и оседлой цивилизаций нагляднее всего иллюстрирует именно туркменское село в том состоянии, каким оно было ещё в начале XX в.

Не касаясь юрты, представляющей собой поистине гениальное изобретение номадов, и уже всесторонне исследованной, обратимся к не менее значимым сырцо-

вым постройкам туркмен, их соседей и предков. Лепная архитектура глиняных домов, пластическая мягкость и лаконизм фасадов — вот качества, которые возводят простейшие, казалось бы, объёмы в разряд эстетически значимых объектов.

Глина — имманентный и, по-сути, безальтернативный материал этого региона, определивший конструкцию, форму и цвет всех без исключения сооружений — от мелких жилых структур до массивных храмов и крепостных стен — на протяжении всего обозримого исторического периода. Наиболее ранние следы строительной деятельности людей на территории Туркменистана относятся к эпохе неолита и датируются по археологическим материалам как минимум VII тысячелетием до н. э. (например, поселение Джейгун), а самые поздние примеры сырцовых архитектур в массовом количестве дают постройки XIX — первой половины XX в., если не учитывать отдельные случаи строительства по древним схемам, имеющие место до сих пор. Стало быть, сырец используется здесь на протяжении последних девяти тысячелетий и лишь теперь мы являемся свидетелями того, как в результате глобализации мышления и стремительного разрыва с традиционными системами воспроизводства культуры этот архитектурный материал (вместе с другими отжившими формами предметного мира) остается в прошлом, превращается в музейный экспонат или театральную декорацию. В США есть примеры удачной имитации сырцовых построек, воссоздающих облик индейских домов в пустыне, но это не более чем ностальгическая попытка гуманизации пространства, когда современные конструкции закамуфлированы псевдоглиняной наружной отделкой. Подобные решения, вероятно, не только уместны, но и перспективны в странах, которые уважают свою историю и пусть даже в постмодернистской манере пытаются возродить давно утраченный культурный контекст.

В этом смысле Туркменистан обладает завидным потенциалом и находится в достаточно выгодном положении. Здесь до сих пор можно увидеть сотни древних и средневековых объектов из сырцовых кирпичей или пахсы, дальнейшее сохранение которых представляет собой серьёзную техническую проблему. Специалистами до сих пор не найдена эффективная технология консервации таких сооружений и этот вопрос требует самого пристального внимания соответствующих организаций. Однако, учитывая развитие индустрии туризма, целесообразно было бы вести строительство современных зданий в зоне исторических ландшафтов не в агрессивных формах, диктуемых стандартами уходящего века, а в мягкой ретроспективной манере, давно освоенной архитекторами, создающими среду, а не отдельные её элементы, совершенно чуждые окружающей местности.

О. А. ХАДЖИЕВА (АШГАБАТ)

ДЕКОР В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ ТУРКМЕНИСТАНА И ТРАДИЦИИ НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

На примере памятников Мерва, Керки, Анау, Нисы обсуждается значение декора в архитектуре средневекового Туркменистана. Архитектура этого периода очень своеобразна, и в истории зодчества Средней Азии занимает довольно прочные позиции. В то же время, развивая традиции древних местных мастеров, она несёт в себе элементы архитектуры стран Ближнего Востока и Средней Азии. Начиная с VII века н. э. на всем Ближнем Востоке под влиянием ислама проявляется декоративная общность, но в каждом регионе со своими особенностями. Этот процесс особенно ярко выражен в памятниках архитектуры IX—XIII веков. Средневековые города играли важную роль в культурной жизни государств, к примеру: Мерв, Ургенч и др. Несмотря на появление новых декоративных элементов в период ислама, связь с до исламскими традициями декора не угасла. Важным фактором для развития декора в архитектуре послужило появление но-

вых типов сооружений связанных с религией (минареты, мечети, медресе, мавзолеи), и с развитием феодальных городов (караван-сарай, крытые рынки, бани, дворцы и др.).

Особенность туркменской архитектуры в том, что пластические и тектонические построения она существенно перерабатывала. Была распространена чёткая светотеневая игра на однотонной поверхности, при сохранении монументальности в целом.

Определённый упадок городской культуры в Туркменистане приходился на XVII—XVIII вв. Перемещение мировых торговых путей и отсутствие внутренних возможностей перехода к более развитым формам социальной и культурной жизни приводят к застою в развитии страны, что резко отразилось на уровне её градостроительной культуры.

В публикациях по Закаспийскому краю нередко, кроме юрт, упоминались «глинобитные мазанки» туркмен, эти постройки не рассматривались как произведения архитектуры. Существовавшее представление о кочевом быте туркмен сложилось по отчетам чужеземных наблюдателей, которые отмечали не свойственные их собственному быту черты — легкую подвижность населения и наличие кочевых жилищ в связи с потребностями полукочевого скотоводства и земледелия.

Определённую работу по изучению позднесредневековой архитектуры Туркменистана проводила Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция, возглавлявшаяся академиком М. Е. Массоном. В 1953 г. был издан специальный том трудов экспедиции «Архитектура туркменского народного жилища».

Архитектура туркменского народного жилища обладает рядом индивидуальных качеств, отличающих её от жилой архитектуры народов других среднеазиатских республик. Создателями этой архитектуры были туркмены, а образующими её факторами — природа, климат, географическое положение и строительные материалы.

Рассматриваются традиции народного жилища в разных районах Туркменистана, в Теджене, Мары, Кизыл-Арвате и т. д. Приводятся характерные для данной местности жилища. Истоки многих элементов местной архитектурно-строительной традиции, отражённых в позднем туркменском народном жилище, прослеживаются в более раннем зодчестве Южного Туркменистана.

О. А. KHADZHIEVA (ASHGABAT)

THE DECOR IN ARCHITECTURE OF TURKMENISTAN AND THE TRADITIONS OF THE FOLK ARCHITECTURE

The important work on the study and preservation of the monuments of the national architecture and on understanding of separate particular regularities has been done in Turkmenistan. The work on elaboration of the general theoretical conception of the Central Asian architecture is in prospect. There is a question if the Turkmen architecture has progressive traditions. Archaeological investigation of the last years made it possible to determine that Southern Turkmenistan was a part of the Ancient East civilization. Already in the 7—6 millennium BC at the foothills of Copetdag there were the ancient settlements with high construction and artistic culture.

The art of erection of dome-chaped and vaulted overhead covers and archs is one of the construction traditions of the republic. Another favorite plastic method in the Turkmen architecture is the relief ornament creating the contrast of light and shade. In the capital medieval constructions they used decorative brickwork, on the basis of which the complex relief compositions appeared. This motif is developed in the Sultan Sandzhar Mausoleum in Merv (12th c.) and in the mosque in Annau (15th c.). The methods of ornamental were utmost simple. The artistic value of this method is in clear treatment of light and shade on one-tone surface of yellowish loess with preservation of integrity of the whole monument.

The originality of the Turkmen architecture lies in the fact that it changed alien to it plastic and tectonic constructions out of all recognition. Thus, in the Parthian period (3rd c. BC — 2nd c. AD) details and proportions of ordered systems differed from canonical models. Thus, various plastic methods existed in the traditional Turkmen architecture.

М. А. МАМЕДОВ (АШГАБАТ)

ИСТОКИ И ЭВОЛЮЦИЯ АРХИТЕКТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ ТУРКМЕНИСТАНА

1. Сегодня архитектуроведческая наука, благодаря археологическим открытиям, обладает достаточным багажом знаний, чтобы констатировать факт зарождения архитектурно-планировочных основ зодчества Туркменистана ещё на заре древнеземледельческих культур. Но уже в конце III — начале II тысячелетия до н. э., в хронологический период, обозначаемый историками как эпоха бронзы, появляются первые строения, отвечающие архитектурно-эстетическим требованиям, предъявляемым к памятникам архитектуры как произведениям строительного искусства. Выявленные и раскопанные археологами в древней дельте реки Мургаб памятники Келлелинской, Тоголокской и Гонурской групп представляют не просто хаотичную застройку, а заранее продуманную планировочную структуру, при воплощении которой использовали определённую модульную систему и правила практической геометрии. Здесь впервые начинают вырисовываться те необходимые компоненты, которые отличают архитектурное произведение от обычной постройки.

Исследования древней архитектуры на территории Маргианы и Бактрии и сопоставления её с аналогичной архитектурой других стран древневосточного мира позволяют выдвинуть гипотезу о возможном существовании во II тысячелетии до н. э. особой бактрийско-маргианской архитектурной школы.

Архитектурно-планировочные принципы и строительные каноны, выработанные мастерами этой школы, впоследствии творчески переосмысливаясь и художественно обогащаясь, как канва ложатся в основу многих монументальных архитектурных произведений античного и средневекового периодов.

2. В архитектуре парфянской Нисы наблюдается широкое внедрение элементов эллинистического зодчества — использование, хотя и в провинциальном исполнении, древнегреческой ордерной системы, включение в архитектуру классических скульптурных композиций, применение архитектурных деталей в виде триглифов, метоп, коринфских и ионических капителей. Однако в своей архитектурно-планировочной основе монументы античной Нисы содержат локальные традиционные принципы: квадратный план, обводная система коридоров, размещение вытянутых прямоугольных помещений вокруг внутреннего двора (наблюдаются параллели «Квадратного дома» Старой Нисы и Келлели-4), ступенчатое нарастание объёма вверх (прототипом башнеобразного храма может служить «зиккурат» на Алтын-Депе) и т. д.

Несмотря на то, что в античную эпоху древнегреческое искусство оказывало огромное влияние на культуру (в том числе и строительную) эллинизированного Востока, а правящая верхушка так и именовала себя «филэллинами», мастера при возведении объектов монументального зодчества старались максимально придерживаться архитектурно-планировочных приемов, унаследованных ими от своих предков и передававшихся из поколения в поколение.

3. В XI—XII веках территория современного Туркменистана входит в состав образовавшегося огромного туркмено-сельджукского государства, столицей которого долгое время был Мерв. Сохранившиеся архитектурные памятники этого периода свидетельствуют о бурной строительной деятельности, о взлете конструкторско-

инженерной мысли и виртуозном мастерстве строителей. Отличительной чертой этой архитектуры является широкое внедрение жжённого кирпича, из которого выкладывались удивительной красоты ковровые панно, сплошь покрывавшие интерьеры и фасады зданий. При игре светотени такая кладка придавала стенам изумительную ажурность. Исследователи уже отмечали соответствие форм фигурных кирпичиков, из которых выкладывался архитектурный декор, художественным формам и рисункам многих огузо-туркменских племенных тамг.

Конструкторским новаторством в архитектуре сельджукского периода является создание двух- и даже трёхслойных куполов, что на несколько веков опередило появление подобных конструкций в архитектуре Западной Европы эпохи Возрождения.

При активной художественной изобретательности в поисках архитектурно-художественного образа будущих построек и смелых инженерных решениях мастера не изменяли традиционным планировочным схемам, апробированным тысячелетиями. Ярким примером этому может служить планировка караван-сарая Дая-Хатын, которая вместе со стенами Рабата удивительно близка плану архитектурного комплекса эпохи бронзы Тоголок-21 в Маргиане.

Многие объёмно-планировочные элементы доисламской храмовой архитектуры, потеряв прежнее функциональное и культовое назначение в сельджукской архитектуре, получают новое художественное звучание. К ним можно отнести обводные коридоры доисламских храмовых комплексов, вылившиеся в изящные обводные галереи средневековых мавзолеев или т. н. «глухие окна» древней культовой архитектуры очень лаконично используемые средневековыми мастерами в виде перспективно уменьшающихся ниш, которыми эффектно расчленены глухие плоскости фасадов.

4. С приобретением независимости в Туркменистане небывалыми ранее темпами развернулось строительная деятельность. В результате ломки прежних стереотипов, ориентированных на типизацию и техницизм, в Ашхабаде и других городах Туркменистана стали появляться интереснейшие архитектурные образы. Президент страны Сапармурад Туркменбаши, лично принимающий участие в обсуждении проектов застройки крупных градостроительных узлов и значительных зданий и комплексов, открыл перед архитекторами немислимые прежде просторы для всплеска творческой активности. Ориентируя архитектурную общественность на поиск утраченных самобытных национальных черт в архитектуре лидер нации дал новый импульс возрождению традиций туркменской архитектуры, эволюционный путь которых измеряется тысячелетиями.

M. MAMEDOV (ASHGABAT)

SOURCES AND EVOLUTION OF ARCHITECTURAL TRADITIONS OF TURKMENISTAN

1. In the end of the 3rd — beginning of the 2nd millennium BC, in the Bronze Age, on the territory of Turkmenistan have sprung first buildings adequate to architectural and aesthetic requirements, presented to architectural monuments as to works of art. Such buildings are, for example, the monuments of Kelleli, Togolok and Gonur groups, which were discovered by archeologists in the ancient delta of the Murgab River. Under theirs construction one definite module system and rules of practical geometry were used. The studies of the ancient architecture on the territory of Margiana and Bactria allow to suppose existence of the special Bactrian-Margianian architectural school in the 2nd millennium BC. Architectural and lay-out principles and building canons of this school have been the basis of many monumental architectural works of the antiquity and the Middle Ages.

2. In the architecture of Parthian Nisa researchers are marking the wide introduction of many Hellenistic architectural elements, such as using of the ancient Greek order system, or

inclusion of the classic sculptural compositions into the architecture and so on. However, the monuments of antique Nisa contain only local traditional principles in their architectural and lay-out basis. They are: quadrate plan, surrounded corridors system, location of long rectangular premises around of the courtyard (there are parallels between the «Quadrate House» of Old Nisa and Kelleli-4), or upward stepped volume increasing (the «Pyramidal tower» — zikkurat of Altyn-depe can serve as the prototype of the Tower-like temple of Old Nisa) and so on.

3. In the time of Seldjuk State (11—12 centuries) the distinctive feature of the local architecture was the wide introduction of the burnt brick, by which one have been bricked the fine tracery carpet panels decorated interiors and facades of buildings. The explorers more than once have indicated the correspondence between forms of the brick decor and art forms and figures of many oguz-turkmen tribal signs. Designer innovations in the Seldjuk architecture was the creation of di- and even triply domes, that for some centuries has forestalled appearance of such constructions in the architecture of Renaissance in Western Europe.

4. After acquiring of independence the rapid building activity was begun in Turkmenistan. Nowadays, wide spaciousnesses for the creative activity development are opened out before the architects. The President of country Saparmurad Turkmenbashi. personally participating in discussion of architectural projects, has given a new impulse to revival turkmen architectural traditions, which have millennia-old history.

Н. С. БЯШИМОВА (АШГАБАТ)

ПЛАСТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИИ ТУРКМЕНИСТАНА И РАЗВИТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Богато и разнообразно культурное наследие Туркменистана. Благодаря исследованиям последних десятилетий стало известно, что художественная культура древних земледельцев Туркменистана приобрела широкую известность. Для развития искусства Туркменистана в древности особую значимость имели художественные ремесла. Произведения искусства являются важным источником для воссоздания многих сторон жизни древнего населения, а также представляют один из главных источников для суждения о духовном росте человека на протяжении нескольких тысячелетий.

Продолжение глубоких художественных традиций древнеземледельческого искусства Южного Туркменистана наблюдается и в эпоху средневековья. Наиболее отчетливо эти традиции прослеживаются в художественном оформлении глазурованной керамики IX—XI вв. Орнаментация глазурованной средневековой керамики содержит те же элементы, что и на керамике неолита. Это геометрические (треугольник, квадрат, ромб, круг), абстрактные (крест, пятна, завитки), растительные (дерево, листья, цветы), зооморфные (птицы, животные и рыбы) и антропоморфные мотивы (стилизованные человеческие фигуры). Исследователи отмечают, что элементы орнаментации на сосудах в древности и в средневековье были обусловлены не только представлениями о красоте, но и выражали определённые идеи, имели свой символический смысл, который связан с мировоззрением древнего населения. Семантика орнаментальных сюжетов часто порождает различную интерпретацию, но эти сюжеты имели определённое смысловое значение. Знаки-символы отражают наиболее архаические пласты искусства, связанные с древними космогоническими представлениями и земледельческими культурами.

Художники-керамисты передают древнюю народную тематику, творчески преобразуя её в духе эстетических позиций своего времени. Так, изображения живых существ на керамике средневековья — это реликты домусульманских верований населения Туркменистана.

Анализ множества сюжетов требует специального исследования, поэтому остановимся лишь на одном из распространённых из них — изображениях козлов. На

примере одного этого мотива можно построить эволюцию изобразительного сюжета. Изображения козлов тесно связаны с религиозными представлениями местных племён уже с глубокой древности, дошедшими до средневековья почти в неизменном виде. Композиции с козлами встречаются в памятниках искусства Южного Туркменистана X—XI вв.: изображены среди абстрактной и растительной орнаментации, а также в комбинации с птицами. Характерной чертой этих изображений, как и на их древних прототипах, являются большие, длинные рога. Горные козлы и домашние козы являются самыми распространёнными животными юга Туркменистана. Предположительно, предком домашних коз был безоаровый козел, обитавший в горах Копетдага. Самцы безоарового и других горных козлов имеют большие рога.

Считается, что изображение козла — символ животного-божества, оберегающего от зла, покровителя плодородия, посылавшего людям воду. При ритуалах о ниспослании дождя, у туркмен сохранился обряд приношения в жертву святому Буркут-баба — козы (в народных представлениях козлы и бараны, дикие и домашние животные могли взаимозаменяться). Почитание горного козла или барана как оберег от всего злого — болезней, «сглаза» и пр. — сохранилось до наших дней. Рога горного барана или козла прикрепляют над воротами входа в дом, дабы сохранить семью от неприятностей. Во орнаментальных композициях ковров и других предметов декоративно-прикладного искусства самым распространённым элементом является «гочак», который символизирует это животное.

Таким образом, культура и искусство Туркменистана имеют глубокие корни, которые эволюционируя, развиваются на базе традиций древних и средневековых культурных пластов.

К. КУРАЕВА (АШГАБАТ)

ЛИЧНОСТИ И ИСТОРИЯ НАРОДА В ИСКУССТВЕ НЕЗАВИСИМОГО ТУРКМЕНИСТАНА

1. С провозглашением независимости Туркменистана открывается новый этап в развитии национальной культуры народа, связанный с возрождением его историко-культурных и духовных ценностей. Развитие искусства независимого Туркменистана — это сложный процесс, в котором, с одной стороны прослеживается эволюция ранее накопленных тенденций, а с другой — раскрываются новые проявления, во многом определившиеся всем течением современной жизни.

2. Туркменское искусство сегодня вступило в новую фазу своего развития. Один из важных результатов процесса — формирование национального видения с чётко выраженной стилистикой, своими особенностями художественного языка, своим кругом социально значимых тем.

3. Гигантские планы преобразования страны, вся атмосфера общественной жизни остро ставят вопрос о новаторстве, как существеннейшей черте современности. В туркменском искусстве появляется образ — символ крупного государственного и общественного деятеля, вдохновляющего соотечественников своим примером благородного служения интересам народа, высоким гражданским идеалам. Галерея образов Вождя независимости и нейтралитета туркменского народа Сапармурата Туркменбаши дополняется портретами национальных героев, великих полководцев, предводителей, незаурядных сынов Отечества, получивших всенародное признание в годы независимости (Огуз хан, Коркутата, Кеймир-Кор, Тогрул-бег, Чагрыл-бег, Байрам-хан, Городлы и других). Ставится вопрос о художественной специфике искусства, усиливается внимание к новому стилю, так называемому большому, отражающему настоятельное требование времени.

4. В произведениях искусства независимого Туркменистана в новом ракурсе осмысливается великое историческое прошлое народа. В них находят отражение со-

бытия, раскрывающие народный характер борьбы за независимость, рост национального самосознания народа. Художники обращаются к событиям, ранее не получившим отображения в туркменском искусстве: штурм Геоктепинской крепости, Данданаканское сражение, посещение святых мест, строительство мечетей и мавзолеев, факты героических деяний народа.

Наблюдая сà ñëîæâîëèâî âî âðââîâîëè, сопоставляя произведения художников, отметим их особое внимание к эстетическим и народным представлениям, желание выразить и подчеркнуть неразрывность настоящего с историческим прошлым. Трепетное отношение к передаваемым из века в век, из поколения в поколение обычаям и традициям, умение увидеть и прочувствовать это рождает у художника особое поэтическое настроение, романтический пафос. Произведения, созданные ими, стали своего рода камертоном для новой глобальной симфонии независимости. Таким образом появляются циклы живописных и скульптурных произведений, монументальные комплексы, содержащие в себе убедительную, масштабную оценку явлений и прославляющие неоценимый вклад туркменского народа в развитие мировых цивилизаций.

Произведения художников независимого Туркменистана обусловлены стремлением с особой яркостью показать нравственную силу своего народа, его красоту и душевное величие. В концептуальной цельности их произведений присутствуют качества, идущие от глубинных размышлений творчески обострённой фантазии, от желания сказать своё слово о великом времени, о первом Президенте, о героических событиях прошлого, о выдающихся личностях, восставших из небытия и вписанных золотыми буквами в историю туркменского народа. Эти произведения станут художественным монументом своего времени и истории независимого и нейтрального Туркменистана.

Е. Г. ЦАРЕВА (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

ИСКУССТВО КОВРОДЕЛИЯ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТУРКМЕНИСТАНА

Туркменское ковроделие является одним из стремительно развивающихся направлений изучения цивилизаций народов Степи. Резкое возрастание интереса к заданной теме можно объяснить осознанием важности феномена ковра как особого явления не только туркменской, но и всей евразийской культуры, причём одно невозможно полностью оценить и понять без другого. Важнейшими результатами этого интереса стало активное введение в научный оборот государственных и частных коллекций, а также применение в датировании новейших радиоуглеродных методов. Последнее позволило более точно разнести рассматриваемый материал по временной шкале, имея «точкой отсчета» XV век.

Тема данного сообщения — выявление знаковых функций туркменского ковра как носителя культурного наследия туркмен. Временные рамки: XVI — конец XIX века, с привлечением при необходимости как более раннего, так и более позднего материала. В интересующий нас период ковроделие представляло наиболее развитый и распространённый вид художественного творчества туркмен и являлось неотъемлемой частью быта и социальной жизни народа, знаком этнической и племенной принадлежности.

Туркменской культуре в целом присуща тщательность в выборе и сохранении этнических/племенных символов, вызванная стремлением народа сохранить себя как этнос, не раствориться в том разноязычном и разноплеменном потоке, который проходил через территорию Средней Азии и в котором исчезли почти без следа многие народы древности.

Единство туркменской культуры, как мы его рассматриваем в настоящее время, есть явление достаточно позднее, сложившееся в результате слияния двух основ-

ных генетических линий туркмен: кочевой и отчасти оседлой ираноязычной и тюркоязычной, доминирующая роль которой в регионе приобрела явные черты лишь в I тыс. н. э. История сложения туркмен в народ со сложной родоплеменной структурой проходила на фоне множественных их перемещений на колоссальных территориях Евразии, крайними географическими точками которых стали Китай и Испания.

Изначальная бинарность туркменской культуры, в сочетании с дальнейшими сложными путями развития народа, создали «полифонию» стилей, знаков и орнаментов как племенного, так и территориального характера. Эта полифония была определённым образом канонизирована в образах и символах наиболее важных для самих туркмен явлений материальной культуры, которые стали важнейшими источниками по этно- и культурогенезу народа.

Роль такого рода маркера принадлежит и коврам, ставшим для туркмен знаком этнического и племенного самоопределения. Значимость ковра далеко перешла функцию предмета мебелировки и племенного атрибута. Это действительно уникальный феномен, зафиксировавший в своей структуре, форме и декоре и уровень технического развития создавшей его цивилизации, и культурно-хозяйственный тип народа-изготовителя, и его эстетические, художественные вкусы, философию, верования, контакты с другими народами.

В коврах всё значимо: материалы и декор, наборы предметов и способ их использования в быту. Важность ковров в кочевой жизни была столь велика, что умение ткать ворсовые изделия рассматривалось как одно из величайших достоинств женщины, слава о лучших ковровщицах зафиксирована в туркменском эпосе.

Круг производимых туркменами ковровых изделий был достаточно широк — более 30 видов. Наряду с обязательными атрибутами приданого и убранства юрты («халы», «чувалы»), существовали и локальные варианты ковровой утвари («халыки» у текинцев, «бухча» у иомудов и др.) Наибольшее количественное и видовое разнообразие зафиксировано у больших, экономически благополучных племён. С обнищанием племени/семьи, утратой стад ковродельческий потенциал социума уменьшался. Поэтому уже набор производившихся в ворсовой технике предметов являлся указателем на экономический и политический статус племени, степень его оседлости (появление «халы» больших размеров), наличие и развитость торговых контактов (развитие товарного ковроделия у прикаспийских племён и на Средней Амударье).

Вариантность в способах завязывания узла указывает на разновременность восприятия предками туркмен ворсовой техники (симметричные и асимметричные открытые вправо и влево узлы и пр.), оформившихся к XVI веку в племенной признак.

Важным временным показателем является наличие в ворсовых структурах так называемых иррегулярных узлов, употреблявшихся туркменами при вязке не только симметричными узлами, но и асимметричными — явление, характерное только для этого народа.

Атрибутирующим элементом было введение в структуру ворсовой ткани иных, кроме овечьей шерсти, материалов — верблюжьей шерсти, шёлка, хлопка. Племена Салорской Конфедерации употребляли их как декорирующие, т. е. вводили в ворс. Эссенхановская Конфедерация и тяготеющие к ней группы использовали их главным образом в уточной нити. Учитывая, что в ворсе шёлк обнаруживается визуально, а в утке — только при специальном анализе, мы видим две различные традиции в употреблении этого материала, имевшего для туркмен значение сакрально чистого.

Таким образом, фактически любой технический показатель демонстрирует приверженность племени к однажды выработанному приему, выработанному под влиянием определённых факторов и ставшему с течением времени знаком этих факторов.

Столь же показательными являются такие слагаемые туркменского ковра как цветовая гамма и орнаментика. Орнаментика, этот наиболее подвижный компонент ковровой триады (техника — цветовая гамма — орнаментика), оказалась, тем не менее,

слабо меняющейся, так что узоры туркменских ковров донесли до нас древнейшие мифологические и космогонические символы, восходящие к периоду индоевропейской общности. Вот почему туркменский ковер органично и легко воспринял позднее анатолийские, кавказские, так называемые «мамлюкские» и др. образы и сюжеты.

Памятники материальной культуры традиционных обществ несут на себе отпечаток многотысячелетнего опыта создавших их народов и содержат элементы так называемых скрытых, сакральных знаний. К таким явлениям относится и туркменский ковёр. Однако, при всем значении ковра как «источниковедческой копилки», ни у одного народа, кроме туркмен, он не приобрёл столь выраженного значения национального символа.

E. TSAREVA (ST.-PETERSBURG)

ART OF CARPET-MAKING AND TURKOMAN CULTURAL HERITAGE

Turkoman carpetweaving is one of the most actively studied aspects of Central Asian culture. This interest becomes quite understandable if we think of a great role which it played in formation of nomadic civilizations of the Steppes and Northern Eurasia as a whole. One of the results of this interest is an active publication of state and private Turkoman textile collections, as well as apply of recent methods, including carbon dating, for their study.

The aim of this lecture is to describe Turkoman carpet as a bearer of national cultural heritage, as we find it in the period of the 16th — 19th centuries.

During this period carpetweaving appears as a most developed, and a most widespread phenomenon of Turkoman material culture. It appears as an integral part of nomadic economy and social life, and a bright symbol of ethnic and tribal self-identification.

Turkoman culture as a whole demonstrates a strong trend to thorough selection and preservation of ethnic/tribal symbols. One of the reasons of this trend should be a wish to preserve markers of national identification, thus not to dissolve in the mighty poly-lingual and poly-ethnic streams, which passed Central Asia since times immemorial, and which streams washed away many peoples of the past.

Cultural integrity of Turkoman people, as we accept it now, is a historically late phenomenon, formed as a result of melting of their two genetic lines. One of them was a herding and partly agricultural Iranian-speaking population of the Eurasian Steppe Corridor; the second one — nomadic Turkic, which show themselves on the territory of the Syrdarya delta in the 1st century BC. Formation of confederation of different in origin Turkoman tribes went on at the background of numerous, long in time and distance migrations of some tribes, with China and Spain being the terminal geographical points.

Initial binary of Turkoman culture, together with the later complex way of its development, created a «polyphony» of tribal and territorial styles. This polyphony was in a way canonized in representative and technical peculiarities of Turkoman decorative arts. Being singled out and described, these peculiarities work as markers of different events which took place in ethnic and cultural history of the people.

Knotted carpets represent possibly a most important marker of such type, and Turkoman themselves accept them as a bright symbol of their culture. For them rugs are much more than an item of furnishing or a tribal attribute. Millennium after millennium carpets developed together with their makers, and turned into a unique object of Turkoman material culture, which forms, decor, materials and structure demonstrate cultural-economic level, aesthetic and artistic taste, philosophy and religious beliefs of their creators, similar to latter's contacts with other peoples and civilizations.

Let us see how we can use carpets as a historical source, and start with the variety and volume of carpet output. Turkoman women produced over 30 kinds of knotted objects. Besides common and obligatory items of dowry, such as main carpets and tents bags, several tribes manufactured special kinds of weavings, such as Tekke khalyks, Yomud group

bukchas, etc. Strong, rich tribes produced more and better in quality rugs and carpets. That ones who lost herds — main source of wool and clan's income — had to reduce the number of woven items, and could not afford expensive weaving materials, such as silk and cochineal. That's why the set and outlook of carpet products demonstrate economic and political status of a tribe, degree of carpetweaving economy commercialization, etc.

Much more complicate is information on structural peculiarities. Different variants of knots — symmetric, asymmetric, open left or right, with or without depression, as well as multitude methods of irregular weaving — tell us about history of formation and development of Turkoman tribes, and can be used for tribal and dating attributions.

Similar do the materials: wool, camel and goat hair, silk and cotton. Salor Confederation of tribes used silk and cotton mostly in pile; while the Chodor one — in wefts. The differences in between those Unions expatiate on colour scheme and set of gol patterns as well. Thus we see two different traditions, which was once formed under an influence of definite factors, and now works as markers of that factors. As to the ornaments, Turkoman carpets show numerous archaic compositions and mythological and cosmogonic symbols, some of which go back to the period of Indo-European integrity.

Monuments of material culture of traditional societies bear images and technologies of millenniums-long experience of their creators, keep traces of sacred knowledge of the past, and thus have a great value of an important source on history of Eurasian civilizations. Carpet products belongs to this category of monuments. Even so no other people but the Turkmen developed it to a level of a real national symbol.

Т. К. ДУРДЫЕВА (АШГАБАТ)

ИЗУЧЕНИЕ ТУРКМЕНСКОГО КОВРОДЕЛИЯ

Туркменские ковры — это высшее достижение человеческого разума и вклад в мировую цивилизацию туркменского народа. Через орнаменты и узоры ковров туркменские женщины смогли передать всю историю туркменского народа.

Туркменские ковры обладают тремя неповторимыми качествами, что отличает их от других ковров ручной работы. Это долговечность и прочность, высокохудожественность и технические качества, геометричность и схематичность узоров. Самым лучшим украшением дворцов и богатых домов Европы и Америки, Азии и Африки является туркменский ковёр. Иногда, по незнанию их называют русско-бухарскими. Однако, с приобретением независимости и провозглашением политики открытых дверей нашим многоуважаемым Президентом, исконно туркменские ковры приобрели своего хозяина — теперь их называют ковры страны Туркменбаши. Вышеперечисленные качества туркменских ковров роднят их с произведениями великих художников, которые по истечении веков приобретают наибольшую ценность и превращаются в реликвию.

Туркменские ковры как и любые другие имеют определённую композицию узора, в основном это шестигранные и восьмигранные орнаменты, что отличает их от других ковров ручной работы. В туркменских коврах не встретишь чёткого изображения животного или растения, всё это даётся схематично.

Структура ковра. Всё начинается с земли топрака (начало ковра — безворсовое топрак), на середине топрака передаётся орнамент гуляйды. На одной веточке изображено девять веточек — это говорит о происхождении человека (через 9 месяцев, 9 дней и т. д.), затем тонкой нитью передаётся чёрно-белое сочетание (что подразумевает смену дня и ночи), затем боковой орнамент шелпели гелче (через который передаётся восход, день, полдень и заход солнца) белый, бежевый, жёлтый и чёрный цвета. Затем переходят к основному центральному полю, где гели расположены правильными рядами соответственно горизонтальной и вертикальной осям ковра, иногда встречается расположение гелей в шахматном порядке.

Существует несколько теорий по вопросу происхождения и расшифровки гелей. Одна из последних теорий выдвинута В. Г. Мошковой. Она считает, чтогель происходит от родовых тотемных знаков огузских племён, изображений хищных птиц — покровительниц рода. Эта можно проследить на ковре с узором «Дырناق гел», где чётко можно определить изображение когтей орла. Орёл — независимая и гордая птица, которую возвели в ранг святых туркмены, проживающие на берегу Каспийского моря. В орнаменте туркменских ковров очень часто можно встретить схематичное изображение бараньих рогов, которое осмысляется, как благопожелательный символ-оберег. Как у европейских народов подкова, так и рога барана или архара, прибитые над входом, приносят счастье и благополучие дому. Это образ, связанный с представлением о производительной и животворящей силе, о роли животного — покровителя рода. Возьмём в качестве примера аятлык (коврик, используемый в ритуальных обрядах): если внимательно посмотреть на орнамент, изображённый на этом ковре, то мы увидим пару порхающих белых лебедей, символизирующих чистоту и преданность между супругами, между родителями и детьми. У восточных народов есть поверье, что человек после смерти превращается в птицу и навещает своих родственников в дни радости и печали в образе птицы (смотрит на нас с небес). Изображение черепахи — это символ долгожителя.

Многие узоры в туркменских коврах имеют охранительно-магическое значение, обозначены как части тела животных, птиц и даже человека: гужик изы — след щенка, сычан изы — след мыши, пищик изы — след кошки, дуе-диш — зубы верблюда, гуш — птица, гушлы гел — узор птицы, газаяк — лапа, гуш-дырناق — когти птицы и мн. др.

Здесь мы охарактеризовали лишь небольшую часть изображений, перед нами — необъятный простор для дальнейшего изучения орнаментов и узоров, свойственных туркменским коврам.

P. HOFFMEISTER (GERMANY)

CLASSICAL TURKMEN CARPETWEAVING.

30 YEARS OF COLLECTING IN THE WEST.

After the Trans-Caspian railway was finished at the end of the 19th century, great interest in the cultures of the Central Asian nomads arose in Russia, mainly in St.-Petersburg, an important center of academic life in the country. As a result very important publications about Turkmen carpets came out around the turn of the century: A. Bogolyubov, A. Felkerzam, S. Dudin and A. Semionov.

Even when Turkmen carpets were imported via Russia or Persia to Western Europe, only a few connoisseurs got information about them. So up until the 1960s Turkmen weavings generally were not of great interest in Western Europe: larger pieces were used as rugs on the floor, smaller ones displayed in homes as decorations.

In the 1960s it was fashionable among the youngsters to travel to Afghanistan and Iran to study local life and to enjoy certain freedoms. Perhaps of this trend more and more people showed interest in the life of the nomads and their art. The first collections of Turkmen weavings with a different motivation date back to that time.

The year 1970 there fore saw the first large exhibition of Turkmen carpets displayed in the Museum fuer Voelkerkunde in Hamburg, Germany, for which a catalogue was produced.

In the same year a German translation of the «Carpets of the People of Central Asia» by Valentina Moshkova appeared, and in 1973 an English translation of the illustrated book by Andrei Bogolyubov. In the last one Dr. Thompson published his important contribution on the interpretation of the carpets of the Salor.

Further publications appeared in the subsequent years and an association of about 300 serious collectors of Turkmen weavings came into being. My activity began in 1970.

In contrast to the mentality of the prior decades, when only the decorative worth was valued, collectors became more interested in the artistic qualities, the ethnographic data on the pieces, and the cultural background of the Turkmen people.

In the Western world interest in art focuses mainly on the Mediterranean and the Far Eastern civilizations, which result in a tendency to neglect or overlook the cultures, which flourished in the heart of the Eurasian continent. This tendency may be partly due to a lack of sufficient information helping to realize their importance and value. Certainly wonderful art pieces were created there. Now, when we have more and more wonderful pieces on disposal and contact between people and travelling is easier, we realize that — as in the famous Petersburg museums, and also in the West — a considerable number of weavings have survived and still some more come to light.

I have grouped together various pieces from my collection and a few from a colleague collector, which I present and discuss now. This presentation and discussion includes refined examples of mostly knotted textiles, but also other techniques as flat woven and embroidered, types of objects (chuvals, ensis, asmalyks, torbas, mafraches) and tribes (mostly Salor, Saryk, Tekke, Chodor and Ersari).

Tribal origin has for many years been the focal interest for collectors. After Dr. Thompson in 1970 clearly differentiated the weavings of the Salor and the Saryk, much was done to single out data on tribal peculiarities and thus attribute carpets more properly. Still this concerns mostly Salor, Saryk and Tekke, a number of questions are still unsolved, particularly relating the Yomud and Ersari groups.

As a result today we can in fact join together many products with similar structures and outlook, that is, we can make some assumptions about which pieces were produced by different/certain groups. Still this does not help much with attributions, as though we know the names of the Turkmen tribes, we can not determine their carpet products.

Another area of unanswered questions for us relates to the original purpose of usage of some pieces, such as bokche (large and small), khalyks, germeches, and even ensis. To make this picture more clear, one needs competent information of Turkmen scholars and bearers of carpet weaving tradition.

Formerly old Turkmen pieces were dated in the West to the 19th century, seldom to the 18th. In the past 5 years the situation changed, as thanks to the results of carbon dating we can not only determine the date of originating more exact, but attribute some pieces to much earlier period, that is the 15th/16th centuries. Notable to underline, that the earlier dates (15th — 16th centuries) are more exact than the later ones (18th — 19th).

Although the community of collectors of Turkmen weavings is the smallest as compared to another areas, it is the most active of them all. To deepen our knowledge on the subject, and to solve many of the remaining questions, most ideal would be closer contacts with experts from the country of origin.

П. ХОФМЕЙСТЕР (ГЕРМАНИЯ)

КЛАССИЧЕСКОЕ ТУРКМЕНСКОЕ КОВРОДЕЛИЕ.

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СОБИРАТЕЛЬСТВА НА ЗАПАДЕ

В конце XIX века, после появления русских в Туркменистане, в России проявился устойчивый интерес к культуре народов этого региона. Его средоточием стал Петербург, центр академической жизни страны. Одним из результатов этого интереса стало появление в начале XX века классических работ по туркменским коврам, созданных А. А. Боголюбовым, А. Фелькерзамом, А. А. Семеновым и С. М. Дудиным. Тем самым была заложена основа изучения среднеазиатского ковроткачества за пределами Туркменистана.

Что касается Запада, то вплоть до середины XX века Европа и Америка проявляли интерес к туркменским коврам главным образом как к предметам мебелировки: изделия больших размеров использовали в интерьерах как покрытия для полов, а мелкие — как декоративные дополнения. Ковры экспортировались через Персию или Россию, информация о них была доступна лишь очень узкому кругу учёных и коллекционеров и именно это, видимо, послужило основной причиной отсутствия сколько-нибудь значимого интереса к коврам кочевников вплоть до середины XX века.

Ситуация изменилась в 1960-х годах. В это время среди молодежи на Западе стали популярны поездки в Иран и Афганистан, где молодые люди знакомились с жизнью местного населения и наслаждались определёнными свободами. Именно это движение инспирировало постепенно возрастающий интерес к культуре и искусству кочевников, и именно в это время появляются на Западе частные коллекции туркменских ковров.

Первая специализированная выставка туркменских ковров в Западной Европе состоялась в 1970 году. Она проходила в Музее Народного Искусства, Гамбург, Германия и сопровождалась фундированным каталогом. В том же году появляется немецкий перевод фундаментальной работы В. Мошковой «Ковры народов Средней Азии», а в 1973 — английское издание альбома А. Боголюбова. В последнем д-р Дж. Томпсон описал выявленные им особенности ковроделия племени салор, в том числе особый, свойственный только этому племени типа узла.

В последующие годы количество публикаций о текстиле кочевников Туркменистана значительно возрастает; и в тот же период формируется первое общество любителей туркменского ковроделия, объединившее 300 серьёзных западных коллекционеров. Что касается меня лично, то моя деятельность началась в 1970 году.

В отличие от собирателей предыдущих десятилетий, ценивших только декоративные качества ковров, новое поколение коллекционеров всё более интересуется художественными особенностями ворсового ткачества, данными этнографического характера и культурным наследием туркменского народа. Западный мир, традиционно увлечённый искусством цивилизаций Средиземноморья и Дальнего Востока, проявлял определённую тенденцию к игнорированию культур, процветавших в сердце Евразийского континента. Вполне возможно, что эта тенденция была обусловлена недостатком информации о создателях этих цивилизаций и созданных ими великолепных произведениях искусства. Сейчас, когда нам становятся доступны всё новые и новые артефакты, упрощаются и развиваются контакты между странами и людьми, мы понимаем, что в самой Туркмении, в России (главным образом в музеях Санкт-Петербурга) и на Западе сохранилось большое количество шедевров туркменского ткачества. Большая часть их стала доступной для изучения благодаря публикациям, число которых увеличивается с каждым годом.

Я хочу показать вам и обсудить ряд предметов из моей личной коллекции и из коллекции другого немецкого собирателя и моего друга. Все включённые в демонстрацию вещи представляют собой шедевры туркменского ткачества, главным образом ворсового, однако вы увидите также и несколько безворсовых и вышитых предметов. Представленные вашему вниманию предметы объединены в несколько групп: это чувалы, энси, асмалдыки, торбы и мафрачи работы племён салор, сарык, теке, чоудор, эрсари и ряда других.

В течение многих лет главным предметом интереса коллекционеров туркменских ковров была их атрибуция по племени-изготовителю. После того как в 1970 году д-р Томпсон чётко описал характерные особенности ткачества салоров и сарыков, многие исследователи стали уделять большое внимание этому направлению и выявили племенные особенности других групп, что позволило более точно атрибутировать туркменские ковры в целом. Сказанное относится, однако, главным образом к ворсовым изделиям салоров, сарыков и теке; по-прежнему нерешёнными остаются вопросы классификации продукции других племён, в том числе и таких больших как иомуды и эрсари.

Проблема состоит в том, что на сегодняшний день собрано большое количество информации, позволяющей выделить из массы неатрибутированных предметов близкие по определённым параметрам изделия. Сходность технических и художественных характеристик позволяет объединить часть таких изделий в определённые группы. Последнее, однако, не позволяет идентифицировать их по племени-производителю: несмотря на то, что нам известно, начиная с XI века, множество туркменских племён, у нас нет информации, позволяющей с уверенностью «привязать» их к тем или иным группам анонимных ковров.

Ещё одна область нерешённых вопросов — первичное назначение и использование целого ряда изделий, таких как бухча разных размеров, халыки, гермечи и даже энси. Представляется, что какой-либо прогресс в этой области возможен лишь при получении компетентной информации от туркменских учёных и непосредственных носителей традиции ковроделия в стране.

Важнейшей является проблема возраста старинных туркменских ковров. Вплоть до недавнего времени западные учёные датировали их XIX — изредка XVIII веком. За последние 5 лет ситуация изменилась благодаря новым методам датирования по углероду, позволяющим точнее определять возраст ковров в целом и, самое главное, отнести ряд изделий к XV/XVI векам. Важно при этом подчеркнуть, что ранние датировки (XV/XVI век) являются более точными, чем более поздние (XVIII/XIX век). Данное положение рассматривается на примере ряда изделий и результатах их тестирования.

Несмотря на то, что группа собирателей туркменских ковров невелика по сравнению с армией любителей ковроделия других стран и народов, она, несомненно, наиболее активна и проводит ежегодные встречи как в Европе, так и в США, на которых обсуждаются многочисленные проблемы и перспективы дальнейшего изучения туркменского ткачества. По общему мнению идеальным для всех нас явится более тесное сотрудничество с туркменскими экспертами: это, несомненно, позволит углубить наши знания о предмете и решить многие открытые вопросы.

J. ALLEN, C. CARRIERE (USA)

PERSPECTIVE IN ANCIENT TURKOMAN CHUVALS

In the oldest Turkoman chuvals with the «chaval gulls» the drawing is not symmetrical and is asymmetrical in just the right ways to make the «gull» appear three dimensional. Dr. Craig Carrier and myself developed a computer program to extract dimensional clues from high quality photographs and assign a demensionality quotient to each weaving so investigated.

For the purpose of this lecture classical Turkoman weaving is defined as weaving done prior to 1700 AD. Through our research we have discovered a classical era Turkoman chaval, a late classical Turkoman chaval, and by application of our theory, an early classical Turkoman chaval. Two other pieces are included in the discussion, one with ubiquitous «chaval gull» and the other a «kepe gull», for completeness.

One of the main hallmarks of classical Turkoman weaving with the «chaval gull» is a strong three dimensionality in the overall composition of the weaving. This illusion of dimensionality is caused by such factors as the topological characteristics of the individual major and minor gulls as well as color, shading, and the relationship between the gulls and the open space of the field. The research reported herein will discuss the development of perspective in classical Turkoman chuvals as evidenced in the aforementioned examples.

The long-term goal of the investigation is to establish a quantitative classical to non-classical era timeline for the development of Turkoman chuvals with the «chaval gull».

The Salor represented the largest and most powerful Turkoman tribe in the 16th century dominating the steppes of western Turkmenistan. Their ultimate decline came in the 18th cen-

tury when the Yomud achieved dominance. This establishment of a non-traditional Turkoman tribe brought to an end the development of a sophisticated three dimensional aesthetic.

In order to establish a timeline it has been necessary to identify Turkoman chuvals with high dimensionality quotients and subject them to the most rigorous scientific dating available. After consulting Nobuki Kajitani, Curator of Textiles at the Metropolitan Museum of Art, we addressed to Dr. Anthony Jull, Research Scientist at the University of Arizona.

Dr. Jull stated that if we found a Turkoman earlier than 1700 he could date it accurately. We submitted four Turkomans for dating, including two «чувал гулл» chuvals and two other Turkomans thought by experts to be of significant age. One of the chuvals with «чувал гулл» was dated to a mean age of 1650, the second one — to the early 18th century. Both these chuvals are commented on below. Once we had established a benchmark, degradation of the dimensionality could be used to interpolate or extrapolate the age of other weavings with the same or very similar design.

The calculation utilized in mathematical analysis of three-dimensional effect research involve the transcription of the geometric design elements of the major and minor gulls into partial differential equations from which computer-generated images of the gulls can be produced. The calculations introduce a quantitative methodology to access directly the changes in the three-dimensional character of early Turkoman chuvals with the чувал 9UU. The degradation of dimensionality in these chuvals is very predictive for the age of this particular type of weaving. No such linear relationship for the degradation of other Turkoman designs is implied.

Now we find more and more information about pieces dated to before 1700 by reputable labs. The future holds more surprises. I expect to eventually participate in the establishment of a classical period outline of the Turkoman art, which will include at least the 16th and 17th centuries.

Дж. Аллен, К. Карриер (США)

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВЕ В КЛАССИЧЕСКИХ ТУРКМЕНСКИХ ЧУВАЛАХ

Самые ранние туркменские чувалы с «чувал-гелями» показывают, что их рисунок не симметричен, а асимметричен, причём настолько, что представляет «гель» трёхмерным. Д-р К. Карриер и я разработали компьютерную программу, которая позволяет выявить параметры размеров на основании высоко качественных фотографий, и применить коэффициент объёмности к каждому исследуемому предмету. Для целей данного доклада классическое туркменское ковроделие определяется периодом до 1700 года. В процессе исследования мы обнаружили туркменский чувал классического периода, поздний классический чувал, один ранний классический чувал — для подтверждения нашей теории. В дискуссию включены два других чувала: один с широко распространённым «чувал гелем», и другой — с «кепсе гелем», для полноты исследования.

Одной из отличительных черт классических туркменских чувалов является выраженная трёхмерность их композиции. Это впечатление трёхмерности вызвано такими факторами как топологические характеристики индивидуальных основных и промежуточных «гелей», так же как и цвет, оттенки и соотношение между «гелем» и фоном. В данном докладе обсуждается развитие перспективы в классических туркменских чувалах, в том виде как она зафиксирована в вышеназванных образцах. Дальняя перспектива исследования заключается в установлении временного промежутка развития туркменских чувалов с «чувал гелями» от классического до позднего варианта.

Салоры являлись самым большим и сильным туркменским племенем XVI века, доминировавшими в степях западного Туркменистана. Их окончательный упадок наступил в XVIII веке, с приходом к власти иомудов. Это учреждение не-традиционного туркменского племени привело к упадку развитие эстетики утончённой трёхмерности.

Для установления промежутка было необходимо найти туркменские чужалы с наиболее выраженным коэффициентом трёхмерности, и подвергнуть их наиболее точным научным методам датировки. После консультации с Набуки Каджатани, хранителем текстильных коллекций в Метрополитан музее искусств, мы обратились к д-ру Антони Джалл, научному сотруднику Университета Аризоны.

Д-р Джалл заявил, что если мы нашли туркменский ковер, изготовленный до 1700 года, он сможет датировать его достаточно точно. Мы представили 4 туркменских предмета: два с «чужал гелями» и два других, достаточно ранних по мнению экспертов. Средняя дата для одного из чужалов с «чужал гелями» была определена 1650 годом, а для второго — начало XVIII века. Оба чужала будут обсуждаться ниже. Как только мы установили эталон, стало возможным использовать деградацию объёмности для определения разницы в возрасте изделий с таким же или сходным дизайном.

Математические вычисления, используемые при анализе эффекта трёхмерности, включают в себя транскрипцию элементов геометрического рисунка основного и промежуточных гелей в частично дифференцированные уравнения, посредством которых компьютерным способом могут быть построены эталонные изображения «гелей» ранних форм. Расчеты включают методики, позволяющие определить характер изменений трёхмерности по сравнению с эталоном. Деградация объёмности в этих чужалах очень эффективна при определении возраста этого конкретного вида ковровых изделий. Ни для одного другого туркменского мотива такая прямая зависимость деградации не была выявлена.

В настоящее время появляется всё больше и больше информации о вещах, датированных ранее 1700 года в заслуживающих уважения лабораториях. Будущее хранит ещё больше сюрпризов. Я ожидаю, что окажусь участником выявления образов туркменского искусства классического периода, который будет включать в себя по меньшей мере XVI и XVII века.

R. PINNER (GREAT BRITAIN)

THE TURKMEN ENSI

Of the pile-woven rugs and furnishings produced by the Turkmen weaver, the design of ensis is the most complex and puzzling, with numerous interpretations given for the different sections and for individual symbolic motifs.

The paper will discuss the function of the ensi (reviving an early controversy about the relationship between ensis and prayer rugs); show ensis of the different Turkmen tribes, among them, those attributable to the Salor, Saryk, Tekke, Chodor, Arabachi, Kizil Ayak, as well as groups belonging to the Yomut and the Ersari.

A primary aim will be to discuss the design features in which these ensis differ and those which they have in common. Designs common to early ensis of all tribes are:

The field: quartered fields with ornaments consisting of different, sometimes tribe-specific representation of birds («kush»).

The borders: of the three border stripes, the «sainak» design is dominant in the outermost stripe; while in early ensis, the central and inner borders often show the «curled leaf» design, which is also the main design of Turkmen kapunnuk, whose place is adjacent to the ensi in the tent; the «asgik», a somewhat similar ornament, is compatible with the «curl leaf» and sometimes substitutes for it. Irrespective of tribal affiliations, in many early ensis the central and inner borders have the same design (most often a «curled leaf»), in different colors.

The alem. Of the two alem panels of early ensis, the upper panel carries motifs appropriate to the wedding and the related heraldic and protective motifs of the «Animal-Tree» and mythological birds and animals including the «Senmurv» representing the «Great Bird».

Р. ПИННЕР (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)

ТУРКМЕНСКИЕ ЭНСИ

Среди множества туркменских ворсовых изделий наиболее сложными и необычными по дизайну являются дверные занавеси энси, представляющие многочисленные интерпретации как в сюжетах частей композиций, так и индивидуальных мотивов.

Доклад посвящен описанию функции энси (в том числе и старой дискуссии о связи между энси и молитвенными коврами); демонстрации энси различных туркменских племён, в том числе салоров, сарыков, теке, чоудоров, арабачи, кызыл-аяк, так же как групп внутри иомудского и эрсаринского объединений племён.

Главной целью доклада является обсуждение отличительных и, одновременно, общих черт дизайна энси. Характерными признаками всех ранних туркменских энси, вне зависимости от группы-производителя, являются:

Центральное поле: составлено из четырёх панелей, заполненных различными изображениями птиц (куш), некоторые варианты которых имеют племенную специфику.

Каймы: состоят из трёх рядов, причём мотив «сайнак» является доминирующим в крайней кайме; средняя и внутренняя каймы в старинных занавесах часто украшены мотивом «виноградного листа». Названный мотив также является типичным для декора надверников капундук, занимающих соседнее с энси положение в юрте. Сравнимым по значимости с «виноградным листом» является мотив «ашык», который может служить его заменителем. Вне зависимости от племенной принадлежности, во многих ранних энси средняя и внутренняя каймы имеют одинаковый по сюжету, но различающийся цветовым решением орнамент.

Элем: два характерных для старинных энси элеме имеют разный декор, причём наиболее традиционным для верхней панели являются символы свадебного обряда, дома и плодородия, либо геральдические и одновременно обережные композиции, включающие в себя Древо Жизни и мифологических птиц и животных, в том числе, изображения Великой Птицы — Сенмурв.

M. TISCHER (GERMANY)

A COMPARISON BETWEEN THE TURKMEN TENT ENTRANCE AND EUROPEAN MEDIEVAL PORTAL ARCHITECTURE

Fifty years ago when I bought my first Turkmen carpet, a small Ersari, I knew little of the fate of the Turkman people. I only knew that I now owned an object from a nomadic culture although I myself was from a settled society.

For a long time, I was unable to buy anything. On the other hand, my country, Saxony, offered plenty of opportunity to collect wrought iron door fittings. So I unintentionally came to concentrate on the «cultural heritage of Saxonia».

When I finally came across a German edition of Bogolubow's «Tapis de l'Asie Centrale», I noticed that he described No. 14 as a «real» tent entrance carpet — Ensi, whereas he referred to No. 7 as a prayer carpet — Namazlik, but «it was used as an Ensi to close the tent entrance». Could it be that a clever dealer had sold this Russian connoisseur, military governor, who probably did not speak Turkmen (neither do I!) a «prayer carpet» because he wanted a prayer carpet?

Furthermore, I question two other odd opinions regarding Ensi — Meyer-Punter (1917) and Grote-Hasenbalg (1957) — that on their pilgrimage to Mecca, Turkmen saw doors in settlements and copied them. Even Moschkova, that Russian lady who lived and worked in Turkmenistan and for some unknown reasons did not publish her research in those atheistic

times, was unable to change my mind with her motif terminology, which seems to consist of many nicknames or misleading information provided by the interviewed Turkman.

In those days, the literature available on carpets was still rather limited and proved quite inadequate when I suddenly noticed similarities between my Teke-Kapunuk and my Saxonian strap hinges as they happened to lay side by side in my home. Even Alois Riegl's account of the «development of ornamental vines» in his «Stilfragen» (1893) offered no explanation.

About at the same time, I discovered Ernst Kuhnel's «Islamische Einflüsse in der romanischen Kunst» (Islamic influences in Romanesque art), a report in the Kunstgeschichtlichen Gesellschaft Berlin, 1927, in which he remarks on the factors that played a favorable role in establishing links between the Occident and the Islamic Orient during the Middle Ages — in quintessence «ex oriente lux».

Looking at my now forty to fifty slides, one can see the similarity between the ten Turkmen Ensi motifs and 13th — 15th centuries western portal architecture. Therefore, I may draw the conclusion that the roots of Turkmen Ensis must reach back just as far.

Moreover, if the construction of the Turkmen tent has remained unaltered for more than six hundred years, as Pater Alford Andrews has shown, I conclude that the shape and trover of apotropaic motifs of essential textile tent accessories must also have remained unchanged, because it was a custom passed down from mother to daughter!

М. ТИШЕР (ГЕРМАНИЯ)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТУРКМЕНСКИХ КОВРОВЫХ ИЗДЕЛИЙ ДЛЯ ЗАНАВЕШИВАНИЯ ВХОДА В ЖИЛИЩЕ И ЕВРОПЕЙСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОРТАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Пятьдесят лет назад, когда я впервые купил туркменский ковер, — маленький эрсари, я знал мало о судьбе туркменского народа. Я лишь знал, что теперь являюсь владельцем произведения кочевой культуры, тогда как сам представляю оседлое общество.

В течении долгого периода времени мне не удавалось приобрести никаких новых экземпляров туркменских ковров. С другой стороны, моя Родина — Саксония, предлагала мне богатый материал для изучения: железную гарнитуру, служившую для оформления ворот и дверей. Таким образом я непреднамеренно погрузился в изучение «культурного наследия Саксонии».

Когда же я столкнулся с германским изданием книги Боголюбова «Ковёр Центральной Азии», я заметил, что он описывал № 14 как «настоящее» ковровое изделие, служащее для занавешивания входа в жилище — энси, тогда как № 7 он называл ковром для молитв — намазлык, который однако «использовался для занавешивания входа в жилище».

Могло ли случиться так, что расторопный торговец продал этому русскому любителю, военному губернатору, который не говорил по туркменски (я также не знаю туркменского!) «ковер для молитв», потому что ему понравился ковер для молитв?

Более того, я сомневаюсь в правильности мнения двух авторов относительно ковров энси — Мейер-Пюнтер (1917 г.) и Гроте-Хассенбальд (1957 г.), которые утверждают, что туркмены, совершавшие хадж в Мекку и увидевшие орнаменты на дверях жилищ, скопировали их. Даже Мошкова, русская женщина, которая жила и работала в Туркменистане и по неизвестным причинам не опубликовала своих исследований в то атеистическое время, не смогла разубедить меня своей терминологией в отношении орнаментов, которая, как мне кажется, содержит много условных терминов или же запутанной информации, полученной путём интервьюирования туркмен.

В то время когда доступная литература по коврам была довольно ограничена и зачастую не соответствовала минимальным требованиям, я внезапно обнаружил

сходство между моим ковром Теке-Капунук и саксонскими железными дверными петлями, которые по воле случая лежали рядом. Даже Алоиз Ригль в своей книге «Stilfragen» (1893 г.), посвящённой «развитию орнаментальных переплетений» не давал никакого объяснения.

Практически в то же самое время я познакомился с трудом Э. Кухнеля «Исламские влияния в романском искусстве» отчет Kunstgeschichtlichen Gesellschaft, Berlin, 1927 г., в котором автор отмечает основные факторы, которые оказали благотворное влияние на установление связей между Западом и странами исламского Востока в средние века — в основном «ex oriente lux».

Если посмотреть на мои 40—50 слайдов, то можно заметить сходство между десятью орнаментами энси и порталной архитектурой Запада XIII—XIV вв. Таким образом, я могу заключить, что история туркменских энси может уходить своими корнями также глубоко.

Более того, если структура туркменских ковров оставалась неизменной на протяжении более 600 лет, как продемонстрировал А. Эндрюс, то я могу заключить, что форма и вязь обережных орнаментов основных образцов текстильной продукции также осталась неизменной, поскольку передавалась от матери к дочери!

T. COLE (USA), S. OZEN (TURKEY)

TURKMEN EMBROIDERY — THE WOMAN'S ART

The material culture of the Turkmen people has been well chronicled in the past, with primary attention given to the weaving craft of the Turkmen women. It seems that in the past, the Russian explorers and ethnographers who traveled in Turkestan were more struck by the amazing plethora of rugs, trappings and other assorted wool weaving accoutrements of this highly developed Turkmen tradition. Attributions and symbolic meanings were offered in abundance, many of which have withstood the test of time or have served us well as a means of understanding and attributing these various rugs and bags to specific tribes and periods in time.

The craft of silk embroidery, on the other hand, has remained, for the most part, a mystery to most and of peculiar disinterest to many of those who proclaim themselves to be «Turkomaniacs». I find this lack of interest in what I perceive to be a strictly woman's craft to be odd. The rugs were undoubtedly woven for men, to which the variety and number of weavings associates with the marriage and dowry offerings will attest. On the other hand, the many embroidered objects from the Turkmen were made for women by women or for their children, with few of these pieces bearing an association with the wedding ceremony. The variety of coats, hats, baby bibs and tent hangings is testimony to this fact, while the dowry appears to include primarily bags and other odd shaped woven articles made specifically for the marriage litter («kedjebe») or for the tent.

Assigning attributions to these pieces is more problematic. No early pictures or examination of the art exists. Bogolyubov took it upon himself to depict and attribute rugs and bags in the late 19th/early 20th century. No such field work is known in the west. Moshkova took it upon herself to interpret and attribute some of the many designs and patterns encountered in Turkmen weaving, a result of tireless field work and on sight investigation as well as access to collected weaving present in museums throughout the region. Again, I am aware of no similar treatment in museum Turkmen embroidery. Apparently, because it was such personal work, it did not warrant the type of examination and dissection of the art as did the wool rugs and weavings which were considered prestigious, as well as of considerable material value as objects of trade and commerce.

Our current knowledge of Turkmen embroidery is contingent upon field study. For example, we have isolated a group of embroideries which share depicted themes involving flower forms and «kochanak»-related designs to the Chodor tribe. How have we arrived at

this conclusion? Many of the pictured examples were purchased from women who claimed to be Chodor. How do we date such pieces? From closely examining this group of embroidery, we see three distinct types, grouped by palette. Therefore we believe there is an early period (pre-1880), a mid period (1880—1920), and a later period. The designs did not change as they did with the rugs, because there was no commercialization of the art with no demand from outside the tribe. Only colors changed with a gradual evolution of aesthetics, not a drastic departure from traditional themes as what occurred with the rugs.

Yomud embroidery may be some of the most rare type as opposed to the abundance of Yomud wool weaving. Why? I cannot say other than it was not collected early on and much probably still remains with tribal elders, cherished for its link to a past era. While the stitching of Yomud work is not exceptionally fine, like that of the Tekke and Chodor, the iconography is bold and graphic, utilizing space and color to maximum effect. Bold tree forms, as one sees in the elements of Yomud weavings, appears to be favored by these women. The designs in Yomud embroidery, at times, appear to be the most closely aligned with those of the rug than with the patterns of the other weaving groups.

The work of the Tekke is perhaps the most prolific and highly collected to date, with the chyrpy being the most well known and collected Turkmen embroidered article, at least most recognized in western circles. But the patterning of these chyrpys is very foreign to the controlled and codified aesthetics of the Tekke rugs. Why? What are these patterns we see on Tekke chyrpys? Some of them appear to depict plants were used as herbal remedies or intoxicants? Why? There is ancient evidence that tribal women past the child bearing stage in life, would engage in consuming the by-products of such plants. Could it be this is why such graphic allusions to these plants are depicted on the article of clothing which was for their use alone?

With the work of the Ersari tribe being less clear in terms of wool weavings, how do we define the work of this group in the medium of silk? As the Ersari are generally considered to be a confederation of tribes including Kizil Ayak, Chob Bash, and even some data have termed the Arabatchi as their sub-group, which embroideries can be called Ersari or examples of one of the many associated sub-groups.

There are so many other articles which these tribes universally produced. Baby bibs traditionally depicted talismanic themes to ensure good luck and protect the child. Hats, too, are made in all of these cultures with similar iconography. There are small talismans, referred to as «talveez,» small rectangular embroideries meant to adorn clothing and tents which depict ancient talismanic themes including that of the birds, a traditional theme in ancient Central Asia. All of these objects will be examined and separated by tribe as well as interpreted by design.

The artistry of Turkmen needle work will be examined from an aesthetic point of view. What determines the work of an artist as compared to that of a woman learning her craft? Obviously the use of space and color contributes to artistic excellence, and this criteria will be applied to similar examples and defined.

Т. Коул (США), Ш. Озен (Турция)

ВЫШИВКА — ИСКУССТВО ТУРКМЕНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Материальная культура туркменского народа стала предметом тщательного изучения европейских, в первую очередь русских этнографов и путешественников, начиная с XIX века. Основное внимание при этом, однако, уделялось удивительному разнообразию ворсовых ковров и ковровых изделий, являющихся плодом высоко развитой традиции туркменского женского ткачества. Авторы соответствующих работ предлагали многочисленные варианты атрибуций и интерпретаций символов, некоторые из которых выдержали проверку временем, в то время как другие послужили ос-

новой для развития системы современных классификаций туркменской ковровой продукции по времени и племенной принадлежности.

С другой стороны, искусство вышивки шёлком оставалось по большей части за пределами интересов многих исследователей, в том числе и тех, кто объявил себя «маньяками туркменской культуры». Я нахожу объяснение этому невниманию в некоторой странности для мужчин-исследователей этого чисто женского искусства. Ковры, несомненно, изготавливались женщинами для мужчин и приносились в дом мужа как часть приданого. Одновременно многие вышитые предметы делались женщинами для себя и своих детей, количество включаемых в свадебные ритуалы вышитых предметов было очень ограничено. Это подтверждается простым сравнением числа используемых семьей бесчисленных вышитых предметов женской и детской одежды с одной стороны, и крайне редко встречающихся сумок особой формы и принадлежности свадебной палатки «кеджебе» — с другой.

Атрибуция этих вещей вызывает большие сложности. Во-первых, мы не имеем ранних изображений или описаний вышивки, подобных тем, что сделал Боголюбов для ковров в конце XIX — начале XX века и аналогов которым нет в западной литературе. Позже Валентина Мошкова предложила блестящие атрибуции ворсовых изделий и интерпретации туркменской ковровой орнаментики, что стало возможным как результат неустанной полевой работы, научных изысканий и изучения фондов среднеазиатских музеев. Опять же мне не известны подобные работы по туркменской вышивке. Очевидно, поскольку вышивка была сугубо индивидуальной работой, она считалась менее престижной и достойной изучения, чем, скажем, ковры, которые к тому же обладали значительной материальной ценностью и являлись важным предметом торговли.

Современные знания о туркменской вышивке основываются на полевой работе. Например, мы выделили группу сюжетных вышивок с цветочными и рогообразными мотивами, определив её как чоудорскую. Как мы пришли к этому заключению? Многие из этих вышивок были приобретены у женщин, которые называли их чоудорскими. Как мы датируем эти предметы? Тщательное изучение группы позволило выявить три характерных типа, объединяемых общей палитрой. Мы предполагаем, что среди них есть ранний тип (до 1800 года), средний (1880—1920) и поздний (после 1920). В отличие от ковров, орнаментика которых значительно отошла от традиционного канона под влиянием требований рынка, узоры вышивок оставались прежними, постепенные изменения коснулись лишь цветовой гаммы.

Пожалуй, наиболее редкими являются иомудские вышитые изделия, в противоположность коврам, составляющим одну из самых больших групп. Почему? У меня нет другого ответа, кроме как предположения, что иомудские вышивки не собирались в ранний период, и, кроме того, что многие из них до сих пор хранятся старшим поколением племени, рассматривающим их как своё культурно-историческое наследие. Хотя иомудская вышивка менее тонка, чем текинская или чоудорская, иконография изображений отличается благородством и графичностью, а также великолепной разработкой декорируемой поверхности и цветовыми эффектами. Выразительный сюжет древа, типичный для элементов иомудских ковровых изделий, является и излюбленным мотивом создаваемых женщинами вышивок. Сравнение декора разных групп иомудского текстиля показывает наибольшую близость вышивки именно к ковровой орнаментике.

Работы женщин племени теке являются, пожалуй, наиболее многочисленными и популярными среди собирателей, особенно чорпы, являющиеся не только самым излюбленным, но и более других изученным на Западе предметом туркменской одежды. Однако эстетика декора чорпы очень отличается от в высшей степени регулярного и систематизированного дизайна текинских ковров. Почему? Что представляют собой узоры чорпы? Некоторые из них изображают растения, которые использовались в народной медицине. Почему? Существует древнее свидетельство того, что миновавшие период деторождения женщины употребляли побочные продукты таких растений. Не по

этой ли причине они изображали эти растения на предмете одежды, предназначенном исключительно для их личного пользования?

На сегодняшний день существует множество неясностей в вопросе об атрибуции ковровой продукции племени эрсари, аналогичные трудности возникают и при работе с их шёлковыми изделиями. Поскольку эрсари обычно рассматриваются как конфедерация племён, включающая в себя кызыл-аяк, чоп-баш, и даже, по утверждению некоторых источников, арабачи, какие вышивки мы можем называть собственно эрсаринскими, а какие принадлежащими одному из подразделений племени?

Существует огромное количество предметов, которые производили все входящие в конфедерацию племена. Детские нагрудники традиционно украшались знаками-оберегами, как и шапочки, которые повсеместно использовали сходную иконографию. Многочисленные небольшие талисманы, называемые «талви» и представляющие собой маленькие прямоугольники с традиционными для Средней Азии вышитыми птичками, предназначались для украшения одежды и юрты. Все эти предметы будут рассмотрены и атрибутированы по племенной принадлежности, а их узоры подвергнутся семантическому анализу.

Художественный облик туркменской вышивки будет рассмотрен с точки зрения её эстетических качеств. Что определяет художественное творчество в сравнении с работой новичка? Несомненно, мастерство в использовании пространства и цвета являются неотъемлемой частью художественного совершенства, и эти критерии получают определение и будут привлечены при анализе рассматриваемых образцов.

H. SIENKNECHT (GERMANY)

TURKMEN YOLAMIS — CONTRIBUTION TO THEIR TRIBAL ORIGIN

Introduction. Acknowledgments and thanks to initiators and organizers for a great chance for exchange of ideas and opinions. Such meetings will help for better approach to origin and traditions of Turkmen life style, religious beliefs and weaving culture by means of human contacts and better access to local carpet collections.

Yolamis in carpet literature. Short review of present state of published knowledge. Some reasons for the so far stepmotherly treatment of this topic.

Possibilities and limitations of comparative studies with other Turkmen weavings with established tribal attribution.

Different weaving techniques: a) flatwoven; b) mixed technique; c) full pile.

size and function; weaving material; colors; differences of the design vocabulary; importance of minor design details; specific artistic weaving style — does it exist? Difficulties to describe, assess and use it for tribal attribution.

Present results of tribal attribution and age of Yolamis:

the Giklan Yolami case and its consequences; the Hamburg ICOC Turkmen Exhibition and its catalogue «Wie Blumen in der Wüste»; full pile pieces and their contribution to more clarity; the «waste land» in Salor and Tekke attributions; age of Yolamis — uncertainties — first results from the ¹⁴C tests presented at Liestahl symposium 1999 — some general guidelines from the experience of a collector.

Summary and some suggestions for the future research:

so far only preliminary results, free for further correction; mere insight and factual knowledge on function and local use of Yolamis; more precise and detailed structure analysis from reliable experts; better access and more publication of existing Yolami material for continued and intensive comparative study of their color and design characteristics; can we decipher the so far mysterious language of Yolami ornaments?

Yolamis as possibly the most outstanding and unique accomplishment of Turkmen weaving culture, which deserves our wholehearted interest and hopefully still better understanding.

Г. СИНКНЕХТ (ГЕРМАНИЯ)

ТУРКМЕНСКИЕ ИОЛАМЫ — К ВОПРОСУ О ПЛЕМЕННОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ

Вступление. Приветствие и выражение благодарности инициаторам и организаторам конференции, в первую очередь за возможность обмена идеями и мнениями. Подобные встречи помогут в будущем лучше увидеть и понять происхождение и традиции туркменского образа жизни, духовные представления народа, а также культуру ткачества, что становится возможным благодаря личным человеческим контактам и доступу к местным ковровым коллекциям.

Сведения об иоламах в литературе по коврам. Короткий обзор современного состояния по литературным источникам. Некоторые причины несколько пренебрежительного отношения к данной теме.

Возможности и ограничения сравнительного изучения с привлечением предметов с определённой племенной атрибуцией.

Различные техники ткачества: а) безворсовые; б) смешанные техники; в) ворсовые.

размеры и функции; материалы; цветовая гамма; различия в орнаментике; важность деталей мелких мотивов; специфический художественный стиль тканья — существует ли он? Трудности с описанием, оценкой и использованием его для племенной атрибуции.

Последние результаты работы по племенной атрибуции и датировке иоламов:

прецедент гокленских иоламов и его последствия; туркменская выставка конференции ICOC в Гамбурге и её каталог «Wie Blumen in der Wüste» («Как цветы в пустыне»); полноворсовые полосы и их важность в прояснении вопроса; «пустырь» в салорских и текинских атрибуциях; возраст иоламов — неясности — первые результаты датирования по углероду, представленные на симпозиуме в Лиестале (Швейцария), 1999 год: некоторые общие руководства с позиции коллекционера.

Выводы и некоторые предложения для дальнейших исследований:

полученные результаты являются предварительными и требуют корректировки; предположения и фактологические сведения о функции и местном использовании иоламов; более тщательные и подробные структурные анализы, полученные от заслуживающих доверия экспертов; лучший доступ и более активная публикация существующих материалов для продолжительного и интенсивного сравнительного изучения цветовой гаммы и орнаментальных особенностей; можем ли мы расшифровать загадочный язык орнаментов иоламов?

Иоламы как, вероятно, наиболее выдающееся и уникальное достижение культуры туркменского ткачества, которое заслуживает нашего глубокого интереса и, возможно, лучшего понимания.

N. TÜRKMEN (TURKEY)

TRACES OF THE CENTRAL ASIAN SALUR CARPET TRADITION IN ANATOLIA

Between the 14th and 17th centuries the motifs and compositions of carpets woven in Anatolia closely resemble those of Türkmen carpets woven between the 18th and early 20th centuries. These similarities arise from the development of the weaving traditions of the same tribes. Historical sources tell us that the Türkmens played an important role in the weaving tradition of western Anatolia from the 14th century onwards.

For the Türkmen people, carpets were an indispensable part of the lives from the time they were born, and have a symbolic link with their way of life. Woven textiles were not only used in their daily lives, but on special occasions and at toy feasts, and served all kinds of purposes.

The weavings of the Salur tribe, one of the oldest Türkmen tribes, display a very diverse character. In particular the furnishing textiles which form their tents include many ornate examples. The interior furnishings of the tents that were used in Anatolia until recent times are very similar to those of Central Asian Türkmen.

Traces of the motifs, compositions and colour combinations in Salur carpets can be found in early Ottoman carpets, which are an important category of Anatolian carpets. In this paper I will discuss the relationships between Salur carpets and those of the early Ottoman period, with reference to Anatolian carpets today.

H. RUDOLPH (GERMANY)

TURKMEN CLOTHING AND SILVER JEWELLERY: FORM, MEANING, HISTORY

In Turkmen tribal art — felt, flatweaves, rugs, embroidered clothing and silver jewellery — early elements of Eurasian art are preserved to a greater extent than in the arts of the neighbouring peoples. This fact has been realized only in the past few years thanks to the most recent archaeological excavations and ethnological research.

The talk will deal with three complexes:

1. First the various functions of clothing and jewellery in the life of the Turkmen will be briefly mentioned (specific tribal or regional character, indication of social differences and of the stages of a woman's life cycle, importance in people's survival strategy, carrier of a magic-religious power etc.). Some of these aspects can also be found in felts, flatweaves, and rugs.

2. A particularly important aspect is fertility magic, which is visible both in the forms and the decoration of clothing and jewellery. The hooked lozenge, and vegetal and floral decoration play a special role in this context. The belief in the magical efficacy of plants and their images, which can also be found in other cultures, has a very long tradition in Central Asia. Besides, old fertility cults (Anahita) have survived in Turkmenistan.

3. In this chapter the historical depth of Turkmen clothing and jewellery will be dealt with. For certain selected motifs it is possible to point to preliminary stages and cognate shapes. As similarity of form need not mean identity of content, one must keep asking why these shapes and motifs were adopted and handed down, what ideas and beliefs were and are attached to them. The main emphasis of the talk will be put on the interpretation of the decoration of Turkmen clothing and jewellery (triangle, lozenge, vegetal decoration, *adamlyk* etc.) and of its art-historical and archaeological preliminary stages on Turkmen soil and cognate early cultures. Of particular importance is the Bronze Age Bactria-Margiana Archaeological Complex (Ancient Merv). The vegetal decoration can be traced back to the Islamic arabesque of Timurid, Seljuk, Ghasnavid and Samanid art and to earlier stages in Sasanian, Sogdian, Scythian, and Early Turkish art. Again, attention will be drawn to similarities in felts, flatweaves and rugs.

Х. Рудольф (Германия)

ТУРКМЕНСКАЯ ОДЕЖДА И СЕРЕБРЯНЫЕ УКРАШЕНИЯ: ФОРМА, ЗНАЧЕНИЕ, ИСТОРИЯ

В искусстве туркмен сохранились в большей степени, чем в искусстве сопредельных народов, ранние формы искусства Евразии: вывод, который начал приобретать

свой контур только несколько лет тому назад в результате недавних археологических раскопок и исследований. В докладе освещаются три комплекса вопросов:

1. Сначала кратко рассматриваются разнообразные функции одежды в жизни туркмен: племенная и региональная специфика, возрастная специфика (цикл жизни женщины), социальное положение, магическое и религиозное значение и т. д.

2. Особенно детально нужно остановиться на магии плодородия, её отражении как в форме одежды, так и в орнаментике одежды и серебряных украшениях. Здесь указывается на старые традиции и культ плодородия (Анахиты).

3. Основная проблема доклада — это орнаментика одежды и серебряных украшений, интерпретация их значения (треугольник, ромб, растительный декор, фигура человека «адамлык» и т. д.) и их первоначальные исторические и археологические ступени. Исламские арабески, их значение и их первые ступени в согдийском, сасанидском, скифском, раннетюркском, бактрийско-маргианском искусстве и т. д.. Особого внимания заслуживают печати бактрийско-маргианского комплекса (Сарианиди).

А. ТАДЖЕВ (АШГАБАТ)

ЖЕНСКИЕ ТИАРООБРАЗНЫЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ НА МАРГИАНСКИХ СТАТУЭТКАХ ИЗ МЕРВА

Народный костюм как и другие элементы материальной и духовной культуры имеет свою историю. Поэтому народный костюм рассматривается как один из источников изучения истории народа и его культуры. Очень важно на основании сравнительных данных и анализа установить боллее ранние, даже древние формы костюма. В связи с этим исследователей привлекает богатейший материал древней туркменской терракотовой пластики, который может дать ответ на многие вопросы, связанные с исследованием древнейших традиций турхменского народа. Головной убор — один из наиболее интересных элементов национального костюма, в котором часто сохраняются своеобразные традиционные формы. Восстановлению его помогают различные источники. Ориентация на палеоэтнографию в области историко-этнографического изучения среднеазиатской одежды определилась в 40—50-е гг. Используя материалы среднеазиатских терракот, О. А. Сухарева впервые сделала попытку объяснить генезис некоторых форм головных уборов народов Средней Азии. Палеоэтнографический уклон присутствует в работах Г. А. Пугаченковой, Н. Г. Воробьевой, Л. И. Ремпель и других.

Настоящий доклад посвящен одному из видов женского головного убора, запечатлённому на группе маргианских терракот I в. до н. э. — I в. н. э. Это тиарообразные женские головные уборы, которые представляют особый интерес, так как по форме напоминает старинный головной убор, называемый у туркмен «хасава», исчезнувший во многих группах туркмен в конце XIX века, но сохранившийся ещё в Олам салыров, проживающих компактно в Лебапском велаяте и в Северном Афганистане. Этнографические параллели, зафиксированные мною ещё в 80-х годах XX века, позволяют предположить между ними генетическую связь и рассмотреть маргианские терракоты в свете этнографических параллелей.

Тиарообразный головной убор на терракотах маргианских богинь делится на два варианта. Первый — коронообразный головной убор, состоящий из диадемы с тремя выступами (зубцами). Головки второго варианта увенчаны высокой тиарой, в правой руке фигурок — круглое зеркало. Такие терракотовые фигурки нескольких разновидностей, изображающие женщину, встречаются в других регионах Средней Азии. Сюжет этих терракот, как отмечают исследователи, варьирует тему женского божества, у которого плод в руке заменяется зеркалом, а одежда — мантия — охватывает фигурку античным гиматием поверх местной рубахи.

О семантике образа, запечатлённого на этих статуэтках, говорят сопутствующие им атрибуты. Главным атрибутом Мервской богини является зеркало и цилиндрический с куполообразным верхом головной убор. Образ богини с зеркалом, несомненно восходит к прототипам женского божества. Статуэтки богини-матери встречаются в различных регионах Древнего Востока. Они встречаются в терракотах из Согда, Хорезма, в Северном Кавказе, в Передней Азии и в Дальнем Востоке. Видимо, назначение этих деталей изображения служить символом и, несомненно, они символизируют материнство.

В этнографических материалах тигрообразные головные уборы тоже связаны с материнством: по обычаю его надевала невеста на второй день после свадьбы, причём процесс «надевания» сопровождался различными обрядами. Хасава — головной убор туркменок, известен по многим литературным источникам, начиная с XIX века. В хасаве туркменок, прослеживаются черты древнего местного ритуального головного убора. Сравнение их с терракотами показывает, что костюм маргианских терракот и женский свадебный головной убор хасава обнаруживает непосредственную близость: мы видим сходство не только в форме, но и в характере ношения костюма.

Зеркало по этнографическим материалам также является неотъемлемым атрибутом женского приданого: по обычаю, зеркало до и после смерти у туркменок и по сей день является главным атрибутом её имущества. По традиции хасава не является повседневным костюмом женщин-туркменок, а считается ритуальной одеждой. Её носили до сорока дней после свадьбы, а также только на торжествах и похоронах. Хасава очень дорогой, украшенный золотом и серебром головной убор. Он был доступен только невестам богатых из богатых семей.

Сравнение этнографических материалов показывает, что в костюмах маргианских терракот обнаруживается непосредственная близость к туркменскому женскому головному убору хасава. Сходство их не только в иконографии, но и в характере костюма. Это даёт основание предположить, что хасава и другие разнообразие женские головные уборы различных групп туркмен, были восприняты из местных традиций. Древние маргианские терракоты богини-матери и их одеяния свидетельствуют о том, что этот бытующий обычай, сопровождающийся ношением тигрообразных головных уборов, восходит к древним местным традициям, а не является влиянием соседних народов как отмечали некоторые исследователи.

М. М. КУРБАНОВА (АШГАБАТ)

О ТУРКМЕНСКОМ ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ

Для культуры туркменского народа характерны примеры высококачественного прикладного искусства: ковры, паласы, кошмы, украшения, национальная одежда женщин-туркменок, вышивки, сделанные на них и т. д. В них проявляются эстетические и мировоззренческие концепции общества.

После того, как Туркменистан стал независимым и нейтральным государством, появилась возможность глубоко изучить нашу национальную культуру, наше искусство, ремесло, традиции, обычаи и т. д. Как отмечал наш Туркменбаши, национальное возрождение должно начаться с изучения и знания истории своего народа.

Ковровое ремесло оставило свой след, как важное искусство в культуре человечества. Ещё со времени энеолита в IV—III тыс. до н. э. отмечены геометрические фигуры, близкие изображениям на коврах. Наряду с ткацким производством в широком смысле, распространённым в Туркменистане с VI тыс. до н. э., видимо, весьма рано развивается и ковроделие. И. Н. Хлопин при раскопках могильников II тыс. до н. э. около Каракала обнаружил инструменты, аналогичные ковровым ножам (кесерам) современной эпохи. Видимо, это свидетельствует о весьма древних истоках ковроделия как особого производства.

В период формирования туркменского народа (VIII—XIII вв.) распространение коврового ремесла привело к тому, что каждое племя имело своеобразный орнамент. В XVIII и XIX веках, побывавшие в туркменских краях иноземцы также были любителями этого искусства. Неверно считать ковровое искусство самым древним среди ремёсел. Вместе с ковровым искусством развивалось и производство кошм. Узоры, сделанные на кошмах сарыичян и гочянак, появились очень рано. Ткачество было широко распространено в Туркменистане в древнее время и в предарабскую эпоху. Куски тканей, найденные в результате археологических раскопок, проведённых на южной части Туркменистана, в Мерве, М. Е. Массон относил к парфянскому времени. Автор доказал, что эти ткани в средние века не только использовались населением, но и широко экспортировались. Шёлковые изделия, изготовленные в Мерве и в Дахистане, продавались на всех рынках мира. После арабских завоеваний в VIII веке мастерская, производившая шёлк для халифской казны, также находилась в Мерве. Эти шёлковые изделия шли как дары и плата для арабских военнотружеников.

Самая древняя национальная ткань туркмен — кетени — в исторических источниках упоминается начиная с XVI века. Эти традиции развивались и в XVIII, и в XIX веках, женщины-туркменки на ручных станках ткали шёлковые изделия, такие как джуби хорасани, соасани, чепбетев, алатор, сарысы солан, еди дурли. Кроме того они ткали разные платки, из верблюжьей шерсти ткали скатерти, мужские повязки с вышивками и т. д. Волнистые, треугольные фигуры, изображённые на этих узорах мы можем увидеть на керамических находках, относящихся к парфянскому государству и более раннего времени.

В XVIII и XIX веках на туркменских вышивках особенно отличались узоры сарыичян, гочак, дагдан, дарагт, они связаны между собой зарюстризмом (например, узор сарыичян может быть связан с солнечной символикой). Символика солнца отражена на узорах и орнаментах ковров, кошм туркменского народа. Узор гочак встречается не только в ручных ремеслах, но также и на жилых домах, тамдырах, на могильных камнях. Эти традиции дошли до нашего времени. В современном искусстве в основном выделяют восемь видов узоров. Некоторые из них очень древние. Например, илдиirme восходит к середине первого тысячелетия до н. э. Он встречается в находках ковра из Пазырыка. На туркменских вышивках встречаются такие узоры, как чейраз, басма, гаралама.

Многочисленные народы Средней Азии и Поволжья широко пользуются узорными вышивками. Общее сходство этих узоров показывает, что эти народы и туркмены имели общие традиции.

Туркменские ремесленные изделия в своём развитии обнаруживали различия. Сохраняются такие общие черты, как красный цвет, изображения животных и растений и т. д. С приходом ислама в ковровом искусстве начали ткать священный намазлык, используя узоры мехраб аладжа.

И после монгольского нашествия традиции сохранялись. У каждого племени были своеобразные узоры на коврах, кошмах, вышивках и даже на вязанных носках, которые передавались от матери к дочери.

Туркменское рукоделие является зеркалом туркменской культуры, важным историческим источником. Изучая его, мы можем раскрыть неоткрытые страницы истории искусства нашего народа.

ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В ТУРКМЕНСКОМ КИНО ЭПОХИ НЕЗАВИСИМОСТИ И НЕЙТРАЛИТЕТА

Распад старой системы кинопроизводства и кинопроката, сложившейся как феномен многонациональной советской кинокультуры, оказался болезненным для многих национальных кинематографий при переходе к самостоятельности. В трудном положении оказалось и туркменское киноискусство. Проблемы реформы, заявившие о себе тогда, в середине 80-х годов, актуальны и сегодня. Для защиты национальной кинокультуры необходима дальновидная государственная политика и высокая гражданская позиция мастеров экрана. При помощи государства и по инициативе Президента Туркменистана Сапармурата Туркменбаши в Ашгабате строится киностудия с учётом новой технологии и техники. Мастера экрана продолжают напряжённую работу, стремятся осознать связь новых социально-политических процессов и художественного творчества.

Пафос обновления и перестройки наметился в начале 90-х годов в документальном кино, где, наряду с традиционными тематическими рубриками (официальная хроника, очерки о современниках и т. д.), использован совершенно новый материал. Естественно, что интерес мастеров экрана привлекает личность лидера новой эпохи — Президента Туркменистана Сапармурата Туркменбаши — «Путь туркмена», «Была ночь, и было утро».

Новые подходы к изображению тем современности и истории отличает значительный объём их авторской интерпретации, понимание глубинных процессов в обществе и искусстве — «Возрождение», «Туркмен-чилик», «Текинка» и т. д. Сохраняется острый интерес к фиксации традиционных обрядов и обычаев. Киномастера воплощают ранее не затронутые сюжеты, в основном, религиозно-нравственного содержания, пытаются раскрыть собственное понимание истоков духовности туркменского народа — «Бушлук», «Бисмилла» и т. д.

Художественные киноленты первой половины 90-х годов — «Дестан моей юности», «Человек с елью», «Кемине», «Лейли и Меджнун», «Охламон», «Жёлто-голубой автобус» и другие — в целом успешно продолжают лучшие поиски предшествующих десятилетий, хорошо приняты зрителями и критикой, в том числе на фестивалях. Тематические рубрики в целом те же, что и в документальном кино, но в художественном кино ленты отличаются большей стилистической выразительностью, разнообразием изобразительных ресурсов, некоторым постановочным размахом («Лейли и Меджнун», «Кемине»). Эти ленты — последние работы, снятые на киноплёнке. С середины 90-х годов снимаются видеофильмы и даже многосерийные. В настоящее время на телевидении создаётся десятая серия видеофильма о Президенте страны — «Туркменбаши и мой вождь» — своеобразная экранная летопись его деятельности и международного престижа.

Общепризнанно, что новое тысячелетие станет эпохой информационной революции, что не отрицает наличие национальных идей. Великая книга туркменского народа «Рухнаме», многотомное издание произведений Сапармурата Туркменбаши, раскрывающей концепцию социального, экономического и культурного прогресса страны, станут большим подспорьем в работе мастеров экрана, помогут реформе кинопроизводства и кинопроката.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

В. М. Массон (Санкт-Петербург) КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТУРКМЕНИСТАНА В ИСТОРИИ МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.....	9
С. Н. Иконникова (Санкт-Петербург) КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ОСНОВА ИНТЕГРАЦИИ НАРОДОВ	12
В. И. Кузицин (Москва) КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНЕГО МИРА И СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ.....	15
О. Айдогдыев (Ашгабат) КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ПРАКТИКА КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ	16
М. Айдогдыев (Ашгабат) ТУРКМЕНИСТАН И ТУРКМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ — РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ МНОГОВЕКОВОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ.....	19

II. ПУТИ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ И ПЛАСТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

К. К. Курбансахатов (Ашгабат) РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ ЭПОХА ТУРКМЕНИСТАНА — ИСХОДНЫЙ ПЛАСТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ.....	21
Ф. Хиберт (США) СТО ЛЕТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИЗЫСКАНИЯМ НА ПОСЕЛЕНИИ АНАУ В ТУРКМЕНИСТАНЕ	22
О. А. Лоллекова (Ашгабат) РАЗВИТИЕ ПРОИЗВОДСТВ В РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКУЮ ЭПОХУ.....	24
И. С. Масимов (Ашгабат) ИСТОКИ ДРЕВНЕМУРГАБСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ	25
Т. Ширинов (Узбекистан) ТУРАНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ БАКТРИИ И МАРГИАНЫ ВО II ТЫС. ДО Н. Э.	27
Р. Ахмад (Пакистан) ТУРКМЕНИСТАН — КОЛЫБЕЛЬ ЦИВИЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ	28
М. Айланд III (США) МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ КОЧЕВНИКОВ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ	29
В. П. Никоноров (Санкт-Петербург) КОЧЕВНИЧЕСКИЙ ПЛАСТ В КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ ПАРФЯНСКОЙ ДЕРЖАВЫ.....	31
М. Ольбрыхт (Польша) ПОЛИТИКА И ЦАРСКАЯ ПРОПАГАНДА В ПАРФИИ: ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ПРОТИВ КОЧЕВНИЧЕСКОЙ И ИРАНСКОЙ ТРАДИЦИИ В ГОСУДАРСТВЕ АРШАКИДОВ	35
М. Б. Дурдыев (Ашгабат) О КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ ПАРФЯНСКОЙ ЭПОХИ (алтарь-очаг «пухор» с поселения Старый Мурче)	38
С. Г. Кляшторный (Санкт-Петербург) ОГУЗЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ГУЗЫ ПРИАРАЛЬЯ (центральноазиатский компонент в этногенезе туркменского народа)	40

Дж. Херрманн (Великобритания) МЕЖДУНАРОДНЫЙ МЕРВСКИЙ ПРОЕКТ: ТУРКМЕНО-БРИТАНСКОЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В 1992—2000 ГГ.	42
В. А. Завьялов (Санкт-Петербург) ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГЯУР КАЛЫ (по результатам работ международного Мервского проекта IMP)	45
П. Брюн (Великобритания) СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ СУЛТАН КАЛЫ: УНИКАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТУРКМЕНИСТАНА.....	48
А. О. Бердыев (Ашгабат) МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ЭПОХИ ТУРКМЕНИСТАНА.....	53
М. Сарай (Турция) ТРАДИЦИИ И ОБЫЧАИ В ЖИЗНИ (Что делает туркмена туркменом?)	55
О. Б. Мухамметбердиев (Ашгабат) НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА ТУРКМЕНСКОГО НАРОДА....	57
Я. Оразклычев (Ашгабат) НЕЗАВИСИМЫЙ ТУРКМЕНИСТАН И ВОЗРОЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ	58
Б. Эльбаум (Ашгабат) КУЛЬТУРА УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ В НЕЗАВИСИМОМ ТУРКМЕНИСТАНЕ: ПРИМЕНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОПЫТА ПРЕДКОВ.....	59
Ё. А. Кепбанов (Ашгабат) КОНЦЕПЦИЯ САПАРМУРАТА ТУРКМЕНБАШИ О ПОСТОЯННОМ НЕЙТРАЛИТЕТЕ.....	61
Б. С. Атаев (Ашгабат) ТУРКМЕНСКИЙ НЕЙТРАЛИТЕТ В ПОСТСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ: ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИИ ИСТОРИИ	63
III. КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ	
И. И. Мовчан, Е. В. Цвек (Украина) АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ УКРАИНЫ	66
Г. Исмаилзаде (Азербайджан) РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ ПЛАСТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА.....	68
А. Е. Симонян (Армения) АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ АРМЕНИИ (XI тыс. до Р.Х. — IX в. до Р.Х.).....	69
О. Лордкипанидзе (Грузия) КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДРЕВНЕЙ КОЛХИДЫ	73
М. Джапаридзе (Грузия) О ДРЕВНЕЙШЕМ КУЛЬТУРНОМ НАСЛЕДИИ ГРУЗИИ.....	73
Б. А. Карымшакова (Кыргызстан) ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КЫРГЫЗСТАНА И ВОПРОСЫ ЕГО СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ.....	75
К. М. Байпаков (Казахстан) АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ И ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАЗАХСТАНА.....	76
В. Дергачев (Молдова) КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: РАЗЪЕДИНЯЮЩАЯ РЕТРОСПЕКЦИЯ ИЛИ ИНТЕГРИРУЮЩАЯ ПЕРСПЕКТИВА?.....	79
К. Нурбадов (Ашгабат) ФОЛКЛОРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТУРКМЕН МИРА	81

Ю. Е. Березкин, В. В. Тюленева (Санкт-Петербург)
ПРОШЛОЕ В КОНТЕКСТЕ ФОЛЬКЛОРА: ЛЕГЕНДЫ О ЗОЛОТЕ ИНКОВ..... 82

А. Рахманов (Ашгабат)
О САЛАРАХ КИТАЯ И ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ, ПОСВЯЩЕННОЙ ИХ ИСТОРИИ..... 84

IV. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ, ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Е. И. Кычанов (Санкт-Петербург)
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ 87

И. М. Стеблин-Каменский (Санкт-Петербург)
ИРАНСКИЕ ЯЗЫКИ СРЕДНЕЙ АЗИИ..... 88

А. Б. Эрджиласун (Турция)
ОГУЗО-ТУРКМЕНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ИСТОЧНИКИ 89

А. А. Амбарцумян (Санкт-Петербург)
К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРЕ ПАРФЯНСКОГО ЗОРОАСТРИЗМА
(по данным некоторых парфянских и пехлевийских источников)..... 90

Ж. Фуссман (Франция)
ОГОНЬ В ХРАМАХ, ХРАМЫ ОГНЯ И АРИЙСКАЯ КУЛЬТОВАЯ ПРАКТИКА..... 95

И. В. Пьянков (Великий Новгород)
ВЕРОВАНИЯ ДРЕВНЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ЗОРОАСТРИЗМ 95

М. М. Клычева (Москва)
О ЗОРОАСТРИЙСКИХ КОРНЯХ
СИСТЕМЫ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ТУРКМЕНСКОГО НАРОДА 97

Е. Н. Ершова (Ашгабат)
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ
МЕЖДУ НАРОДАМИ (на материале туркменского и русского языков)..... 99

В. А. Мешкерис (Санкт-Петербург)
ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ В МЕЛКОЙ ПЛАСТИКЕ И ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ ДРЕВНЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ 101

Владимир, архиепископ Ашгабатский и Среднеазиатский
ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ТУРКМЕНИСТАНА 103

Я. Атамуратов (Ашгабат)
ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ТУРКМЕН И ИСЛАМ 104

Е. Некрасова (Узбекистан)
МУСУЛЬМАНСКИЕ НЕКРОПОЛИ ГОРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ:
ВОЗНИКНОВЕНИЕ, ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ 108

С. Е. Ажигали (Казахстан)
МЕМОРИАЛЬНО-КУЛЬТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ МАНКЫСТАУ И УСТЮРТА 109

Н. Дияберкерли (Турция)
ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПОСТРОЙКИ ТУРКМЕНСКИХ ПЛЕМЕН —
КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТУРКМЕНИСТАНА 110

V. СВЯЗИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

С. Н. Артановский (Санкт-Петербург)
ВОЛНА ЦИВИЛИЗАЦИИ: ОТ МЕТАФОРЫ К НАУЧНОМУ ПОНЯТИЮ 111

Р. М. Масов (Таджикистан)
ТАДЖИКИСТАН И ТУРКМЕНИЯ: ДРЕВНИЕ КОНТАКТЫ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ..... 113

А. Х. Хан (Пакистан) ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ КАК ФАКТОР ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА.....	115
А. Х. Дани (Пакистан) ПАКИСТАНО-ТУРКМЕНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ	117
Р. Аразова (Азербайджан) СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНЕЙШИХ РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ АЗЕРБАЙДЖАНА И ТУРКМЕНИСТАНА	119
А. Губаев, А. Бабаев (Ашгабат) ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ТУРКМЕНИСТАНЕ.....	120
Н. Н. Негматов (Таджикистан) БЛАГОТВОРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕИРАНСКО-ТАДЖИКСКОЙ И ОБЩЕТЮРКСКО-ТУРКМЕНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В СРЕДНИЕ ВЕКА.....	122
Р. Л. Ханглу (Индия) ИНДИЙСКО-ТУРКМЕНИСТАНСКИЕ СВЯЗИ И ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ТУРКМЕНИСТАНА В СРЕДНИЕ ВЕКА.....	123
Э. А. Мурадова (Ашгабат) ЮГО-ЗАПАДНАЯ ТУРКМЕНИЯ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА И СИСТЕМА КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ.....	124
Х. Юсупов (Ашгабат) ДРЕВНИЕ КОЧЕВНИКИ ТУРКМЕНИСТАНА И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С СОСЕДНИМИ НАРОДАМИ И СТРАНАМИ	125
Г. Пушигт (Великобритания) КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ САСАНИДСКОГО МЕРВА В СВЕТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КЕРАМИКИ.....	126
Е. Атагарриев (Ашгабат) ТУРКМЕНИСТАН СЕЛЬДЖУКСКОЙ ЭПОХИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ.....	129
Т. Ходжаниязов (Ашгабат) ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ СРЕДНЕВЕКОВОГО МЕРВА.....	130
Т. М. Достиев (Азербайджан) ПАРАЛЛЕЛИ И ВЗАИМОСВЯЗИ В КУЛЬТУРЕ АЗЕРБАЙДЖАНА И ТУРКМЕНИСТАНА В ЭПОХУ СЕЛЬДЖУКОВ.....	131
Д. Каушик (Индия) ИНДО-ТУРКМЕНСКИЕ СВЯЗИ: ПЕРСПЕКТИВА В НОВОМ ТЫСЯЧЕЛЕТИИ.....	132
М. Хайдар (Индия) ВЗГЛЯД НА ИНДИЙСКО-ТУРКМЕНИСТАНСКИЕ СВЯЗИ В ПРОШЛОМ И ПЕРСПЕКТИВЫ НА БУДУЩЕЕ	133
Ф. Туркмен (Турция) МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТУРКМЕНСКОГО И АНАТОЛИЙСКОГО ВАРИАНТОВ СКАЗАНИЯ «КЕРЕМ И АСЛИ»	134
Д. Луминица (Молдова) ФОЛЬКЛОРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ КАК ФАКТОР СБЛИЖЕНИЯ НАРОДОВ И КУЛЬТУР.....	135
Л. В. Шорина (Молдова) БЕССАРАБИЯ НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР.....	137
Т. В. Зайковская (Молдова) ДИАЛОГ КУЛЬТУР — ДИАЛОГ ЯЗЫКОВ.....	139

VI. ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ, ЕГО ПОЗНАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

О. Ф. АКИМУШКИН (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) К ИСТОРИИ СЛОЖЕНИЯ НАУЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ТУРКМЕН И ТУРКМЕНИИ	140
А. А. КОЛЕСНИКОВ (АШГАБАТ) ПЕРВЫЕ РОССИЙСКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ТУРКМЕНИСТАНА	142
Н. РАХИМОВ (АШХАБАД) РАННИЕ СВЕДЕНИЯ О ТУРКМЕНАХ В РУССКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ.....	143
М. Б. ОРАЗОВ (АШГАБАТ) ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ УНИВЕРСИТЕТСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТУРКМЕНИСТАНЕ.....	144
И. БОСТАН (ТУРЦИЯ) ТУРКМЕНИ И МОРЕХОДСТВО	147
С. НАКВИ (ИНДИЯ) ВКЛАД КУТЬ ШАХА ТУРКМЕНИСТАНЦА В СОЦИО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ДЕКАНА	147
Р. Л. ХАНГЛУ (ИНДИЯ) ТУРКМЕНСКИЙ ПРАВИТЕЛЬ МУХАММАД БАЙРАМ БЕК.....	149
А. РЕХМАНИ (ПАКИСТАН) БАЙРАМ ХАН – СТРОИТЕЛЬ ИМПЕРИИ МОНГОЛОВ.....	151
А. А. КАЛАНТАРЯН (АРМЕНИЯ) МАВЗОЛЕЙ ТУРКМЕНСКОГО ЭМИРА ПИР-ХУСЕЙНА В с. АРГАВАНД АРМЕНИИ	152
В. ГРИГОРЯН (АРМЕНИЯ) АРМЯНСКИЕ ПЕРВОИСТОЧНИКИ О ТУРКМЕНО-АРМЯНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В XV ВЕКЕ	153
П. А. ЧОБАНЯН (АРМЕНИЯ) РОЛЬ ТУРКМЕНИСТАНА В РУССКО-ИНДИЙСКОЙ ТОРГОВЛЕ И АРМЯНСКОЕ КУПЕЧЕСТВО В КОНЦЕ XVIII — НАЧАЛЕ XIX в.	154
Р. Г. НЕПЕСОВА (АШГАБАТ) ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ САПАРМУРАТА ТУРКМЕНБАШИ.....	155
О. МАМЕТНУРОВ (АШГАБАТ) НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ТУРКМЕНИСТАНА И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТУРКМЕНИСТАНА	158
В. Р. ОДЕКОВ (АШГАБАТ) РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ	160
Г. Ф. КОРОБКОВА (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ) ТРУДОЛЮБИЕ, ВОСПИТАННОЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯМИ (экспериментальное моделирование трудовых процессов с помощью древних орудий труда)	161
Ч. ЯЗЬБЕВ (АШГАБАТ) РОЛЬ СТАРЕЙШИН В ТУРКМЕНСКОМ ОБЩЕСТВЕ.....	163
Б.-Р. ЛОГАШОВА (МОСКВА) К ПРОБЛЕМЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ТУРКМЕН	164
И. АМАНЬЕВ (АШГАБАТ) МИГРАЦИЯ ТУРКМЕН НА ЗАПАД В XI—XIII вв. И ЕЁ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	166
П. ДЖ. ГЕЙС (АВСТРИЯ) ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ УСТРОЙСТВА В ТРАНСКАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ В ФЕОДАЛЬНУЮ ЭПОХУ: НЕКОТОРЫЕ КОММЕНТАРИИ К АЦЕФОЛОГИИ ТУРКМЕНСКИХ ПЛЕМЕН	167

Ю. Халачоглу (Турция)	
ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ТУРКМЕНО-ОСМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА.....	170
Р. Генч (Турция)	
КАРАХАНИДЫ И ТУРКМЭНЫ.....	171
Э. Мергил (Турция)	
СЕЛЬДЖУКСКИЕ ТУРКМЕНСКИЕ ГОСУДАРСТВА (Средние века).....	171
К. Я. Копраман (Турция)	
ТУРКМЕНСКИЕ ГОСУДАРСТВА В ЕГИПТЕ.....	172
А. Сарли (Иран)	
СОРАТНИК ТУРКМЕНСКИХ ШАХОВ.....	174
Н. С. Горелов (Санкт-Петербург)	
«ТУРКОМАНЫ» СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ	175
В. П. Леонов (Санкт-Петербург)	
ИЗДАНИЯ О ТУРКМЕНИИ В ФОНДАХ БИБЛИОТЕКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.....	179
Г. П. Васильева (Москва)	
ПЕРЕЖИТКИ ДРЕВНИХ ФОРМ СЕМЬИ И СЕМЕЙНОЙ	
ОБРЯДНОСТИ У ТУРКМЕН В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.	180
В. И. Аникин (Молдова)	
К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ БЕССАРАБИЕЙ	
И ТУРКЕСТАНОМ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в. (на примере каракулеводства)	182
 VII. МНОГООБРАЗИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ: МИР ИСКУССТВА И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА	
Г. Я. Васова (Ашгабат)	
ТРАДИЦИИ ТЕАТРАЛИЗОВАННОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ	
И НАРОДНЫЕ АНСАМБЛИ СОВРЕМЕННОГО ТУРКМЕНИСТАНА.....	184
Р. Х. Исмаилов (Ашгабат)	
К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ	
НАЦИОНАЛЬНОГО ТЕАТРА В ТУРКМЕНИСТАНЕ.....	186
В. Свободов (Санкт-Петербург)	
МУЗЫКАЛЬНЫЙ СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ТУРКМЕНИСТАНА	
И ПРОБЛЕМА ЕГО РЕКОНСТРУКЦИИ.....	186
Р. Аллаяров (Ашгабат)	
ТУРКМЕНСКОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ	
И МУЗЫКАЛЬНАЯ СРЕДА СОВРЕМЕННОГО ТУРКМЕНИСТАНА.....	188
Д. Ж. Жумабекова (Казахстан)	
СКРИПИЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО КОМПОЗИТОРОВ КАЗАХСТАНА И ТУРКМЕНИСТАНА:	
НА СТЫКЕ ВЕКОВ.....	190
С. Турал (Турция)	
ТУРКМЕНСКИЕ ДЕСТАНЫ: ИСТОЧНИКИ И РАСПРОСТРАНЕНИЕ	192
К. Велиев (Азербайджан)	
«КИТАБИ-ДЕДЕ КОРКУД» КАК ЦЕННЫЙ ИСТОЧНИК	
АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ И ТУРКМЕНСКИХ НАРОДОВ.....	192
И. Велиев (Азербайджан)	
ОБ ИСТОРИКО-ЭТНИЧЕСКИХ АНАЛОГИЯХ	
В ТУРКМЕНО-АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ МЫШЛЕНИИ	193
А. Г. Шамилов (Азербайджан)	
ТУРКМЕНСКИЙ ПОЭТ ТИЛИМХАН.....	193

Р. Г. Мурадов (Ашгабат) ОБЪЕКТЫ И ПРОСТРАНСТВО ТУРКМЕНСКОЙ НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ	195
О. А. Хаджиева (Ашгабат) ДЕКОР В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ ТУРКМЕНИСТАНА И ТРАДИЦИИ НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ.....	196
М. А. Мамедов (Ашгабат) ИСТОКИ И ЭВОЛЮЦИЯ АРХИТЕКТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ ТУРКМЕНИСТАНА.....	198
Н. С. Бяшимова (Ашгабат) ПЛАСТЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИИ ТУРКМЕНИСТАНА И РАЗВИТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ.....	200
К. Кураева (Ашгабат) ЛИЧНОСТИ И ИСТОРИЯ НАРОДА В ИСКУССТВЕ НЕЗАВИСИМОГО ТУРКМЕНИСТАНА	201
Е. Г. Царева (Санкт-Петербург) ИСКУССТВО КОВРОДЕЛИЯ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТУРКМЕНИСТАНА	202
Т. К. Дурдыева (Ашгабат) ИЗУЧЕНИЕ ТУРКМЕНСКОГО КОВРОДЕЛИЯ	205
П. Хофмейстер (Германия) КЛАССИЧЕСКОЕ ТУРКМЕНСКОЕ КОВРОДЕЛИЕ. ТРИДЦАТЬ ЛЕТ СОБИРАТЕЛЬСТВА НА ЗАПАДЕ.....	206
Дж. Аллен, К. Карриер (США) К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВЕ В КЛАССИЧЕСКИХ ТУРКМЕНСКИХ ЧУВАЛАХ	209
Р. Пиннер (Великобритания) ТУРКМЕНСКИЕ ЭНСИ.....	211
М. Тишер (Германия) СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТУРКМЕНСКИХ КОВРОВЫХ ИЗДЕЛИЙ ДЛЯ ЗАНАВЕШИВАНИЯ ВХОДА В ЖИЛИЩЕ И ЕВРОПЕЙСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПОРТАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ.....	212
Т. Коул (США), Ш. Озен (Турция) ВЫШИВКА — ИСКУССТВО ТУРКМЕНСКОЙ ЖЕНЩИНЫ.....	214
Г. Синкнехт (Германия) ТУРКМЕНСКИЕ ИОЛАМЫ — К ВОПРОСУ О ПЛЕМЕННОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ.....	217
Н. Туркмен (Турция) СВИДЕТЕЛЬСТВА СУЩЕСТВОВАНИЯ САЛОРСКИХ КОВРОВ В АНАТОЛИИ.....	218
Х. Рудольф (Германия) ТУРКМЕНСКАЯ ОДЕЖДА И СЕРЕБРЯНЫЕ УКРАШЕНИЯ: ФОРМА, ЗНАЧЕНИЕ, ИСТОРИЯ	219
А. Таджев (Ашгабат) ЖЕНСКИЕ ТИАРООБРАЗНЫЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ НА МАРГИАНСКИХ СТАТУЭТКАХ ИЗ МЕРВА	220
М. М. Курбанова (Ашгабат) О ТУРКМЕНСКОМ ПРИКЛАДНОМ ИСКУССТВЕ	221
Г. Г. Агаева (Ашгабат) ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО В ТУРКМЕНСКОМ КИНО ЭПОХИ НЕЗАВИСИМОСТИ И НЕЙТРАЛИТЕТА.....	223

MAZMUNY

I. UMUMY MESELELER

W. M. MASSON (SANKT-PETERBURG) DÜNYÄ SİWİLİZASİYASYNYŇ TARYHYNDA TÜRKMENİSTANYŇ MEDENİ MİRASY	9
S. N. IKONNIKOWA (SANKT-PETERBURG) MEDENİ GIŇİŞLİK HALKLARYŇ ARABAGLANYŞYGYNYŇ ESASY HÖKMÜNDE	12
W. I. Kuzişşin (Moskwa) GADYMY DÜNYÄNIŇ MEDENİ MİRASY WE HÄZIRKİ ZAMAN SİWİLİZASİYASY	15
O. AÝDOGDYÝEW (AŞGABAT) MEDENİ MİRAS WE TÜRKMENİSTANYŇ HÄZIRKİ ŞERTLERİNDE MEDENİYETİ ÖSDÜRMEGIŇ ÝAGDAÝY	16
M. AÝDOGDYÝEW (AŞGABAT) TÜRKMENİSTAN WE TÜRKMENLER HÄZIRKİ ZAMANDA — KÖPASYRLYK MEDENİ MİRASYŇ DÄPLERINIŇ ÖSÜŞI	19

II. MEDENİ DÄPLERİŇ UGURLARY WE MEDENİ MİRASYŇ KÖPGATLAKLYLYGY

K. GURBANSÄHEDOW (AŞGABAT) TÜRKMENİSTANYŇ İRKİ EKERANÇYLYK DÖWRİ — MEDENİ MİRASYŇ BAŞLANGYÇ GATLAGY	21
F. HİBERT (AŞS) TÜRKMENİSTANYŇ ÄNEW OBASYNDA GAZUW-AGTARYŞ İŞLERİNE GIRIŞILENİNDEN BÄRİ GEÇEN ÝÜZ ÝYL.....	22
O. LÖLLEKOWA (AŞGABAT) İRKİ EKERANÇYLYK DÖWRÜNDE ÖNÜMÇİLİKLERİŇ ÖSÜŞI	24
I. S. MASIMOW (AŞGABAT) GADYMY MURGAP SİWİLİZASİYASYNYŇ ÇEŞMELERİ.....	25
T. ŞİRİNOW (ÖZBEGİSTAN) B. E. OZALKY II MÜŇÝYLLYKDA BAKTRİYANYŇ WE MARGIÝANANYŇ TURAN SİWİLİZASİYASY	27
R. AHMED (PÄKİSTAN) TÜRKMENİSTAN-ORTA AZIÝA SİWİLİZASİYASYNYŇ WE MEDENİ MİRASYNYŇ OJAGY.....	28
M. AÝLAND III (AŞS) MADDY MEDENİYET WE ÇARWADARLARÝŇ ÝAŞAÝYŞ ÖZBOLUŞLYKLARY: GEÇMIŞ WE HÄZIRKİ ZAMAN.....	29
W. P. NIKONOROW (SANKT-PETERBURG) PARFIÝA DÖWLETİNİŇ MEDENİ MİRASYNDA ÇARWADARLYK GATLAGY	31
M. OLİBRYHT (POLŞA) PARFIÝANYŇ SYÝASATY WE PATYŞA WAGYZÇYLYGY: ARŞAKİD DÖWLETİNDE ÇARWADARLYK WE EÝRAN DÄPLERİNE GARŞY ELLİN TAGLYMATLARY	35
M. B. DURDYÝEW (AŞGABAT) PARFIÝA DÖWRÜNİŇ MEDENİ MİRASY BARADA (köne Mürçe obasyndan tapylan «puhor» ojagy)	38
S. G. KLÝAŞTORNYÝ (SANKT-PETERBURG) MERKEZİ AZIÝANYŇ OGUZLARY WE ARALYŇ ÝAKASYNDAKY GUZLAR (türkmen halkynyň gelyp çykyşynyň merkezý azýýa ugry)	40

J. HERRMANN (BEÝİK BRITANIÝA)	
HALKARA MERW TASLAMASY: 1992—2000-NIJ ÝYLLARDA TÜRKMEN-BRITAN ARHEOLOGIÝA HYZMATDAŞLYGY.....	42
W. A. ZAWÝALOW (SANKT-PETERBURG)	
GÄWÜR GALANYŇ GORANYŞ DESGALARY (IMP halkara Merw taslamasynyň çäginde edilen işleriň netijesi boýunça)	45
P. BRÝUN (BEÝİK BRITANIÝA)	
SOLTAN GALANYŇ ORTA ASYR HARBY BERKİTMELERİ: TÜRKMENİSTANYŇ AJAÝYP MEDENİ MİRASYDYR	48
A. BERDİÝEW (AŞGABAT)	
TÜRKMENİSTANYŇ GIÇKI ORTA ASYR DÖWRÜNIŇ MADDY MEDENİÝETİ	53
M. SARAÝ (TÜRKIÝE)	
TÜRKMENİ TÜRKMEN EDÝÄN NÄME?	55
O. B. MUHAMMETBERDİÝEW (AŞGABAT)	
TÜRKMEN HALKYNYNŇ MILLI MENTALITETINIŇ KÄBİR AÝRATYNLYKLARY.....	57
Ý. ORAZGYLYJOW (AŞGABAT)	
GARAŞSYZ TÜRKMENİSTAN WE MİLLİ MEDENİ DÄPLERİN TÄZEDEN DİKELDİLMEGİ	58
B. ELBAUM (AŞGABAT)	
GARAŞSYZ TÜRKMENİSTANDA DÖWLETİ DOLANDYRMAGYŇ MEDENİÝETİ: ATA-BABALARYŇ TEJRİBESİNİ ULANMAK WE ÖSDÜRMEK.....	59
Ý. A. KEPBANOW (AŞGABAT)	
SAPARMYRAT TÜRKMENBAŞYNYŇ HEMIŞELIK BITARAPLYK BARADAKY TAGLYMATY.....	61
B. S. ATAÝEW (AŞGABAT)	
SOWETLERDEN SOŇKY EÝÝAMDA TÜRKMEN BİTARAPLYGY: MUŇA TARYH NUKDAÝ NAZARYNDAN GARAÝYŞ	63
III. MEDENİ MİRASY WE HÄZIRKI ZAMAN SİWİLİZASIÝALARY	
I. I. MOWÇAN, Ý. I. SWEK (UKRAİNAN)	
UKRAİNANYŇ MEDENİ MİRASYNDAN ARHEOLOGIÝA ÝADYGÄRLİKLERİ	66
G. ISMAİLZADE (AZERBEÝJAN)	
AZERBEÝJANYŇ MEDENİ MİRASYNYŇ İRKİ EKERANÇYLYK GATLAGY	68
A. Ý. SİMONÝAN (ERMENİSTAN)	
ERMENİSTANYŇ ARHEOLOGIÝA ÝADYGÄRLİKLERİ WE MEDENİ MİRASY (B. e. ö. XI—IX müňiyllyk)	69
O. LORDKIPANIDZE (GÜRJÜSTAN)	
GADYMY KOLHIDANYŇ MEDENI MIRASY	73
O. M. JAPARIDZE (GÜRJÜSTAN)	
GÜRJÜSTANYŇ GADYMY MEDENI MIRASY BARADA	73
B. A. KARYMŞAKOWA (GYRGYZYSTAN)	
GYRGYZYSTANYŇ TARYHY-MEDENİ MİRASY WE ONY AÝAP SAKLAMAGYŇ WE PEÝDALANMAGYŇ MESELELERİ.....	75
K. M. BAÝPAKOW (GAZAGYSTAN)	
GAZAGYSTANYŇ ARHEOLOGIÝA ÝADYGÄRLİKLERİ WE MEDENİ MİRASY ÖWRENMEK.....	76
W. A. DERGAÇEW (MOLDOWA)	
MOLDOWANYŇ MEDENİ MİRASY	79
K. NURBADOW (AŞGABAT)	
DÜNYÄ TÜRKMENLERINIŇ FOLKLOR MIRASY.....	81

Ý. Ý. BERÝOZKIN, W. W. TÝULENEWA (SANKT-PETERBURG)	
FOLKLÝORDA GEÇMİŞİN GÖRKEZİLİŞİ: İNKLERİN ALTINY BARADAKY ROWAÝATLAR	82
A. RAHMANOW (AŞGABAT)	
HYTAÝ SALYRLARY WE OLARYŇ TARYHYNA BAGYŞLANAN YLMY-BARLAG İŞLERİ BARADA ..	84

IV. PAÝHAS DÄPLERİ, AŇÝYET GURLUŞLARY, DİL MİRASY

Ý. I. KYÇANOW (SANKT-PETERBURG)	
GÜNDOGAR AZIÝANYŇ DİL MİRASY	87
I. M. STEBLİN-KAMENSKİY (SANKT-PETERBURG)	
ORTA AZIÝANYŇ EÝRAN DİLLERİ	88
A. B. ERJİLASUN (TÜRKiYE)	
OGUZ-TÜRKMEN DİL ÇEŞMELERİ	89
A. A. AMBARSUMÝAN (SANKT-PETERBURG)	
PARFİYA ZOROASTRİZMİNİN HÄSİÝETİ BARADA (kábýr parfýia we pehlewý çeşmelerýnyň maglumatlary boiunça).....	90
Ž. FUSSMAN (FRANSIYA)	
YBADATHANALARDAKY ÝALYN, ÝALYN YBADATHANALARY WE ARIÝLERİN DİNİ DESSURLARYNYŇ TEJRİBESİ	95
I. W. PÝANKOW (BEÝİK NOWGOROD)	
ORTA AZIÝANYŇ GADYMY EKERANÇYLYK İLATYNYŇ YNANÇLARY WE ZOROASTRİZM.....	95
M. M. GYLYJOWA (MOSKWA)	
TÜRKMEN HALKYNYN AHLAK GYMMATLYKLARYNYŇ TOPLUMYNYŇ ZOROASTRİY KÖKLERİ BARADA	97
Ý. N. ÝERŞOWA (AŞGABAT)	
HALKLARYŇ ARASYNDAKY TARYHY ARABAGLANÝŞYKLARY ÖWRENMEĞİN DİL MEDENİÝETİ UGRY (türkmen we rus dýllerynyň mysalynda)	99
W. A. MEŞKERİS (SANKT-PETERBURG)	
KIÇI HEÝKELLERİN ÇEPERÇİLİK KEŞBİ WE GADYMY ORTA AZIÝANYŇ AŇÝYET GURLUŞLARYNY DERŇMEĞİN MESELELERİ	101
AŞGABAT WE ORTA AZIYA ÝEPISKOPY WLADİMİR	
TÜRKMENİSTANYŇ RUHY MİRASY	103
Ý. ATAMYRADOW (AŞGABAT)	
BISMILLÄHIRRAHMÄNİRRAHİM (TÜRKMENLERİN RUHY MİRASY WE YSLAM.)	104
Ý. NEKRASOWA (ÖZBEGİSTAN)	
ORTA AZIYA ŞÄHERLERİNİN MUSULMAN GONAMÇYLYKLARY: DÖREMEĞİ, KEMALA GELMEĞİ WE ÖSMEĞİ	108
S. Ý. AŽİGALİ (GAZAGYSTAN)	
MANGYSTAWYŇ WE ÜSTÝURDUŇ DİNİ-ÝAZUW ÝADYGÄRLİKLERİ	109
N. DİÝARBEKİRLİ (TÜRKiYE)	
TÜRKMEN TİRELERİNİN MAZAR GURLUŞYKLARY — TÜRKMENİSTANYŇ MEDENİ MİRASY	110

V. MEDENİÝETLERİN WE SİWİLİZASIÝALARYŇ ARABAGLANÝŞYGY WE TÄSİRENMELELERİ

S. N. ARTANOWSKİY (SANKT-PETERBURG)	
SİWİLİZASIÝANYŇ TOLKUNLARY: MEŇZETMEDEN YLMY DÜŞÜNJÄ ÇENLİ	111

R. M. MASOW (TÁJIGISTAN)	
TÁJIGISTAN WE TÜRKMENISTAN: GADYMY ARABAGLANÝŞYK WE MEDENİ GATNAŞYKLAR....	113
A. H. HAN (PÁKISTAN)	
SİWİLİZASİYALARYŇ ÖZARA TÄSIRI WE MEDENİ GATNAŞYKLAR TARYHY ÖSÜŞIŇ ŞERTI HÖKMÜNDE.....	115
A. H. DANI (PÁKISTAN)	
BÜRÜNÇ EÝÝAMYŇDA PÁKISTAN-TÜRKMEN MEDENİ GATNAŞYKLARY.....	117
R. ARAZOWA (AZERBEÝJAN)	
AZERBEÝJANYŇ WE TÜRKMENISTANYŇ GADYMY EKERANÇYLYK TOPLUMLARYNY DENEŞDIRME USULYŇDA ÖWRENMEK.....	119
A. GUBAYEW, A. BABAYEW (AŞGABAT)	
TÜRKMENISTANDA DİPLOMATİK GATNAŞYKLARYNYŇ DÖREMEGI WE ÖSMEGI.....	120
N. N. NEGMATOW (TÁJIGISTAN)	
ORTA ASYRLARDA UMUMYEÝRAN-TÁJIK WE UMUMYTÜRK-TÜRKMEN SİWİLİZASİYALARYNYN PEÝDALY ÖZARA TÄSIRLERI.....	122
R. L. HANGLU (HINDISTAN)	
HINDI-TÜRKMEN ARAGATNAŞYKLARY WE RTA ASYRLARDA TÜRKMENISTANYŇ MEDENİ MİRASYNYŇ KÄMİLLEŞMEGI.....	123
E. A. MYRADOWA (AŞGABAT)	
GÜNORTA-GÜNBATAR TÜRKMENISTAN İRKİ DEMİR EÝÝAMYŇDA WE MEDENİ GATNAŞYKLARYN GÖRNÜŞLERI.....	124
H. ÝUSUPOW (AŞGABAT)	
TÜRKMENISTANYŇ GADYMY ÇARWADARLARY, OLARYŇ GOŇŞY HALKLAR, GOŇŞY ÝURLAR BILEN GATNAŞYKLARY WE ÖZARA TÄSIRLERI.....	125
G. PUŞIG (BEÝIK BRITANIYA)	
SASANİDLER EÝÝAMYŇDAKY MERWDE PALÇYKDAN ÝASALAN ÖNÜMLERIŇ ESASYŇDA ÝOLA GOÝULAN MEDENİ GATNAŞYKLAR.....	126
Ý. ATAGARRYEW (AŞGABAT)	
SELJUKLAR EÝÝAMYŇDAKY TÜRKMENISTAN HALKARA MEDENİ GATNAŞYKLARYNYŇ ULGAMYŇDA.....	129
T. HOJANYÁZOW (AŞGABAT)	
ORTA ASYR MERWİNDE SÖWDA GATNAŞYKLARY.....	130
T. M. DOSTIÝEW (AZERBEÝJAN)	
SELJUKLAR DÖWRÜNDE AZERBEÝJANYŇ WE TÜRKMENISTANYŇ MEDENİYETLERINIŇ PARALLELLERI WE ARABAGLANÝŞYGY.....	131
D. KAŞIK (HINDISTAN)	
HINDI-TÜRKMEN GATNAŞYKLARY: TÄZE MÜŇÝYLLYK ÜÇIN ÖSÜŞ MÜMKINÇILIKLERI.....	132
M. HAÝDAR (HINDISTAN)	
GEÇMIŞDÄKI HINDI-TÜRKMEN GATNAŞYKLARYNYŇ ÝALKYMLARY WE GELJEK ÜÇIN ÖSÜŞ MÜMKINÇILIKLERI.....	133
F. TÜRKMEN (TÜRKIÝE)	
«ASLY-KEREM» DESSANYNYŇ TÜRKMEN WE ANADOLY NUSGALARYNYŇ DÜNYÁGARAÝÝŞ NUKDAÝNAZARLARY.....	134
D. LUMINISA (MOLDOWA)	
FOLKLÝOR ARAGATNAŞYKLARY HALKLARYŇ WE MEDENİYETLERIŇ ÝAKYNLAŞMAGYNYŇ ŞERTI HÖKMÜNDE.....	135
L.W. ŞORINA (MOLDOWA)	
BESSARABIYA MEDENİYETLERIŇ ÇATRYGYŇDA.....	137

T. W. ZAÝKOWSKAÝA MEDENI GATNAŞYKLAR — DIL GATNAŞYKLARY	139
---	-----

VI. TARYHY MIRAS, ONY ÖZLEŞDIRMEK WE HÄZIRKI ZAMAN BILIMINDE PEÝDALANMAK

O. F. AKIMUŞKIN (SANKT-PETERBURG) TÜRKMENLERE WE TÜRKMENISTANA DEGIŞLI YLMY TARYHY ÇEŞMELERİN TOPLANYŞYNYŇ TARYHYNDAN.....	140
A. A. KOLESNIKOW (AŞGABAT) TÜRKMENISTANYŇ TARYHY-MEDENI MIRASNY ILKINJI BOLUP ÖWRENEN RUS ALYMLARY .	142
N. RAHYMOW (AŞGABAT) RUS TARYHY ÇEŞMELERINDE TÜRKMENLER BARADA IRKI MAGLUMATLAR	143
M. B. ORAZOW (AŞGABAT) TÜRKMENISTANYŇ ÝOKARY OKUW JAÝLARY WE UNIWERSITET BILIMINİŇ ÖSÜŞ MÜMKINÇILIKLERI.....	144
I. BOSTAN (TÜRKIÝE) TÜRKMENLER WE DEŇIZÇILIK.....	147
S. NAKWI (HINDISTAN) ASLY TÜRKMEN KUTB ŞANYŇ DEKANYŇ DURMUŞ-MEDENI ÖSÜŞINE GOŞANDY	147
R. L. HANGLU (HINDISTAN) TÜRKMEN HÖKÜMDARY MUHAMMET BAÝRAM HAN	149
A. REHMANI (PÁKISTAN) BAÝRAM HAN — MOGOL IMPERIÝASYNY GURUJY	151
A. KALANTARÝAN (ERMENISTAN) TÜRKMEN EMIRI PIR HÜSEÝNİŇ ARTAWANDDAKY KÜMMEDI.....	152
W. GRIGORÝAN (ERMENISTAN) ILKINJI ERMENI TARYHY ÇEŞMELERI XV ASYRDA TÜRKMEN-ERMENI GATNAŞYKLARY BARADA	153
P. ÇOBANÝAN (ERMENISTAN) RUS-HINDI SÖWDA GATNAŞYKLARYNDA TÜRKMENISTANYŇ ORNY WE XVIII ASYRYŇ AHYRYNDA — XIX ASYRYŇ BAŞYNDA ERMENI TÄJIRÇILIGI	154
R. G. NEPEŞOWA (AŞGABAT) SAPARMYRAT TÜRKMENBAŞYNYŇ PEDAGOGIK TAGLYMATY	155
O. MÄMMETNUROW (AŞGABAT) TÜRKMENISTANYŇ MILLI MUZEÝI WE TÜRKMENISTANYŇ MEDENI MIRASY.....	158
W. R. ÖDEKOW (AŞGABAT) ÝOJ-DA TALYPLARY OKATMAKDA ADALGALARYŇ ORNY WE ÄHMIÝETI.....	160
G. F. KOROBKOWA (SANKT-PETERBURG) MÜŇÝYLLYKLARDA TOPLANAN ZÄHMETSÖÝERLIK (gadymy zähmet gurallarynyň kömegi bilen zähmet şertlerini tejribe taýdan ülhüleşdirmek)	161
Ç. ÝAZLYÝEW (AŞGABAT) TÜRKMEN JEMGYÝETINDE ÝAŞUÝLARYŇ ORNY	163
B.-R. LOGAŞOWA (MOSKWA) TÜRKMENLERİN GELIP ÇYKYŞ TARYHYNYŇ MESELELERI.....	164
I. AMANLYÝEW (AŞGABAT) XI—XIII ASYRLARDA TÜRKMENLERİN GÜNBATARA GÖÇ ETMEKLERI WE ONUŇ TARYHY NETIJELERI	166

P. GAÝS (AWSTRÍYA)	
FEODALÇYLYK EÝÝAMYNDAN TRANSHAZAR SEBITİNDE JEMGYÝETÇİLİK WE SYÝASY GURLUŞ: TÜRKMEN TIRELERİNİN ASEFOLOGIÝASYNA KÄBİR BELLİKLER.....	167
D. HALAÇOGLY (TÜRKIÝE)	
TÜRKMEN-OSMAN DÖWLETİNİN TARYHY BOÝUNÇA ÇEŞMELER.....	170
R. GENÇ (TÜRKIÝE)	
GARAHANLYLAR WE TÜRKMENLER.....	171
E. MERGİL (TÜRKIÝE)	
SELJUK TÜRKMEN DÖWLETLERİ (Orta asyrlar)	171
K. Ý. KOPRAMAN (TÜRKIÝE)	
MÜSÜRDÄKI TÜRKMEN DÖWLETLERİ.....	172
A. SARLI (EÝRAN)	
TÜRKMEN ŞAHLARYNYŇ SYRDAŞY	174
N. S. GORELOW (SANKT-PETERBURG)	
ORTA ASYR GÜNBATAR ÝEWROPA ÇEŞMELERİNDE TÜRKMENLER	175
W. P. LEONOW (SANKT-PETERBURG)	
RUSIÝA YLYMLAR AKADEMIIÝASYNYŇ KİTAPHANASYNYŇ HAZYNALARYNDAKY TÜRKMENİSTAN BARADAKY NEŞİRLER	179
G. P. WASILÝEWA (MOSKWA)	
XIX ASYRYŇ AHYRYNDA — XX ASYRYŇ BAŞYNDA TÜRKMENLERDE MAŞGALANYŇ WE MAŞGALA DÄPLERİNİN GADYMY GÖRNÜŞLERİNİN GALYNDYLARY	180
W. I. ANIKIN (MOLDOWA)	
XIX ASYRYŇ AHYRYNDA — XX ASYRYŇ BAŞYNDA BESSARABIÝANYŇ WE TÜRKMENISTANYŇ ARASYNDAKY HOJALYK GATNAŞYKLARYNYŇ ÖSÜŞI BARADAKY MESELE (garakölüçiligiň mysalynda)	182
VII. MEDENI MIRASYŇ KÖPDÜRLILIGI: SUNGAT DÜNYÄSI WE ÇEPER MEDENIÝET	
G. Ý. WASOWA (AŞGABAT)	
HÄZIRKI DÖWÜRDE TÜRKMENISTANDA TEATRLAŞDYRYLAN TOMAŞALARYŇ DÄPLERİ WE HALK AÝDYM-SAZ, TANS TOPARLARY	184
R. H. ISMAILOW (AŞGABAT)	
TÜRKMENISTANDA MILI TEATRYŇ DÖREMEGINİŇ WE AÝAGA GALMAGYNYŇ BAŞLANGYÇ ŞERTLERI BARADA.....	186
W. A. SWOBODOW (SANKT-PETERBURG)	
TÜRKMENISTANYŇ ORTA ASYR SAZ GURALLARY WE OLARY TÄZEDEN DIKELTMEK MESELELERI	186
R. ALLAYAROW (AŞGABAT)	
TÜRKMENİN SAZ MIRASY WE HÄZIRKI ZAMAN TÜRKMENISTANYŇ SAZ ÄLEMI.....	188
D. Ž. ŽUMABEKOWA (GAZAGYSTAN)	
GAZAGYSTANYŇ WE TÜRKMENISTANYŇ MUKAMÇYLARYNYŇ GYJAKÇYLYK SUNGATY: ASYRLARYŇ ÇATRYGYNDA.....	190
S. TURAL (TÜRKIÝE)	
TÜRKMEN DESSANLARY: ÇEŞMELERI WE ÝAÝRAYŞY	192
K. WELIÝEW (AZERBEÝJAN)	
«KITABI DEDEM GORKUT» AZERBEÝJAN WE TÜRKMEN HALKLARYNYŇ GYMMATLY EDEBI ÇEŞMESI HÖKMÜNDE.....	192

I. WELIÝEW (AZERBEÝJAN)	
TÜRKMEN-AZERBEÝJAN ÇEPERÇILIK AŇYNDA TARYHY GELIP ÇYKYŞ MEŇZEŞLIKLERI BARADA.....	193
A. G. ŞAMILOW (AZERBEÝJAN)	
TÜRKMEN ŞAHYRY TILIMHAN.....	193
R. G. MYRADOW (AŞGABAT)	
TÜRKMEN HALK BINAGÄRÇILIGINIŇ DESGALARY WE GIŇIŞLIKLERI.....	195
O. A. HAJYÝEWA (AŞGABAT)	
TÜRKMENISTANYŇ ORTA ASYR BINAÇYLYGYNDA DEKOR WE HALK BINAÇYLYGYNÝŇ DÄPLERI.....	196
M. A. MÄMMEDOW (AŞGABAT)	
TÜRKMENISTANYŇ BINAÇYLYK DÄPLERINIŇ ÇEŞMELERI WE ÖSÜŞI.....	198
N. BÄŞIMOWA (AŞGABAT)	
MILLI MIRASYŇ GATLAKLARY WE TÜRKMENISTANYŇ ÇEPERÇILIK MEDENIÝETINIŇ ÖSÜŞI.....	200
K. KURAYEWA (AŞGABAT)	
GARAŞSYZ TÜRKMENISTANYŇ SUNGATYNDA ŞAHSLAR WE HALKYŇ TARYHY.....	201
Ý. R. SARÝOWA (SANKT-PETERBURG)	
HALYÇYLYK SUNGATY WE TÜRKMENISTANYŇ MEDENI MIRASY.....	202
T. K. DURDYÝEWA (AŞGABAT)	
ÖWRENMEK TÜRKMEN HALYÇYLYGY.....	205
P. HOFMEÝSTER (GERMANIÝA)	
TÜRKMEN NUSGAWY HALYÇYLYGY: GÜNBATARDA ÝYGNAMAGYŇ OTUZ ÝYLY.....	206
J. ALLEN, K. KARIÝER (ABŞ)	
TÜRKMEN NUSGAWY ÇUWALLARYNY ÖWRENMEGIŇ GELJEGI BARADA.....	209
R. PINNER (BEÝIK BRITANIÝA)	
TÜRKMEN EŇSILERI.....	211
M. TIŞER (GERMANIÝA)	
JAÝYŇ GIRELGESINDEN ASYLÝAN TÜRKMEN HALYGYLYK ÖNÜMLERINIŇ WE ORTA ASYR ÝEWROPA BINAGÄRÇILIK GIRELGESINIŇ DEŇEŞDIRME DERŇEWI.....	212
T. KOUL (ABŞ), Ş. ÖZEN (TÜRKIÝE)	
NAGYŞ-TÜRKMEN AÝALLARYNYŇ SUNGATY.....	214
G. ZINKNEHT (GERMANIÝA)	
TÜRKMEN IOLAMLARY — TIRE GELIP ÇYKYŞYNYŇ MESELESI.....	217
N. TÜRKMEN (TÜRKIÝE)	
ANTALIÝADA SALYR HALYLARYNYŇ BOLMAGYNYŇ ŞAÝATLYKLARY.....	218
H. RUDOLF (GERMANIÝA)	
TÜRKMEN GEÝIMLERI WE KÜMÜŞ ŞAÝ-SEPLERI: GÖRNÜŞI, MANYSY, TARYHY.....	219
A. TÄJEW (AŞGABAT)	
MERWDEN TAPYLAN MARGIAN HEÝKELJIKLERINDÄKI AÝALYŇ GAP ŞEKILLI TOPBUSY.....	220
M. M. GURBANOWA (AŞGABAT)	
TÜRKMEN AMALY-HAŞAM SUNGATY BARADA.....	221
G. G. AGAYEWA (AŞGABAT)	
GARAŞSYZLYK WE BITARAPLYK EÝÝAMYNDA TÜRKMEN KINOSYNYŇ DÄPLERI WE TÄZELIKÇILIGI.....	223

CONTENTS

I. GENERAL PROBLEMS

V. M. MASSON (ST.-PETERSBURG) THE CULTURAL INHERITANCE OF TURKMENISTAN IN THE HISTORY OF THE WORLD CIVILISATION.....	9
S. N. IKONNIKOVA (ST.-PETERSBURG) CULTURAL SPACE AS THE BASIS OF INTEGRATION OF PEOPLES.....	12
V. I. KUZISHCHIN (MOSCOW) CULTURAL HERITAGE OF THE ANCIENT WORLD AND THE CONTEMPORARY CIVILISATION.....	15
O. AYDOGDYEV (ASHGABAT) CULTURAL HERITAGE AND PRACTICE OF CULTURAL BUILDING IN MODERN TURKMENISTAN.....	16
M. AYDOGDYEV (ASHGABAT) TURKMENISTAN AND THE TURKMEN IN THE CONTEMPORARY WORLD — DEVELOPMENT OF TRADITIONS OF THE CENTURIES-OLD CULTURAL HERITAGE.....	19

II. THE DEVELOPMENT OF CULTURAL TRADITIONS AND THE LAYERS OF CULTURAL INHERITANCE

K. K. KURBANSAKHATOV (ASHGABAT) THE EARLY AGRICULTURAL EPOCH OF TURKMENISTAN — THE ORIGINAL STRATUM OF THE CULTURAL HERITAGE	21
F. T. HIEBERT (USA) 100 YEARS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH AT ANAU DEPE, TURKMENISTAN	22
O. LOLLEKOVA (ASHGABAT) THE DEVELOPMENT OF CRAFTS IN THE EARLY AGRICULTURAL EPOCH.....	24
I. S. MASIMOV (ASHGABAT) THE ORIGINS OF THE ANCIENT MURGHAB CIVILISATION.....	25
T. SHIRINOV (UZBEKISTAN) THE TURAN CIVILISATION OF BACTRIA AND MARGIANA IN THE 2 ND MIL. BC.....	27
R. AHMAD (PAKISTAN) TURKMENISTAN — A CRADLE OF CIVILIZATION AND CULTURAL LEGACY IN CENTRAL ASIA	28
M. EILAND III (USA) MATERIAL CULTURE AND ORGANIZATION OF NOMADS: PAST AND PRESENT.....	29
V. P. NIKONOROV (ST.-PETERSBURG) A NOMADIC LAYER IN THE CULTURAL HERITAGE OF THE PARTHIAN REALM.....	31
M. J. OLBRYCHT (POLAND) POLICY AND ROYAL PROPAGANDA IN PARTHIA HELLENISTIC CONCEPTS VERSUS NOMADIC AND IRANIAN TRADITION UNDER THE ARSACIDS.....	35
M. B. DURDYEV (ASHGABAT) THE CULTURAL INHERITANCE FROM THE PARTHIAN PERIOD (the altar-fireplace «pukhor» from the settlement of Old Murche)	38
S. G. KLJASHTORNIJ (ST.-PETERSBURG) THE OGUZS OF CENTRAL ASIA AND THE GUZS OF ARAL REGION (the Central Asia component in the ethnogenesis of the Turkmen people).....	40
G. HERRMANN (GREAT BRITAIN) THE INTERNATIONAL MERV PROJECT: A TURKMEN-BRITISH ARCHAEOLOGICAL COLLABORATION 1992— 2000.....	42

V. A. ZAVYALOV (ST.-PETERSBURG)	
FORTIFICATIONS OF GYAUR KALA (results of the works of the International Merv Project)	45
P. BRUN (GREAT BRITAIN)	
THE MEDIEVAL FORTIFICATIONS OF SULTAN KALA: A UNIQUE CULTURAL HERITAGE OF TURKMENISTAN.....	48
A. BERDYEV (ASHGABAT)	
THE MATERIAL CULTURE OF THE LATE MIDDLE AGES IN TURKMENISTAN.....	53
M. SARAY (TURKEY)	
WHAT MAKES A TURKMEN TO BE A TURKMEN?.....	55
O. B. MUKHAMMETBERDIEV (ASHGABAT)	
SOME PECULIARITIES OF THE NATIONAL MENTALITY OF THE TURKMEN PEOPLE.....	57
YA. ORAZKLYCHEV (ASHGABAT)	
THE INDEPENDENT TURKMENISTAN AND THE REVIVAL OF THE NATIONAL CULTURAL TRADITIONS	58
B. ELBAUM (ASHGABAT)	
THE CULTURE OF PUBLIC ADMINISTRATION IN INDEPENDENT TURKMENISTAN: AN ADAPTATION AND DEVELOPMENT OF THE EXPERIENCE OF FOREFATHERS.....	59
Y. A. KEPBANOV (ASHGABAT)	
SAPARMURAT TURKMENBASHI'S CONCEPT OF PERMANENT NEUTRALITY	61
B. S. ATAYEV (ASHGABAT)	
TURKMEN NEUTRALITY DURING THE POST-SOVIET PERIOD: HISTORICAL APPROACH.....	63

III. CULTURAL HERITAGE AND MODERN CIVILISATIONS

I. I. MOVCHAN, E. I. TSVEK (UKRAINE)	
ARCHAEOLOGICAL SITES IN THE CULTURAL HERITAGE OF UKRAINE.....	66
G. ISMAILZADE (AZERBAIJAN)	
THE EARLY AGRICULTURAL STRATUM OF THE CULTURAL HERITAGE OF AZERBAIJAN	68
A. E. SIMONYAN (ARMENIA)	
ARCHAEOLOGICAL SITES AND THE CULTURAL HERITAGE OF ARMENIA (11 th mil. BC — 9 th cen. BC)	69
O. LORDKIPANIDZE (GEORGIA)	
THE CULTURAL HERITAGE OF THE ANCIENT COLCHIS	73
O. M. JAPARIDZE (GEORGIA)	
ABOUT THE EARLIEST CULTURAL HERITAGE OF GEORGIA.....	73
B. A. KARYMSHAKOVA (KYRGYZSTAN)	
THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF KYRGYZSTAN AND PROBLEMS OF ITS PRESERVATION AND UTILISATION	75
K. M. BAYPAKOV (KAZAKHSTAN)	
ARCHAEOLOGICAL SITES AND THE STUDY OF THE CULTURAL HERITAGE OF KAZAKHSTAN.....	76
V. DERGAČEV (MOLDOVA)	
CULTURAL HERITAGE: DIVIDING RETROSPECTIVE OR INTEGRATING PERSPECTIVE?.....	79
K. NURBADOV (ASHGABAT)	
THE LITERARY HERITAGE OF TURKMENS OF THE WORLD	81
YU. E. BEREZKIN, V. V. T'ULENEVA (ST.-PETERSBURG)	
PAST IN CONTEXT OF FOLKLORE: LEGENDS ABOUT THE INCA GOLD	82
A. RAKHMANOV (ASHGABAT)	
SALARS OF CHINA AND CONTRIBUTION TO STUDIES OF THEIR HISTORY	84

IV. INTELLECTUAL TRADITIONS, IDEOLOGICAL SYSTEMS, LINGUISTIC HERITAGE

E. I. KYCHANOV (ST.-PETERSBURG) THE LINGUISTIC INHERITANCE OF EASTERN ASIA	87
I. M. STEBLIN-KAMENSKY (ST.-PETERSBURG) IRANIAN LANGUAGES OF CENTRAL ASIA	88
A. B. ERJILASUN (TURKEY) OGUZ-TURKMEN LINGUAL SOURCES	89
A. AMBARTSUMIAN (ST.-PETERSBURG) ON THE CHARACTER OF THE PARTHIAN ZOROASTRIANISM (upon some Parthian and Pahlavi sources).....	90
G. FUSSMAN (FRANCE) FIRES IN TEMPLES, FIRE-TEMPLES AND ARYAN CULT PRACTICES	95
I. V. PYANKOV (NOVGOROD THE GREAT) BELIEVES OF THE ANCIENT AGRICULTURAL POPULATION OF CENTRAL ASIA AND ZOROASTRIANISM	95
M. M. KLYCHEVA (MOSCOW) THE ZOROASTRIAN ROOTS OF THE SYSTEM OF MORAL VALUES OF THE TURKMEN PEOPLE	97
E. N. ERSHOVA (ASHGABAT) LINGUISTIC AND CULTUROLOGICAL ASPECT OF STUDYING CULTURAL RELATIONS BETWEEN PEOPLES (upon the evidence of Turkmen and Russian languages)	99
V. A. MESHKERIS (ST.-PETERSBURG) ARTISTIC IMAGES IN SMALL PLASTIC AND THE INVESTIGATION PROBLEMS OF IDEOLOGICAL SYSTEMS OF ANCIENT CENTRAL ASIA	101
VLADIMIR, BISHOP OF ASHGABAT AND CENTRAL ASIA THE SPIRITUAL HERITAGE OF TURKMENISTAN	103
YA. ATAMYRADOW (ASHGABAT) SPIRITUAL HERITAGE OF TURKMEN AND ISLAM.....	104
E. NEKRASOVA (UZBEKISTAN) MOSLEM URBAN NECROPOLEIS OF CENTRAL ASIA: THEIR ORIGIN, FORMATION AND EVOLUTION.....	108
S. E. AZHIGALI (KAZAKHSTAN) MEMORIAL AND CULT SITES OF MANKYSTAU AND USTYURT	109
N. DIYARBEKIRLI (TURKEY) MEDIAEVAL DEATH RELATED BUILDINGS AND WORKS OF ART OF THE TURKMEN TRIBES	110

V. RELATIONS AND INTERACTIONS OF CULTURES AND CIVILISATIONS

S. N. ARTANOVSKIY (ST.-PETERSBURG) WAVE OF CIVILISATION: FROM A METAPHOR TO A SCIENTIFIC CONCEPT	111
R. M. MASOV (TAJKISTAN) TAJKISTAN AND TURKMENIA: EARLY CONTACTS AND CULTURAL RELATIONS	113
A. H. KHAN (PAKISTAN) INTERRELATION OF THE CIVILIZATION OF CULTURAL TIES AS A FACTOR OF THE HISTORICAL PROGRESS	115
A. H. DANI (PAKISTAN) PAK-TURKMEN CULTURAL RELATION DURING THE BRONZE AGE	117

R. ARAZOVA (AZERBAIJAN)	
A COMPARATIVE STUDY OF THE EARLIEST AGRICULTURAL COMPLEXES OF AZERBAIJAN AND TURKMENISTAN.....	119
A. GUBAEV, A. BABAEV (ASHGABAT)	
THE ORIGIN AND DEVELOPMENT OF DIPLOMATIC RELATIONS IN TURKMENISTAN.....	120
N. N. NEGMATOV (TAJIKISTAN)	
THE BENEFICIAL INTERACTION OF THE COMMON-IRANIAN-TAJIK AND COMMON-TURKIC-TURKMEN CIVILISATIONS IN THE MIDDLE AGES.....	122
R. L. HANGLOO (INDIA)	
INDO-TURKMENISTAN RELATIONS AND THE FORMATION OF CULTURAL HERITAGE OF TURKMENISTAN IN MIDDLE AGES.....	123
E. A. MURADOVA (ASHGABAT)	
SOUTHWESTERN TURKMENIA DURING THE EARLY IRON AGE AND THE SYSTEM OF CULTURAL RELATIONS.....	125
KH. YUSUPOV (ASHGABAT)	
THE EARLY NOMADS OF TURKMENISTAN AND THEIR RELATIONS AND INTERACTIONS WITH NEIGHBOURING PEOPLES AND COUNTRIES.....	125
G. PUSCHIGG (GREAT BRITAIN)	
THE CULTURAL LINKS OF SASANIAN MERV IN THE LIGHT OF NEW CERAMIC EVIDENCE.....	126
E. ATAGARRYEV (ASHGABAT)	
TURKMENISTAN OF THE SELJUK PERIOD IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL CULTURAL RELATIONS.....	129
T. KHOJANIYAZOV (ASHGABAT)	
TRADE TIES OF MEDIEVAL MERV.....	130
T. M. DOSTIEV (AZERBAIJAN)	
PARALLELS AND RELATIONSHIPS IN THE CULTURE OF AZERBAIJAN AND TURKMENISTAN DURING THE SELJUK PERIOD.....	131
D. KAUSHIK (INDIA)	
INDO-TURKMEN RELATIONS: A PERSPECTIVE FOR THE NEW MILLENNIUM.....	132
M. HAIDAR (INDIA)	
GLIMPSES OF INDO-TURKMENISTAN RELATIONS IN THE PAST AND PROSPECTS FOR FUTURE...	133
F. TURKMEN (TURKEY)	
THE TURKOMAN AND TURKISH VARIATIONS OF THE FOLK STORY «KEREM AND ASLI» AND THE IDEOLOGICAL SYSTEM REFLECTIONS.....	134
D. LUMINICA (MOLDOVA)	
FOLKLORE TIES AS A FACTOR FOR RAPPROCHEMENT OF PEOPLES AND CULTURES.....	135
L. V. SHORINA (MOLDOVA)	
BESSARABIA AT A CROSSROAD OF CULTURES.....	137
T. V. ZAYKOVSKAYA (MOLDOVA)	
THE DIALOGUE OF CULTURES — THE DIALOGUE OF LANGUAGES.....	139
 VI. THE HISTORICAL INHERITANCE, ITS PERCEPTION AND UTILISATION IN THE CONTEMPORARY EDUCATION	
O. F. AKIMUSHKIN (ST.-PETERSBURG)	
THE TURKMEN AND TURKMENIA'S SCIENTIFIC HISTORIOGRAPHY: THE HISTORY OF ITS DEVELOPMENT.....	140
A. A. KOLESNIKOV (ASHGABAT)	
THE FIRST RUSSIAN RESEARCHERS OF THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF TURKMENISTAN.....	142

N. RAKHIMOV (ASHGABAT)	
THE EARLY EVIDENCE ON THE TURKMEN IN RUSSIAN HISTORICAL SOURCES	143
M. B. ORAZOV (ASHGABAT)	
INSTITUTES OF HIGHER EDUCATION AND PROSPECTS OF THE UNIVERSITY EDUCATION IN TURKMENISTAN.....	144
I. BOSTAN (TURKEY)	
THE TURKMEN AND SEA NAVIGATION.....	147
S. NAQVI (INDIA)	
THE SOCIO-CULTURAL CONTRIBUTION OF THE QUTB SHAHIS OF TURKMENISTAN TO DECCAN.....	147
R. L. HANGLoo (INDIA)	
MUHAMMAD BAIRAM BEG «KHAN» TURKOMAN	149
A. REHMANI (PAKISTAN)	
BAIRAM KHAN THE REAL BUILDER OF MUGHAL EMPIRE	151
A. KALANTARYAN (ARMENIA)	
THE MAUSOLEUM OF TURKOMAN EMIR PIR KHUSSEIN IN THE VILLAGE OF ARTAVAND.....	152
V. GRIGORYAN (ARMENIA)	
ARMENIAN SOURCES ON THE TURKMEN-ARMENIAN RELATIONS IN THE 15 TH CENTURY	153
P. CHOBANYAN (ARMENIA)	
THE ROLE OF TURKMENISTAN IN THE RUSSIAN-INDIAN TRADE AND THE ARMENIAN MERCHANTS IN THE LATE 18 TH — EARLY 19 TH CENTURIES.....	154
R. G. NEPEsOWA (ASHGABAT)	
PEDAGOGIC DOCTRINE BY SAPARMURAT TURKMENBASHI	155
O. MAMETNUROV (ASHGABAT)	
THE NATIONAL MUSEUM OF TURKMENISTAN AND THE CULTURAL HERITAGE OF TURKMENISTAN	158
V. R. ODEKOV (ASHGABAT)	
THE ROLE AND SIGNIFICANCE OF TERMINOLOGY IN TEACHING STUDENTS AT INSTITUTES OF HIGHER EDUCATION	160
G. F. KOROBKOVA (ST.-PETERSBURG)	
A DILIGENCE FOSTERED THROUGHOUT MILLENNIA (an experimental simulation of working procedures by means of using ancient tools)	161
CH. YAZLYEV (ASHGABAT)	
THE ROLE OF THE ELDERS IN THE TURKMEN SOCIETY	163
B.-R. LOGASHOVA (MOSCOW)	
THE PROBLEM OF THE ETHNICAL HISTORY OF TURKMEN	164
I. AMANLYEV (ASHGABAT)	
THE MIGRATION OF TURKMEN TO THE WEST IN THE 11 TH —13 TH CENTURIES AND ITS HISTORICAL CONSEQUENCES.....	166
P. G. GEISS (AUSTRIA)	
COMMUNAL AND POLITICAL COMMITMENTS IN PRETSARIST TRANSCASPIA: SOME REMARKS ON ACEPHALOUS TURKMAN TRIBALISM.....	167
YU. KHALACHOGLU (TURKEY)	
SOURCES ON THE HISTORY OF THE TURKMEN-OSMAN STATE	170
R. GENCH (TURKEY)	
THE KARAKHANIDS AND TURKMEN	171
E. MERGIL (TURKEY)	
SELJUK TURKMEN STATE (Middle ages).....	171

K. YA. KOPRAMAN (TURKEY)	
TURKMEN STATES IN EGYPT	172
A. SARLI (IRAN)	
THE COMPANIONINARMS OF TURKMEN SHAHS	174
N. S. GORELOV (ST.-PETERSBURG)	
TURCOMANS IN MEDIEVAL WESTERN EUROPEAN SOURCES	175
V. P. LEONOV (ST.-PETERSBURG)	
THE BOOKS ABOUT TURKMENIA IN THE LIBRARY OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES.....	179
G. P. VASILYEVA (MOSCOW)	
REMAINS OF THE EARLY FORMS OF FAMILY AND FAMILY RITES AT THE TURKMEN IN THE END OF 19 TH — BEGINNING OF THE 20 TH CENTURIES	180
V. I. ANIKIN (MOLDOVA)	
ON THE DEVELOPMENT OF ECONOMICAL LINKS BETWEEN BESSARABIA AND TURKESTAN IN THE LATE 19 TH — EARLY 20 TH CENTURIES (by the example of the astrakhan fur production)	182

VII. DIVERSITY OF CULTURAL HERITAGE: THE WORLD OF ARTS AND ARTISTIC CULTURE

G. VASOVA (ASHGABAT)	
TRADITIONS OF DRAMATIZED PERFORMANCES AND FOLK ENSEMBLES OF THE MODERN TURKMENISTAN.....	184
R. KH. ISMAILOV (ASHGABAT)	
THE PRECONDITIONS OF THE ORIGIN AND FORMATION OF THE NATIONAL THEATRE IN TURKMENISTAN	186
V. A. SVOBODOV (ST.-PETERSBURG)	
MEDIEVAL MUSICAL INSTRUMENTS OF TURKMENISTAN AND THE QUESTIONS OF THEIR RECONSTRUCTION	186
R. ALLAYAROV (ASHGABAT)	
TURKMEN MUSICAL HERITAGE AND MUSICAL ENVIRONMENT OF MODERN TURKMENISTAN	188
D. ZH. ZHUMABEKOVA (KAZAKHSTAN)	
THE VIOLIN-WORKS OF COMPOSERS OF KAZAKHSTAN AND TURKMENISTAN: AT THE JOINT OF CENTURIES.....	190
S. TURAL (TURKEY)	
THE TURKMEN DESTANS: THE ORIGINS AND DISSEMINATION.....	192
K. VELIEV (AZERBAIJAN)	
«KITABY-DEDE KORKUD» AS A VALUABLE SOURCE OF AZERBAIJAN AND TURKMEN PEOPLES	192
I. VELIEV (AZERBAIJAN)	
ON THE HISTORICO-ETHNICAL PARALLELS IN THE TURKMEN-AZERBAIJANIAN ARTISTIC THOUGHT.....	193
A. G. SHAMILOV (AZERBAIJAN)	
TURKMEN POET TILIMKHAN.....	193
R. G. MURADOV (ASHGABAT)	
OBJECTS AND THE SPACE OF THE TURKMEN FOLK ARCHITECTURE.....	195
O. A. KHADZHIEVA (ASHGABAT)	
THE DECOR IN ARCHITECTURE OF TURKMENISTAN AND THE TRADITIONS OF THE FOLK ARCHITECTURE.....	196
M. MAMEDOV (ASHGABAT)	
SOURCES AND EVOLUTION OF ARCHITECTURAL TRADITIONS OF TURKMENISTAN	198

N. BYASHIMOVA (ASHGABAT) STRATA OF THE CULTURAL HERITAGE AND THE DEVELOPMENT OF THE ARTISTIC CULTURE IN TURKMENISTAN	200
K. KURAEVA (ASHGABAT) PERSONALITIES AND THE HISTORY OF THE PEOPLE IN THE ART OF INDEPENDENT TURKMENISTAN	201
E. TSAREVA (ST.-PETERSBURG) ART OF CARPET-MAKING AND TURKOMAN CULTURAL HERITAGE	202
T. K. DURDYEVA (ASHGABAT) THE STUDY OF TURKMEN CARPETWEAVING	205
P. HOFFMEISTER (GERMANY) CLASSICAL TURKMEN CARPETWEAVING. 30 YEARS OF COLLECTING IN THE WEST.	206
J. ALLEN, C. CARRIERE (USA) PERSPECTIVE IN ANCIENT TURKOMAN CHUVALS	209
R. PINNER (GREAT BRITAIN) THE TURKMEN ENSI	211
M. TISCHER (GERMANY) A COMPARISON BETWEEN THE TURKMEN TENT ENTRANCE AND EUROPEAN MEDIEVAL PORTAL ARCHITECTURE	212
T. COLE (USA), S. OZEN (TURKEY) TURKMEN EMBROIDERY — THE WOMAN'S ART	214
H. SIENKNECHT (GERMANY) TURKMEN YOLAMIS — CONTRIBUTION TO THEIR TRIBAL ORIGIN	217
N. TÜRKMEN (TURKEY) TRACES OF THE CENTRAL ASIAN SALUR CARPET TRADITION IN ANATOLIA	218
H. RUDOLPH (GERMANY) TURKMEN CLOTHING AND SILVER JEWELLERY: FORM, MEANING, HISTORY	219
A. TADZHEV (ASHGABAT) WOMEN'S TARO-SHAPED HEAD-DRESSES ON MARGIANA FIGURINES FROM MERV	220
M. M. KURBANOVA (ASHGABAT) THE TURKMEN APPLIED ART	221
G. G. AGAEVA (ASHGABAT) TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE TURKMEN CINEMATOGRAPHY IN THE AGE OF INDEPENDENCE AND NEUTRALITY	223

Президентская программа Рухнамэ

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ТУРКМЕНИСТАНА
(глубинные истоки и современные перспективы)

Редакционная коллегия: *Б. С. Атаев, Л. В. Кирчо*
Redaksion topar: *B. S. Ataýew, L. B. Kirço*
Editorial Board: *B. S. Ataev, L. B. Kircho*

Лицензия ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

О.О.О. «Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, д. 3